

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН
Научно-координационный совет
по философским проблемам социальной теории
Рязанский государственный радиотехнический университет

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

**Научный альманах. Том VIII.
Вып. 1-2. 2015-2016**

**ЧЕЛОВЕК В МИРЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ:
ОБРАЗЫ БУДУЩЕГО**

Под редакцией Ю.М. Резника

Москва 2016

Восьмой том научного альманаха «Вопросы социальной теории» рекомендован к печати Научно-координационным советом по философским проблемам социальной теории (Институт философии РАН).

Редакционный совет: В.С. Степин (Москва, ИФ РАН) – *председатель совета*, В.Л. Абушенко (Минск, ИС НАБ), Е.М. Бабосов (Минск, ИС НАБ), А.Б. Гофман (Москва, НИУ-ВШЭ), П.К. Гречко (Москва, РУДН), А.А. Гусейнов (Москва, ИФ РАН), П.С. Гуревич (Москва, ИФ РАН), В.С. Гуров (Рязань, РГРТУ), А.Л. Журавлев (Москва, ИП РАН), А.А. Кара-Мурза (Москва, ИФ РАН), Н.И. Лапин (Москва, ИФ РАН), Н.А. Лукьянова (Томск, НИУ-ТПУ), В.М. Межуев (Москва, ИФ РАН), С.С. Неретина (Москва, ИФ РАН), А.Л. Никифоров (Москва, ИФ РАН), А.А. Пелипенко (Москва, МПСУ), К.С. Пигров (Санкт-Петербург, СПбГУ), Д.И. Польшанский (Иваново, ИвГУ), В.И. Разумов (Омск, ОмГУ), З.М. Саралиева (Нижний Новгород, ННИУ), В. Сломский (Варшава), В.Г. Федотова (Москва, ИФ РАН), В.Н. Шевченко (Москва, ИФ РАН), В.В. Щербина (Москва, ИС РАН), В.Н. Щербина (Киев, ИСИ), Б.Г. Юдин (Москва, ИФ РАН).

Редакционная коллегия: Ю.М. Резник (Москва, ИФ РАН), В.Г. Николаев (Москва, НИУ ВШЭ), Н.А. Степанов (Рязань, РГРТУ).

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ: НАУЧНЫЙ АЛЬМАНАХ. Том VIII. Вып. 1-2. 2015-2016. ЧЕЛОВЕК В МИРЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ: ОБРАЗЫ БУДУЩЕГО / Институт философии РАН, Научно-координационный совет по философским проблемам социальной теории; Под редакцией Ю.М. Резника. – М.: Издательство Независимого института гражданского общества, 2016. – 288 с.

Альманах представляет собой научно-теоретическое приложение к журналу «Личность. Культура. Общество». Он является также изданием Научно-координационного совета по философским проблемам социальной теории, созданном при Институте философии РАН. В нём публикуются статьи известных отечественных и зарубежных авторов, специально подготовленные для альманаха.

Данный том альманаха содержит материалы X Междисциплинарного научного симпозиума «Социальная теория и проблемы гуманитарного образования на постсоветском пространстве» (Рязань, апрель 2016 г.). Он посвящен проблемам гуманизации мира, в котором человек открывает новые возможности своего существования.

Альманах предназначен для научных сотрудников, преподавателей, аспирантов и студентов социально-гуманитарных факультетов вузов, а также для специалистов, интересующихся методологическими проблемами проектирования.

Содержание	3
ГУРОВ В.С. (Рязань) К юбилейному симпозиуму	5
РЕЗНИК Ю.М. (Москва) Человек в мире возможностей: проектный подход (вместо введения)	9

Раздел I. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

ЧЕЛОВЕК И БЫТИЕ ВОЗМОЖНОГО

ГРЕЧКО П.К. (Москва) Человек. К вопросу о проектировании себя	25
ПЕЛИПЕНКО А.А. (Москва) К проблеме конструирования пространственно-временного континуума в мифе	35
ПЕРЕПЕЛКИН Л.С. (Москва) Антропный принцип и формирование человекообразного будущего	51
РЕЗНИК Ю.М. (Москва) Возможное бытие человека: от анализа к проекту ...	63
СОЦИУМ КАК ПРОСТРАНСТВО ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА	
ГЛУХОВА О.Ю. (Чебоксары) «Четвертое измерение» социальной системы: к вопросу о человекообразности глобального сообщества	89
МИХАЙЛОВ И.Ф. (Москва) Выбор человека как социальный проект: «сетевой» взгляд на проблему	107
ОРЕХОВ А.М. (Москва) Справедливость: нормативная теория и проекты реализации	119
ПОПКОВ В.В. (Екатеринбург) Конструктивизм и множественность экономических теорий	129
РЕЗНИК Т.Е. (Москва) К вопросу о проектировании национально ориентированной системы профессионального образования. Социогуманитарный подход	152
ЩЕРБИНА В.В. (Москва) Популяционно-селекционная модель развития организации	182

Раздел II. НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

ОНТОЛОГИЯ И ПРОЕКТИРОВАНИЕ

АЛЕХНОВИЧ А.С. (Москва) Экзистенциальное сознание человека как проблема философского анализа и проектирования	206
БЕКАРЕВ А.М. (Нижний Новгород) К онтологии обладания	216
ГЛУХОВА О.Ю. (Чебоксары) Платон, Аристотель и человек XXI столетия: к истокам категориального проектирования	222
ЛУГОВЫХ И.В. (Москва) Проблема смысла человеческого существования: антропоонтоцентрический подход	228
СКОРКИН О.А. (Москва) Онтология в проектировании систем информационных технологий в образовании	236

ПРОЕКТИРОВАНИЕ В СФЕРЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

КЛИНКОВСКАЯ Ю.Я. (<i>Рязань</i>) Гражданское общество как фактор демократизации государства	242
ЛИСИНА Е.А. (<i>Рязань</i>) Участие семьи и церкви в становлении гражданской компетентности россиян	250
СТЕПАНОВ Н.А. (<i>Рязань</i>) Проектирование системы ценностных ориентаций и стратегий школьников как направление профессиональной деятельности социального педагога	258
ФАТИНА Д.Д. (<i>Рязань</i>) Роль СМИ в формировании современного гражданского общества	267

Раздел III. ПЕРЕВОДЫ

ГАРФИНКЕЛЬ Г. Условия успешных церемоний принижения (<i>пер. В.Г. Николаева</i>)	273
Contents	283

В.С. ГУРОВ

К ЮБИЛЕЙНОМУ СИМПОЗИУМУ

Междисциплинарный научный симпозиум «Социальная теория и проблемы образования и проблемы гуманитарного образования на постсоветском пространстве» проходит на базе РГРТУ уже в десятый раз. Это – результат большой работы коллектива ученых, представляющих наш университет, другие вузы страны, а также дружественный нам Институт философии РАН.

Несколько слов о нашем университете. Рязанский государственный радиотехнический университет основан Постановлением Совета Министров СССР № 5389-2346 от 28 декабря 1951 г. В этом году ему исполняется 65 лет.

Университет является центром подготовки конкурентоспособных специалистов в области радиотехники, радиоэлектроники, автоматике, информационно-телекоммуникационных технологий и информационной безопасности, экономики, менеджмента, государственного и муниципального управлению, социальной работы.

Со времени основания университет выпустил более 60 тысяч специалистов в области радиотехники. Подготовку специалистов ведут 32 кафедры с высококвалифицированным профессорско-преподавательским составом. Из 545 преподавателей, среди которых академики, заслуженные деятели науки и техники, Лауреаты Государственных премий, более 70 докторов наук, профессоров, 334 кандидата наук. Организованы более 14 филиалов кафедр на предприятиях г. Рязани (с 1983 г.), базовые кафедры лазерной техники и технологии Университета на ОАО «Радиозавод» (г. Рязань), в НИИ газоразрядных приборов «Плазма». В университете имеется аспирантура по 24 специальностям и докторантура, работают 4 докторских совета по защите диссертаций по 14 специальностям. За годы существования РГРТУ сотрудниками ВУЗа, выпускниками аспирантуры и докторантуры защищено свыше 500 кандидатских и 88 докторских диссертаций. С 1998 г. Начал регулярно выходить «Вестник РГРТУ», кото-

рый входит в перечень журналов ВАК. Университет является соиздателем международного журнала социальных и гуманитарных наук «Личность. Культура. Общество» и журнала «Цифровая обработка сигналов».

Университет располагает современной учебно-научной базой, имеет развитую компьютерную и коммуникационную инфраструктуру, единую корпоративную сеть, систему защиты информации, дистанционное, обучение и удаленный доступ к библиотечным фондам.

К научной работе широко привлекаются преподаватели, аспиранты и студенты, а также ученые других научных учреждений. Сотрудникам Университета создано около 2000 изобретений, издано свыше 500 монографий. Объем научных исследований, выполняемых в настоящее время на бюджетной и хозяйственной основе, в том числе по общефедеральным грантам и научно-техническим программам для Министерства обороны РФ, Российского космического агентства, академических институтов, предприятий региона составляет около 250 млн. рублей в год. При поддержке Минобрнауки РФ реализуется Программа развития инновационной инфраструктуры РГРТУ, направленная на создание условий для дальнейшего развития приоритетных научных направлений университета и эффективной коммерциализации результатов, проведенных в рамках проводимых исследований. Кроме того, в вузе создан комплекс вспомогательных структурных подразделений, осуществляющих поддержку деятельности малых инновационных предприятий, созданных при университете, на различных этапах цикла воспроизводства (разработка, изготовление и продажа) инновационного продукта. Эффективно работает бизнес-инкубатор.

РГРТУ вошел в число 55 вузов, получивших государственную поддержку на реализацию своих программ стратегического развития. Это открывает широкие перспективы для дальнейшего развития Университета по основным направлениям деятельности: образовательному, научному и инновационному. Получение государственной поддержки позволит реализовать комплекс мероприятий в рамках системы стратегического управления, ориентированный на потребности рынка труда, задачи социально-экономического развития Рязанской области и перспективные направления науки и техники. Это с одной стороны способствует усилению конкурентоспособности вуза на российском и международном уровне, а с другой – позволит повысить инвестиционную привлекательность региона в целом.

РГРТУ является одним из немногих вузов, имеющих лицензию на разработку вооружений и военной техники. Им установлены тесные научные связи с такими рязанскими предприятиями, как Приборный за-

вод, ППО «Гранит», Завод металлокерамических изделий, Радиозавод, завод «Красное знамя», «Плазма» и др., а также целым рядом предприятий Московской и других областей.

Вот уже 60 лет РРТИ-РГРТА-РГРТУ был и остается единственным полнокровным вузом региона, работающим на промышленность, сферы телекоммуникации и информатизации. Он сыграл исключительно важную роль в развитии радиоэлектроники в Подмоскowie, центральной части России, других регионах.

Воспитательная работа со студентами заключается в реализации единой с учебным процессом задачи по воспитанию высоконравственной, духовно развитой и физически здоровой личности, способной к высококачественной профессиональной деятельности. В формировании у студентов гражданской позиции, сохранении и приумножении нравственных, культурных и профессиональных ценностей, сохранении и приумножении традиций университета. В создании необходимых условий для самореализации студентов в различных сферах внеаудиторной деятельности: интеллектуальной, творческой, научной, спортивной.

В настоящее время в университете обучаются более 6 тысяч студентов. На пяти факультетах дневного отделения (радиотехники и телекоммуникаций; электроники; автоматики и информационных технологий в управлении; вычислительной техники; инженерно-экономическом, вечернем факультете и в гуманитарном институте) осуществляется подготовка специалистов, бакалавров и магистров по 36 направлениям и специальностям, в том числе по таким востребованным современной промышленностью, как «инфокоммуникационные технологии и системы связи», «электроника и наноэлектроника», «биотехнические системы и технологии», «мехатроника и робототехника», «бизнес-информатика» и других, а также связанных с развитием и защитой человеческого потенциала: «управление персоналом», «социальная работа», «связи с общественностью». В таком сочетании специальностей, взаимопроникновении учебных модулей, в интеграции профессионального опыта преподавателей соответствующих дисциплин, наполнении собственно инженерных специальностей социально-гуманитарным учебным и воспитательным содержанием мы видим залог успеха в подготовке высококвалифицированных, всесторонне образованных и социально зрелых специалистов, граждан, патриотов, просто достойных и нравственных людей.

Это принципиальная позиция университета, своего рода эксклюзивная образовательная парадигма, имеющая историю в несколько десятилетий – фактически в течение всего периода существования вуза гуманитарной и воспитательной составляющей вуза уделялось очень серьезное

внимание с полным пониманием того, что инвестиции в организацию социальной работы (в широком смысле) и воспитание студентов университета – будущих инженеров – не только гражданский долг, но и фактор конкурентоспособности наших выпускников.

Поэтому в нашем университете существует Гуманитарный институт и Центр социальной теории, работает аспирантура по социальной философии. И поэтому так интенсивны наши профессиональные и человеческие контакты с ведущими философскими центрами страны – Институтом философии РАН, Российской академией госслужбы и народного хозяйства, МГУ имени Ломоносова.

У нас сложилась хорошая практика сотрудничества с ведущими научными центрами страны. Большой интерес вызвала летняя философская школа, проведенная Институтом философии и МГУ им. Ломоносова с участием Центра социальной теории РГРТУ. Регулярно на базе университета проходят семинары и встречи студентов с известными российскими учеными.

В этом году мы проводим уже десятый симпозиум по проблемам социальной теории и социально-гуманитарного образования, который имеет серьезный общественный резонанс. Это – заметное событие в научной жизни рязанского края и всей страны.

Хочется пожелать нынешнему юбилейному симпозиуму плодотворной работы, а Междисциплинарному обществу социальной теории (МОСТ) дальнейшего процветания и творческих успехов, а также выразить уверенность в высокоэффективном развитии нашего профессионального сообщества.

Ю.М. РЕЗНИК

ЧЕЛОВЕК В МИРЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ: ПРОЕКТНЫЙ ПОДХОД (ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ)

***Аннотация:** Философия является метапроектной практикой. Она даёт метафизическое обоснование пути человека к самому себе, своей истинной сущности. Философы создают проекты бытия с учётом собственного экзистенциального опыта и предлагают их для публичного обсуждения. С этой целью они реконструируют проектные практики обычных людей, раскрывая их смыслы при помощи методов феноменологии. Последняя обращается к миру феноменов, запечатлевающих бытие в сознании человека. Чтобы выявить в них всеобщее за оболочкой явленности и кажимости, необходимо войти в состояние «чистого присутствия», стать трансцендентальным субъектом и раскрыть возможности бытия человека, показать ему всё многообразие возможных миров, которые открываются каждый раз только ему одному.*

***Abstract:** Philosophy is a metaprojecting practice. It lays metaphysical ground for the path of man to himself, to his true essence. Philosophers create projects of being with reference to their own existential experience and offer them for public discussion. For that aim they reconstruct design practices of ordinary people to reveal their meanings by using the methods of phenomenology. The latter considers the world of phenomena that impress the being into human consciousness. To identify the universal in them behind appearances one must enter into condition of «pure presence», become a transcendental subject and clarify the possibilities of man's existence, to show him the diversity of possible worlds that reveal themselves every time to him alone.*

***Ключевые слова:** познание, философия, феноменология, человек, бытие, возможности, метапроектирование, проект бытия, онтология проектирования.*

***Keywords:** knowledge, philosophy, phenomenology, human, being, possibilities, metadesign, project of being, ontology of designing/projecting.*

Резник Юрий Михайлович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, заведующий кафедрой философии ФСФ ИОН РАН-ХиГС (Москва). E-mail: reznik-um@mail.ru.

К постановке проблемы. В качестве эпиграфа к данному тому альманаха я хочу взять высказывание Ж.-П. Сартра, вынесенное мною в эпиграф. «Главное — не то, что сделали из человека, а то, что он делает из того, что сделали из него»¹. И далее: «То, что сделали из человека, — это суть структуры, значащие ансамбли, которые изучают гуманитарные науки. То, что он делает, — эта сама история, реальное преодоление этих структур в тотализующей практике. Философия существует на стыке. Практика является в своём движении полной тотализацией; но она всегда приводит к частичным тотализациям, которые будут в свою очередь преодолены. Философ — тот, кто пытается помыслить это преодоление»². Преодоление тотальности бытия человека и возвращение его к истокам экзистенции превращает философию в метапроектную практику.

В наше время, когда во всех уголках мира только усиливаются конфликты разного происхождения и увеличивается число кризисных ситуаций, поиски новой модели бытия человека становятся всё более и более актуальными. Помимо теоретического интереса проблема человека вызывает и вполне практический интерес, в т.ч. в сфере управления социальными изменениями. «Человеческий фактор» всё чаще становится основной причиной социально-экономических кризисов и техногенных катастроф. В публичной сфере постоянно ведутся споры о человеке, его развитии как главной составляющей национальной идеи.

В сегодняшней России не прекращаются дебаты на тему, как выйти из ситуации, порожденной украинским кризисом, усугубляющейся экономическими санкциями и политическим давлением западных стран. И большинство участников дискуссии в своих выступлениях обнаруживают признаки осадного сознания и осадной психологии. Они сосредоточены главным образом на обсуждении ответных мер, которые наша страна должна предпринять в связи с нарастающими противоречиями с Западом.

Но вопрос заключается в том, чтобы помочь человеку, живущему в стране. А это — вопрос внутренней политики государства, которое никак не станет на путь инновационного развития. Пока ученые ведут споры, политики и чиновники, стоящие у власти, манипулируют поведением человека, загоняя его в тиски выживания. Ему отведена весьма унижительная роль: никакого созидания, сплошная адаптация и дозированное потребление. Такой вот получается непривлекательный портрет россий-

¹ Цит. по: Тузова Т.М. Ж.-П. Сартр: бытие — это то, на что вы отваживаетесь // Путь в философию. Антология. — М.: Университетская книга, 2001. — С. 179.

² Цит. по: Тузова Т.М. Ж.-П. Сартр: бытие — это то, на что вы отваживаетесь // Путь в философию. Антология. — М.: Университетская книга, 2001. — С. 179.

ского человека, у которого отняли право строить собственную жизнь по своему усмотрению. Его обложили налогами и кредитами, поставив в зависимость от власти крупного капитала и практически лишив политического голоса. Но как это часто бывает в истории: человек порабощён, но не сломлен. Он продолжает ещё на что-то надеяться. И пока жива его надежда, он не перестанет существовать.

Отвлечение общественного внимания внешними факторами лишь отодвигает момент решения внутренних проблем, которые давно стоят на повестке дня. И для философа, придерживающегося гуманистической позиции, вопрос заключается в следующем: как нам переустроить российское общество на его собственных основаниях и с точки зрения живущих в нём людей, чтобы мы для самих себя, а не перед пресловутым мнением Запада, стали более привлекательными, благополучными и счастливыми. Наука может помочь политикам разработать стратегию социально-экономического развития общества и обосновать пути её реализации. Философия же, базирующаяся на принципах феноменологии и экзистенциализма, обязана предложить нечто большее — образ нового человека, которым будет трудно манипулировать. Он уже вдохнул запах свободы и его невозможно сбить с пути самосозидания.

России нужен не только проект будущего состояния общества, а также стратегии его развития, но и проект самого человека, которому в этом обществе предстоит жить и созидать. Поскольку человек мыслится многими участниками дискурса как главное богатство нашей страны, то он и должен послужить отправной точкой проектирования общественного развития.

Цель такого гуманистического проектирования, с моей точки зрения, — построить общество для человека (человекоразмерное общество), а не подогнать образ человека под общество, создаваемое, как показывает опыт реформ последних десятилетий, по меркам западных идеологических стандартов («модернизация», «либерализация», «демократизация» и т.п.). В реальности это приводит к дегуманизации и духовной деградации российского общества. Достаточно привести пример реформирования образования и науки, которое отечественная бюрократия последовательно проводит по западным лекалам, не взирая на радикальное изменение внешнеполитической линии высшего политического руководства страны.

Получается так, что безопасность государства и его внешнеполитические успехи оказываются важнее счастья и благополучия граждан, поддерживающих его своей деятельностью. Пока их жизненные интересы приносятся в жертву имперским амбициям правящего класса, возглавляемого олигархической группой. Между тем именно человеческое развитие является во многих странах фактором национальной безопасности.

Человек: от познания к преобразованию. Несмотря на возрастающую актуальность гуманизации общества, ученым пока не удаётся выработать новые подходы к решению проблемы человека и перспектив его бытия. Этому никак не способствует состояние наук о человеке. Позитивистски ориентированная наука чаще всего рассматривает человека как систему объективаций, имея дело по-прежнему с его отчужденной (и постоянно отчуждаемой) сущностью. Её интересует по преимуществу эмпирическая реальность человека — факты поведения и вербальные представления. Образ человека, получаемый в ходе таких научных исследований, страдает фрагментарностью и далек от целостности.

Гуманитарные исследования также оказываются не в состоянии преодолеть фрагментацию в познании человека и далеки от поиска приемлемой модели. Немногим в поисках такой модели человека, соответствующей духу эпохи, преуспело и нынешнее поколение философов.

Как известно, учения о человеке в философии стары, как мир³. По-видимому, трудно придумать что-нибудь новое о человеческой природе. И всё же такие попытки предпринимаются вновь и вновь. За последние годы вышли и отдельные труды отечественных исследователей, посвященные философским проблемам человека и его бытия (В.С. Барулин, П.С. Гуревич, В.А. Кутырев, Б.Г. Юдин и др.)⁴.

³ См.: *Адлер А.* Понять природу человека. — СПб., 1997; *Бердяев Н.А.* О назначении человека. М.: Республика, 1993; *Камю А.* Проблема человека в западной философии. М., 1988; *Мунье Э.* Манифест персонализма. — М.: Республика, 1999; *Проблемы человека в западной философии.* — М.: Прогресс, 1988; *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. — М.: Прогресс, 1987; *Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир — эпоха Просвещения.* — М.: Политиздат, 1991; *Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. XIX век.* — М.: Республика, 1995; *Это человек. Антология.* — М.: Высшая школа, 1995; *Франк С.Л.* Реальность и человек. — М.: Республика, 1997; *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990; *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. — М.: Республика, 1994; *Юнг К.Г.* Психологические типы. — СПб., 1994 и др.

⁴ См.: *Авдеев В.Б.* Метафизическая антропология. — М.: Белые альвы, 2002. — 256 с.; *Ашкерова А.Ю.* Социальная антропология. — М.: Маркет ДС Корпорэйшн, 2005. — 608 с.; *Барулин В.С.* Основы социально-философской антропологии. — М.: Академкнига, 2002. — 455 с.; *Гуревич П.С.* Философское толкование человека. — М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. — 472 с.; *Гуревич П.С.* Философская интерпретация человека. — СПб.: Петроглиф, 2013. — 428 с.; *Дорофеев Д.Ю.* Под знаком философской антропологии. Спонтанность и суверенность в классической и современной философии. Монография. — СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. — 464 с.; *Кутырев В.А.* Человеческое и иное: борьба миров. — СПб.: Алетейя, 2009. — 264 с.; *Многомерный образ человека: Комплексное междисциплинарное исследование человека / Отв. ред. И.Т. Фролов и Б.Г. Юдин.* — М.: Наука, 2001. — 237 с.; *Многомерный образ человека: на пути к созданию единой науки о человеке / Под общ. ред. Б.Г. Юдина.* — М.: Прогресс-Традиция, 2007. — 368 с.; *Никуфоров*

Возможно, трудности в философских исследованиях человека заключаются не только в сложности создания принципиально новых концепций и моделей человека, но и в недостатке иного прочтения уже имеющихся учений о нём. Автор настоящей статьи рассчитывает на то, что его собственная интерпретация феноменологического подхода к познанию и конструированию человеческой реальности будет ещё одним шагом на этом пути.

Изложу вкратце свою позицию. Философское познание человека – лишь первый шаг в постижении его природы. Суть его заключается в рефлексии того, что «сделали с человеком» тотальные структуры (общество и его институты). Второй и более важный шаг – преодоление тотальности бытия, раскрытие и реализация потенциала человека во всей полноте. И здесь человек может рассматриваться в философии как многоступенчатый проект, наметачущий в общих чертах поле его творческих возможностей.

Так, с одной стороны, философия может предложить метафизический проект человека (далее – метапроект), раскрывающий границы и возможности его бытия в мире как универсуме всего сущего. И здесь важно прояснить то, что из человека делают тотальные структуры и где находится предел этих воздействий. И в качестве этого предела рассматривается экзистенция человека, неприкосновенность и уникальность его индивидуального бытия. При этом проект понимается как необходимое опосредование объективного – «идеального бытия», «отсутствующего Бога» как метафизической невозможности.

Ведь «смысл к структурам приходит от человека, субъективность полагается как сфера, в которой одновременно с возникновением смысла, ценности и посредством их – артикулируется объективное. Всякая система оказывается основанной на индивидуальной практике, создающей и воссоздающей систему и поддерживающей её существование»⁵. Парадокс заключается в том, что человек создает системы, которые впоследствии стремятся подчинить его себе.

А.Л. Структура и смысл жизненного мира человека. – М.: Альфа-М, 2012. – 280 с.; Румянцева Н.Л. Человек развивающийся (Путь к единой культуре): Системно-диалектический подход. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 224 с.; Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. Монография. – М.: Юнити-Дана, 2012. – 543 с.; Тульчинский Г.Л. Постчеловеческая персонология: Новые перспективы свободы и рациональности. – СПб.: Алетейя, 2002. – 677 с.; Философия человека: Сбор. науч. трудов / Науч. ред. П.С. Гуревич, Н.К. Поздняков. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. – 654 с.; Человек институциональный: монография / Под ред. О.В. Иншакова. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. – 854 с.; Человек как субъект культуры / Отв. ред. Э.В. Сайко. – М.: Наука, 2002. – 445 с.; Человек: Философско-энциклопедический словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – М.: Наука, 2000 и др.

⁵ Тузова Т.М. Ж.-П. Сартр: бытие – это то, на что вы отваживаетесь // Путь в философию. Антология. – М.: Университетская книга, 2001. – С. 179.

С другой стороны, проектную философию интересуют возможности самопреобразования человека, реализуемые им в разных сферах его бытия — предметной деятельности, общении, познании (самопроект или самообоснование бытия). В этом случае философ формирует собственный взгляд на то, «что человек делает из того, что сделали из него». Он реконструирует его самопроект, раскрывая тем самым заложенные в нём субъективные возможности.

Именно на выявление и расширение новых возможностей бытия человека в мире и направлено онтологическое проектирование (далее — онтопроектирование), опирающееся в моём понимании на феноменологический подход и идеи экзистенциализма.

Феноменология как подход к пониманию и преобразованию бытия человека. Феноменология помогает увидеть будущее человека и помочь ему создать новые образы его бытия или преобразованию своего сущего.

Суть феноменологического подхода заключается в следующем.

Во-первых, вслед за М. Мамардашвили я утверждаю, что феноменология есть не только раздел или направление современной философии, но и *сопутствующий момент* (аспект) всякой философии, ориентированной на раскрытие смысла бытия сущего⁶. Поэтому феноменология в этом смысле — это подход или особый ракурс рассмотрения человеческой реальности, при котором высвечиваются основные стороны бытия человека и достигается полнота его постижения.

Ведь что значит постигать человека с точки зрения феноменологии? Это значит — реконструировать его жизненный мир таким, каким он видится самим участникам, а не исследователю или внешнему наблюдателю.

Во-вторых, феноменология является частью всего *универсума* философского и научного знания. Меня интересует в первую очередь феноменологическая трактовка философии человека и философской антропологии. Но для полноты картины человеческой реальности я обращаюсь также к познавательным (аналитическим, типологическим и пр.) возможностям социальной антропологии, сконцентрированной на выявлении социокультурных различий в мире людей, которая в свою очередь тесно связана с социальной феноменологией, обращенной к условиям конструирования повседневной жизни этих людей.

Вопрос о феноменологической сути самой философии человека — это вопрос, относящийся к её эпистемологии, в т.ч. к логическому прояснению мыслей или распознаванию смысла понятий, описывающих бытие та-

⁶ См.: Мамардашвили М. Феноменология — сопутствующий момент всякой философии // Путь в философию. Антология. — М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001. — С. 385-404.

кого сущего, как человек. Роль эпистемологии в нашем случае выполняет феноменология. Её цель — выразить смысловую структуру бытия человека и представить её в виде феноменов. Это — первое эпистемологическое основание. Но имеется и второе основание, указывающее на способ схватывания человеческой реальности. При помощи своих понятий и категорий философ выявляет всеобщее, а благодаря личным конструктам и экзистенциалам он помещает его в собственный жизненный мир. Речь идет об установке философа на раскрытие субъективно-всеобщего, являющегося результатом синтеза всеобщего (трансцендентального) и субъективно-сущего (человека как мыслящего существа). Мы смотрим на себя (как индивидуально-сущее) и мир (как всеобщее) субъективно и сквозь призму экзистенции (смысложизненных оснований).

Таким образом, философия человека, рассматриваемая в экзистенциально-феноменологическом ключе, есть знание о смыслах бытия человека, которые открываются ему в феноменах и посредством экзистенции. Поскольку предмет познания — это то, что должно быть определено и выявлено в объекте (человеческом бытии), нечто значимое и существенное в нём («то, что с человеком сделали другие»), то предмет феноменологически ориентированной философии человека характеризует не просто «подход к некоему сущему», а целостное человеческое бытие, схваченное и выраженное в мысли как субъективно-всеобщее.

Феноменология обращается к миру феноменов, запечатлевающих и конструирующих бытие в сознании человека. Она постигает, с моей точки зрения, мир феноменов (жизненный мир) как поле возможностей — субъективных и объективных, актуальных и потенциальных, которые подлечат дальнейшему разворачиванию в проекте бытия.

Что же касается разработки проблемной области социальной и культурной антропологии, то она не является для автора самоцелью, а подчинена анализу человеческих типов и моделей поведения. Для более детального знакомства с темой человека в его взаимосвязи с культурой я отсылаю читателей к нашему коллективному труду⁷. Меня же интересуют в социально-антропологическом плане лишь некоторые сходства и различия, которые обнаруживаются во взаимодействии индивидов как представителей разных общностей и культур.

В-третьих, понимать человека с точки зрения феноменологии можно лишь в состоянии «чистого я», доступного *трансцендентальному субъекту*. Как известно, такой субъект имеет дело у Гуссерля с интенциональ-

⁷ См.: Социокультурная антропология: История, теория и методология. Энциклопедический словарь / Под ред. Ю.М. Резника. — М.: Академический проект; Культура, 2012. — 1000 с.

ными объектами, которые ему даны не изначально, а благодаря феноменологической редукции. Феноменология есть форма личностного знания. «Всякий трансцендентальный субъект представляет собой личность»⁸. И, будучи личностью, философ порождает идеи, созвучные эпохе и строит свой дом бытия для себя и других, предлагая собственное толкование феноменов человеческой реальности.

И, наконец, в-четвертых, феноменология в моём понимании наиболее близко подходит к анализу и построению *проекта бытия человека*. В ней проектирование рассматривается как методология порождения бытия нового сущего или его состояния из недостающих элементов других сущих («материала мира»). Задача феноменолога — раскрыть возможности бытия человека и показать ему всё разнообразие смысловых вариаций, которые он может использовать для построения проекта. Возможность я рассматриваю не только как модальность бытия человека, но и как перспективу его самоосуществления. Феноменолог призван способствовать возрастанию степеней возможного в человеческом бытии, превращая факты в феномены, утверждения — в предположения, а необходимости (закономерности) — в альтернативные возможности⁹.

Итак, феноменологию не следует рассматривать как ключ к извечной тайне человека, загадкам его природы. Она рассматривается лишь как подход, содержащий в себе два аспекта: дескриптивный, обращенный к постижению целостных феноменов человеческого бытия, которые рассматриваются с точки зрения собственного трансцендентального «я» субъекта, и перспективный или проектный, ориентированный на аналитическое построение новых (или обновление прежних) структур бытия человека.

Понятие «проект бытия человека». Проект (от лат. *projectus* — брошенный вперёд, выступающий, выдающийся вперёд) отличается от предвидения большей детализированностью объекта, предполагаемого к построению. Это — обобщенный образ будущего состояния объекта, представленный и символически оформленный в виде описания или обоснования. Он содержит замысел и способы его реализации (методы и средства построения объекта)¹⁰.

Проектирование понимается буквально как процессе создания или разработки проекта. Оно направлено на создание конкретных образов будущего, намечаемого к построению.

⁸ Слинин Я.А. Трансцендентальный субъект: феноменологическое исследование. — СПб.: Наука, 2001. — С. 83.

⁹ См.: Эшттейн М.Н. Философия возможного. — СПб.: Алетейя, 2001. — С. 231.

¹⁰ Более подробно о природе проектирования см.: Генисаретский О.И. Философия проектности: Из истории проектной культуры второй половины XX века. — М.: ЛЕНАНД, 2016. — 400 с.

Под проектированием понимают также «универсальный и самостоятельный в интеллектуальном и социокультурном отношениях тип деятельности, направленной на создание реальных объектов (и эффектов) с заданными функциональными, технико-экономическими, экологическими и потребительскими качествами»¹¹. Оно включает в себя разработку проекта, его научно-техническое, экономическое и социокультурное обоснование, согласование интересов сторон и реализацию его доступными для изготовителя средствами.

По методам проектирования различают системное проектирование, базирующееся на системном подходе (целостность, элементы, функции, функциональные структуры и процессы) и разрабатываемое в 1960-е годы, средовое проектирование, основанное на погружении проектируемого объекта в сложную среду (1970-е гг.), аксиологическое проектирование, связанное с представлением о создании ценностей разного рода – ценностных замыслов (1980-е гг.), и мифопоэтическое проектирование, устремлённое к глубинным архетипическим структурам, воплощаемых в символах и энергемах (1980-е гг.). К ним примыкают техническое, инженерно-психологическое, эргономическое, социальное, экологическое, художественное проектирование¹².

В качестве объекта проектирования чаще всего выступают сложные социотехнические системы (сооружения и ландшафтные комплексы, коммуникации и информационные системы, технические системы и дизайнерские разработки, медицинское оборудование, системы управления, организации и институты и пр.).

Применительно к человеку термин «проектирование» применяется крайне редко. Поэтому важно уточнить границы понятий «проектирование человека» и «проект человека», а также определить их познавательный и практический статус. В широком смысле такой проект содержит комплекс познавательных и практических действий, связанных с преобразованием человека как сложного биосоциального существа.

Для проектирования бытия я ввожу специальный термин – «онтологическое проектирование» (онтопроектирование). Данное проектирование я рассматриваю как особую разновидность конструирования, сущностью которого часто называют вслед за Ф. Шеллингом потенциацию, т.е. «превращение действительного в возможное, восхождение от налич-

¹¹ *Генисаретский О.И.* *Философия проектности: Из истории проектной культуры второй половины XX века.* – М.: ЛЕНАНД, 2016. – С. 11.

¹² См.: *Генисаретский О.И.* *Философия проектности: Из истории проектной культуры второй половины XX века.* – М.: ЛЕНАНД, 2016. – С. 14-15.

ного бытия к иномодалным порядкам универсума»¹³. Цель такого проектирования — создание возможных миров (или сфер бытия) человека, соответствующих его экзистенциальным (смысложизненным) интересам. Здесь проектирование и самопроектирование совпадают по существу: объектом становится собственное бытие человека. Наряду с потенциацией я выделяю также встречный процесс — актуализацию, т.е. превращение возможности в действительность. Поэтому онтопроектирование базируется, как правило, на двух теоретических приёмах — потенцировании и актуализации. Но существует еще один способ — трансформация бытия в соответствии с проектным потенциалом.

В целом онтопроектирование здесь и далее я буду понимать буквально как *созидание или изменение образов бытия человека в соответствии с его представлениями о желаемо-возможном будущем и принятыми им критериями долженствования (исходными принципами)*. В дальнейшем я попытаюсь показать, что проект направляет бытие человека в сторону реализации заложенной в нём и актуализируемой им долженствующей возможности. Еще один ракурс проектирования бытия человека как особого рода сущего и специфической реальности заключается в высвечивании сферы его инобытия («просветление экзистенцией»), т.е. возможностей существования за пределами наличного бытия, в т.ч. культуры и социума.

Что же такое «проект бытия человека»? В философском плане он характеризует, с одной стороны, обоснованное решение человека о собственном будущем, основанное на его способности к предвидению и подкрепленное действиями (онтический уровень), с другой стороны, целостное видение возможного бытия человека, формируемое им самим и реконструируемое исследователями (онтологический уровень). Такой проект можно назвать условно метафизическим (метапроект), поскольку он выходит за пределы опыта одного человека и апеллирует к априорным источникам знания, в т.ч. к знаниям, черпаемым из всего духовного наследия человечества.

Следовательно, на понимание и построение человеком своего проекта накладывают отпечаток фоновые знания, в т.ч. представления философов и других гуманитариев, участвующих прямо или опосредованно в процессе проектирования обобщенного образа его бытия. Но решение о своём собственном будущем человек всегда принимает сам. Поэтому такой проект исключает любые «техники подчинения» или «техники заботы о других». Подчинять себя служению чужой идее, которую ты не раз-

¹³ См.: Энтлейн М.Н. Философия возможного. — СПб.: Алетейя, 2001. — С. 201.

деляешь, бессмысленно, хотя и теоретически возможно, а заботиться о будущем другого без его участия — дело не очень благодарное. И всё же нельзя исключать полностью насильственные техники проектирования, которые активно используются в политических технологиях.

В метафизическом плане онтопроект актуализирует его возможности стать иным, обрести инобытие: исполнить собственное человеческое предназначение в мире (возможность разворачивания бытия истинного сущего) или возвыситься над ним и войти в вечность (возможность абсолютного бытия). И это первая задача, которую человек реализует в своём проекте. Но для этого он должен изменить себя (но не изменить себе) в определенной временной перспективе, причем измениться по сути, а не по форме, сообразуясь с чем-то большим, чем он сам. В этом заключается смысл трансцендирования человека как его сознательного приобщения к сфере непостижимого и запредельного.

Бросить вызов миру, запечатлеть себя в нём, оставить свой неизгладимый след в сердцах других людей — вторая задача, не менее достойная миссии человека. На это направлено экзистирование как личностное самоопределение человека, стремящегося к бытию в свободе. И в решении этих и других задач ему могут и должны помочь, с моей точки зрения, философы, если они хотят внести свой вклад в общее дело переустройства дома бытия всего человечества.

Как правило, философов критикуют за метафизичность, т.е. за их приверженность к рефлексии неизменных начал бытия и склонность к отвлеченным размышлениям. Многим из них отказывают в диалектическом мышлении и обвиняют в других познавательных пороках, якобы чуждых строгой позитивной науке. Но меня не интересует спекуляции на тему о недостатках философии как метафизики. Однако гораздо важнее разобраться в круге вопросов, относящихся условно или по традиции к метафизическим, т.е. обращенным в данном случае к «началу всех начал». И таким началом для себя и мира является, с моей точки зрения, человек с его конкретной судьбой и уникальным жизненным стилем.

В метафизическом смысле все люди равны и стоят (хотя и каждый по-своему) перед экзистенциальным («смысложизненным») выбором. Причем выбор заключается не в решении шекспировской дилеммы «быть или не быть», а в непрерывном поиске и утверждении собственного бытийного предназначения.

В логике проектной философии вопрос формулируется так: *что надо делать, чтобы переродиться и стать иным (более свободным, совершенным, истинно-сущим и пр.), преодолевая по ходу деятельности следы «присутствия» в своём бытии тотальных структур и институтов, ограничиваю-*

щих творческие возможности человека? А для этого философам необходимо представить более полно картину того, что и как делает человек как субъект собственного бытия, открытого миру и в то же самое время существующего для себя. И реконструировать такую картину может, с моей точки зрения, феноменология в тесной связи с экзистенциализмом и другими гуманистическими течениями в современной философии (философия жизни, трансцендентализм, персонализм и пр.).

Свои проекты бытия человека предложили и обосновали многие философы. Но разработчиком одного из первых проектов следует считать И. Канта. Его проект содержит в себе (1) раскрытие возможности человека быть самим собой, без притворства (аутентичность); (2) учёт побочных эффектов (например, состояний аффекта) и побудительных причин его деятельности; (3) расчёт параметров места и времени, в которых осуществляется эта деятельность¹⁴.

Заслуга И. Канта состоит также в определении места и роли проекта человека в системе философского знания. В своём труде «Антропологии с прагматической точки зрения» он писал, что «знание родовых признаков людей как земных существ, одаренных разумом, особенно заслуживает название мироведения...»¹⁵. И далее: «Физиологическое человековедение имеет в виду исследование того, что делает из человека природа, а прагматическое — исследование того, что он, как свободно действующее существо, делает или может и должен делать из себя сам»¹⁶. Философская антропология в понимании Канта должна заниматься тем, что человек должен делать из себя сам как свободное существо. А это и есть суть проектирования: «человек как долженствующая возможность». Без преувеличения могу сказать, что «Антропология» — наиболее проектный труд в его творчестве.

Идея проекта бытия человека внутренне трагична (и уж тем более — идея самопроекта). Это показывает Н.Н. Трубников, утверждая, что человек, как, впрочем, и общество, *никогда* не достигают целей, которую они перед собой ставят¹⁷. В этом состоит глубокий трагизм всякого, жизненного или социального проекта. Кроме того, проект содержит в себе не только идею свободы (эмансипации), но и идею добровольного подчинения себя необходимости, которая коренится в ограниченных средствах. А это предполагает в свою очередь самотиранию и самопринуждение. Человек, занимающийся самопроектированием, должен стать тираном

¹⁴ Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. — СПб.: Наука, 1999. — С. 134.

¹⁵ Кант И. Соч.: В 6 т. Т.6. — М.: Мысль, 1966. — С. 351.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См.: Трубников Н.Н. О категориях «цель», «средство», «результат». — М.: Высшая школа, 1968.

самому себе, чтобы не допустить внешней тирании. И, возможно, это — жалкая судьба? А, может быть, — великий подвиг, совершаемый во имя тех, кто идёт вслед за ним.

Но есть и другой путь — превосхождение (или «превозможение») собственного бытия и выход в сферу свободного творчества, ограниченного конечностью нашей жизни лишь по форме, а не по сути. Пока мы живы, мы будем помнить близких нам по духу людей. И я хочу надеяться, что нас будут помнить другие — те, кто продолжит наше дело. Ведь философия, как писал Н.Ф. Фёдоров, есть общее дело свободных людей. А в таком деле каждому думающему и неравнодушному человеку всегда найдётся место.

К возможностной онтологии проектирования. А теперь уточню содержание понятий, описывающих онтопроектирование, с точки зрения возможностного подхода в философии.

Возможность здесь и далее я буду понимать как нереализованное состояние вещей и явлений или как непроявленную тенденцию бытия сущего. Это — то, что может случиться, произойти, стать, но чего еще нет в реальности («еще не ставшее бытие»). Её можно трактовать также как условие или предпосылку какого-либо явления. В философии встречаются и другие определения возможности: «сумма представлений о вещи, взятых за неопределенное время» (И. Кант), «потенциальная структура бытия» (А.Н. Уатхейд¹⁸) и т.д. Обычно различают формальную, абстрактную и обратимую возможности.

Возможность можно определить также как сущее, которому дано свершиться (сбыться) в определённой перспективе (горизонт возможностей). «"Возможность", таящаяся в расположении бытия, есть то, в силу чего вещь, собственно, только и способна быть. Эта способность есть в собственном смысле "возможное" — то, суть чего покоится в расположении могущего. Своим расположением бытие располагает к мысли. Оно делает её возможной. Бытие как могущее-расположенное есть сама "возможность". Бытие как стихия есть "тихая сила" могущей расположенности, т.е. Возможного... Делать что-то возможным означает здесь: сохранять за ним его сущность, возвращать его своей стихии»¹⁹. В этом состоит суть проектирования: делать возможным бытие человека, которое есть бытие могуще-расположенного сущего. Хайдеггер соединяет в категории «возможность» пространство (расположенное) и время (могущее).

¹⁸ Уайтхед А. Избранные работы по философии: Пер. с англ. И.Т. Касавина. — М.: Прогресс, 1990. — С. 188-189.

¹⁹ Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем. и сост. В.В. Библихина. — М.: Республика, 1993. — С. 194.

Некоторые исследователи полагают, что в настоящее время философия, исчерпав модальности сущего и должного, открывает новую модальность человеческого бытия – возможность²⁰. Но думаю, что это – явное преувеличение. И в случае с проектированием всё оказывается сложнее: сущее, должное, возможное и невозможное сходятся в одной точке («точке сборки»), вокруг которой формируется образ бытия человека. Да и бытие сущего, как такового, нельзя рассматривать лишь как предмет философской рефлексии.

Сущность проекта можно определить, отвечая последовательно на вопросы: «Что?», «Как?» и «Почему?» (или «Зачем?»). Проект бытия человека относится не к сущему человеку как его действительности, а к возможному. Возможное – это «что» проекта, т.е. сфера бытия, подлежащая проектированию. Проект осуществляется при помощи должного, которое следует рассматривать как его «почему». По сути дела, это – *долженствующая возможность сущего*, открытая к исполнению в определенной временной перспективе. Ответ на вопрос «почему?» лежит в плоскости познавательных и практических интересов субъекта проектирования, его ценностных ориентаций. Так должно быть с точки зрения субъекта проектирования. И никак иначе.

Ответ на вопрос «как» скрывается в природе самого бытия. Человеческое бытие имеет проектную природу (от лат. *projectio* – бросание вперед). В этом плане *онтопроект* можно представить как бытие, каким оно может и должно стать для субъекта в намеченной им временной перспективе («бытие-впереди-самого-себя»). А значит, *онтопроектирование* осуществляется путём выявления всех скрытых в нём возможностей и определения потенциала бытийных перемен. «Как» – это значит для проектировщика выбрасывать сущее вперед самого себя, «толкать» бытие в желаемом для субъекта направлении.

Но каким же образом мы отличаем предмет, т.е. проектируемую реальность (возможное бытие) от самой проектной деятельности. Если возможное – это то, что может и должно стать, осуществиться в бытии, то проект есть, по Сартру, «набросок бытия». Проектирование означает делание чего-либо не просто возможным, а определенным (долженствующим) возможным. Онтопроект – это образ того возможного бытия, которое с высокой долей вероятности для субъекта должно быть реализовано в действительности. Следовательно, он относится к сфере возможностного знания и опыта. В онтологии Сартра человек обречён или осуждён быть свободным. Суть же онтопроекта (как проекта бытия) заключается в осуществлении человеком свободного выбора нового качества собственного бытия и соответствующего ему жизненного пути.

²⁰ См.: *Энштейн М.Н.* Философия возможного. – СПб.: Алетейя, 2001. – 334 с.

В контексте онтопроектирования следует различать понятия «возможное» (possible) и «возможностное» (possibilistic). «Возможное — это определение к конкретным событиям, к тому, что может произойти... Можно выделить класс возможных объектов и отличать его от класса существующих объектов... Возможностное — это не возможный объект, а подход к объекту с точки зрения его возможностей... Философия и есть возможностный подход ко всему сущему...»²¹. С моей точки зрения, по отношению к человеку возможное — это его бытие, находящееся в модусе становления, разворачивания, а возможностное — сам проект человека как практическое знание о возможном и инструмент его конструирования.

Я не уверен только, что всю философию следует отождествлять с возможностным подходом в целом, задача которого, по мнению М. Эпштейна, — «умножать возможные миры». На мой взгляд, это относится лишь к проектной философии (и непосредственно — к онтопроектированию), которая соотносится с общетеоретической философией, постигающей существующие миры сквозь призму всеобщего.

Но что касается феноменологии, то к ней статус возможностного знания подходит значительно больше, чем к другим философским направлениям. Ведь она имеет, по Гуссерлю, дело с интерпретацией как-бы-опыта (представимостью, воображимостью и кажимостью феноменов). Это — наука об априорных возможностях трансцендентального субъекта²². Несколько иначе, но близко по сути звучит так: «духовная деятельность по концептуальному моделированию возможных миров»²³ или конструирование «совокупности возможных миров, не ограниченных предикатом существования»²⁴.

Возможностный анализ в феноменологии обращается к основаниям бытийного устройства человеческого Dasein, которое подлежит проектированию. Его критерии, на мой взгляд, таковы: рассмотрение бытия человека как проекта, т.е. открытой возможности, укорененной в его экзистенции и устремленной к трансцендентному; определение предмета проектирования бытия человека как единства модальностей действительного, возможного и должного (проект — «долженствующая возможность бытия сущего»); презентация существования человека как возможно-мыслимого бытия, организованного (или структурированного) вокруг его «Я и др.

²¹ Эпштейн М.Н. Философия возможного. — СПб.: Алетейя, 2001. — С. 71.

²² Гуссерль Э. Картезианские размышления / Пер. с нем. Д.В. Складнева. — СПб.: Наука, 2001. — С. 88.

²³ Можейко М.А. Возможные миры // Всемирная энциклопедия. Философия / Глав. ред. и сост. А.А. Грицанов. — М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2001. — С. 173.

²⁴ Эпштейн М.Н. Философия возможного. — СПб.: Алетейя, 2001. — С. 75.

Целый ряд понятий (кажимость, самость, ктойность, инаковость и пр.) имеет непосредственное отношение к возможностному видению в философии и, соответственно, — к проектированию бытия человека. Так, например, в феноменологическом плане понятие «самость» можно конкретизировать далее в концептах «бытие-в-себе-и-для-себя», «Я-сущее» и его возможностных воплощениях («Я-сущее-возможное-для-себя», «Я-сущее-возможное-для-другого»), «истинная самость» и «ложная самость» (псевдосамость), «индивидуальная самость» и «социальная самость».

Предмет метапроектирования человека (иное как потенциально-должное) скрывается за внешне наблюдаемыми и латентными слоями бытия. В предбытии человека рождается его проектный замысел, который по мере движения к постбытию обретает более зримые и четкие контуры, т.е. становится проектом бытия.

В целом альманах посвящён анализу онтологических оснований построения мира возможностей образа человека, рассматриваемого в рассматриваемом в разных ракурсах. Цель исследований авторов, статьи которых включены в данный том альманаха, — не только расширение наших представлений о возможных мирах человека и путях их формирования, но также создание контуров проекта его бытия в сложном и плюральном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Генисаретский О.И.* Философия проектности: Из истории проектной культуры второй половины XX века. — М.: ЛЕНАНД, 2016. — 400 с.
2. *Гуссерль Э.* Картезианские размышления / Пер. с нем. Д.В. Складнева. — СПб.: Наука, 2001. — 316 с.
3. *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения. — СПб.: Наука, 1999. — 471 с.
4. *Кант И.* Соч.: В 6 т. Т.6. — М.: Мысль, 1966.
5. *Мамардашвили М.* Феноменология — сопутствующий момент всякой философии // Путь в философию. Антология. — М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001. — С. 385-404.
6. *Можейко М.А.* Возможные миры // Всемирная энциклопедия. Философия / Глав. ред. и сост. А.А. Грицанов. — М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2001.
7. *Слинин Я.А.* Трансцендентальный субъект: феноменологическое исследование. — СПб.: Наука, 2001. — 528 с.
8. Социокультурная антропология: История, теория и методология. Энциклопедический словарь / Под ред. Ю.М. Резника. — М.: Академический проект; Культура, 2012. — 1000 с.
9. *Тузова Т.М. Ж.-П. Сартр:* бытие — это то, на что вы отваживаетесь // Путь в философию. Антология. — М.: Университетская книга, 2001. — С. 174-182.
10. *Уайтхед А.* Избранные работы по философии / Пер. с англ. И.Т. Касавина. — М.: Прогресс, 1990. — 718 с.
11. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем. и сост. В.В. Библина. — М.: Республика, 1993. — 447 с.
12. *Энштейн М.Н.* Философия возможного. — СПб.: Алетейя, 2001. — 334 с.

Раздел I. Вопросы теории и методологии

ЧЕЛОВЕК И БЫТИЕ ВОЗМОЖНОГО

П.К. ГРЕЧКО

ЧЕЛОВЕК. К ВОПРОСУ О ПРОЕКТИРОВАНИИ СЕБЯ

***Аннотация:** Работа направлена на выявление оснований, форм и целей проектирования самости человека. Автор исходит из идеи, что для проектирования себя важно открыть самость — эту «живую уникальность», миру. Проектирование самости начинается как ее разотождествление — через многочисленные «Me», взгляд Другого, мышление на пределе и пределами. Посредством проекта и проектирования индивид создает себе своеобразное alter ego, с которым он вступает в диалогическое предметное взаимодействие, утверждая себя в качестве постоянно развивающегося и устремленного в будущее существа.*

***Abstract:** The paper is aimed at identifying the reasons, forms and goals of designing the human self. The author proceeds from the idea that for designing/projecting one's self, it is important to open the self, that "living uniqueness", to the world. Designing the self begins as its disidentification (negating oneness or sameness) — through numerous «Me's», Others' view, thinking on the verge and beyond. Through the project and designing the individual creates for himself a kind of alter ego, with whom he enters into dialogical substantive interaction, asserting oneself as a constantly evolving and forward-looking creature.*

***Ключевые слова:** проект, самость, «Me», Другие, трансгрессия, разотождествление.*

***Keywords:** design/project, self, Me, Others, transgression, disidentification.*

Такая, заглавная, постановка проблемы подсказана мне Плинио Прадо, который возглавляет ныне Департамент философии в университете Париж VIII «Венсенн». Он был лично знаком с Мишелем Фуко и хорошо запомнил чуть ли не последние его слова: «Не забудьте придумать себе жизнь...». Подлинные это слова или нет, не столь важно. Главное, что они симптоматичны и органично вписываются в творчество автора, особенно в его «Заботу о себе».

Тут, впрочем, возникает одно принципиальное сомнение: а проект, проектирование – разве это не из классически-модерного лексикона, справедливо критикуемого в современном, или постмодерном, мире? Такой автор, как Жорж Батай, например, всячески подчеркивает свою «[в]раждебность к идее проекта...»¹. Что ж, автора с его индивидуальным стилем выражения можно понять, хотя в общеисторическом контексте ситуация с проектом может выглядеть и по-другому. Особенно если Постмодерн (и одно из самых репрезентативных его выражений – постмодернизм) рассматривать как грандиозную, поистине эпохальную попытку сохранить Модерн (опять же его теоретическое выражение – модернизм) в условиях, уже ему, Модерну и модернизму, неадекватных, в чем-то даже враждебных. Согласившись с таким рассмотрением, мы вправе утверждать, что устарел не сам по себе проект, устарело, стало неадекватным наше его прежнее понимание. Примечательно, что сам Ж. Батай противопоставляет проекту не «негативный настрой (болезненную вялость), но дух решимости»².

В прежние, домодерные и модерные, времена жизнь, практика легко отсеивала исторически и экзистенциально несостоятельные проекты. Не то сегодня, когда на дворе уже постмодерная эпоха. Практика – и социальная, и индивидуальная – стала настолько развитой и гибкой, что готова принять и воплотить в себе, по сути, любой проект. Отсюда – боязнь реализовать не тот проект, стать заложником, скажем, абсурдно-бюрократического проектирования. Надежного противоядия от сползания в подобное теоретико-практическое проектирование нет и, видимо, не будет. Выручают, да и то частично, такие ресурсы, как рефлексия, критицизм, обостренная (доходящая до индивидуального существования, специфической сущности) аналитичность.

Опять же в прежние времена человек мог рассчитывать на определенные и твердые ориентиры, как-то: знаки неба, самоочевидности природы, «чистый свет» разума, прямые усмотрения интуиции, аксиомы по-

¹ Батай Ж. Внутренний опыт. – СПб.: Аксиома, 1977. – С. 21.

² Там же. – С. 22.

вседневного существования/опыта. А также, и это нужно подчеркнуть особо, — религиозные убеждения-верования. В последнее время их часто называют чувствами, почему-то готовыми в любой момент оскорбиться. В условиях сегодняшней современности (contemporaneity) все эти «определенности» поставлены под вопрос. Религия, и та не избежала «пост»-участи — теперь она просто постсекулярна, т.е. одна из многих и потому ограниченных культурных форм. Хотя религиозно-впечатлительных, подчас наивных и доверчивых людей у религии пока достаточно. Мы учимся, а по отдельным направлениям и привыкаем жить в условиях неопределенности, в хаосмосе, открытом для свободы и творчества. Творчество же проективно по определению. Если верить М. Эпштейну, то на дворе уже давно «проективная эпоха», и нынешняя «информационная вселенная» все более переходит в трансформационную, проективную³.

Проектировать себя, придумывать себе жизнь... Звучит, конечно, заманчиво, но одновременно и спорно, даже тревожно. Есть здесь свои «за» и «против». Начнем с последнего.

Легко сказать — спроектировать, придумать! Ведь многое говорит о том, что не мы проектируем и придумываем, а нас проектируют и придумывают. Что конкретно? Вот время, например. Как поэтически выразился Александр Кушнер: «Времена не выбирают, / В них живут и умирают». Далее. Человечка, голеньким пришедшего в эту жизнь, начинают сразу же «одевать», то бишь социализировать. В результате этого второго, собственно социального, рождения индивид интегрируется (вынужден интегрироваться) в сложившийся общественный порядок (так и хочется добавить: вещей, но нет — людей), становится образом и подобием устоявшихся культурных образцов. Где-то параллельно, если не в общем потоке социализации, идет идентичностная профилизация индивида, т.е. приобщение его к той или иной человеческой общности, ее ценностным ориентациям, традициям, нормам, идеалам, стилю жизни в целом. Тут у индивида уже больше свободы, свободы выбора, но и здесь все структурируется приставочным *при-* (из «приобщения»): дополнение или примыкание (к чему-н.), сближение (с чем-н.).

В революционные, экстравертные или вывернутые наружу, времена у «состояния человека», терзаемого мечтой о «светлом будущем», появляются простые и ясные ориентиры — на тех немногих, которые олицетворяют и представляют... Как у Вл. Маяковского, например: «Юноше, обдумывающему житье, решающему — сделать бы жизнь с кого, скажу не

³ Эпштейн М. Проективная теория в естественных и гуманитарных науках // Знание — сила. — 2012. — № 4. — С. 56.

задумываясь – «Делай ее с товарища Дзержинского». Для себя поэт тоже определился: «Я себя под Лениным чищу, чтобы плыть в революцию дальше». Не будем уточнять, куда приплыл сам поэт и куда приплыли (или все еще плывем?) мы все.

В мирные времена дела тоже могут обстоять по-разному. Жить по правде, не по лжи удастся немногим. А в условиях коррупции и тоталитаризма, как справедливо заметил Рустам Ибрагимбеков, «обстоятельства жизни могут легко содрать с нас тонкую цивилизационную оболочку, превращая в самых страшных существ на земле»⁴. Ассоциативно-образный ряд глагола «содрать» вновь выводит нас на А. Кушнера: «Время – кожа, а не платье. / Глубока его печать. / Словно с пальцев отпечатки, / С нас – его черты и складки, / Приглядевшись, можно взять».

Обратимся теперь к аргументам или доводам «за» в придумывании себя и своей жизни. Человек все-таки рождается свободным. Не обязательно понимать эту мысль в духе Ж.-Ж. Руссо с его учением о *естественном человеке* и жалобой на оковы и цепи социально-исторических условий, цивилизации как таковой, на пороки и ложные потребности *человека общественного*. Прочитируем в данной связи другого великого француза – Жан-Поля Сартра: «Человек обречен быть свободным». Опять же без авторской конкретизации: абсурда свободного выбора, тотальной ответственности и прочих экзистенциалистских вещей. Объяснение здесь много проще: в отличие от животного, которого природа наградила инстинктами и рефлексамии практически на все случаи жизни, человек приходит в этот мир с одной-единственной способностью, или перспективой, – стать, быть человеком; он сам, на свой страх и риск, должен определять, как себя вести в каждом конкретном случае, т. е. выбирать, проявлять свою свободу и нести за нее ответственность. В так любимой Руссо первозданной природе человека нет вообще – только предпосылка, или диспозиция, в виде эволюционно-генетической программы им стать. Человек потому и состоялся как человек, что слез с дерева, вышел с леса, отделился от природы. Впрочем, нет, он все еще выходит и отделяется – с трудом, в мучениях и сомнениях. Человек в этом смысле не естественное, а искусственное (социально искусственное) существо. Он творит историю и через нее, и в ней – самого себя. Не всегда осознанно, а тем более «придуманно» и проективно – помимо целей и желаний есть еще объективная логика и «тенденционная» сцепленность воплощающих их событий. В любом случае ис-

⁴ Ибрагимбеков Р. «В моей стране коррупция и тоталитаризм» // The New Times | Новое время. – № 20 (570). – 15 июня 2015. – С. 47.

тория — это человеческий самострой и, судя по медленным изменениям и неоднозначным результатам, долгострой.

В реальной жизненной ситуации всегда можно найти человека (людей) и его (их) обстоятельства. Обстоятельства, несомненно, давят, но не всегда и с успехом продавливают, прогибают. Возьмем все еще не отпускающее нас советское прошлое. В плане отношения к власти абсолютное большинство населения было тогда преданно-лояльным, со всем и на все согласным, конформистски-лояльным. Да, абсолютное, да, подавляющее, но не абсолютно все. Находились, были ведь и те, кто не соглашался, противостоял, не сдавался, не прогибался «под изменчивый мир», кто становился диссидентом. Значит, не все так плохо, значит, идеологическая индокринация не всеильна и личность не исчерпывается социальными инвестициями в нее. Перефразировав известное выражение Максима Горького, можно сказать: в жизни всегда есть место свободе. Свободе как некоему предельному началу человека, его субъектно-личностной трансценденции. Прав Н.А. Бердяев: «Свобода — бесосновная основа бытия, и она глубже всякого бытия»⁵.

Свобода глубже бытия и выше жизни, хотя в наборе фундаментальных ценностных ориентаций человека именно жизнь (право на жизнь) считается однозначно верховной ценностью. Ее по определению не выбирают, а если и выбирают, то, как правило, с пониманием такой необходимости, в судебной практике, к примеру, — с оправдательным приговором. Самый трудный, пограничный, как говорят философы, выбор здесь — выбор между жизнью и смертью. Он тоже свободный, хотя большинство — и его, конечно же, можно понять — выбирает жизнь. А вот Януш Корчак, вошедший в фашистскую газовую камеру вместе с детьми, сознательно выбрал смерть. Выходит, в принципе (и из принципа) такая возможность есть и соответствующая сила находится.

Описав таким образом координаты «за» и «против» в ситуации проектирования себя, мы подошли к ее проблемному ядру — самому концепту «себя». У М. Фуко, с отсылки к которому и начинается данная работа, «себя» (soi) дается в непривычных для нас сочетаниях: «культура себя», «искусство себя», «практика себя», «опыт себя», «техника себя»⁶. Непривычность идет здесь, видимо, не от того, что русский язык, в отличие от французского, является флективным, т.е. особо чувствительным к окончаниям слов (напрямую зависящим в данном плане от приставок, суффиксов

⁵ Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. — М.: Изд-во «Правда», 1989. — С. 369.

⁶ Фуко М. История сексуальности III. Забота о себе. — Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-бук, 1998. — С. 52, 65, 75, 256 *et al.*

и предлогов). За непривычностью этой, как представляется, скрывается более широкая — не только грамматическая, но и онтологическая — перспектива. Имеется в виду практико-теоретическая и субъект-объектная континуальность как бытия, так и познания. А также, если выражаться более современно, единство текста и контекста. Стоит ввести здесь, скажем, предлог *о* (о себе), как сразу же появится властная вертикаль, и субъект начнет диктовать свою ничем не ограниченную волю. А так он просто один из горизонтально (и демократически) действующих элементов.

Классически, или модерно, настроенный читатель наверняка заметит, что Фуко об этом не пишет, что он говорит о другом. Что ж, пусть так, но я ведь не вычитываю, а читаю, притом в полном соответствии с методологической установкой самого Фуко — следовательно, без автора, в перспективе или горизонте смерти автора. Важна для меня здесь и методологическая идея Жюль Делеза: «корреляция самого верного и точного повторения — максимум различия»⁷. «Себя»-бытие в такой ситуации неотделимо от того, что субъект-индивид создает, делает; «себя» всегда — среди, в окружении этого делания, в его контекстуальной процессуальности. Перед нами неклассическая антропология: практика аутотрансформации субъекта (не практика власти и не практика знания, как это было раньше). Такой подход не позволяет превратить дискурс себя в дискурс власти, он гасит желание субъекта «быть на вершине», иметь привилегированную позицию и ею как угодно распоряжаться. Вместе с тем здесь нет и тождества в смысле растворения субъекта, субъективности в ситуационной амальгаме данного, наличного. Проектирование себя, в нашем понимании, начинается с практики разотождествления, выхода вовне, в сферу социального.

На неприменности разотождествления себя следует остановиться подробнее. Дело в том, что «себя» как самость отдельного человека герметически закрыта — не только для внешнего взгляда, но и для самонаблюдения — его экзистенциальной сингулярностью или «живой уникальностью», как сказал бы Э. Левинас. И потому, прежде чем проектировать (и впоследствии реализовать) человеческую самость, надо сначала выманить ее из убежища в-себе-бытия, сделав тем самым доступной наблюдению и действию, открытой конкретным обстоятельствам времени и места. Доступной и открытой, разумеется, не полностью, не до конца — только относительно, в определенной мере. Перефразируя одну библейскую истину, можно сказать, что самость узнается по делам и в делах ее. Разотождествляя самость, обращаясь к ее жизненным проявлениям или приложениям, мы получаем возможность все-таки выйти и влиять, в т. ч. и проективно, на нее.

⁷ Делез Ж. Различие и повторение. — СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. — С. 12.

Воспользовавшись уже разработанной (У. Джеймсом и, в особенности, Дж. Г. Мидом) терминологией, разотождествление себя можно представить в виде комплекса многочисленных и разных «*те*'s». Немного грамматики, ибо она здесь очень красноречива. Казалось бы, *те* – это косвенный падеж от базового, или именительного, «I»: *меня, мне, мной, обо мне*. Однако в английском языке это объектный падеж, обобщающий или объединяющий в себе и собой все пять (от родительного до предложного) русских. Его использование в английском языке, с точки зрения языка русского, весьма специфично: It is me – правильный перевод «Это я», хотя буквалистски-точный был бы «Это обо мне» – в лучшем случае, а то и косноязычно «Это меня». Разумеется, у нас здесь не грамматика, а философия, но воспользоваться грамматическим воображением в онтологическом смысле мы все-таки можем. «*Ме*» позволяет нам взглянуть на «I»-себя как бы со стороны, как на объект, но выход на эту реальность себя получается все равно косвенным – уникальное и неповторимое Я («I») старается ускользнуть, остаться закрытым и недоступным. Похоже, ему это удастся.

Вернемся, однако, к собственно философии. С помощью разных и многочисленных «*те*'s» индивидуальное (индивидное) Я («I») размыкается на социальную среду, выходя тем самым из своей бытийной самооттождественности или экзистенциальной герметичности. Весьма показательно в этом плане Джеймсово сближение коммуникативно-личного *те* и присваивающе-вещного *tine* (*мне, мой, моя, мое*), позволяющее, в частности, говорить о материальной и социальной самостях⁸. А вот как об этом пишет Дж.Г. Мид: «Установки (attitudes) других, которые человек принимает как воздействующие на его поведение, образуют «*те*»...»⁹. Важно обратить внимание на то, что в реальном жизненном опыте «I» не только «рассыпается» на многочисленные «*те*'s», но и «собирается» как ответная реакция на них: «Они [«I» и «*те*»] разделены в процессе, однако составляют пару в том смысле, что оба являются частями единого целого. Они раздельны и вместе с тем едины (belong together). <...> «I» как порождает «*те*», так и реагирует на него. Взятые вместе, они образуют личность, какой она проявляет себя в социальном опыте»¹⁰. Из сказанного напрашивается вывод, что «*те*'s» делают видимым и онтологически упругим

⁸ James W. The Principles of Psychology. Chapter 10. *The Consciousness of Self* // <https://ebooks.adelaide.edu.au/j/james/william/principles> (дата обращения: 03.09.2015).

⁹ Mead, George Herbert. *MIND, SELF AND SOCIETY from the Standpoint of a Social Behaviorist* (22. The “I” and the “ME”) // <http://livros01.livrosgratis.com.br/bu000001.pdf> (дата обращения: 07.09.2015).

¹⁰ Там же. Дается в переводе В.Г. Николаева. См.: http://library.sociology.kharkov.ua/books/empir_soc1/chapter4.html (дата обращения: 07.09.2015).

предмет конструирования себя. Причем делают они это не в одиночку, а, как будет показано ниже, наряду с другими факторами.

На социальную среду-реальность, на контекст размыкается Я-себя также в коммуникативной ситуации как «опыте дружести»¹¹. Для человека гражданского религиозное «перед лицом Бога» заменяется светским «перед лицом Другого» (обобщенного Другого). Это, если по Э. Левинасу, — «эпифания Другого»¹². Разумеется, коммуникативность, какой бы полной и убедительной она ни было, не может отменить экзистенциальную неповторимость Я — известная недоступность или закрытость остается здесь всегда. И, тем не менее, только коммуникативная атмосфера — искренняя и уважительная — может эту закрытость приоткрыть, пропустить нас дальше, ближе к «живой уникальности» Я. Кроме того, трансцендирующая сила эпифании Другого является конститутивным условием становления родового самосознания человека. «Лишь относясь к человеку Павлу как к себе подобному, — писал в данной связи К. Маркс, — человек Петр начинает относиться к себе как к человеку»¹³.

Выманить самость из ее индивидуально-экзистенциального укрытия можно и еще одним способом — через трансгрессию. «Трансгрессия, — по удачному определению М. Фуко, — это жест, который обращен на предел»¹⁴. Иными словами, трансгрессия является попыткой все же преодолеть непреодолимое, перейти через непроходимое; это, по-другому, опыт мышления у пределов и пределами. В трансцендирующей силе предела-перехода концентрированно выражаются (и тем обнажаются) все усилия, весь путь движения к нему. «[Т]ам, на тончайшем изломе линии, — развивает свою мысль французский философ, — мелькает отблеск ее прохождения, возможно, также вся тотальность ее траектории, даже сам ее исток»¹⁵. И еще на ту же тему: «Это (трансгрессия. — П.Г.) словно зарница в ночи: она из глубины времен придает черное и плотное бытие тому, что отрицает, воспламеняет его изнутри, а из глуби переполняет, но эта же зарница обязана ночи своей живой яркостью, своей потрясающей и расстравленной своеобычностью, она теряется в том пространстве, которое обозначает своей суверенностью...»¹⁶. Непременное условие «предельно-

¹¹ Craig, Robert T. (1999). Communication Theory as a Field // *Communication Theory*. 1999. 9:2. P. 138.

¹² Левинас Э. Гуманизм другого человека // Левинас Э. Избранное: Трудная свобода. — М.: РОССПЭН, 2004. — С. 618.

¹³ Маркс К. Капитал. Т. 1. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. — Т. 23. — М.: Политиздат, 1956. — С. 62.

¹⁴ Фуко М. О трансгрессии // Танатография эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. — СПб.: Мифрил, 1994. — С. 117.

¹⁵ Там же. — С. 118.

¹⁶ Там же.

го» мышления, обретения опыта-предела — мужество «радикально поставить себя под вопрос»¹⁷.

Разотождествление самости есть в действительности ее проявление-выявление. Перед нами, заметим, не «умножение сущностей, не «отражательное» дублирование, не перевод потаенности в некую открытость, напротив, это онтологическое расширение себя-самости, размыкание границ до того, что можно было бы назвать сложностной (complexity) ситуацией, — ситуацией, в которую наряду с предметом-«текстом» входят также контекст, инфраструктура, вообще все релевантные линии, перспективы, связи. Под воздействием проекта — проекта как структурирующего принципа — эта ситуация становится чем-то вроде *alter ego* индивида, с которым он вступает в диалог, теоретический и практический одновременно. Логику данного диалога, по меньшей мере в практической его части, лучше всего раскрывать в терминах опредмечивания и распредемечивания. Терминах, несомненно, процессуальных, т.е. растянутых во времени, и диалектически-реверсивных. Стремление индивида сделать свою жизнь собственным произведением в «один раз» никак не укладывается. Приходится неоднократно начинать и, наталкиваясь на неизбежное несовершенство воплощения, постоянно корректировать.

Подведем итоги. Проектирование себя не требует, как можно было бы думать, анахоресиса, т.е. отшельнического уединения, ухода в монастырь, пумстынь, или в лес, как это было принято на Древнем Востоке. Более того, путь этот тупиковый, он подменяет реальность иллюзиями и утопическими надеждами, а собственно себя-самость — самовнушением, призраками и фантазмами. Он страдает к тому же неискоренимым индивидуализмом или эгоизмом, т.е. заботой исключительно о себе, своим узком мирке. Самость в такой перспективе так и остается *terra incognita*, причем не только для окружающих, но и для субъекта, ее носителя или воплотителя. Проектировать себя нужно в реальной и как можно более полной жизненной ситуации. Где-то даже с акцентом на ситуационное бытие, поскольку в нем реально улавливается, становится предметно зримой — и в плане исходного проявления, и в плане проектно-преобразующего воздействия — наша самость.

Проектируемой таким образом ситуации вовсе не нужно быть субъектно-центричной. На самом деле центр у нее номадический, он пролетает

¹⁷ Бланио М. Опыт-предел // Танатография эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. — СПб.: Мифрил, 1994. — С. 67.

по всем ее составным элементам, подчиняясь только предпочтениям и логике выбора «проектировщика», а также правилам своего сетевого и сложностного устройства. В прескриптивном, или нормативном, плане проектирование себя мотивируется ценностью саморазвития и устремленности в будущее — тем, что можно было бы назвать верностью духу *пост-* (вплоть до *пост-*современности).

Проектирование себя — это не только забота о себе, это еще и рост над собой, т.е. экспериментирование над тем, что Я есть «здесь и сейчас», — чтобы совершить, пусть и с понятным риском, скачок в будущее. В будущее новое, а не то, что придет или сложится стихийно, само собой, по воле обстоятельств жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батай Ж. Внутренний опыт. — СПб.: Аксиома, 1977.
2. Бланио М. Опыт-предел // Танатография эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. — СПб.: Мифрил, 1994.
3. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. — М.: Изд-во «Правда», 1989.
4. Делез Ж. Различие и повторение. — СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998.
5. Ибрагимбеков Р. «В моей стране коррупция и тоталитаризм» // The New Times|Новое время. — № 20 (570). — 15 июня 2015.
6. Левинас Э. Гуманизм другого человека // Левинас Э. Избранное: Трудная свобода. — М.: РОССПЭН, 2004.
7. Маркс К. Капитал. Т. 1. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. — Т. 23. — М.: Политиздат, 1956.
8. Фуко М. История сексуальности III. Забота о себе. — Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-бук, 1998.
9. Фуко М. О трансгрессии // Танатография эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. — СПб.: Мифрил, 1994.
10. Эпштейн М. Проективная теория в естественных и гуманитарных науках // Знание — сила. — 2012. — № 4.
11. Craig R.T. Communication Theory as a Field // *Communication Theory*. — 1999 — Vol. 9. — N 2. — P. 119-161.
12. James W. The Principles of Psychology. Chapter 10. *The Consciousness of Self* // <https://ebooks.adelaide.edu.au/j/james/william/principles> (дата обращения: 03.09.2015).
13. Mead G.H. *Mind, Self and Society, from the Standpoint of a Social Behaviorist* (22. The “I” and the “ME”) // <http://livros01.livrosgratis.com.br/bu000001.pdf> (дата обращения: 07.09.2015).

А.А. ПЕЛИПЕНКО

К ПРОБЛЕМЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОГО КОНТИНУУМА В МИФЕ

***Аннотация:** Статья посвящена проблеме перцептивных и когнитивных механизмов формирования образа пространства и времени в мифологическом, в широком понимании, мышлении. При этом ставится под сомнение привычный сциентистский подход, согласно которому, единственно объективную картину реальности даёт лишь рациональное-научное сознание, в остальных же случаях, говорится лишь о представлениях. Автор приступает к теме анализа границ возможностей человека не только в познании, но и в конструировании пространства и времени.*

***Abstract:** The article deals with the problem of perceptual and cognitive mechanisms of formation of the image of space and time in the mythological, in the broadest sense, mentality. At the same time the author calls into doubt a common scientist approach assuming that objective picture of reality is offered only by rational-scientific consciousness, and that in other instances we have merely representations. The author turns to the analysis of boundaries of human capabilities, not only in knowledge but also in construction of space and time.*

***Ключевые слова:** время, пространство, психосфера, смысл, миф, культура, объективность, ментальность.*

***Keywords:** time, space, psychosphere, meaning, myth, culture, objectivity, mentality.*

Философские спекуляции на тему природы пространства-времени — особая тема, и она здесь рассматриваться не будет. И хотя трансцендентальная редукция экзистенциалистов (Хайдеггер, М. Мерло-Понти) и феноменологов (Гуссерль, А. Шюц, А. Гурвич и др.) как способ прорваться к первичным пространственно-временным структурам представляется не столько объектом для критики, сколько недостижимым, увы, идеалом, с

механистическим сциентизмом, который тшится построить научную (читай: единственно правильную) картину донаучного мира, нам не по пути. Физическая модель пространства-времени столь же условна, сколь любая другая, а пресловутое подтверждение практикой имеет и здесь свои границы частного случая.

Достаточно обратиться к теории калибровочных полей Г. Вейля. Согласно ей, перемещение эталона длины из одной точки пространства в другую вызывает изменение масштаба длины, что парадоксальным образом подтверждает мысль Лейбница о том, что, если бы Бог изменил бы размеры всех предметов, мы бы ничего не заметили. В более общем случае калибровочное изменение происходит не только в отношении длины, но и иных физических величин. С помощью калибровочных Вейлевых пространств можно описывать любые физические поля и взаимодействия, что и делается в современных единых теориях материи.

В гуманитаристике проблема времени и пространства часто сводится к соотношению их, понимаемых как условные культурные модусы, с физической пространственно-временной «субстанцией», которая полагается объективной и существует как бы «на самом деле». Как бы, потому, что каковы «на самом деле» время и пространство что никто знать не может, хотя поиски эпистем «объективного» времени истории всего человечества ведутся постоянно¹.

Под пером гуманитарных авторов культурные время и пространство часто растягиваются, сжимаются, членятся самым причудливым образом. При этом авторы увлекаются так, что говорят об этом как о физических событиях, забывая, что речь идёт о смыслах². И это неслучайно. С погружением в культурный материал у исследователя возникает впечатление того, что разворачивается тот в своём особом пространстве-времени, как бы ничем не обязанном континууму физическому.

«Мифологическому миру присуще специфическое мифологическое понимание пространства: оно представляется не в виде признакового континуума, а как совокупность отдельных объектов, носящих собственные имена. В промежутках между ними пространство как бы прерывается, ...

¹ Так, ещё в конце 1950-х, в поисках в поисках синтеза антропологических наук во главе с историей, Бродель наряду с *longue dure* обнаруживал и субстанциональное время истории всего человечества. Такую «субстанцию» можно было структурировать для нужд наук о человеке. Braudel F. Histoire et sciences sociales. La longue dure // AESC. —1958. — № 4. — P. 725-753.

² Так, при несомненно перспективном в определённых границах, лингво-филологическом подходе, языковая реальность начинает заслонять культурно-смысловую основу и навязывать ей свои собственные законы, и, в конце концов, как бы целиком её собой подменять.

не имея такого, с нашей точки зрения, основополагающего признака как непрерывность. Частным следствием этого является «лоскутный» характер мифологического пространства и то, что перемещение из одного лоскута в другой может протекать вне времени... или же произвольно сжиматься или растягиваться по отношению к течению времени»³

«Для архаического сознания пространство есть нечто предельно противоположное изотропному и гомогенному абсолютному пространству Ньютона, характеризующемуся неизменностью и, так сказать, пустотой, т.е. бесструктурностью»⁴.

Такие наблюдения, которые с лёгкой руки цитированных выше авторов, стали уже набившим оскомину культурологическим клише, всякий раз поднимают один и тот же вопрос. О чём здесь идёт речь: о свойствах пространственно-временного континуума (ПВК) или о природе человеческой субъективности?

Та же лукавая двусмысленность, что и в вопросе о мифе, который для архаика абсолютная реальность (Лосев и др.): вроде как *реальность* — но именно для *архаики*. Вот так... Ощущая эту двусмысленность, авторы прибегают к полуметафорическому языку, из-за чего оказывается невнятным: что же они сами думают о соотношения культурного пространства-времени с физическим? Не имея возможности в рамках сциентистской парадигмы ответить на этот вопрос, научная мысль погружается в исследование самих языковых метафор: всячески их анализировать, сравнивать, классифицировать и т.п.⁵ Слова, метафоры, сигналы, индексы, и т.п. эпистемы раскрывают много важного и интересного, но они не способны даже и поставить вопрос о том, какие паллиативные формы возможны между гомогенным физикалистским ПВК сциентистского мира и ПМК мифа, или иными словами, как, насколько и при каких условиях субъективным мир мифа способен частично *объективироваться*?

С позиций медиационной парадигмы⁶ вышеозначенная двусмысленность в русле культурно-смысловой реконструкции преодолевается через прояснение отношений между двумя пространственно-временными континуумами: физическим и культурно-смысловым на квантовом уровне. Точнее, на уровне, название которому — психосфера. Последняя пред-

³ Лотман Ю.М., Успенский Б.М. Миф — имя — культура // Ученые записки Тартуского университета. Труды по знаковым системам. — Вып. 6. — Тарту, 1973. — С. 288.

⁴ Топоров В.Н. Первобытные представления о мире. В кн.: Очерки истории естественнонаучных знаний в древности. — М., 1982. — С. 15.

⁵ См.: Арутюнова Н.Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время / Ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. — М., 1997. — С. 51-61.

⁶ См.: Пелипенко А.А. Постигание культуры. Ч.1. Культура и смысл. — М.: РОССПЭН, 2012.

ставляет собой своеобразную буферную зону между микро- и макромирами, зону особой субреальности, в которой простирается шкала промежуточных онтологических состояний между условно чистыми квантовыми суперпозициями и плотными физическими телами, и иными наличными феноменами. Само существование этой субреальности опирается, согласно современным квантовым теориям (Д. Бом и др.) на концепцию сворачивания и разворачивания всего сущего во Вселенной в каждую наносекунду (квант времени).

В соответствии с медиационной парадигмой психосферная субреальность устроена следующим образом. Воспринимаемый человеком пространственно-временной континуум — это развёртка, расслоение, экспликация квантовых констелляций. Всякая наличная данность окружается облаком в разной степени локализованных психосферных энграмм-проекций, представляющих собой продукты «расслоения» исходной квантовой констелляции — открытого ряда запутанных (в квантовой терминологии) состояний. Совокупно они образуют сумму/среду особого рода потенциалов, вероятность воплощения которых зависит от факторов физического окружения и характера/контекста медиационного взаимодействия с человеческой психикой/ментальностью.

Для животных время и пространство не разделяются. Они слитны в текучей психической процессуальности. Возможность их разрыва обнаруживается только с появлением задержек, сбоев и разрывов в психическом потоке. Возникновение пространственно-временных диссонансов и обуславливает, с одной стороны, провалы в пространцию и шок отчуждения и, с другой, зазоры в инстинктивном поведении, которые и приводят к частичному выпадению из холономных космо- и биоритмических регулятивов. Так появляется, в свою очередь, возможность сформировать *смысл* как надприродный когнитивный продукт и, соответственно, *культурно-смысловых модусы времени и пространства*. По мере того, как они развертываются, всё более углубляется расчленение (распадение) природного пространственно-временного единства. Это процесс оказался растянутым на всю человеческую историю; шаг за шагом время и пространство всё более понимались как разнородные и, в конечном счёте, ничем друг другу не обязанные.

Иначе говоря, пространственно-временные представления медленно двигались от синкретической слитности к максимально разведённому состоянию. Степень их разведения служит мерилем *комплексной сложности* всякой локальной культурной системы (ЛКС). Когда же у истоков культуры комплексная сложность минимальная, и господствует *сложность синкретическая*, первичной репрезентацией смысла выс-

тупает событие как ситуативное снятие времени и пространства. Последние же не осознаются как таковые, но лишь как атрибуты события. Первыми среди них самостоятельно осмысляются признаки пространственные и затем — временные.

«...В греческом, латинском и германском ареалах культуры понятие «время» тесно связано первоначально с понятием «ограниченное, или обстроенное оградой, пространство (нашего) мира», причем некоторые материальные приметы последнего — «забор», «колонна», «дерево, стоящее в центре» и т. п. — символизируют одновременно как пространство этого мира, так и время событий, протекающих в этом пространстве, собственно — «круг событий»⁷.

Вообще, преобразование животных пространственно-временных перцепций в культурные можно связать с принципом распаковки. Психические матрицы, которые животные считывают из психосферы по каналам инстинкта, включают в себя сразу и начало действия, и его завершение. Проецируясь в область физического действия, матрица в её психическом измерении остаётся симультанной и, подобно готовому трафарету, неразложимой на операциональные компоненты. У высших животных такое разложение, впрочем, намечается, но это отдельный случай. Вообще же, и время, и пространство в животной психике остаются синкретичными и свёрнутыми. Их распаковывание — свойство именно человеческой психики/ментальности. Смыслогенез из матрицы действия выделяет дискретные операциональные элементы, каждый из которых продуцирует собственное поле вариаций. Так мышление-и-действие раннего человека обретает культурно-смысловое пространственно-временное измерение. А человеческое движение, всегда отличное от движения животных, налично снимает (в гегелевском смысле) природный модус времени и пространства.

Здесь природная реальность и сопрягается с культурной. В связи с этим акцентирую тезис, порывающий со всей сциентистской традицией: ментальность не только преобразует психические перцепты в смысловую форму, но и в силу своих скромных возможностей изменяет в ходе обращения к психосфере некоторые параметры той реальности, которую принято считать объективной. Происходит это благодаря способности воздействовать, даже бессознательно концентрируя волю и внимание, на психосферные потенциалы и, ряде случаев, способствовать их воплощению, т.е. вводить их в наличное бытие.

⁷ Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры (опыт исследования). — М., 1997. — С. 122-123.

Пока такого ввода не происходит, психосферные перцепты пребывают вне «окончательных» пространственно-временных координат, как бы вообще-сейчас-и-навсегда. Для мифоритуальной ментальности доля таких перцептов неизмеримо выше, чем у современного «левополушарного» сознания. Можно сказать, что древнее сознание с его «правополушарной интуицией» постоянно принимает поток сигналов, поступающих из разных временных срезов: их перцепты различаются не темпоральной последовательностью, которой не существует, а интенциональной силой и вероятностью воплощения. Впрочем, и сама граница между «окончательным» физическим воплощением и психосферной субреальностью стала осознаваться сравнительно поздно.

«Объективность» со психосферной субреальностью или как, это трактует сциентизм, естественное со сверхъестественным бессознательно смешивали на протяжении едва ли не всей человеческой истории, и закончилось это (навсегда ли?) только с появлением новоевропейского рационализма. В этом смешении коренятся многие особенности как древнего, так и современного массового сознания. Так, именно в нём, а не в пресловутой цикличности причина такого культурного феномена, как *сакральный прецедент* (который М. Элиаде почему-то называет архетипом). Значимые события для такого сознания могут иметь бесконечное количество версий, вариативно реализующихся в разных временных точках и смысловых контекстах⁸. Отсюда привычка осмыслять мир сквозь призму аналогий, усматривая их даже там, где это явно противоречит всякому рациональному опыту и здравому смыслу.

Хорошо известно, что восприятие-переживание пространственно-временного континуума древним сознанием *гетерогенно, дискретно, синкретично, эмоционально* и может быть представлено как сеть отмеченных точек с паутиной соединяющих их тропинок. Примеры такой модели разнообразно представлены в работах антропологов, этнологов, культурологов. Поэтому, важнее не столько их умножать, сколько попытаться продвинуться немного вглубь, задавшись вопросом *почему?*

Почему время и пространство для древнего человека ценностно неоднородны? Прежде всего, потому, что постоянно возникающие партиципационные связи имеют пространственно-временные измерения. При том, что в силу особенностей онтогенеза сознания пространственные представления возникают в нём раньше временных⁹, партиципации к

⁸ О том, как работает психологема сакрального прецедента у современных первобытных народов, см. напр.: *Леви-Брюль Л.* Первобытная мифология... — С. 185.

⁹ При этом давно известно, что именно парная работа полушарий обеспечивает адаптацию к пространственной среде. См. напр.: *Ананьев Б.Г., Рыбалко Е.Ф.* Особенности восприятия пространства у детей. — М., 1964. — С. 46.

месту, территории, любой пространственной ячейке всегда сопровождаются и особой отмеченностью во времени, даже если эта отмеченность прячется в бессознательном, а темпоральность как таковая будто бы вовсе не фиксируется. Любая перцептивная таковость в сознании предстает как *хронотоп*: *здесь, теперь и так*.

Грубо говоря, правое полушарие структурирует по преимуществу пространственный аспект хронотопа, левое — временной, и потому сам хронотоп — результат смыслового синтеза. Лишь в хронотопе осуществляется *партиципация* как вторичное природнение к отчуждённому *иному*. Все обстоятельства хронотопа оцениваются и запечатлеваются в зависимости от особенностей партиципационного или, наоборот, отчуждающего отношения. Поэтому ценностно окрашивается не сами время или пространство как таковые, а связанный с ними адресат партиципации.

При этом образы времени и пространства, переживаемые как его (адресата) неотъемлемая часть (атрибуты), могут его замещать в цепочке ассоциаций и служить «запускающими ключами» повторной партиципации. Отсюда и происходят архаические идеи сакрального времени и священного места (территории)¹⁰. Такие зоны пространства или отрезки времени наполняются особыми семантическими ожиданиями, как, например, место, отмеченное как центр¹¹ или особо отмеченные дни (новолуние, полнолуние, дни, посвящённое определённым божествам и т.п.), или часы (полночь как время проявления потусторонних сил и т.п.)

Самый сложный вопрос — о природе партиципационных отношений, которую нельзя описать, оставаясь в рамках традиционных scientistic подходов. В свете наших представлений, в основе партиципационных связей лежит идея *психосферной медиации* (ПМ), а пространственно-временные представления с их ценностной отмеченностью суть корреляты сознания к психосферным проекциям. Точнее, формы, в которые они облакаются. Образую в ментальности своего рода партиципационный фон, эти корреляты психосферных перцептов определяют субъективные особенности переживания пространственно-временного континуума. Так, ослабление или выключение фоновых партиципационных режимов замедляет субъективное течение времени.

Длительность, лишённая смыслового наполнения, вязкое и «бессмысленное» время, (скудный урок, пассивное ожидание, вынужденное без-

¹⁰ Примеры переживания архаическим сознанием священного места как адресата партиципации во множестве присутствуют в наблюдениях этнологов, в частности, в неоднократно цитированных работах Л. Леви-Брюля.

¹¹ Чтобы понять, о чём идёт речь, достаточно взять чистый лист бумаги и, глядя не него почувствовать психологическое притяжение центра — зоны семантических ожиданий.

делье и т.п.), у сознания, оставшегося наедине с собой (что вовсе ещё не означает пробуждения интроспекции), вызывает фрустрации разной степени тяжести. Культурный модус времени — это длительность смысловых процессов, в которые вовлечена ментальность. Выключение её из этих процессов вызывает острый травматизм, аналогичный сенсорной депривации. Сбой в смысловой субординации пространственных ячеек, смысловой *атопизм* в восприятии окружающего не менее травматичны и чреват психическим расстройством.

Ценностное выделение пространственных и временных локусов, отмеченных наиболее актуальными партиципационными связями, порождает в сознании феномены хроно- и топоцентризма. Так, современное сознание склонно переоценивать значение текущих и недавних событий, потому что они образуют самый «свежий» и актуальный слой партиципаций. С обновлением последнего меняются и особо отмеченные временные точки и в центре оказываются другие. При этом переживание времени праздников и священных событий (в особенности религиозных и исторических) в современном сознании намного слабее, чем в сознании «мифологического» человека. Трудно сказать, насколько профанным понимал актуально текущее время древний человек; вряд ли оно было у него менее наполнено значимыми партиципациями.

Другой вопрос: понимал ли он вообще это время в духе современного сознания, а именно, как актуально длящееся настоящее? Не было ли оно для него лишь бледным отблеском времени священного, его ухудшенной проекцией? Для сознания доисторического, было, видимо так или близко к тому. Впрочем, насколько можно судить о верхнем палеолите по современным первобытным народам, эпоха полуживотных предков (для аборигенов Австралии — DreamTime), это *непрошлое* даже в архаическом его понимании. Это, тем более, не историческое и даже не мифическое прошлое. Это вообще не прошлое во временном измерении, а *иной модус реальности*, раскрываемой в ПМ и присутствующий в бытии постоянно¹². — Важно понять, что в первобытном сознании для ПМ-перцептов и элементов рационального опыта, несмотря на их диффузное смешение, нет, и не может быть никаких общих «концептов» пространства и времени.

В отношении же сознания раннеисторического уже можно говорить о троичном «концепте» времени: актуально переживаемое, фиксируемое

¹² «Мифическую эпоху, «дзугур», следует мыслить не просто как прошедшее время, а как время вместе с тем и настоящее, и будущее; это в одинаковой мере и состояние, и период». В библейском иврите эта смысловая фигура выражается особой формой глагола: прошедшее в будущем (См.: *Elkin A.P. The secret life of the Australian aborigines // Oceania. — 1932. — Vol. 3. — P. 130-135.*)

исторической памятью и время священное, мифическое¹³. Общей *идеи времени* как таковой не существовало, хотя приборы для измерения текущего существовали на Древнем Востоке по меньшей мере со II тыс. до н.э. Рефлексия времени исторически развивается как одно из проявлений неуклонного усиления линейно-дискретных левополушарных когнитивных техник. Оно создаёт и условие, и стимул для осознания травмирующего несовпадения последовательности актуально переживаемого течения времени с экзистенциальным пребыванием во времени мифическим, которое в своём значении всё более оттеснялось на периферию. Исторически нарастающее чувство отпадения от мифического времени вызывало острую ностальгию по «правополушарному раю»¹⁴, когда считывание психосферных матриц было наиболее прямым и лёгким, а связанные с ним партиципации — наиболее сильными и прочными.

Так, в мифах древнего Египта говорится о катастрофическом ухудшении мира: человек своими делами превращает его в непригодный для жизни. Индивидуализация человека, проявляющаяся через несолидарное поведение, выпадение его из *общего для всех ритма* трактуется как нарушение принципа гармонии Маат, приносящего первоизданную полноту существования, изобилие и единство всех живущих в едином мистическом социальном организме. Примечательно значение *ритма* — фундаментальной формы членения времени. Начиная с биологических часов клеточного уровня природные ритмы структурируются, регулируя жизнь всё более структурно и функционально сложных систем организма. Смыслогенез и возникновение сознания порождает ритмы нового типа — культурные, снимающие в себе (опять же в гегелевском смысле) ритмику природы, проявляющие себя прежде всего в ритуале. На основе этих новых ритмических отношений рождается психологическая возможность осмыслить культурные модусы времени. Последние, притягивая к себе партиципационные переживания, ассимилируют рефлексии биологического времени, вписывая их в мир культуры.

Положение во времени и пространстве того или иного события или пространственного локуса для мифоритуального сознания определяется степенью их партиципационной близости. Чем сильнее эмоциональная окрашенность партиципации, тем «ближе» её адресат во времени и пространстве. Шлейф этой восходящей к прасознанию когнитивной установки тянется далеко за пределы эпохи древности. Ещё в Средневековье события священной истории понимались как происходящие в актуальном

¹³ См. например: *Клочков И.С.* Духовная культура Вавилонии. — М., 1983.

¹⁴ Не случайно правополушарная когнитивность считается ориентированной в прошлое.

времени: участники крестовых походов надеялись застать в Иерусалиме людей, распявших Христа. Устойчивость таких аберраций сознания не может быть объяснена одной лишь его «неразвитостью» и незнанием «единственно правильного» естественнонаучного понятия о пространственно-временном континууме. Недостаточно и вполне справедливой констатации того, что партиципационно наполненную мифическую реальность-для-себя всегда мы предпочитаем любым отчуждённо объективистским картинам.

Таким образом об ориентации мифоритуального человека в «горизонтальном» времени, т.е. в триаде: прошлое – настоящее – будущее, во-первых, требует переосмысляющей реконструкции самой этой триады, поскольку её элементы *не фундаментальны* и могут инвертироваться. Во-вторых, этот вопрос не может быть решён в методологии объяснительного монизма: никаких всеобщих формул соотношения элементов этой триады для древних культур вывести не удастся. В-третьих, разобраться с этим вопросом, опираясь только на лингво-филологический анализ невозможно.

Мир языковых форм и метафор живёт по отношению к феноменам культуры своей собственной жизнью и их отождествление вызывает искажения, избавиться от которых можно лишь «соскребая» языковую реальность от реальности когнитивно-смысловой. Если же исходить из того, что язык – это и есть репрезентация культуры во всей её полноте, но рано или поздно, начинается путаница: мысль блуждая в лабиринтах языка, впадает в невольные модернизации и, теряя из виду когнитивно-смысловые корни культуры, мучительно пытается распутать Гордиевы узлы логических противоречий, как того требует сциентистская парадигма.

Приведу без дополнительных комментариев отрывок из статьи И. М. Савельева и А. В. Полетаева¹⁵. «Как показано в ряде исследований, в древности существовала иная, отличная от нынешней, «пространственная» ориентация в горизонтальном времени. Если в современной европейской культуре доминирующим является представление о том, что прошлое находится сзади, а будущее – впереди, то в древних цивилизациях ориентация была обратной: будущее находилось сзади, а прошлое – впереди. Этот факт был выявлен на основе лингвистических исследований, в частности, применительно к культурам древнего Вавилона (Шумерское и Вавилонское царства), древней Иудеи, а также для индоевропейской

¹⁵ Савельева И. М., А. В. Полетаев. Образы структуры времени в архаических культурах // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Под ред. Л. П. Репиной. – М.: Круть, 2010. – С. 84.

языковой группы в целом¹⁶. Точно так же в римской мифологии богини-сестры Постворта (Postvorta, букв. «обращенная в то, что потом») и Антеверта (Anteverta, букв. «обращенная в то, что раньше») обладали, соответственно, знанием о прошлом и о будущем (а не наоборот!)¹⁷.

В принципе, такие представления сохранились по сей день и в русском языке: ср. выражения «это ушло в прошлое», «за нами придут новые поколения» и т.д. Подобная пространственная ориентация основывается на посылке о том, что «человечество движется» из будущего в прошлое, т.е. что потом приходят из будущего, а предки уходят в прошлое. Это также определяется аксиологическими установками – как известно, находящееся впереди всегда считается «лучше» находящегося позади. Поскольку в традиционных культурах именно «прошлое», а не будущее выступало синонимом «хорошего», «надежного», «сакрального», оно, естественно, должно было находиться «впереди».

В то же время, для современного европейского сознания характерна принципиально иная ориентация во времени, в соответствии с которой прошлое находится позади, а будущее – впереди. Принято считать, что изменение ориентации движения в горизонтальном времени-пространстве на противоположную (из прошлого в будущее) в европейской культуре возникает благодаря христианству. Происходит изменение аксиологических установок: эсхатологическое будущее становится более значимым, чем прошлое.

Что же касается плохо дружащего с логикой современного постиндивида, то его ментальность подчас весьма близко подходит к ментальности человека мифоритуального, в которой архаический миф, преобразовавшись в плохо осознаваемый, но властно управляющий сознанием образ *Должного*, резко противопоставляется рациональному опыту (ибо располагается в другом секторе ментальности) и над ним господствует. Способна ли логика осуществить не только смешение, но и *синтез* мифического и рационального образов пространственно-временного континуума? Вопрос сложный и пока преждевременный. Во всяком случае, в логическом сознании эластичность границ между секторами ментальности ни к какому синтезу не приводит. Образы реальности существуют па-

¹⁶ Клочков И.С. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. – М., 1983. – С. 28-29, 162-163; Вейнберг И. 77. Рождение истории (историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тыс. до н.э.). – М., 1993. – С. 270; Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М., 1996. – С. 90. (Прим. авторов)

¹⁷ Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры (опыт исследования). – М., 1997. – С. 127. (Прим. авторов).

раллельно, не мешая друг другу, поддерживая общую гетерогенность представления/переживания времени-пространства.

Гетерогенность эта, помимо хорошо известного хроноцентризма, есть ещё и топоцентризм (топофилия) — абerratивное, с рациональной, разумеется, точки зрения, преувеличение значения партиципационно отмеченного места, локуса, территории. Отсюда идея священного места. Поначалу это могила предка¹⁸, алтарь, тотемный центр и т.п. А с расширением границ освоенного она может охватить целую страну. И, разумеется, с расширением священной территории её святость переходит на её мистические репрезентации, которые могут переноситься и в другие места: горсть «родной земли», особого рода камни, цветы, эмблемы и т.п. С топофилией связана богатая мифология «зова Родины», почвы, «любви к отеческим гробам» и т.п. С удалением от архаики она не отмирает, но уходит вглубь, с пугающей мощью вырываясь наружу в закатные и кризисные эпохи.

Фундаментальное онтологическое и ценностное деление древним сознанием пространственно-временного континуума на освоенную и неосвоенную части давно стало излюбленной темой не только этнологических, но и культурологических исследований. Написано об этом много. Дихотомия Космоса и Хаоса стала общим местом, если не сказать штампом со времён Элиаде. Но обойти её нельзя — вопрос действительно важный. В связи с этим несколько кратких замечаний.

Прежде всего, следует заметить, что интригующе торжественное слово *Хаос* не слишком подходит к образу неосвоенной ранним сознанием части мира, прежде всего, природного. Не настолько древнее и особенно первобытное сознание было отчуждено от природы, чтобы воспринимать её как нечто бесформенно хаотическое и отчуждённо враждебное. Сколь бы ни был страшен лес за границей деревни, подчинённости психики природным биоритмам никто не отменял. Да и образ зловредного и опасного человека — чужака тоже вряд ли имеет отношение к хаосу даже с маленькой буквы. Вообще, мифы творения, на основании которых реконструируется дихотомия космоса и хаоса, могли родиться лишь в сознании позднего верхнего палеолита. Только в ту пору возникает *саморефлексия культуры* (самой культуры, а не вписанного в неё человека). В этих мифах культура, достигая раннесистемного, хотя и во многом ещё синкретического уровня развития, фиксирует свои иноприродность и самостояние. «На-

¹⁸ Партиципация родового человека к священному месту и привязанность его ПС к пребывающим в нём духам предков столь сильна, что «правильная» его (ПС) реинкарнация возможна только в родовом пространстве. Ещё Л. Фейербах отмечал: «В Вест-Индии пегры умышленно лишали себя жизни, чтобы воскреснуть у себя на родине». *Фейербах Л.* Избр. филос. произведения. Т. 2. — М., 1955. — С. 214.

стоящий» космологизм утверждается не ранее ясного осознания оси *прошлое — настоящее* и вызревания зачатков *храмового сознания*. А это уже не первобытность, а архаика.

Принято считать, что «мифологические пространство и время могут быть в самом общем виде определены следующим образом: циклическая структура времени и многослойный изоморфизм пространства»¹⁹. На высоком уровне обобщения эту формулу можно принять, но, с некоторыми оговорками.

Детское неразличение прошлого и будущего (вчера и завтра) и родственное ему видение архаическим сознанием будущего как надлежащего повториться прошлого коренятся не только в представлении о цикличности времени — у детей его ещё нет. Дело в том, что ранее правополушарное сознание способно обращаться непосредственно к психосферной субреальности, т.е. к нелокализованным в пространственно-временном континууме энграммам альтернативных версий тех или иных феноменов, явлений или событий. Эти энграммы, наполняясь разными по силе и структуре энергетическими потенциалами, просвечивают сквозь оболочку эмпирического восприятия реальности, вплетаясь в него на правах сигналов из мира, где нет различий между прошлым и будущим. Развитие линейно-дискретных левополушарных когнитивных техник с их каузальным принципом смысловой связи привязывает сознание к данным рационального опыта и вытесняет «мистические» перцепты. Осознаваемое время становится временем повседневного/профанного опыта с его линейно-последовательными измерениями и длительностями. Симультанное же правополушарное схватывание вневременных психосферных энграмм не имеет к этому никакого отношения.

Таким образом, можно говорить о двух модусах времени: время мифа и время опыта. Впрочем, эта привычная дихотомия вызывает определённые сомнения. Ведь опыт психосферных перцепций — тоже опыт. К тому же в древности всякое событие приобщается к опыту при том условии, что «место» ему приготовлено в мифе — иначе оно останется незамеченным. Исключение составляет лишь особый класс ситуаций. Что же до опыта «обычного», то его уместно назвать проходным, повседневным, профанным, мирским, рациональным и противопоставить не мифу как таковому, а опыту мистическому/сакральному.

В соответствии с означенным выше принципом *ментальной двунаходимости*, можно, таким образом, говорить о двух параллельных модусах

¹⁹ Ахундов М.Д. Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. — М.: Наука, 1982. — С. 55.

как времени, так и пространства. Есть время, отмеряющее психическую погружённость в психосферные перцепты и оформляющий их миф. Это время мифа. Оно нелокально, т.е. не хромотопично и не циклично. Оно *метафизично*, поскольку отражает метафизичность, «абсолютность» правополушарной психосферной образности²⁰. Мифическое время – это не время разворачивания действий в мифе, это время, в течение которого посланный в психосферу импульс достигает своего адресата и возвращается назад. В самом мифе это осмысливается как магическое дальноедействие²¹. Мифическое время – таким образом, это время сакрального (магического) дальноедействия, которое сжимается и растягивается не в силу естественных причин, а в соответствии с прагматикой магического действия.

Параллельно с временем мифическим, нелокальным, есть и время локальное: время рационального (обыденного) опыта. Это время, отмеряющее длительность процессов «рационально- технологических». Оно ситуативно, по преимуществу, *линейно*, дискретно, необратимо и психологически «съедается» за счёт глубокой партиципационной погружённости в процесс деятельности. Рефлексия этого времени становится возможной лишь, когда ментальность в своём усложнении начинает расслаиваться, т.е. когда погружённость в актуальную ситуацию становится неполной, и какой-то сектор ментальности оказывается вне общего партиципационного фона. Вот он-то и обретает возможность поначалу бессознательно фиксировать длительность временных отрезков, связанных с теми или иными операциями. По-видимому, рудименты такого ментального сектора появились в эпоху мустье, а может быть, даже несколько ранее. Без него первобытному человеку не удалось бы в усложняющейся структуре деятельности избежать когнитивных диссонансов.

Не вступая в осознаваемые противоречия, названные модусы, тем не менее, достаточно активно противоборствуют. Выражается это в архаическом *хроноборчестве* – стремлении заблокировать линейную кумуляцию «мирского» и, соответственно, *исторического* опыта²². Устойчивое стремление обнулить этот опыт, вернуться в священное время творения²³

²⁰ Не будем забывать, что то, что приходит по каналам правополушарного восприятия, принимается сознание как безусловная, не подлежащая сомнению данность.

²¹ Так, в гимнах Амона Ра имеется такая характеристика: «Мгновенно приходящий издалека к зовущему его» (См.: *Матье М.Э.* Древнеегипетские мифы. – М.; Л., 1956. – С. 29).

²² Эта тема основательно разработана в указанной книге М. Элиаде «Космос и история». «...Но интерес к необратимости и к «новизне» истории – недавнее открытие в жизни человечества. Напротив, как мы увидим, архаическое человечество защищалось, как могло, от всего *нового* и *необратимого*, что есть в истории» (Указ. соч. – С. 63).

²³ Отсюда – распространённое в мифомышлении стремление «зациклить» время посредством ритуального перевоплощения в героев мифического прошлого.

и, всякий раз ритуально обновляя мир, начинать жизнь с чистого листа присуще всем без исключения доисторическим культурам, и во многих исторических продолжает жить на правах полулатентного атавизма. Последний, однако, в ситуациях кризисов исторического сознания, имеет свойство актуализоваться, и тогда на путь хроноборчества становятся наряды исторические.

Вообще, понимание настоящего и будущего как модусов прошлого, которому надлежит повториться в будущем, присуще мифомышлению на всём протяжении его истории. Притяжение сакрального прецедента оказалось столь мощным, что идея кумуляции исторического опыта в необратимой стреле времени пробивала себе дорогу с невероятным трудом. Судя по современным атавизмам, идея циклического обновления мира была тотальной не только в архаике, но и в последующие эпохи. Кстати, внутри больших циклов течение времени могло рефлексироваться разнообразно: и с элементами линейности, и по модели спирали. Всё зависело от особенностей соотношения мифического и рационального и соответствующих когнитивных режимов. К примеру, внутри больших циклов могут иметь место линейные членения и наоборот.

Вообще, трудно отделаться от мысли, что освоение мира сознанием осуществляется последовательными концентрическими зонами с *я-сознанием* в центре. Внутри каждого из таких последовательно расширяющихся кластеров могут соседствовать и применяться в зависимости от смысловой прагматики разные модели времени и пространства. Но весь кластер в целом подчинён какой-то одной доминирующей модели времени: например, циклической, линейной или спиральной. Различия в моделях пространства сводятся главным образом в степени его дифференцированности и порядке местоположения. Нетрудно заметить, что предметное освоение пространства в разных культурах идёт от оперирования грубыми минимально дифференцированными объёмами к более тонкому и сложному их членению.

Вообще, формы членения пространственно-временного континуума в раннем мышлении отражают комбинации и взаимоотношения ключевых морфосемантических кодов: *телесного, числового, гендерного и родового*. Последний следует понимать расширительно: как систему родства между вещами и явлениями. Сочетания этих кодов так же разнообразны, как и сама когнитивная прагматика раннего сознания. Подогнать их (эти сочетания) к единой схеме невозможно. Чем меньше существовало правил, ограничивающих спонтанное мифотворчество, тем более «объективность» времени и пространства в этой мифосемантике растворялась, а их рефлексии подчинялись ситуативным мифосемантическим задачам.

Стоит поэтому повторить сказанное прежде: общие схемы не годятся. Необходима комплексная реконструкция конкретных культурно-исторических контекстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ананьев Б.Г., Рыбалко Е.Ф.* Особенности восприятия пространства у детей. — М., 1964.
2. *Арутюнова Н.Д.* Время: модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время / Ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. — М., 1997.
3. *Ахундов М.Д.* Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. — М.: Наука, 1982.
4. *Вейнберг И.* Рождение истории (историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тыс. до н.э.). — М., 1993.
5. *Клочков И.С.* Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. — М., 1983.
6. *Лотман Ю.М., Успенский Б.М.* Миф — имя — культура // Ученые записки Тартуского университета. Труды по знаковым системам. — Вып. 6. — Тарту, 1973.
7. *Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. — М., 1996.
8. *Пелипенко А.А.* Постигание культуры. Ч.1. Культура и смысл. — М.: РОССПЭН, 2012.
9. *Савельева И.М., А.В. Полетаев.* Образы структуры времени в архаических культурах // Образы времени и исторические представления: Россия — Восток — Запад / Под ред. Л.П. Репиной. — М.: Кругъ, 2010.
10. *Степанов Ю.С.* Константы. Константы: словарь русской культуры (опыт исследования). — М., 1997.
11. *Топоров В.Н.* Первобытные представления о мире. В кн.: Очерки истории естественных знаний в древности. — М., 1982.
12. *Фейербах Л.* Избр. филос. произведения. Т. 2. — М., 1955.

Л.С. ПЕРЕПЕЛКИН

АНТРОПНЫЙ ПРИНЦИП И ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКРАЗМЕРНОГО БУДУЩЕГО*

Аннотация: Статья посвящена учету антропного принципа в формировании современного общественного пространства. По мнению автора, даже длительное развитие цивилизации его не отменяет.

Abstract: The article is devoted to the place of the Anthropic Principle in the formation of modern public space. According to the author, even a long development of civilization does not obliterate it.

Ключевые слова: антропный принцип, индивид, малое государство, общество, пирамида прямого восприятия, проект, прогноз, общественное пространство.

Keywords: Anthropic Principle, individual, small State, society, pyramid of direct perception, project, prognosis, public space.

Постановка проблемы. Я сторонник концепции о том, что общество¹ (в любых его конкретных вариантах) первично, а человек (индивид) вторичен. И действительно, трудно представить, например, процесс антропо-социо-расо-лингво-культурогенеза как результат действия отдельных индивидов. Ведь чтобы эти успешные результаты стали элементами культурного и исторического наследия, они должны закрепиться в группе².

Переделкин Лев Станиславович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва). E-mail: leonethnography@yandex.ru.

* Статья написана в рамках научного проекта РГНФ. № 15-03-00581.

¹ Общество — это совокупность людей, живущих согласно одинаковым нормам, имеющих более плотную систему связей внутри группы, чем за ее пределами, и отделенных от других совокупностей людей социальными границами.

² Применительно к животным существует такое наблюдение. На острове Хоккайдо в Японии проживают самые северные приматы — марьшиски, и жить им в этих широтах позволяют теплые озера, связанные с деятельностью гейзеров. Их, конечно, подкармливают бататами. И как-то раз одна из низкоранговых особей помыла свою порцию в озере. Скоро так же стали поступать и другие особи ее возраста. Однако этот культурный навык вся группа усвоила лишь при смене поколений. Ссылку не привожу, так как этот пример хорошо известен.

Даже процесс социализации младенцев, как известно, имеет групповой характер. И лишь став взрослым, человек имеет возможность проявлять определенную самостоятельность (собственно говоря, творить).

Но, при всем том, человеческое общество — это не муравейник, где всей деятельностью (и даже полом новорожденных) управляют феромоны муравьиной матки. Конечно, общество и индивид (в достаточной степени социализированный!) — сопоставимые понятия. При этом во многих случаях примат общества над индивидом не очень-то и оспаривается (если исключить крайние формы либеральной концепции). В результате совокупные возможности, потребности, привычки, антропологические характеристики и т.д. каждого отдельного человека и группы людей не включаются в социальную жизнь. *Иными словами, нынешняя социальная жизнь во многом игнорирует свою основу — антропологические (также как анатомические, физиологические, психологические и т.д.) характеристики людей, или антропный принцип, то есть соразмерность обустроенного жизненного пространства и видов деятельности — человеку.*

Вместе с тем, антропный принцип предполагает соразмерность человека константам Вселенной³. Из этого следует, что социальная жизнь может быть основана на этих закономерностях, которые пока мало изучены. Тысячи и миллионы лет социальной эволюции создали целый клубок противоречий между человеком и обществом. Прогнозировать, а тем более проектировать будущее, не учитывая изложенной здесь коллизии, в достаточной мере самонадеянно. Впрочем, это лишь моя гипотеза. На некоторых аспектах этой проблемы я остановлюсь далее.

Антропный принцип в философии и науке. Наиболее выверенные временем формулировки антропного принципа дошли до нас из древности. Речь идет об античном философе Протагоре (V в. до н.э.), чьи высказывания нам известны при посредстве Платона и Диогена Лаэртского. В частности, Протагор писал следующее: «Человек есть мера всех вещей существующих, что они существуют, и не существующих, что они не существуют» (как пишут комментаторы, он считал, что нет объективной истины). Предполагается, что именно он совершил поворот к греческому антропоцентризму⁴. — Это высказывание производит на меня впечатление странной смеси аутизма и шизофрении. Но в более сжатом варианте — «человек — мера всех вещей» — оно запомнилось на тысячелетия и породило Традицию⁵.

³ Соразмерность означает (на эмпирическом уровне) непричинение вреда любому субъекту, вступившему во взаимодействие.

⁴ См.: Протагор-Википедия (ru.wikipedia.org; обращение — 26.02.2016).

⁵ Узнаете стиль и размер: «коммунизм — знамя всех свобод, ураганом восстал народ...»; «человек — это звучит гордо»?

Однако, чтобы ни говорилось о Протагоре, антропный принцип в последствие стал достоянием науки. Термин «антропный принцип» предложил английский математик Б. Картер (1973 г.): «то, что мы ожидаем наблюдать, должно быть ограничено условиями, необходимыми для нашего существования как наблюдателей». Иными словами, наблюдатель и наблюдаемое должны жить по единым законам. Вот одно из современных определений. «Мы видим Вселенную такой, потому что только в такой Вселенной мог возникнуть наблюдатель, человек» – был предложен для объяснения с научной точки зрения, почему в наблюдаемой Вселенной имеет место ряд нетривиальных отношений между фундаментальными физическими параметрами, необходимыми для существования разумной жизни⁶. Иными словами, почему мы не понимаем все, что происходит во Вселенной.

Выделяют сильный и слабый варианты антропного принципа. *Слабый вариант антропного принципа предполагает:* во Вселенной встречаются разные значения мировых констант, но наблюдение некоторых их значений более вероятно, поскольку в регионах, где величины принимают эти значения, выше вероятность возникновения наблюдателя. Другими словами, значения мировых констант, резко отличные от наших, не наблюдаются, потому что там, где они есть, нет наблюдателей. *Сильный вариант антропного принципа постулирует:*

Вселенная должна иметь свойства, позволяющие развиться разумной жизни. Различие этих формулировок можно пояснить так: *сильный антропный принцип относится к Вселенной в целом на всех этапах ее эволюции,*

⁶ Вот расширенный список определений антропного принципа (АП). АП (Anthropic Principle) означает: раз уж мы существуем, значит во Вселенной имеется некоторое число характеристик, без которых наше существование стало бы невозможным. АП – один из принципов современной космологии, устанавливающий зависимость существования человека как сложной системы и космического существа от физических параметров Вселенной. АП: мы видим Вселенную такой, потому что только в такой Вселенной мог возникнуть наблюдатель, человек. АП – принцип в космологии, согласно которому разумная жизнь во Вселенной является необходимым следствием фундаментальных ее свойств. АП – принцип, гласящий, что Вселенная такова, какова она есть, потому, что мы ее наблюдаем, а если бы она сильно отличалась от того, что есть, ее было бы некому наблюдать. АП – принцип, основывающийся на гипотезе о живой, одушевленной Вселенной и предполагающий необходимость набора внешних условий (межгалактических, галактических, звездных и планетных) для дальнейшей эволюции жизни. АП – одно из базовых утверждений современной космологии, согласно которому имеет место удивительная приспособленность Вселенной к существованию в ней человека. АП – фундаментальное положение, все более входящее в современную философию, которое рассматривает Вселенную как сложную самоорганизующуюся систему, важнейшим элементом которой является человек (см.: Антропный принцип – это... /dic.academic.ru; обращение – 26.02.2016/).

в то время как слабый касается только тех ее регионов и тех периодов, когда в ней теоретически может появиться разумная жизнь. Из сильного принципа вытекает слабый принцип, но не наоборот. Формулировка антропного принципа опирается на предположение, что наблюдаемые в наше время законы природы не являются единственными реально существующими (или существовавшими), то есть должны быть реальны Вселенные с иными законами⁷.

Я остановился в этой статье на философских и научных наблюдениях по целому ряду соображений. Надо на что-то опереться в проектировании будущего, а чем плох для этих целей антропный принцип? Описание поведения разумного существа должно иметь базовую матрицу, и почему для этого не подходят мировые константы (к примеру, «красивое» можно описать через понятие золотого сечения⁸)? Если человеческое поведение, связанное с антропным принципом, имеет глубокие корни в мироздании (в познанной части мироздания), то возможно ли его – как минимум – понимать, и – как максимум – ему соответствовать? Антропный принцип говорит о соотношении разумного человека и Вселенной. Смысл в том, что только при наличии соответствующих мировых констант могла появиться разумная жизнь.

Но известные мне варианты антропного принципа не говорят о возможности обратного влияния – о воздействии разумной жизни на базовые характеристики познанных уголков Вселенной (насколько можно судить по нашей планете, это воздействие скорее неопознано-негативное). При этом следует учесть, что Вселенной для конкретного человека является общество. Поэтому речь может идти о соотношении социума и человека – насколько здесь и сейчас соблюдается антропный принцип, то есть «человекоразмерность»? Ведь если базовые характеристики человека имеют размерность, соответствующую мировым константам, то общество должно соответствовать размерности человека. Пока же человеческие общества развивались во многом стохастически, особенно после возникновения государственности. Все это имеет (по крайней мере, может иметь) важные прогностические основания. На мой взгляд, это исследовательски (а возможно, и практически) интересный вопрос.

⁷ См.: Антропный принцип – Википедия (ru.wikipedia.org – 26.02.2016); Антропный принцип – это... (dic.academic.ru; обращение – 26.02.2016).

⁸ Кстати говоря, если следовать идеям советско-американского психолога В. Лефевра, то эстетика (то есть «красивое») вполне соответствует этике (то есть «признанной форме поведения»). Он почил этот вывод на основе многочисленных плебисцитов и референдумов в штатах США, когда при неясных вопросах ответы распадались приблизительно в пропорции золотого сечения: 38/62 (см. об этом иррациональном числе: золотое сечение / rustimes.com – 29.02.2016/). Соответствующие ссылки см. в моей работе: *Перепелкин Л.С. Истоки межэтнического конфликта в Татарии // Мир России. – 1992. – Том 1. – № 1.*

Лингвистические основы представлений о будущем. В индоевропейской языковой семье и, вероятно, в других мировых языках, используются греческие и латинские слова с приставкой про-, отсылающие в будущее время⁹. Так, латинская приставка указывает на движение *вперед*, а также на действие *в интересах* (в пользу) или *вместо* (за) кого-л./чего-л. Греческая приставка указывает на нахождение *впереди*, а также упреждение, действие *до, прежде* чего-либо, *перед* чем-либо. В любом случае, смысл «впереди, в будущем, в интересах» породил в индоевропейских языках нового времени вполне определенный смысловой ряд, тянувший в футуристику. Следует, кстати, отметить, что таких языковых и идеологических метаморфоз, как мне кажется, не произошло на других участках ойкумены, в других языковых средах. Далее я приведу эти слова, выстроенные в логический ряд.

Проблема (греч.) — задача, задание, теоретический и практический вопрос, требующий исследования и разрешения; противоречивая ситуация. *Процесс* (от лат. — прохождение, продвижение) — последовательная смена состояний и явлений в развитие чего-нибудь. *Прогноз* (греч.) — всякое конкретное предсказание; суждение о вероятностном состоянии или развитии какого-либо явления в будущем, выведенное обычно на основе специального исследования. *Проект* (от лат. — брошенный вперед) — план, замысел. *Программа* (от греч. — объявление, приказ) — план намеченной деятельности, работ; изложение основных задач и целей. *Прогресс* (от лат. — движение/шаг вперед) — изменение к лучшему; направление развития, для которого характерен переход от высшего к низшему¹⁰. *Продукт* (от лат. — произведенный) — предмет, открытие, идея и т.д., получаемые в результате человеческого труда¹¹. Как можно видеть, *система терминов создает ряд от неясных предчувствий и представлений до конкретной реализации замысла.*

Эта совокупность терминов, достаточно последовательная, указывает на возможность того явления, которое французский философ Антуан Дестют де Трасси в своей книге «Элементы идеологии» (1801 г.) обозначил как идеологию, то есть светскую веру¹². По сути, именно с этого момента (рубеж XVIII—XIX вв.) начинается идеология, всяческие «-измы»,

⁹ См.: Приставки / Анатомия терминов (www.nnre.ru; обращение — 26.02.2016).

¹⁰ Применительно к этому понятию нужно обратиться к книге Алекса Бэттлера (он же Олег Алексеевич Арин) относительно понятия «прогресс». При всей насыщенности монографии автор практически не касается вопросов о необходимой соразмерности человека и общества. См.: *Бэттлер А.* Общество: прогресс и сила (критерии и основные начала). — М.: URSS, 2008.

¹¹ См.: Новейший словарь иностранных слов и выражений. — Минск: Харвест; М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. — С. 659-667.

¹² Дестют де Трасси, Антуан — Википедия (ru.wikipedia.org; обращение — 28.02.2016).

то есть проекты будущего, которые зовут нас вперед, обещая «гармонию человека, общества и природы».

Рассмотрим кратко некоторые из этих проектов. *Англо-саксонский либерализм* делал акцент на свободе индивида от пут традиционных институтов — для раскрепощения творчества, прежде всего в экономической сфере. *Континентальный европейский консерватизм* обращался к традиционным социальным и культурным институтам, полагая, что они помогут сохранить идентичность как основу развития и прогресса. *Итальянский фашизм* предлагал организовать общество по корпоративному принципу — как нечто похожее на средневековый цеховой строй. *Немецкий национал-социализм* стремился ограничить всевластие крупных фирм и монополий за счет фиксации доли прибыли (6%), а, следовательно, создать некое подобие национального единства. *Русский социализм* предполагал воссоздать равенство за счет отмены частной собственности на средства производства и за счет управления развитием из единого центра (кстати говоря, именно в СССР был провозглашен лозунг «все на благо человека!»).

Хорошо видно, во-первых, что я привожу здесь лишь «ядерные», нейтральные, респектабельные и вполне благонастроенные характеристики соответствующих идеологий — но о последствиях их практической реализации хорошо известно: благими намерениями мостится дорога в ад. Во-вторых, здесь представлены идеологические конструкты, *восходящие к различным культурно-историческим общностям*. Иными словами, «путь в будущее» многообразен и во многом зависит от разделяемой той или иной группой людей Традиции/Веры. Наконец, в-третьих, даже в советском проекте, в некоторой мере ориентировавшемся на «человеческий размер», соразмерность общества в целом от базовых характеристик отдельного индивида была невелика. Это относится и к другим идеологическим проектам. Как мне кажется, *настало время не придумывать идеологии, а проектировать такое общество (во всех его проявлениях), которое соразмерно человеку*.

Некоторые эмпирические данные о возможной «человекосоразмерности» общества. Сразу надо сказать, что это данные отрывочные и не составляют неопровержимую систему доказательств приводимой здесь концепции. Ведь вопрос о размерности Вселенной, размерности общества и соразмерности им человека практически никогда и не ставился. Еще раз повторю, что *задача социальной футурологии заключается в достижении соразмерности человека и общества* — и это при многих неизвестных показателях. Впрочем, человека, его деятельность и мировую систему констант вообще очень трудно (если это вообще возможно) соеди-

нить в единую логическую цепочку¹³. Далее – некоторые разрозненные примеры по теме.

1. *Число Дунбара*¹⁴. Вероятно, изоморфность человека и общества были достигнуты на заре человеческой истории – группы, которые не достигали подобного баланса, просто-напросто вымирали. И в этом отношении показателен размер группы, который соответствует коммуникационным возможностям индивида. Предполагается, что 1,5 млн лет назад в Южной и Восточной Африке численность *Homo habilis* (наших наиболее вероятных предков) составляла примерно 100 тыс. особей, разделенных на общины-семьи примерно по 100 особей в каждой¹⁵. Этой же точки зрения придерживается другой отечественный исследователь, В.М. Пашинский: «...этнографы и историки изучают первобытную общину, соседскую общину, сельскую общину, явления средневекового коммунизма и т.д., но с точки зрения идеально-типического метода это лишь различные формы одной и той же системы прямых личных коммуникаций между отдельными индивидами. /.../ Размеры круга прямых коммуникаций... зрелого индивида составляют примерно 100 человек и не зависят от конкретных форм человеческой жизнедеятельности»¹⁶.

К сходному выводу приходят этологи. Так, Л. Млодинов, ссылаясь на работу Р. Хилла и Р. Дунбара, пишет: «Ученые, рассматривающие человеческие группы, являющиеся когнитивным эквивалентом... кланов австралийских аборигенов или женских сообществ по уходу за волосами среди бушменов, или групп людей, которым мы шлем поздравительные открытки, – обнаружили, что человеческая группа состоит из примерно 150 участников...»¹⁷.

Введение в научный оборот понятия «число Дунбара» предполагает, что «Когнитивные способности человека ограничены 150 социальными

¹³ Мировая система констант хорошо известна, это группа параметров, которые неизменны, но до конца не просчитаны. Достаточно сказать, что отношение длины окружности к диаметру составляет неизмеряемую величину в 3.14..., скорость света в пустоте *приближается* к 300000 км/сек, и т.д. Можно сослаться на рукопись В.В. Грачева Концепция современного естествознания (Концепция современного естествознания, в 2-х частях; см.: www.hi-edu.ru; обращение – 29.02.2016). Впрочем, есть и другие справочники. Кстати говоря, количественные показатели прекрасно связаны с качественными: если у вас температура 36,6С, то вы скорее всего здоровы. Если градусник показывает 38.8С, то чуть ли не поздно обращаться к врачу.

¹⁴ См.: Число Дунбара-Википедия (ru.wikipedia.org; обращение – 29.02.2016).

¹⁵ *Капица С.П.* Гиперболический путь человечества. Через демографическую революцию к обществам знаний. – М.: ТОНЧУ, 2009.

¹⁶ *Пашинский В.М.* Пространственно-временная динамика человеческих сообществ разного масштаба. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2011. – С. 7.

¹⁷ *Млодинов Л.* (Нео)сознанное. Как бессознательный ум управляет нашим поведением. – М.: Livibook, 2012. – С. 143-144.

связями, то есть каждый из нас может поддерживать стабильный контакт со 150 людьми. /.../ Оказалось, что деревни времен неолита вмещали 150 жителей, столько же человек традиционно вплоть до XVI в. было в римских военных частях. Число 150 поражает еще и тем, что почти соответствует усредненному количеству друзей у каждого из 500 миллионов пользователей Facebook) средняя «дружеская» статистика по социальной сети – 130 человек»¹⁸. Совершенно определено, что «размерной» человеку является малая группа в сотню-полторы людей. Видно также, как идет в обществе самоорганизация, стремление соблюсти когнитивные возможности индивида. Как я полагаю, «число Дунбара» может стать одной из основ социального проектирования.

2. «Сетка» В Кристаллера. Этот немецкий географ разработал теорию центральных мест, в соответствии с которой существует оптимальная каркасно-сетевая структура населенных пунктов, которая обеспечивает доступ к объектам сферы услуг, максимально быстрое перемещение между городами и эффективное управление территорией. Система населенных пунктов обладает определенной иерархией, число уровней которой прямо пропорционально социально-экономическому развитию территории. С ростом уровня иерархии населенный пункт предоставляет все больший набор услуг все большему числу нижестоящих поселений. Система центральных мест (сетка Кристаллера) имеет форму диких пчелиных сот (смежных шестиугольных ячеек). Центры некоторых ячеек являются узлами шестиугольной решетки более высокого порядка, центры ее ячеек – узлами решетки еще более высокого порядка и т.д. вплоть до наименьшего уровня с единственным центром¹⁹.

Мне приходилось проверять идеи В. Кристаллера на примере Московской области²⁰. Идеи Кристаллера подтвердились с некоторыми оговорками. Во-первых, система поселений (центральных мест) сгушалась по направлению к Москве. Во-вторых же, более богатой культурной инфраструктурой обладали старые поселения по сравнению с новостроями. Обычно «сетку» В. Кристаллера объясняют таким образом: новые поселения основывают на приблизительно одинаковом расстоянии от уже существующих. Конечно же, в этом проявляется определенная «размерность» общества, совпадающая с «размерностью» человека. Впрочем, можно предполагать, что подобная система расселения имеет этологи-

¹⁸ Штайншаден Я. Социальная сеть. Феномен Facebook. – СПб.: Питер, 2011. – С. 75-76.

¹⁹ См.: Кристаллер, Вальтер – Википедия (ru.wikipedia.org; обращение – 29.02.2016).

²⁰ См.: Перепелкин Л.С. Факторы формирования инфраструктуры учреждений культуры городских центров Московской области // Ориентиры культурной политики. – 1999. – № 9.

ческую основу и в какой-то мере соответствует освоению пространства в древних дополитических обществах (где, конечно, не существовало центральных мест).

3. *Леопольд Кор о малых государствах*²¹. Государство, конечно, очень поздняя форма организации социальной жизни, в которой антропный принцип может сказываться очень опосредованно. Следует отметить, однако, что изначально государства складывались в двух формах: в форме государства-полиса и в форме государства-империи. И это, вероятно, соответствовало определенным параметрам социальности.

Американский исследователь Л. Кор писал свою работу в контексте становления Евросоюза как нового геополитического образования. Вот его основные выводы: «Нестабильность слишком больших образований... разрушительна. Тот же процесс, такой благоприятный для достижения определенных размеров, после их достижения ведет не к зрелости, а к распаду. /.../ ...Лишь *малые* вещи, будь они атомами, людьми или сообществами, можно комбинировать в поисках более стабильного существования, и даже они будут соединяться *естественным образом* до определенного предела. За этим пределом то, что прежде способствовало наполнению их формы, прорывает ее; поэтому, продолжая расти, они становятся более тяжелыми и неуклюжими, пока не происходит единственная вещь, которую они совершают естественным образом, — разваливаются»²². Для государств и объединений, имеющих огромные территориальные размеры, Л. Кор рекомендовал продуманную систему федеративного устройства (он приводил примеры правильного и неправильного федеративного устройства).

Есть и противоположная точка зрения, связанная с развивающимися в мире процессами региональной интеграции. Сама регионализация, как мне кажется, процесс естественный и вызванный целым рядом современных противоречий, в том числе и издержками глобализации. Вот мнение одного из современных авторов: «Стремление к росту — естественная черта развития человеческих объединений, включая государства, никак не связанная с иррациональной жадностью. Общественный прогресс и институциональное развитие требуют ресурсов не маленькой человеческой общины, но сравнительно крупного объединения или государства. Без него невозможны масштабные проекты, затруднено строительство

²¹ См.: Кор Л. Распад государств. — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2007.

²² Кор Л. Указ. соч. — С. 106–107. Кстати говоря, диспропорция между ростом и диаметром ствола приводит к смерти дерева. Не случайно самые долгоживущие деревья имеют ствол с большим диаметром: дубы, баобабы, секвойи.

коммуникаций, развитие институтов законности и правопорядка, немислимо существование промышленности и науки. /.../ Подобные (масштабные. — Л.П.) проекты в условиях малых государств не могут быть реализованы не только из-за нехватки ресурсов, но и просто в силу элементарной невостребованности со стороны общества»²³. Противоречия между двумя высказываниями скорее кажущиеся. Главное здесь — в организации социального пространства, о некоторых аспектах чего будет сказано в следующем разделе.

4. *Пирамида прямого восприятия*²⁴. В географии, и особенно в гуманитарной географии, это понятие имеет целый ряд значений. Одно из них для нас особенно интересно: по мнению некоторых авторов, индивидуальная включенность в деятельность сообщества составляет сейчас приблизительно 12 млн человек. Иными словами, при соответствующих параметрах и при наличии современной системы коммуникаций включенность человека в общественную жизнь современной территории имеет определенные числовые параметры. Давно уже я попытался посчитать соответствующие параметры для Западной Европы. По моим подсчетам оказалось, что федеральные (или имеющие автономии) государства в этом регионе начинаются приблизительно с 17 млн человек населения, что близко к указанной выше цифре.

Несомненно, речь идет о самоорганизации нынешних обществ, мало связанной с сознательным воздействием властей. Но тем не менее следует отметить, что здесь говорится не о числе Дунбара (имеющем, по всей вероятности, этологическую природу), а о стремлении индивида включиться в жизнь большого коллектива. Кто же может сказать, что коллизии между индивидом и обществом не принимают неожиданный характер, не имеют исторической определенности? Впрочем, на мой взгляд, эти данные напроочь опровергают идеи глобализации/унификации, хотя эти процессы имеют существенную идеологическую и финансовую поддержку. Впрочем, наблюдая за геополитикой США, я давно уже понял, что там и не пахнет «человекообразностью».

5. *Огни большого города*²⁵. В этом разделе я не собираюсь рассматривать вопрос в комплексе, а обращусь к одной незначительной проблеме.

²³ Менджович Н.А. На пути к евразийскому экономическому чуду. Россия и интеграция на постсоветском пространстве. — М.: Алгоритм, 2015. — С. 9.

²⁴ Например: Шупер В.В. Региональная самоорганизация общества как область исследований и учебная дисциплина // Региональные исследования. — 2014. — № 4 (46). — С. 40-49.

²⁵ Сомов Г.Ю. Эмоциональное воздействие архитектурной среда и ее организации (См.: gsovov.com/gsovov.com/papers/Emotional-impact-of-architectural-environment-and-its-organization.pdf; обращение — 29.02.2016).

Речь идет о том, что развитие цивилизации породило большие города и агломерации. Они как некие воронки засасывают население и перемалывают его, так что рождаемость становится ниже смертности: это понятно из биологии — скученность особей на определенной территории всегда ведет к падению рождаемости и всплеску девиантного поведения. Из написанных выше разделов видно, что с этим можно бороться. Здесь же ставится совсем другая проблема — как побороть скучную, однообразную, серую среду городского жителя, которая имеет на него негативное психологическое воздействие²⁶.

В целом об этом направлении (которое можно назвать «обустройство общественного пространства») следует сказать несколько абзацев: Общественное пространство — это место, внутри которого удобно и безопасно всем без исключения горожанам. Оно включает в себя дворы, улицы, парки, площади, скверы и набережные, которые устроены с учетом интересов разных групп населения (так как в них предусмотрены зоны для детей, подростков, взрослых людей, пенсионеров и даже инвалидов). Интересы всех людей, использующих общественное пространство, по возможности учтены. Однако, *городская среда стала противостоять человеку*. Отсюда рост отчуждения между людьми, преступности, вандализма и других девиантных форм поведения.

Можно сказать, что по ряду причин традиционные формы приобщения человека к культуре (библиотеки, музеи, театры и т.д.), в том числе те формы, которые могут развиваться вне помещений (парки, тематические парки, музеи под открытым небом, памятники, фасады зданий и проч.) уменьшили свою функцию социализации. Это связано с разными причинами, в том числе с напряженным графиком жизни современного горожанина, возникновением «массового общества», платностью этих услуг и т.д. Да и приобщение к культуре совершенно неравномерно в разных слоях населения. Вероятно, по этой причине стало актуальным направление искусства, которое сейчас называется street-art.

В 1980-е гг. американский художник Тири Гейтон стал расписывать пустующие здания в Детройте, городе, который был обречен на уничтожение процессом глобализации. «Проект имеет социальный подтекст Гейтон привлекает к участию в нем детей из неблагополучных семей, чтобы через арт-терапию отвлечь их от криминальной деятельности». Возника-

²⁶ Я полагаю, что среда наших отдаленных (и не очень) предков не была такой серой и скучной, так как они жили в тропическом лесу или саваннах. До сих пор, насколько я знаком с психологическими исследованиями, пестрый ковер оказывает успокаивающее воздействие. А вот серая и однообразная поверхность, в том числе пространство больших городов, служит раздражающим фактором.

ет идея создания общественных пространств: «Общественные пространства во многом определяют качество городской среды /.../ Качественные общественные пространства как места коммуникации крайне важны именно в период экономического кризиса»²⁷. Подобный опыт существует и в России. Соразмерность среды обитания – пусть это даже будет большой город – становится очень важной задачей, ведь горожане сейчас составляют большинство населения мира.

Исходя из сказанного, читателям не следует понимать так, что я сторонник какого-то первобытного «гетто», жители которого обитают в Раю и не желают его покидать. Я полагаю, что «колесо истории» крутится лишь в одну сторону, а потому нам надо обустраивать собственную жизнь исходя из наличной ситуации. И в этом смысле большой подмогой может стать идея соразмерности человека и общества – во всех ее возможных вариантах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Каница С.П.* Гиперболический путь человечества. Через демографическую революцию к обществам знаний. – М.: ТОНЧУ, 2009.
2. *Кор Л.* Распад государств. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2007.
3. *Мендкович Н.А.* На пути к евразийскому экономическому чуду. Россия и интеграция на постсоветском пространстве. – М.: Алгоритм, 2015.
4. *Млодинов Л.* (Нео)сознанное. Как бессознательный ум управляет нашим поведением. – М.: Livibook, 2012.
5. *Пашинский В.М.* Пространственно-временная динамика человеческих сообществ разного масштаба. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2011.
6. *Перепелкин Л.С.* Факторы формирования инфраструктуры учреждений культуры городских центров Московской области // Ориентиры культурной политики. – 1999. – № 9.
7. *Штайншаден Я.* Социальная сеть. Феномен Facebook. – СПб.: Питер, 2011.
8. *Шупер В.В.* Региональная самоорганизация общества как область исследований и учебная дисциплина // Региональные исследования. – 2014. – № 4 (46). – С. 40-49.
9. *Шукин А.* Оживление города // Эксперт. – 2016. – № 6. – С. 49-53.

²⁷ См.: *Шукин А.* Оживление города // Эксперт. – 2016. – № 6. – С. 49-53.

Ю.М. РЕЗНИК

ВОЗМОЖНОЕ БЫТИЕ ЧЕЛОВЕКА: ОТ АНАЛИЗА К ПРОЕКТУ

***Аннотация:** Первым шагом возможностного анализа и проектирования бытия человека выступает формирование его феноменального поля. Феномен бытия есть то, что явлено сознанию, постоянно отсылает нас к предметам и вещам, а также то, что само себя кажет. Он является продуктом сознания человека, который со временем объективируется, получает статус интенционального объекта, а благодаря механизму интерсубъективности становится доступными сознанию других людей. Проектирование этих феноменов осуществляется в виде перехода от феноменального поля, в котором выявляются смыслы при помощи «чистого», внеситуативного сознания (источника всех значений), к трансцендентному — горизонту всех возможностей субъекта.*

Экзистенциальное и трансцендентальное поля человека выражают соответственно субъективно-всеобщее и объективно-всеобщее в его бытии. Экзистенциальное поле проектируется при помощи личных конструктов и экзистенциалов. Проектирование есть превосходжение текущего бытия и порождение нового бытия человека путём изменения его субъективно-сущего и исходя из изначального — экзистенции. В проектировании трансцендентального поля применяются категории и концепты. Их единство (экзистенциально-феноменологический синтез) обеспечивается проектными матрицами, каждая из которых формирует и корректирует образ человека, наметаемый к построению и объединяющий в нём экзистенциальные и трансцендентальные начала бытия.

***Abstract:** The first step in possibilistic analysis and designing of human existence is the formation of human phenomenal field. The phenomenon of existence is something given to consciousness, turning us constantly to objects and things and also presenting itself. It is a product of human consciousness that, eventually, is objectified, acquires the status of intentional object and becomes, through the mechanism of intersubjectivity, accessible to consciousness of other people. Projecting these*

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, заведующий кафедрой философии ФСФ ИОН РАН-ХиГС (Москва). E-mail: reznik-um@mail.ru.

phenomena takes a form of transition from phenomenal field within which meanings are revealed through “pure”, or extrasituational consciousness (the source of all values), to the transcendent as a horizon of all possibilities for the subject.

Existential and transcendental fields of a person express respectively the subjectively-universal and objectively-universal in his being. Existential field is designed with the use of personal constructs and existentials. Designing is transcending the present and bringing about new human existence by changing his subjectively-essential and, on the basis of initial, of existence. In designing transcendental field, categories and concepts are used. Their unity (existential-phenomenological synthesis) is provided by design matrices, each of which forms and corrects the image of man, outlined for building up and connecting existential and transcendental beginning of being within itself.

Ключевые слова: феноменология, человек, бытие, возможности, возможное бытие, возможностный анализ, феноменальное поле, экзистенциальное поле, трансцендентальное поле, экзистенция, трансценденция, экзистенциально-феноменологический синтез, проектирование, проект бытия, проектные матрицы.

Keywords: Phenomenology, man, being, possibilities, possible being, possibilistic analysis, phenomenal field, existential field, transcendental field, existential, transcendence, existential-phenomenological synthesis, designing, project of being, design matrix.

Возможностный анализ в феноменологии обращается к основаниям бытийного устройства человеческого Dasein, которое подлежит проектированию. Его критерии, на мой взгляд, таковы: рассмотрение бытия человека как проекта, т.е. открытой возможности, укорененной в его экзистенции и устремленной к трансцендентному; определение предмета проектирования бытия человека как единства модальностей действительного, возможного и должного¹; презентация существования человека как возможно-мыслимого бытия, организованного (или структурированного) вокруг его «Я и др.

Предмет онтопроектирования в экзистенциальной феноменологии — смысловая структура бытия человека — выступает в трёх измерениях: феноменальном (локально-смысловом), экзистенциальном (смысложизненном) и трансцендентальном (бытийно-сущностном). Их взаимодействие образует соответственно разные ракурсы проектирования человеческого бытия — соединение феноменального и экзистенциального по-

¹ Именно поэтому я и рассматриваю проект как обоснование «долженствующей возможности бытия сущего».

лей (первичный проект), соединение экзистенциального и трансцендентального полей (фундаментальный проект).

Феноменология начинается с анализа феноменального поля как бытия мыслимо-возможного, а завершает своё исследование характеристикой трансцендентального поля как бытийно-сущностного. Их связывает между собой экзистенциальное поле.

Обоснование онтопроекта человека конкретизируется далее в виде последовательной смены процедур возможностного анализа:

– анализ проблем конституирования *феноменального поля* как источника формирования будущего человека;

– анализ проблем конституирования *экзистенциального поля* и создание *первичного проекта* человеческого бытия, исходя из экзистенциального опыта субъекта;

– анализ *трансцендентального поля* и разработка *фундаментального проекта* бытия человека.

– *экзистенциально-феноменологический синтез*, соединяющий процедуры экзистенциального и трансцендентального анализа и проектирования бытия человека.

Попытаюсь теперь реконструировать процедуры онтопроектного анализа в феноменологии с учетом выделенных выше аспектов возможного бытия.

Возможностный анализ бытия человека: конституирование феноменального поля

Исходя из сказанного выше, первый шаг феноменологического анализа бытия, осуществляемого с целью последующего проектирования, заключается в аналитическом конституировании феноменального поля как пространства мыслимых возможностей человека. Об этом пишет М. Мерло-Понти: «... Феноменология говорит о феноменальном поле...»². И тут же автор добавляет еще одну важную деталь: «Вот почему лишь феноменология является собственно феноменологией, то есть изучает явленность бытия сознанию, отнюдь не предполагая, что его возможность дана заранее»³. Феноменальное поле конституируется в свою очередь феноменальным сознанием человека.

Суть дела заключается как раз в неопределенности самой возможности бытия, а именно – возможности, которую необходимо открывать

² Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / Пер. с франц. и редакция И.С. Вдовиной и С.Л. Фокина. – СПб.: «Ювента», «Наука», 1999. – С. 95.

³ Там же.

субъекту каждый раз заново, как непредсказуемое событие, которое может наступить или нет. Его нельзя предугадать или предвидеть заранее. Оно улавливается лишь феноменальным сознанием. Причём феномены как предметы, являющиеся и кажимые сознанию субъекта, такое сознание схватывает непосредственно и целостным образом (идеальные образования или мыслимые предметы).

Начну с уточнения понятий «феномен» и «феноменальное поле», определения заложенных в них проектных возможностей.

Понятие «феномен». Бытие сущего доступно нам через феномены, которые открываются особому, феноменальному сознанию человека. Мы существуем в мире феноменов, наделяющих смыслом нашу жизнь. Это — мир нашего сознательного опыта. И между нами, нашим сознанием и миром находятся разнообразные феномены. Феноменология как раз и имеет дело с идеальной предметностью, бытием мыслимо-возможного сущего, которое открывается субъекту благодаря сознанию. «... Каждый философ открывает в действительном мире некий *класс возможностей* — таких объектов, которые принадлежат не действительности, но *сфере мыслимого*»⁴.

Чаще всего понятие феномена связывают с данностью какого-либо предмета или явления. На это указывал Мерло-Понти, подчёркивая, что «феномен есть то, что решительно располагает свой предмет внутри структуры, характерной для процесса становления возможным»⁵.

Я не совсем согласен с такой постановкой вопроса о сущности феномена. Далеко не всё, что дано или явлено сознанию субъекта, следует считать феноменами. Последние каждый раз являются по-разному и всегда как то, что может быть (становится), а не окончательно свершилось. Они даны тому, кто их способен видеть, обладает особым зрением. Кроме того, такие феномены доступны лишь феноменальному сознанию субъектов, которое воспринимает их целостным и интуитивным образом. В этом смысле феномены выступают возможно-мыслимыми сущими, а не чистыми образами сознания. Их стоит отличать также от фактов истории (как, например, тексты, когда-либо созданные людьми).

В предыдущих статьях я уже приводил некоторые признаки феноменов как устойчивых мысле-образов, схватывающих бытие целостным и интуитивным (интенциональность, кажимость, имплицитность, интерсубъективность, событийность и пр.). «Целостное бытие — это ... идеаль-

⁴ Эшттейн М.Н. Философия возможного. — СПб.: Алетейя, 2001. — С. 66.

⁵ См.: Бенуа Ж. С той стороны границы // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за её пределами / Сост. С.А. Шолохова, А.В. Ямпольская. — М.: Академический проект; Гаудеамус, 2014. — С. 273.

ное бытие в-себе, основанное благодаря для-себя и идентичное этому для-себя...»⁶. Оно является синтезом бытия-в-себе и сознания, которое существует как для-себя. С этой точки зрения, любой феномен есть единство в-себе и для-себя, которое обеспечивает его целостность. Само сознание, по Сартру, «... есть проект самообоснования, т.е. достижения в-себе-для-себя, или в-себе-причины-себя»⁷. В этом смысле феномен – это встреча сознания (как бытия-для-себя) и наличного бытия (как бытия-в-себе). Он представляет собой «конкретную и единичную целостность».

Таким образом, феномены, будучи посредниками между субъектами и миром, характеризуются такими свойствами, как явленность и открытость бытия сознанию, интенциональность, кажимость, обращенность к существу, связанность с ним, интерсубъективность, имплицитность (неявная включенность в поток сознания), событийность. Человеческие феномены отсылают нас к множественному и многомерному существу человека, которое мыслится нами как возможное сущее, явленное и кажимое для нас.

Единые феномены бытия человека как предмет анализа и проектирования. Философия и наука имеют дело с разными феноменами человеческого бытия. Наука о человеке изучает преимущественно внешнюю предметность бытия – явления («себя-не-кажущее-бытие»), которые в процессе исследования становятся фактами или эмпирическими феноменами («усредненная и смутная понятность бытия»⁸), а философия человека – единые феномены («само-себя-кажущее-бытие»). Эмпирические феномены постигаются в науке средствами внешнего восприятия (эксперимент, наблюдение и пр.), а единые феномены – путём «внутреннего» созерцания (интуитивное усмотрение сущности).

Кроме того, единые и эмпирические феномены человеческого бытия отличаются друг от друга масштабом их познания. Наука интересуется феноменами, которые дают нам «знать о себе через нечто, что себя кажет», т.е. через факты⁹. Последние обладают не просто видимостью, но и кажимостью для того, кому они кажутся. Значит, без субъекта исследования становится неочевидной связь явлений с феноменами, а последних – с исследовательским замыслом. Философия же есть «эксплицитная постановка вопроса» о смысле бытия человека. Единые феномены филосо-

⁶ Сартр Ж.-П. Бытие и Ничто. Заключение // Путь в философию. Антология. – М.: Университетская книга, 2001. – С. 168.

⁷ Сартр Ж.-П. Бытие и Ничто. Заключение // Путь в философию. Антология. – М.: Университетская книга, 2001. – С. 166.

⁸ Хайдеггер М. Бытие и время/ Пер. В.В. Бибихина. – М.: AD MARGINEM, 1997. – С. 5.

⁹ Там же. – С. 29.

фии отличаются от эмпирических фактов науки масштабом постижения. Они охватывают более широкие совокупности явлений (сферы бытия) и относятся к реальности третьего и четвёртого порядка.

Отдельно следует сказать о *единых феноменах* как феноменах возможного в бытии человека, о чём, собственно, и идёт речь в настоящей монографии. Ж.-Л. Марион пишет: «Вопрос о возможности феномена предполагает другой вопрос – о феномене возможности. Рациональная задача философии, измеряемая объемом того, что она делает видимым, – то есть в соответствии с тем, насколько философия содержит в себе возможность феноменальности»¹⁰. Если для Канта возможность есть то, что согласуется с условиями формального опыта, в т.ч. созерцания, то Марион уточняет это требование, добавляя следующее: феномен возможного – это порождение нового опыта, а не фиксирование имеющегося опыта. Последний относится к области предбытия или еще не ставшего (не наступившего) бытия.

В моём понимании мыслимая возможность, как и весь возможный мир человека, появляется на стадии предбытия, которое разворачивается далее во всей полноте бытия. Феномен возможного – это единый феномен, свидетельствующий о том, чего еще нет в бытии человека, но обязательно настанет, сбудется при определенных условиях.

Еще раз подчёркиваю, всякий феномен есть мысленная возможность явления, т.е. то, что может случиться, а потому – уже кажется таковым, каковым это явление предстаёт на табло сознания субъекта. А единый феномен – это возможность вдвойне или возможность возможности, позволяющая казаться чем-то определённым сущим. Он может случиться как «само-по-себе-из-себя-кажущее» (Хайдеггер). «... Феномен – это то, что без остатка показывает себя исходя из самого себя как чистое явление себя, а не исходя из чего-то другого, что не является основанием. Чтобы оправдать своё право на явление, феномену достаточно созерцания – следуя принципу достаточного основания, никакое основание не требуется»¹¹. Единый феномен как «чистое явление себя» – это мыслимая возможность того, что себя кажет.

Получается так, что у единого феномена человеческого бытия имеются два основных модуса существования: возможность (быть тем или иным для субъекта), кажимость (казаться ему чем-то) и «чистота» созер-

¹⁰ См.: Марион Ж.-Л. Насыщенный феномен // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за её пределами / Сост. С.А. Шолохова, А.В. Ямпольская. – М., 2014. – С. 63.

¹¹ См.: Марион Ж.-Л. Насыщенный феномен // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за её пределами / Сост. С.А. Шолохова, А.В. Ямпольская. – М., 2014. – С. 68.

пания. К характеристике же эмпирического феномена следует отнести, кроме возможности и кажимости, добавить ещё один модус – фактичность или данность. Однако единый феномен есть не просто кажущая себя (самокажимая) возможность, что характеризует все феномены без исключения, а возможность быть возможным для себя и для других.

Единые феномены выступают единицами анализа и проектирования бытия человека в феноменологической философии. Они образуют «целкупный предмет в его тотальности и возможности». Не случайно М. Хайдеггер называет их «едиными». «Эта первичная данность, которая должна быть увидена в целом»¹². Но всё дело в том, что мы видим её по-разному, исходя из ценностных предпочтений и установок тех философских сообществ, парадигмы которых разделяем. Кроме того, содержание этих феноменов выражается посредством различных, хотя и близких по смыслу, категорий.

Эти феномены характеризуют не сами вещи и явления, как таковые, а их целостные и общезначимые мысле-образы («образы бытия самого присутствия»), которые захвачены нашей экзистенцией и выступают в едином потоке жизни в виде предметно-деятельных состояний и символических образований, выделенных сознанием субъекта из всей совокупности бытия. Такие феномены фиксируются при помощи категорий «жизнь» и «смерть», «добро» и «зло», «счастье» и «горе», «любовь» и «ненависть», и т.д. Именно с их интерпретацией связаны многочисленные философские дискуссии. И не только. Они становятся также предметом обсуждения более широкой общественности.

Так, например, для многих из нас феномен счастья напоминает постоянно отодвигающийся горизонт. С этой точки зрения я могу быть счастливым лишь в отдаленной перспективе, быть счастливым потом, не сейчас. Для меня, как и для других людей, разделяющих подобные убеждения, счастье представляется лишь как вероятная возможность. Ведь счастье не приходит к недеятельным людям. Чтобы быть счастливым, я должен многое переосмыслить и преобразить в своей жизни. И превратить значимое для себя возможно-мыслимое бытие в проект («набросок бытия на поверхности Бытия» у Сартра). Только тогда я смогу приблизиться к своему счастью, которое по-прежнему будет выступать образом желаемого состояния бытия.

Наиболее общим целостным феноменом в структуре человеческого бытия сущего следует считать *мир человека*. Этим понятием называют обычно универсум всего сущего человека (совокупное бытие человека,

¹² Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. В.В. Бибихина. – М.: ADMARGINEM, 1997. – С. 53.

бытие всего человечества и т.д.). Все другие феномены (например, «социальный мир» и т.д.) выводятся далее из феномена «человеческий мир» и рассматриваются как его разновидности. С ним соотносятся также и такие феномены, как «внешний мир человека», «окружающий мир человека», «жизненный мир человека» и т.д. Каждый из них распадается в свою очередь на множество частных феноменов.

У любого человека мир преломляется в его сознании, а значит проходит через ценностные фильтры трансцендентального поля и субъективно-личностные смыслы экзистенциального поля. Это относится и к философу. По сути дела, совокупность феноменов доступного ему мира составляет для него содержание того, что мы называем *жизненным миром*. Это – мир, в котором он живёт и мыслит. При этом последний представляет собой часть мысленно освоенного и преобразованного им большого мира. Жизненный мир вбирает в себя также экзистенциальные и трансцендентальные смыслы субъекта.

Феноменальное поле: понятие и структура. Совокупность или конфигурация феноменов, доступных сознанию человека и сознанию других субъектов, образует феноменальное поле. На эту особенность (явленность сознанию группы феноменов) указывает М. Мерло-Понти. А его последователь К. Роджерс рассматривает феноменальное поле как субъективную реальность, состоящую из множества переживаний, связанных с явлениями эмпирического мира.

Феноменальное поле характеризует определенный класс феноменов, объединяемых общими тематическими рамками. У такого поля, как правило, нет какого-либо одного ценностного центра, характерного для трансцендентального поля, которое объединяет эпистемное сообщество, но зато существуют единые средства интерпретации вещей и явлений. Это – тематическое объединение феноменов разного происхождения. Каждый раз, вступая в познавательное или практическое взаимодействие с миром, мы имеем дело не только с предметами действительности, но и с определенным феноменальным полем, которое отчасти «заменяет» нам реальность, выступая символическим посредником между ею и нами. Причем каждому феноменальному полю соответствует своя виртуальная группа (или языковая группа), имеющая, как правило, общий набор средств интерпретации типичных и тематически схожих феноменов.

В структуре феномена Гуссерль выделял, как известно, ядро и периферию. Ядром феномена он называл ноэму – объект интенции в том виде, в каком он дан в акте постижения (ноэзе). Ноэза же определяет у него ракурс или перспективу рассмотрения предмета, ставшего объектом. При-

чем в состав феномена входят как сами мыслимые предметы, так и связанные с ними переживания, а также языковые выражения.

М. Мерло-Понти помещает феномен в систему «Я – Другой – мир» (феноменальное поле)¹³. А М. Хайдеггер выделяет в едином феномене три аспекта: (1) «в-мире» как сфера исследования, связанная с определенной онтологической картиной мира; (2) «сущее», существующее как бытие-в-мире; (3) «бытие-в», понятие, указывающее на ориентацию бытия¹⁴. Феномен содержит в себе не сущее, как таковое, а представление о нём. Сущее (в нашем случае – сам человек с его телесностью), мир – бытие, которое ему противостоит, «бытие-в» – способ существования человека.

В свою очередь, Ж.-П. Сартр определяет структуру феномена через совокупность «объект – сущность»¹⁵. Он выделяет в нём два бытийных измерения: «измерение в-себе и измерение для-себя (с этой точки зрения имелся бы только один феномен: мир) ...», которым соответствуют имманентность («в-себе») и трансцендентность («для-себя»)¹⁶. Им соответствует два способа бытия человека – быть творением Бога или самому становиться творцом. В первом случае (в бытии-в-себе) он существует как необходимость, абсолютная случайность и непрерывность, во втором (бытии-для-себя) – как свободное, самозаконченное существо, выступающее причиной самого себя и преодолевающим пропасть между бытием и ничто.

Мне близко представление Хайдеггера об интенциональной структуре феномена бытия человека. Напомню читателю, что последний выделял в нём *интенциональный объект* («*intentum*» – сущее, которое существует «бытием-для», т.е. таким, каким оно кажется субъекту), «*intentio*» (способ интендированного бытия сущего – то, как оно существует «бытием-в») и «*интенциональное отношение*» (то, как оно предстаёт «в-мире»).

Однако я полагаю, что структуру феномена необходимо дополнить нормативной и символической составляющими. Он имеет определенное символическое значение для субъекта и «вписано» в его систему ценностей. Каждый предмет воспринимается им как феномен, проходя сквозь ценностно-нормативные фильтры сознания. «... Феномен нормативно обязывает нас рассматривать его иначе ровно в той мере, в которой он

¹³ См.: Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / Пер. с франц. и редакция И.С. Вдовинной и С.Л. Фокина. – СПб.: «Ювента», «Наука», 1999. – С. 94-95.

¹⁴ Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. В.В. Бибихина. – М.: ADMARGINEM, 1997. – С. 53.

¹⁵ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко. – М., 2000. – С. 23.

¹⁶ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Заключение // Путь в философию: Антология. – М.: Университетская книга, 2001. – С. 170.

является феноменом и в которой данный способ рассмотрения ему внутренне присущ»¹⁷.

Уточню теперь собственное понимание. На мой взгляд, в структуру феноменального поля входят несколько компонентов или подструктур: (1) *интенциональная подструктура*, т.е. само мыслимое сущее, которое попадает в сферу внимания субъекта, кажется ему *возможным* или представляется в том или ином виде (интенциональные объекты как возможно-мыслимые предметы или явления); (2) *ценностно-нормативная подструктура* — то, каким образом это сущее нам является, дано, осознаётся или мыслится нами в контексте определённых ценностей («*intentio*» — переживания данного сущего, формирование мысле-образов); (3) *смысловая подструктура бытия* этого сущего (инвариантные и интересубъективные смыслы, которые содержатся в феномене и понимаются сходным образом определённым виртуальным сообществом); (4) *символическая подструктура* (языковые выражения и другие символические значения, передающие смысл данного сущего другим участникам виртуального сообщества и устанавливающие тематические рамки).

Иначе говоря, в структуре феноменального поля можно выделить возможные проекции мыслимого сущего (интенциональные объекты), воспринимаемые сознанием субъекта в виде переживаний и ценностных представлений (нормативные установки), а также их смыслы и «символическую оболочку» (языковую форму). При этом у каждого феномена есть своё «имя», которое имеет то или иное символическое происхождение. Имя феномену даёт соответствующее понятие (категория, концепт и пр.). Так, например, феномен жизни символически выражает определённый класс явлений, смысл которого фиксируется при помощи понятия «жизнь».

Поясню теперь сказанное. В данной схеме каждый элемент выполняет свою роль в феноменальной структуре человеческого бытия. Так, бытие мыслимого сущего человека (вещи ли явления), которое попадает в сферу его внимания, является исходным для понимания феномена и рассматривается как возможно-мыслимое (точнее — как возможные проекции мыслимого сущего). Последнее выступает в виде устойчивых мысле-образов человека, которые проходят через его ценностные фильтры и доступны также другим субъектам, входящих в одну с ним виртуальную (языковую) общность. Оно переживается и мыслится субъектом как зна-

¹⁷ *Бенуа Ж.* С той стороны границы // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за её пределами / Сост. С.А. Шолохова, А.В. Ямпольская. — М.: Академический проект; Гаудеамус, 2014. — С. 284.

чимое иное, т.е. как то, чем оно может быть для него, а не чем оно является на самом деле. Поэтому данный субъект имеет дело на феноменальном уровне не с вещами и явлениями, как таковыми, а с их весьма приближенными копиями (проекциями возможного бытия).

Следовательно, феномены как проекции возможного существования человека не обладают наличным бытием, а существует лишь в голове человека в виде мысле-образов. Их нельзя наблюдать или измерять. Но их можно переживать и постигать интуитивно, распознавая смысл, являющийся инвариантным для определенной языковой группы. Каждый феномен люди «встречают по одежке», т.е. по символической оболочке, интуитивно распознавая заложенные в нём смыслы в соответствии с ценностными ориентациями и нормативными установками. Далее включается в работу воображение субъекта и формируются его представления о сущности феномена как значимого иного.

Так, сущее человека, бытие которого подлежит онтологическому анализу и проектированию, проходит определенную трансформацию: от изначально сущего, как такового (вещь или явление) к возможно-мыслимому сущему (интенциональный объект) и далее — к оценке и распознаванию его сущности. Завершает эту логическую цепочку языковые выражения, при помощи которых участниками виртуального сообщества интерпретируется смысл данного возможно-мыслимого сущего в соответствии с принятыми в нём правилами языка и критериями должного (нормативными установками).

Вот почему я предпочитаю исключать из структуры феномена субъекта феноменального сознания, как такового. Феномен и феноменальное поле существуют автономно, хотя и становятся доступными («зримыми») только благодаря сознанию человека. В них предметы и явления эмпирического мира проецируются на экран сознания как возможно-мыслимые сущие, входящие в феноменальное поле виртуального сообщества, которое интерпретирует сходным образом их смысловое содержание, опираясь на собственные ценностные и нормативные представления.

С точки зрения проектной активности субъекта структуру феноменального поля можно представить в динамическом плане как последовательность актов или стадий конструирования им собственного бытия: предвосхищение возможного сущего и мысленная встреча с ним (антиципация) — восприятие возможно-мыслимого сущего (эмоционально-чувственное постижение и ценностное опосредование возможно-мыслимого сущего) — понимание возможного опыта (распознавание и идентификация смыслов сущего, которое должно осуществиться, стать, приблизиться к действительности) — удержание и трансляция мысле-образов будущего.

Таким образом, в структуру феномена входят не сами вещи и явления предметного бытия человека, а их возможно-мыслимые проекции, которые трансформируются в ходе их постижения (восприятия, понимания и пр.) в устойчивые мысле-образы, содержащие инвариантные смыслы, которые благодаря символическим средствам доступны другим субъектам и могут выступать предметом дальнейшего анализа и проектирования.

Итак, экзистенциальная феноменология изучает целостные феномены бытия, относящиеся к жизненному миру человека и опосредованные его экзистенциальным полем. Проектирование этих феноменов осуществляется, на мой взгляд, в виде перехода от феноменального поля, в котором выявляются смыслы при помощи «чистого», внеситуативного сознания (источника всех значений), к трансцендентальному полю – горизонту всех возможностей субъекта. Оно осуществляется посредством экзистенциального поля мыслителя и других участников виртуального сообщества.

Возможностный анализ человеческого бытия: конституирование экзистенциального и трансцендентального полей субъекта

Экзистенциальное и трансцендентальное поля формируются сущностями разного уровня и порядка. Последние подразделяются далее на *сущности*, производные от субъективно-всеобщего (экзистенциальные смыслы, имеющие значение для конкретного человека), и *сущности*, конституирующие объективно-всеобщее (трансцендентальные смыслы и ценности бытия человека).

Можно предположить далее, что объективно-всеобщее (мир универсальных идей или эпистем) дано трансцендентальному субъекту при помощи сознания-вообще, а субъективно-всеобщее (мир индивидуального сознания и экзистенциального опыта) – отдельному мыслителю, конструирующему бытие-для-себя. Объективно-всеобщее относится к смыслам бытия феноменов в сфере мирового духа и является предметом трансцендентальной феноменологии. Субъективно-всеобщее характеризует сущностные связи феноменов, так как они представлены в сфере субъективно-сущего человека.

Соотношение возможностей объективно-всеобщего и субъективно-сущего. Чем же отличается содержание субъективно-всеобщего от смысла бытия-вообще? Дело в том, что у сущего человека нет смысла, отдельного от смысла феноменов, конституированного его сознанием. Но, став феноменами, явления сущего человека не перестают быть возможностями,

так как они приобретают собственный смысл, отличный от значения, которые им приписывает субъект.

Одним словом, смысл феноменов, взятых самих по себе, и субъективный смысл (значение), приписываемый им человеком, не совпадают полностью. И вопрос заключается в том, как можно мыслить субъективным образом всеобщее, заложенное в феноменальной структуре бытия человека. Отвечу вкратце: его можно мыслить как субъективно-всеобщее, конституирующее экзистенциальное поле субъекта (партикулярные сущности и связанные с ними личные конструкторы и экзистенциалы).

Трансцендентальное поле субъекта конституируется объективно-всеобщим (универсальные сущности и смыслы, а также сопряженные с ними категории и концепты). Дело в том, что всеобщее в феноменологической теории указывает на общее смысловое ядро феномена, на его инвариантное содержание, являющееся общим для человека и других людей, которое одинаково понимается в эпистемном сообществе, а вот его значения могут быть у каждого отдельного субъекта свои. Следовательно, сущностью феномена является то универсальное (всеобщее), которое делает явление тождественным самому себе и узнаваемым большинством членов эпистемного сообщества¹⁸. А вот способ его постижения у каждого человека всегда субъективен. Только у него и больше ни у кого складывается такое индивидуально-субъективное видение всеобщего. Так всеобщее становится субъективно-всеобщим.

Объективно-всеобщее (трансцендентальное поле) и субъективно-всеобщее (экзистенциальное поле) соединяются в бытии человека как «что-бытие» и «кто-бытие», а также как принципиально разные представления о бытии-вообще в целом, как оно есть само себе и так, как оно существует для него и только для него. Что-бытие существует как возможность, которую можно разглядеть в опыте (идеация)¹⁹. Но можно его и не разглядеть или случайно просмотреть. Всё зависит от человека, от его способности мыслить всеобщее тем или иным образом.

Субъективно-всеобщее выражается в кто-бытии человека. Так, в логике М. Хайдеггера сущность человека заключается в его бытии, а самого бытия — в присутствии, а, чтобы понять сущность последнего, нужно проникнуть в его экзистенцию, которая вызывает к миру, вопрошает и т.д. Экзистенция структурирует жизненный мир человека, делая его бытием-для-себя и превращая в открытую возможность.

¹⁸ См.: Новые направления социологической теории / Пер. Л.Г. Ионина; Общ. ред. Г.В. Осипова. — М.: «Прогресс», 1978. — С. 219.

¹⁹ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1 / Пер. с нем. А.В. Михайлова. — М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. — С. 29.

Таким образом, в экзистенциальной феноменологии предпочтение отдаётся концептуализации субъективно-всеобщего в бытии человека. Однако в ней используются также категории и концепты, характеризующие трансцендентальное поле субъекта. Другими словами, проект бытия человека вырастает из его экзистенциального поля и оформляется далее средствами трансцендентального поля.

Субъективно-всеобщее как основание построения экзистенциального поля человека (личные конструкты и экзистенциалы). В сфере пересечения трансцендентального и экзистенциального полей вырабатываются средства метапроектирования человеческого бытия. Для этого, кроме концептов, феноменология использует также *познавательные конструкты*, сосредоточенные в трансцендентальном поле и служащие для перевода эмпирических понятий в теоретические, и *личные (личностные) конструкты*, структурирующие экзистенциальное поле человека и его жизненный мир. Они необходимы ей для описания и конструирования пограничных ситуаций, в т.ч. проблемных полей философии, которые еще не прошли стадию концептуализации и требуют предварительного экзистенциального анализа.

Экзистенциальное поле дано отдельному человеку, конструирующему бытие-для-себя из своей же экзистенции и при помощи создаваемых им личных конструктов и экзистенциалов.

Как известно, термин «личный конструкт» ввел в научный оборот Дж. Келли. С его точки зрения, каждый человек — автор собственной жизни, которую он направляет при помощи личных конструктов как схем интерпретации деятельности²⁰. Личность же представляет собой организованную систему значимых для человека конструктов, при помощи которых он интерпретирует происходящее и предсказывает своё будущее. Такая система истолкования и производства человеком событий его жизни являются важным компонентом экзистенциального поля.

Следующий уровень феноменологического конструирования человеческой реальности — *экзистенциалы*. М. Хайдеггер в работе «Бытие и время» (1927) использовал их вместо термина «категория». Он настаивал на том, что категория расчленяет сущее на объект и субъект, тогда как экзистенциал — модус бытия сущего, взятого в единстве мира и сознания. Это — модусы бытия персонально-сущего, в т.ч. «бытие-в-мире», «бытие-с-другими», «бытие-к-смерти» и др. Они позволяют определять бытие такого сущего как человек в терминах нерасчлененного, слитного «чело-

²⁰ См.: Келли Дж. Теория личности: Психология личных конструктов / Пер. с англ. и науч. ред. А.А. Алексеева. — СПб.: Речь, 2000. — 256 с.

веко-мира». Кроме того, экзистенциалы указывают на укорененность человеческого бытия в мире. Их содержание можно сформулировать следующим образом: сущее есть в мире («бытие-в-мире»); субъективно-сущее проявляет себя в бытии наряду с другими сущими, обладающими сознанием, и в бытии-для-себя.

Несколько иначе, чем Хайдеггер, трактует экзистенциалы М. Босс. Он относит к ним характеристики причастности человека к миру, которые подразделяются на два класса: (1) *экзистенциалы*, связанные с физической и социальной средой (пространственность, телесность и др.) и (2) *экзистенциалы*, определяемые его самостью (существование в разделенном мире, настроенность, стремление к свободе, самоактуализация и пр.).

Феноменологическое понимание и конструирование жизненного мира в философии отличается установкой на выявление субъективно-всеобщей экзистенциальную вовлеченность («захваченность») субъекта в постижении феноменов. Всё это позволяет сформировать видение экзистенциального поля и показать его роль в проектировании бытия человека.

Объективно-всеобщее как основание построения трансцендентального поля (производство категорий и концептов). Объективно-всеобщее постигается при помощи понятий (категорий и концептов), раскрывающих универсальные смыслы бытия человека.

Категории (философские универсалии) охватывают своим содержанием бытие-вообще (или бытие в целом). Для М. Хайдеггера вслед за И. Кантом категории — «это то, что предстаёт как идея единства, когда принимают во внимание» объединение (логическое связывание) или возможные формы связывания сущего (сущих)²¹.

Таким образом, категории и концепты суть не что иное, как «возможные формы связывания сущего в бытии». Хотя каждый человек понимает и конструирует бытие по-своему, его объединяет с другими людьми общеразделяемые логические формы, охватывают человеческое бытие как единое целое и делают его теоретически возможным.

В метапроектировании философы используют трансцендентальные категории и понятия, разрабатываемые в современной феноменологии, в т.ч. *пространственные* категории («сферы бытия», «регионы бытия» и «планы бытия»); *темпоральные* категории («модальности бытия» и «модусы бытия»); *прескриптивные* категории («парадигмы бытия» и «личностные проекции»). Эти категории применяются человеком как для описания

²¹ Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии / Пер. А.Г. Чернякова. — СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. — С. 44.

проявленных, актуальных возможностей, так и для обнаружения латентных и потенциальных возможностей бытия.

Категории бытия, являющиеся «строительным материалом» для онтологического проектирования, соответствуют разным субмодальностям возможности и выступают в виде проектных матриц: матрица интуитивного предвосхищения и освоения будущего (личностные проекции), матрица символического конструирования бытия (комплексы ментальных событий будущего), матрица выбора вариантов или моделей бытия (сценарии альтернативного будущего) и матрица определения бытийного предназначения (парадигмы потенциально-должного бытия).

Например, личностные проекции («устремления в будущее» или «выглядывания вперед») — это эмоционально-чувственные реакции человека, связанные с интуитивным схватыванием будущего существования в мире и соответствующие разным экзистенциалам и регионам бытия. К ним примыкают комплексы ментальных событий, намечаемых к осуществлению в будущем, и сценарии этого будущего, базирующиеся на ситуативных правилах и партикулярных ценностях.

Проектные матрицы разворачиваются далее в разных формах проектной деятельности, которые формируют тот или иной способ инобытия человека: экзистенциальный проект (иное как подлинное и истинно-сущее в человеке), проект миро-бытия (иное как «мирская» человечность), проект со-бытия «Я — другой» (иное как межчеловечность) и трансперсональный проект (иное как метачеловечность или сверхчеловечность).

Таким образом, экзистенциальная феноменология изучает и конструирует целостные феномены как базовые структуры бытия человека при помощи категорий и концептов, конструкторов и экзистенциалов. И это — не только познавательная деятельность, направленная на раскрытие смыслов, заложенных в феноменальной структуре бытия, но и проектная деятельность, преследующая своей целью разработку и рефлексивное сопровождение метапроекта человека.

Экзистенциально-феноменологический синтез: интеграция экзистенциального и трансцендентного начал возможного бытия человека

Философская феноменология открывает человеку всеобщее в его бытии, но она же позволяет ему сформировать собственное будущее, основываясь на представлениях о единстве экзистенциального и трансцендентального. В этом состоит её непосредственный вклад в разработку метафизической части проекта человека (метапроекта).

Экзистенция и трансценденция как два полюса возможного бытия человека. В бытии имеется два центра духовного притяжения. Дух человека распределяется между трансценденцией (идеальным бытием объективного духа) и экзистенцией (самопроявлением субъективного духа). Экзистенция есть момент одухотворения собственного бытия, а просветление экзистенцией означает актуализацию субъективного духа в сфере свободы (или свободное самопроявление человеческого духа). Трансценденция выражает объективный опыт существования человеческого духа. Она проявляется в нас и через нас благодаря идеям, культурным образцам и прочим объективно-мыслительным формам.

Экзистенция настроена на изначальность бытия и предполагает укорененность в нём человека. Она недостаточна с точки зрения полноты бытия, поскольку человек пребывает в ней в состоянии неопределенности и поиска недостающих элементов. Он ищет ответ на вопрос о своём жизненном предназначении в мире трансцендентного, оставаясь один на один с миром и испытывая чувство заброшенности и одиночества. Экзистенция призвана заполнить пустоты в бытии посредством собственных усилий самого человека и с опорой на его жизненный опыт.

Напротив, трансценденция вбирает в себя сферу высших смыслов бытия, помещая её вне человека, за пределами его наличных возможностей. И всё же она даёт человеку духовную энергию и ресурсы, поскольку в отличие от экзистенции содержит в себе избыточные элементы бытия — идеи и смыслы, которые человек получает, стремясь стать универсальным существом (родовым человеком). Но за всё в жизни приходится платить. Приобщаясь к трансцендентному, человек приносит в жертву свою индивидуальную свободу, ограничивая субъективные возможности. Ведь «трансценденция, как средоточие мышления, социального устройства, познания, морали, искусства и т.д., есть ориентация на некий всеопределяющий центр, объединяющий эмпирически разрозненные явления, задающий меру и смысл происходящего, выявляющий конечную цель и назначение человеческой жизни»²². Она ограничивает возможности свободного выбора человека.

Чтобы проиллюстрировать эту мысль, приведу некоторые комментарии к работе К. Яспера «Просветление экзистенции», в которой он ставит проблему размежевания и противостояния двух основных сторон человеческого бытия — экзистенции и трансценденции²³. Экзистенция в

²² Кузьмина Т.А. Экзистенциальная философия: Монография. — М.: «Канон+ РООИ «Реабилитация», 2014. — С. 333.

²³ См.: Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции. / Пер. с нем. А.К. Судакова. — М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2012. — 448 с.

его понимании есть ни что иное, как возможность существования человека в мире, исток, из которого он мыслит и действует, то, что в нём не является объектом для него самого. Как только человек делает своё существование объектом, он теряет эту возможность, а значит, переходит в другое измерение бытия — трансценденцию, что делает его бытие мировым бытием («бытием-в-мире»). Однако мир как трансцендентное целое содержит в себе также нечто враждебное бытию человека. В этом смысле он анонимен (безличен) и чужд человеку.

Но при определенных условиях и, прежде всего, активной позиции самого человека мир просветляется экзистенцией и становится близким ему по духу. По этому поводу К. Ясперс писал следующее: «Или же я совершаю некоторое трансцендирование в мире, который как родственник мне так мне близок. Когда я вижу его, мыслю, действую и люблю в нём, создаю и оформляю в нем, — во всем этом я в то же время избираю некое иное как явление трансценденции, говорящей со мной»²⁴. Обращением к миру от своего имени, переживанием его в себе и превращением в бытие-для-себя мы обязаны человеку и экзистенции.

Неверно рассуждать так, что экзистенция «жива», поскольку она содержит в себе жизненный порыв или волю к жизни, а всё трансцендентное якобы мертво и пребывает в застывшем состоянии. И что мол, его можно оживить только страданием, актом самопожертвования, сострадания, или чувством любви, одним словом, при помощи экзистенциального начала. Дело в том, что трансцендентное как бытие объективного духа находится постоянно под лучами экзистенции. Оно откликается на любое обращение человека, «оживает» в его деятельности и наполняется его личностным смыслом.

Как считает Ясперс, *мир (как трансцендентное и объективное) и экзистенция (как субъективное и лично значимое) находятся между собой в постоянном напряжении*. Мир как трансцендентное начало обладает свойством всеобщности и общезначимости, что делает предметом субстанциалистской философии. Мир же как предметная данность и объективное бытие является объектом познания в науке. Мир как экзистенция разворачивается далее в бытийном пространстве человека и выступает сферой изучения субъективной и лично-ориентированной философии.

Трансценденция есть то объективно-всеобщее в мире, которое не поддается научному познанию, будучи потаённой частью бытия, скрытой от повседневного наблюдения. Экзистенция же, напротив, открыта миру, хотя и не допускает внешнего контроля. Она придает бытию чело-

²⁴ Там же. — С. 5-6.

века уникальность и специфичность. Это — самобытие человека, его подлинное бытие, которое достигается лишь в состоянии свободы.

Трансценденция как способ инобытия человеческих смыслов проходит через фильтры культуры и её универсалий. Как утверждает А.А. Пелипенко, «культура, питаясь витальной энергией человека, которая высвобождается в ходе конвертации биопрограмм в смыслогенезе, заманивает его (человека) в ловушку. Призрак абсолютной партиципации маячит перед человеческим субъектом... как морковка, привязанная перед носом осла. Культура эксплуатирует экзистенциальные устремления человека, который в своем порыве к партиципации создает разнообразные смыслы, формы, артефакты — все то, что и составляет «клеточное тело» культуры»²⁵. В моём представлении такими принудительными и эксплуатирующими свойствами обладает по отношению к человеку любая социокультурная система, отчуждающая результаты его деятельности и навязывающая ему свои «правила игры».

По Ясперсу, экзистенция и трансценденция не только находятся в напряженных отношениях друг с другом, но и составляют взаимодополнительное единство. «Самобытие есть единство двойственного: стоять, опираясь на себя, и быть преданным миру и трансценденции... Один — я ничего не могу, но, теряясь в мире и трансценденции, я как я сам исчезаю»²⁶. Ясперс считает этот феномен трансцендентальным сознанием, удостоверяющим бытие трансцендентного. Оно выступает у него в трех формах: любви, веры и фантазии.

И еще один парадокс ситуации заключается в том, что без сознательной причастности к миру человек не становится самодостаточным существом, хотя у него имеется его самость. Напротив, в состоянии трансценденцирования он, казалось бы, обладая неполным сознанием, приобщается к «высшим» смыслам бытия, но при этом лишается возможности свободного выбора. Трансцендирование есть приобщение к духовной целостности более высокого порядка.

Получается так, что духовное как бы раздваивается в человеческом бытии: одна часть духа стремится вырваться на свободу и воплотиться в подлинном бытии человека, т.е. бытии истинно-сущего — человечности, соразмерном мировому бытию (экзистенция как поле индивидуальной свободы), другая часть становится проводником высших сил — Абсолют,

²⁵ Пелипенко А.А. Постигание культуры: В 2 ч. Ч. 1. Культура и смысл. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. — С. 438.

²⁶ Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции / Пер. с нем. А.К. Судачкова. — М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2012. — С. 52.

мировой разум, Бог и пр. в мире человека и проявляет себя в его приобщении к культуре, религии, мифами другим тотальным формам бытия (трансценденция как бытие абсолютно-сущего – сверхчеловечности).

Проектирование позволяет гармонизировать отношения между трансцендентным и экзистенциальным началами бытия человека. При этом человек не теряет свою самость, а сознательно «сжимает» своё бытие, чтобы впустить в себя и свой жизненный мир трансцендентное.

Проектирование как превосхождение бытия и порождение ничто.

Ж.-П. Сартр проектом называет «набросок бытия на поверхности Бытия». Полагаю, что речь идёт бытии, которое трансформируется в сознании (и сознанием) человека. Проект бытия человека как неполного и незавершённого сущего появляется из ничто, причём в «подвешенном состоянии внутри того, чего нет»²⁷. Поскольку Сартр рассматривал человека как «сообщника Бытия»²⁸, то его проект есть то, на что он может отнестись в своей жизни. Цель его проектирования – не изменение мира, как такового, а то, что он может сделать с тем, что уже «сделали из него» (самопреобразование). Увы, ему приходится преодолевать не только издержки социализации, но и институциональные барьеры тех систем, в которые он встроен всем ходом деятельности.

Вслед за К. Ясперсом и другими экзистенциалистами я выделяю три направления философии как проектной деятельности: ориентирование в мире, просветление экзистенции и метафизическое трансцендирование.

Во-первых, философ призван вырабатывать *общую ориентировку в совокупности бытия*. И дело не в том, чтобы установить, каково бытие первично, а каково вторично, или чем отличается одно бытие от другого. Философ должен показать в лабиринтах бытия свой путь к иному. Ведь философия есть путь к осмыслению бытия, растягивающийся на всю его жизнь. И этот путь может быть не самым лучшим или коротким. Но это путь к себе, выступающий вместе с тем в качестве проектного образца для других. Чаще всего это – путь от себя прежнего к себе иному, достигаемый вопреки представлениям окружающих нас людей.

Ориентирование в мире означает для философа непрерывный поиск и толкование сфер возможного опыта инобытия не только в близкой ему системе понятий (категорий и концептов), но и исходя из собственной экзистенции. Знание о едином (или совокупном) сущем не так важно обычным

²⁷ Цит. по: Тузова Т.М. Сартр: бытие – это то, на что вы отнестись // Путь в философию. Антология. – М.: Университетская книга, 2001. – С. 178.

²⁸ Напомню, что у М. Хайдеггера человек, приобщающийся к мудрости и осознающий необходимость бытийных перемен, выступает в качестве «внимающего соучастника» философа. Он – соавтор проекта бытия.

людям, окружающим философа, как знание об их персонально-сущем, из которого они видят и понимают мир в себе и для-себя. С этой точки зрения философа нельзя считать одиноким путником, прокладывающим себе дорогу из небытия (ничто) в бытие. Скорее он напоминает нам проводника, идущего впереди и ведущего за собой близких ему по духу людей. Другими словами, он не только идёт сам, но и указывает другим путь к самобытию. Его проект — это не знание о сущем, как таковом, а знание о возможно-должном, т.е. о том, как и куда нужно идти, чтобы прийти к истинно-сущему или обрести другой опыт инобытия.

В арсенале метапроектирования философа находится масса концептуальных средств и экзистенциальных ресурсов. Но главное из них — способность ориентироваться в совокупности бытия, скрывающего в себе потенциал перемен и открывающего возможность стать иным, обрести собственный путь к инобытию, которая подкрепляется его стремлением к свободе. А это и есть философская вера мыслителя, помноженная на его экзистенциальный опыт. Без этой веры он не сможет вести за собой людей.

Философия как общая ориентировка в совокупности бытия присутствует в жизни каждого человека и воспринимаются им в качестве руководства к действию. Она входит неявным образом в его проект бытия. Для того же, кто превратил философию в дело своей жизни, она становится главным инструментом осмысления бытия и самого себя.

Во-вторых, в ходе метапроектирования философ переводит знание о мире в знание о *собственном существовании* в нём, где он, как никто другой, вопрошает к бытию и создаёт своё видение будущего (персонификация перспектив бытия). При этом он не претендует на создание единой картины мира или выработку универсального пути к истине. Для него не существует никакого «мира в целом» или «истины вообще», если они не помогают ему и его близким людям найти просвет бытия и обрести желаемое состояние свободы. Это — всегда его мир, и его бытие, которое он переживает для себя как собственное творение.

Ясперс называет этот путь к бытию «просветлением экзистенции». Он отличает его от трансцендентального анализа существования, связанного с выявлением всеобщего в бытии. В экзистировании человек как бы открывает себя в качестве персонально-сущего. Он строит самопроект, раздвигающий границы его бытийных возможностей. Просветление же экзистенции является его обращением к человеку, в т.ч. самому себе, в котором каждая из сторон рассматривается как инаковость. Это происходит на фоне общего ориентирования в мире, которое относится к поиску разного рода инаковостей человека и связано с распознаванием опыта его инобытия в мире.

Просветление экзистенции (и экзистенцией) есть путь к истоку – свободе как возможности самобытия. Оно наполняет ориентирование в мире экзистенциальным смыслом и придает ему характер бытия-для-себя. Однако «пока человек сохраняет способность возвышаться над своим существованием, философствование будет увлекать его к возвышению в метафизике»²⁹.

Просветление есть путь к мудрости, которая уравнивает стремление человека выразить через себя весь мир чувством ответственности за себя и свой путь к инобытию. У Сартра оно связано с освобождением человека, обретением им свободы и великодушия. Человек получает шанс стать Иным, не приспособляясь к бытию, а преодолевая его пределы. И этот шанс связан с проявлением великодушия, которое позволяет ему оставаться самим собой и шаг за шагом обретать свободу. Только великодушный человек может быть свободным.

Но чтобы стать самим собой и создать проект своего бытия, человек обращается к мудрости веков и непосредственно – к философии. Ведь задолго до него люди искали ответы на «вечные» вопросы. А некоторые из них посвятили философии свою жизнь, чтобы глубже разобраться в сути бытия и лучше понять самих себя. Напомню читателю одно высказывание К. Ясперса: «Философия – это то, посредством чего человек становится самим собой, в то время как он становится сопричастным действительности»³⁰.

В-третьих, проектирование бытия предполагает *расшифровку и производство смыслов* в сфере трансцендентного, откуда философ извлекает объективно-всеобщее и передает его содержание другим участникам. «Метафизика есть для экзистирующего то просветление, в котором – из мира в коммуникации между экзистенциями – с ним говорит трансценденция»³¹. Другими словами, метафизический уровень философствования является завершающим в проектировании бытия. Субъект трансцендирования погружается в пограничную ситуацию, в которой ему приоткрывается мир запредельного. Но для этого ему, как считает Ясперс, необходимо расшифровать символы и коды человеческого бытия. Трансценденция скрыта под шлейфом закодированных посланий. Зов бытия трудно уловить, поскольку он заглушается шумом искажающих и отвлекаю-

²⁹ Ясперс К. Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире / Пер. А.К. Судакова. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2012. – С. 54.

³⁰ Ясперс К. Введение в философию // Путь в философию. Антология. – М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001. – С. 228.

³¹ Ясперс К. Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире / Пер. А.К. Судакова. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2012. – С. 54.

ших звуков. Поэтому к нему надо подобрать необходимые ключи или другие инструменты.

Некоторые исследователи считают, что истинное назначение философа, постигающего смысл инобытия человека особым образом, заключается в трансцендировании, т.е. в производстве смыслов для своей исторической эпохи (сообщества), возникающего на границе постижимого и непостижимого. «Философия экзистенции, — подчеркивал К. Ясперс, — есть в сущности метафизика»³². При помощи метафизики философ устанавливает границы преобразования человеческого бытия, находя точное соотношение между его экзистенциальными и трансцендентными началами.

Постоянная рефлексивная и проектная практика философа указывает ему путь к инобытию в сфере объективно-всеобщего (трансценденции), который он открывает в свою очередь для себя и других людей. Она состоит в непрерывном поиске бытия из экзистенции и расшифровке кодов, содержащихся в символах трансценденции. А для этого нужны иные средства проектирования, чем те, которые находятся в распоряжении обычного человека. Именно философу дано создавать и проигрывать на собственном примере проектный образец идеального бытия, который он дарит людям подобно Прометею.

Трансцендирование означает не просто «превосхождение предметности», т.е. выход за пределы предметного познания в мир непредметного и непостижимого, а переход в сверхбытие, которое связано с идеей абсолютного существования человека.

Но можно ли мыслить инобытие иначе, чем в контексте божественного предначертания пути человека? Можно, если под ним понимать бытие всеобщего (всеобще-сущее), в котором заключен субъективный смысл целого, а именно — субъективно-всеобщего. И это не Бог или мир идей Платона, а трансцендентальный субъект, способный производить новые категории и концепты для проектирования бытия людей, исходя из собственного экзистенциального опыта. При этом философ, становясь на время трансцендирования абсолютным индивидуумом, не отрывается от своей экзистенции, которая предлагает субъективное видение будущего. Он ищет бытие не в Боге, а в сфере субъективно-всеобщего — «духе целокупности», сводящим воедино бытие (К. Ясперс). «Трансценденция есть бытие, которое делает возможным целокупности идей в существовании, хотя в нём и не дано зримой или мыслимой наличности идеи какого-либо единого целого»³³.

³² Там же. — С. 49.

³³ Ясперс К. Философия. Книга третья. Метафизика / Пер. А.К. Судакова. — М., Канон+РООИ «Реабилитация», 2012. — С. 82.

В процессе проектирования бытия человек балансирует на грани возможного и невозможного подобно канатоходцу. Испытывая недостаточность бытия в экзистенции (одиночество, заброшенность и тоску по-настоящему, истинному, подлинному), он погружается в мир трансцендентного, чтобы получить желаемую свободу или обрести чувство защищенности. В последнем случае он «прячется» за универсальные смыслы и прикрывает свою обеспокоенность давящей тотальностью бытия всякого рода практиками (моление, медитация и пр.). И здесь ему на помощь приходит философ, который показывает ему путь к трансцендентному и корректирует проект его бытия. При этом грани проектируемого бытия этого человека выражаются в понятных для него терминах, имеющих универсальные значения.

Следовательно, трансцендирование есть способ метапроектирования бытия человека, инициируемый философом или иным мыслителем, который указывает ему путь к подлинному существованию в свободе. В этом смысле метафизика проектирования — это превосхождение бытия, преодоление бытийных рамок сущего человека и целостное схватывание будущего, осуществляемое им совместно с философом.

Однако мыслить метафизически — это значит для человека не просто постигать существующий мир в целом, а создавать за его пределами новый («параллельный») мир, содействовать возникновению бытийной инаковости на основе проектного образца, предложенного философом и заимствованного другими людьми. Проектировать же бытие означает для философа трансцендировать единство мира, изменять и корректировать конфигурацию сущих человека, исходя из его изначального — экзистенции. С этой точки зрения, всякий человек есть множественное сущее, бытие которого тяготеет к проявлению инаковости, но всегда остаётся экзистенциально окрашенной возможностью, не открывающейся до конца.

Поэтому миссия феноменологически ориентированного философа — побудить каждого здравомыслящего человека к житнетворчеству как форме свободной самореализации возможно-мыслимого бытия, встроенного изначально в его экзистенцию и требующего для своего полного разворачивания восхождения к миру трансцендентного. Такова логика метапроектирования, которое исходит из идеи незавершенности бытия человеческого существа и необходимости достраивания его бытия «снизу» (экзистенция) бытием «сверху» (трансценденция).

В заключение статьи приведу предварительный итог исследования, обобщив данные возможностного анализа бытия человека, которые выс-

Табл. 1. *Единицы возможностного анализа и проектирования бытия человека (феноменологический подход)*

Уровни проекта бытия человека	Единицы анализа бытия (дескриптивные категории)		Единицы проектирования бытия (перспективные категории)	
	Феноменальное поле	Трансцендентальное поле	Проектные модальности	Проектные матрицы
Экзистенциальное поле как проекция экзистенции в бытии человека (ориентация на субъективно-всеобщее)				
Персональный проект (самопроект)	Протофеномен (мыслимое сущее с неопределенными для субъекта интенциями)	Экзистенциалы	Неявная, латентная возможность (ожидаемое присутствие)	Матрица личного освоения бытия (личностные проекции)
	Прафеномен (конкретное возможно-мыслимое сущее, выделенное сознанием субъекта из всей совокупности других сущих)	Личные конструкты	Явная возможность (ожидающее присутствие)	Матрица символического конструирования своего бытия (комплексы ментальных событий будущего)
Трансцендентальное поле как проекция трансценденции в человеческом бытии (ориентация на объективно-всеобщее)				
Фундаментальный проект (метапроект)	"Чистые" эмпирические феномены (значимое для субъекта возможно-мыслимое сущее частного характера)	Концепты (понятия, обозначающие один класс объектов)	Альтернативная возможность (выбираемое присутствие)	Матрица предписания вариантов(моделей) бытия (альтернативного будущего, ситуативные правила и партикулярные ценности)
	"Чистые" единые или целостные феномены (общезначимое возможно-мыслимое сущее)	Категории (общие понятия, обозначающие широкий класс)	Потенциально-должное (предписанное присутствие)	Матрица осуществления предназначения (парадигмы бытия как универсальные ценности и смыслы, избранные в качестве главных приоритетов)

тупают результатом экзистенциально-феноменологического синтеза и предпосылкой онтологического проектирования (см. табл. 1).

Как видно из данной таблицы, каждому виду феномена человеческого бытия соответствует своя проектная матрица. Последовательная «сборка» бытия возможно-мыслимого сущего предполагает наложение матриц друг на друга и создание опытного проектного образца, подлежащего дальнейшему распространению и продвижению в данном культурном сообществе.

Метафизическая часть проекта представлена матрицами предписания (предуказания) вариантов или моделей бытия и осуществления бытийного предназначения. Однако проектирование бытия человека включает еще одну часть – персональный проект (или самопроект), ответственность за создание и осуществление которого целиком и полностью несёт

сам человек. Без его личной вовлеченности и глубокой причастности («решимости к бытию») любой метапроект, придуманный мыслителями, будет бесплоден и практически бесполезен. Персональный проект содержит матрицы личного освоения бытия и его символического конструирования.

Итак, экзистенциально-феноменологический синтез в метапроектировании представляет собой достижение единства (нового качества единно-сущего) экзистенциального и трансцендентного начал в бытии человека на более высоком, сущностном уровне их взаимодействия, а также последующее символическое оформление их в виде субпроектов бытия (миро-проект, проект со-бытия, экзистенциальный и трансперсональный проекты).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1 / Пер. с нем. А.В. Михайлова. — М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. — 336 с.
2. Кузьмина Т.А. Экзистенциальная философия: Монография. — М.: «Канон+ РООИ «Реабилитация», 2014. — 352 с.
3. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия: Пер. с фр. и редакция И.С. Вдовиной и С.Л. Фокина. — СПб., 1999. — 608 с.
4. Новые направления социологической теории / Пер. Л.Г. Ионина; Общ. ред. Г.В. Осипова. — М.: «Прогресс», 1978. — 392 с.
5. Пелипенко А.А. Постижение культуры: в 2 ч. Ч. 1. Культура и смысл. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. — 607 с.
6. (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за её пределами / Сост. С.А. Шолохова, А.В. Ямпольская. — М., 2014. — 288 с.
7. Путь в философию. Антология. — М., 2001. — 445 с.
8. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко. — М., 2000. — 639 с.
9. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. В.В. Библихина. — М.: AD MARGINEM, 1997. — 452 с.
10. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии / Пер. А.Г. Чернякова. — СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. — 446 с.
11. Энтвейн М.Н. Философия возможного. — СПб.: Алетейя, 2001. — 334 с.
12. Ясперс К. Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире / Пер. А.К. Судакова. — М., 2012. — 384 с.
13. Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции. / Пер. с нем. А.К. Судакова. — М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2012. — 448 с.
14. Ясперс К. Философия. Книга третья. Метафизика / Пер. А.К. Судакова. — М., Канон+ РООИ «Реабилитация», 2012. — 296 с.

СОЦИУМ КАК ПРОСТРАНСТВО ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА

О.Ю. ГЛУХОВА

«ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ» СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: К ВОПРОСУ О ЧЕЛОВЕКОРАЗМЕРНОСТИ ГЛОБАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА

***Аннотация:** В статье рассматриваются вопросы возможных направлений систематизации некоторых представлений современной картины мира в контексте поисков решения глобальных проблем. Анализируются возможности построения необходимого единства на основании системы общества как объекта изучения и проектирования. Поднимаются вопросы о категориальных основаниях производимой систематизации и о переходе к системе глобального сообщества как предполагаемом результате такого изучения.*

***Abstract:** The article is concerned with possible guidelines for systematizing certain notions in the modern world-picture in the context of search for solution of global problems. The author presents the analysis of constructing the required unity on the basis of society system as a subject of inquiry and engineering. Also she raises a question of categorical foundations for proposed systematization and of transition to global community system as a hypothesized product of such inquiry.*

***Ключевые слова:** социальная система, глобальные проблемы, картина мира, категории, Кант, Гегель, гуманитарное измерение, пространство, время, глобальное сообщество.*

***Keywords:** social system, global problems, world-picture, categories, Kant, Hegel, human perspective, space, time, global community.*

*...Получив предупреждение не увлекаться слепо любой затеей,
которая, быть может, превосходит все наши способности,*

все же мы, не будучи в состоянии отказаться от постройки прочного жилища, составим смету на постройку здания соразмерно материалу, который дан нам и вместе с тем сообразуется с нашей потребностью.

И. Кант

К постановке проблемы системного основания картины мира

Можно приводить сколь угодно много стройных философических аргументов в пользу чистого спекулятивного познания мира и человека в этом мире. Да, познавательное значение таких направлений человеческой мысли, как математика, логика, аналитическая механика и тому подобных — неоспоримо, но также неоспорим и тот факт, что опытное знание, приобретаемое человечеством на своем историческом пути, нередко способно изменить какие-либо из наших представлений о Вселенной или о нас самих и даже повлиять на всю нашу картину мира. Не стоит и вспоминать в этой связи такой трюизм, как становление гелиоцентрической системы мира.

В наше время в различных областях науки и техники ведутся эксперименты и совершаются открытия, нуждающиеся в глубоком философском осмыслении, а значит, способные, в свою очередь, определять наши представления о том, к чему мы пришли и куда стремимся, о новых возможностях в развитии человеческой цивилизации. Это представляется особенно актуальным для современной эпохи мировых вызовов и глобальных проблем. Ставший едва ли не общим местом многих научных и философских исследований эколого-социально-экономический кризис наших дней — «системный кризис» — едва ли сможет встретить правильную оценку ситуации и последующие принимаемые меры без системной же картины мира. А последняя как раз и формируется (или же не формируется) в зависимости от того, какую общетеоретическую и философскую интерпретацию получают достижения научного (естественнонаучного и социально-гуманитарного), а может, даже и вненаучного познания: интерпретацию, упорядоченную некоей системообразующей «канвой» или же эклектическую, фактически равнозначную своему отсутствию¹.

В разное время с проблемой систематизации картины мира по мере ее расширения, углубления и обогащения сталкивались разные мыслители. Не подгоняемые ветром истории и глобальных перемен, который бушевал бы по планете, они могли долго дискутировать о том, что, в итоге,

¹ Какой-либо третий вариант, что философия, будучи учением о взаимоотношениях мира и человека, может при этом от комментариев по поводу таких мировоззренческих изменений попросту воздержаться, — не рассматривается по определению.

должна представлять собой искомая упорядочивающая «канва»: некоторую субстанциальную первооснову, или умопостижимый первопринцип, или, может быть, она не нужна и вовсе. Так или иначе, в результате этих интеллектуальных манипуляций не отдельные фрагменты картины мира, уже имевшиеся и обретаемые, укладывались на единое философское основание, а, напротив, сама философия распалась, например, на теорию бытия и теорию познания, философию науки и философию общества, другие дисциплины, явившие собой, таким образом, не философскую систематизацию, а лишь дисциплинарную классификацию.

Как следствие, сегодняшнее состояние философии, или, скорее, «философий» (или, в конце концов, по меткому замечанию Э. Гуссерля, множества воззрений, разобщенных между собой философов²) не только не обеспечивает прочного фундамента для взаимной поддержки новых, например, потенциалов науки и новых запросов глобального общества, но и само требует сколько-нибудь устойчивой опоры.

Получается своеобразный замкнутый методологический круг, который в свое время был весьма предусмотрительно описан В.С. Степным: (1) картина мира, которая нуждается в (2) философии, её упорядочивающей – посредством системообразующей «канвы», увязывающей между собой наиболее общие смыслы картины мира, так называемые (3) философские категории, обеспечивающие за счет своей логически-понятийной формы (4) философские основания уже для строгих научных смыслов с их понятийностью и логичностью, формирующих уже (5) научную картину мира, находящую своё воплощение в (6) науке, в том числе, например, естественных и социогуманитарных науках вообще, конкретных науках в частности, обобщающих теориях внутри конкретных наук и т.д., которые неотъемлемой частью входят в состав в целом (7) картины мира³.

Казалось бы, при такой мировоззренческой и методологической безысходности неоткуда и взяться как изменениям в картине мира, так и новым эвристическим находкам и приобретениям. Тем не менее, картина мира в последнем пункте (7) являет собой уже не то же самое, что картина мира в точке отсчета (1), и, оставляя на откуп Г. Гегелю эти парадоксы диалектического отрицания и снятия, мы пока просто сосредоточимся на существовании проблемы.

² Гуссерль Э. Картезианские размышления // Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. – С. 328-329.

³ См.: Степин В. С. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации / В.С. Степин, Л.Ф. Кузнецова. – М.: ИФРАН, 1994. – С. 19-27.

А именно, к настоящему времени человечество накопило огромные запасы знаний и опыта, успешно применяемые им к решению огромного количества частных задач, однако почти не используемые для устранения одной-единственной общей проблемы: потребности в преодолении мирового системного кризиса и устроении для себя устойчиво развивающегося планетарного дома. И, «не будучи в состоянии отказаться от постройки прочного жилища, составим смету на постройку здания соразмерно материалу, который дан нам и вместе с тем сообразуется с нашей потребностью»⁴, иными словами, рассмотрим некоторые мировоззренческие положения современной науки в их отношении к мировоззренческой составляющей нынешних глобальных проблем. При этом не будем забывать, что любая «смета» всегда отражает лишь предварительный учет «материала», необходимого для реализации проекта, и чем сложнее проектируемый объект, тем грубее и приближеннее оказывается такой учет.

Социогуманитарное знание в системе современной картины мира

Если в XVII–XVIII и первой половине XIX в. объектами внимания науки были простые (малые) механические системы, такие как часовые механизмы и автомобили, а мировоззренческий образ часов властвовал даже над умами, например, социологов (вспомним социальную механику О. Конта), то к началу XX в. картина мира заметно изменилась. Открытия, связанные с теорией относительности и квантовой механикой, привнесли в картину мира осязаемый акцент на дополнении и релятивизме и были отмечены возрастанием интереса к сложным (большим) автоматизированным объектам: системам управления космическими кораблями, биогеоценозам или, например, обществу как организму.

Во второй половине XX в., в связи с успехами, главным образом, синергетического направления исследований, повышенное внимание было сосредоточено на сложных саморазвивающихся системных объектах и на мировоззренческой роли идеи исторического развития⁵. В поле зрения науки попали такие объекты, как «...системы современного проектирования, когда берется не только та или иная технико-технологическая система, но еще более сложный развивающийся комплекс: человек — технико-технологическая система, плюс экологическая система, плюс куль-

⁴ Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным; Примеч. Ц.Г. Арзаканяна. — М.: Мысль, 1994. — С. 420.

⁵ См.: Степин В.С. Онтология постклассической науки (на пути к новой метафизике) // Метафизика. Век XXI. Альманах. Выпуск 2: Сборник статей / Ред. Ю.С. Владимирова. — М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2009. — С. 53-56.

турная среда, принимающая новую технологию, и весь этот комплекс рассматривается в развитии»⁶. Кажется, что соответствующий научно-исследовательский арсенал должен был давно уже сыграть свою миротворческую роль в деле объединения всевозможных потенциалов человечества против пресловутых глобальных проблем—даром что речь здесь не заходит о философских первоосновах и первопринципах. Однако на чем же тогда держится провозглашаемое единство рассмотрения этого самого «комплекса» (и держится ли вообще)?

Похожие вопросы в адрес «универсальной» синергетики действительно нередко звучат со страниц научных журналов и монографий, в числе которых одним из наиболее показательных может считаться первый выпуск, так называемый «бюллетень», альманаха «В защиту науки», гласящий буквально следующее: «...Многие не слишком критичные ученые стали представлять себе и широкой общественности синергетику как панацею, решающую коренные вопросы во всех науках, в том числе — в гуманитарных... Раньше, мол, мы не понимали существенности нелинейных процессов в мире и не учитывали их. Теперь мы видим их принципиальную важность. Старые теории несовершенны, и новые подходы обещают привести к решительным улучшениям... Ничего нового в их делах не появилось с возникновением синергетики»⁷. Такой внутренне противоречивый пассаж (гуманитарные науки заговорили о нелинейных процессах — но при этом ничего нового в них не появилось) о вовлеченности социогуманитарной области знания в синергетическое объединение нуждается, конечно, в дальнейших разъяснениях, которые тоже находятся достаточно быстро. Исследовательский аппарат синергетики невозможно должным образом применить к изучению объектов социально-гуманитарного познания, потому что он основан на математике, без которой исследование-де не будет отличаться глубиной; без которой оно будет перегружено деталями; без которой оно в целом окажется лишенным эстетики; и, наконец, понизит популярность и рейтинг самого синергетического учения⁸.

Подобные аргументы против «гуманитарной синергетики», особенно те, которые о рейтинге и популярности наук в ситуации междисциплинарного взаимодействия, следовало бы дополнить лишь цитатами, к

⁶ Там же. — С. 56.

⁷ Губин В.Б. Псевдосинергетика — новейшая лженаука // В защиту науки. Бюл. № 1 / Отв. ред. Э.П. Кругляков; Комис. по борьбе с лженаукой и фальсификацией науч. исслед. РАН. — М.: Наука, 2006. — С. 111-112.

⁸ См.: Чернавский Д.С. Синергетика и информация (динамическая теория информации) / Послел. Г.Г. Малинецкого. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — С. 82-84.

примеру, из рубрики «физики шутят», наподобие того, что «науки бывают естественные, неестественные и противоестественные»⁹ или же что разница между естественнонаучным и социогуманитарным знанием такая же, как между астрономией и астрологией¹⁰.

Однако довод о значении математических оснований синергетики заслуживает здесь более серьезного внимания. Действительно, эта теория сложных саморазвивающихся систем, будучи основанной известными физиками Г. Хакеном (в Германии) и И. Пригожиным (в Бельгии), исторически явилась, прежде всего, знанием физико-математическим. Но разве математический характер теории способен помешать ее успешному применению в самых разных сферах познавательной деятельности? Ведь и самим пионерам синергетики их наука представлялась вовсе не как нагромождение безликих вычислений, но едва ли не в качестве альтернативы философскому познанию.

Так, например, Пригожин вспоминает о побудительных мотивах своего исследовательского творчества: «Меня чрезвычайно интересовала проблема жизни...могут ли неравновесные ситуации быть стабильными... Я всегда думал, что само существование жизни говорит нам нечто очень важное о природе. Вселенная без жизни была бы другой вселенной; следовательно, и обратно, если жизнь существует, то это говорит нам о чем-то и в терминах законов физики...»¹¹. Не менее масштабные перспективы обещает синергетике и Хакен, применяя к ней самые общие характеристики:

«1. Исследуемые системы состоят из нескольких или многих одинаковых или разнородных частей, которые находятся во взаимодействии друг с другом.

2. Эти системы являются нелинейными.

3. При рассмотрении физических, химических и биологических систем речь идет об открытых системах, далеких от теплового равновесия.

4. Эти системы подвержены внутренним и внешним колебаниям.

5. Системы могут стать нестабильными.

6. Происходят качественные изменения.

7. В этих системах обнаруживаются эмерджентные новые качества.

8. Возникают пространственные, временные, пространственно-временные или функциональные структуры.

⁹ *Бессараб М.Я.* Так говорил Ландау. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2004. – С. 52.

¹⁰ Bartley W.W., III. *Biology & Evolutionary Epistemology // Philosophia.* – 1976. – Vol. 6. – N 3-4. – P. 463.

¹¹ *Paslack R.* *Urgeschichte der Selbstorganisation: Zur Archdologie eines Wissenschaftlichen Paradigmas.* – Berlin: Springer-Verlag, 2013. – S. 96-97.

9. Структуры могут быть упорядоченными или хаотическими.

10. Во многих случаях возможна математизация.»¹²

Как видим, изучаемые синергетикой закономерности во многом описываются в терминах части и целого, количества и качества, пространства и времени, жизни и смерти, и т.д., в чем без труда узнаются философские категории. Так почему же возникают затруднения при апплицировании этих универсальных категорий к вопросам социогуманитарного познания? Думается, ответ следует искать в том пункте, который говорит о возможности математизации. Объяснением тому может послужить идея, с которой мы и начали наше рассуждение, но которая сама теперь нуждается в дополнительном разъяснении: о том, что логико-математический фундамент в основе познавательной деятельности находится как будто в противоречии с чувственно-эмпирической основой.

В самом деле, на указанное свойство человеческого познания обратили внимание многие мыслители. Те же Кант и Гегель, анализируя основания познавательной деятельности, пришли к выводу об определяющем значении либо чувственного восприятия действительности (хотя и преломленного сквозь призму логико-категориального познания – Кант), либо неких познавательных абстракций (имеющих, правда, бытийный статус – Гегель), но никогда не вместе. Социально-гуманитарное познание, руководствуясь (по восходящему к В. Дильтею различению) методом понимания и «вчувствования», коррелирует, прежде всего, с чувственно-эмпирическим постижением действительности, тогда как естественнонаучное познание (в том числе и синергетическое) основывается на методе абстрактно-логического объяснения.

Поэтому для обозначившейся в наши дни потребности в сложносистемном познании синергетика, при всех ее несомненных методологических преимуществах, оказывается все-таки недостаточной. Чего ей, в первую очередь, не хватает, так это «человеческого лица», гуманитарного измерения, которое хотя и провозглашается в форме утверждений о ключевой роли исторического времени в синергетическом учении, о вовлеченности в сферу его ответственности человека и культуры, но на деле оказывается методологически неприспособленным под изучение этих декларируемых подсистем единого сложносистемного комплекса. И правда, как математизировать историю и культуру? Можно ли вывести формулу человека? По-видимому, хотя синергетика и обратила внимание на основополагающую роль идеи времени для изучения сложных саморазвиваю-

¹² Данилов Ю.А. Синергетика – наука о самоорганизации // Прекрасный мир науки: Сборник. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – С. 149.

щихся систем, но время еще не есть история, и переход от идеи математического «четвертого измерения», как некогда А. Эйнштейн обозначил физическую величину времени, к человекообразной идее времени исторического развития должен оказаться нетривиальным.

Проблема категориальных оснований картины мира

Об устойчивом развитии общества. Если единства между пониманием и чувствованием «четвертого измерения» системных объектов нет в естественных и социогуманитарных науках, и нет его даже в «философиях» (к примеру, в лице Канта и Гегеля), то где-то же оно должно быть, раз мы обозначаем ими совершенно, якобы, разного порядка явления, протекающие во времени? Что ж, по крайней мере, это единство есть где-то на просторах нашей необъятной картины мира, и, как резонно заметили бы представители Московского методологического кружка, при проектировании некоторой системы надо озаботиться не чем-нибудь, а, прежде всего, необходимыми преобразованиями этой системы, для чего «...нужно знать и описать определенное функционирование системы, а материал, который будет обеспечивать это функционирование, — вторичное дело»¹³. Особенно когда такой материал ограничен лишь пределами всей картины мира современности.

Тогда возьмём и вообразим, —ни много ни мало —что, в общих чертах, должно бы представлять собой наше планетарное общежитие. В этом отношении недостатка в теоретических конструкциях и концепциях (в отличие от предложений по методам их реализации) точно не наблюдается, и, в целях приведения к общему знаменателю, мы рассмотрим пример с наиболее разветвленной и проработанной среди имеющихся — концепцией *устойчивого развития*.

Согласно этому теоретическому и мировоззренческому построению, наша глобальная саморазвивающаяся система должна явить собой гармоничное единство разных граней жизни человека в окружающем мире: экологической, отражающей взаимоотношения между человеком и природой; экономической, выражающей особенности удовлетворения человеком своих потребностей; и социальной, которую в последнее время все чаще конкретизируют в форме ее политической и культурной составляющих¹⁴, со-

¹³ Шедровицкий Г.П. Два понятия системы // Шедровицкий Г.П. Избранные труды. — М.: Школа культурной политики, 1995. — С. 230.

¹⁴ Например: James P. *Urban Sustainability in Theory and Practice: Circles of Sustainability* / With L. Magee, A. Scerri, M.B. Steger. — London: Routledge, 2015. — P. xiii; см. также Hawkes J. *The Fourth Pillar of Sustainability: Culture's Essential Role in Public Planning*. — Melbourne: Common Ground Publishing & Cultural Development Network, 2001.

относящихся, соответственно, с общественными взаимоотношениями и совокупной познавательной-творческой деятельностью.

То, какие преобразования требуются сложной глобальной системе для достижения таких характеристик её функционирования, обычно выражается в виде многосоставного перечня проблем и задач, ожидающих решения, таких как проблема давления общества на среду, голода, нищеты, безграмотности, международной преступности, терроризма и наркотерроризма, оружия массового уничтожения, ядерных отходов и т.д. При этом, пронизательно обобщая возможные пути выхода из сложившейся ситуации, «сторонники концепции устойчивого развития согласны в том, что только социальная трансформация способна обеспечить адекватный ответ на острейшие экологические, социальные и экономические проблемы»¹⁵.

Каковы же эти насущные социальные преобразования? Концепция пытается донести до нас ответ посредством определения своего стержневого, а значит, наиболее часто воспроизводимого, понятия — устойчивого развития: это такое развитие, при котором «...удовлетворение потребностей настоящего времени не подрывает способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности»¹⁶. Действительно, такое лаконичное определение оказывается весьма емким, имплицитно заключающая в себе неизбежные выводы и об ожидаемом образе глобального человеческого общежития, и о потенциальных трансформациях в обществе, а точнее, видимо, в его мировоззрении.

Общественное мировоззрение, поколения будущего... Ну вот, в лучших традициях «замкнутого круга», мы снова приходим к идее времени в нашей картине мира. Однако гегелевская диалектика срабатывает безошибочно, и в пункте прибытия мы уже и в самом деле имеем не то же, что в точке отсчета: не просто мировоззрение и картину мира, но картину мира общества; не просто будущее или какое бы то ни было время, но время сменяющихся поколений общества, социума — «четвертое измерение» социальной системы (или подсистемы, если брать за основу глобальное сложносистемное единство). Таким образом, едва лишь начав рисовать себе должное функционирование социальной системы и нужные для этого преобразования, мы сразу же вновь оказались перед вопросом о необходимом материале — только на этот раз уже имея под рукой конкретное руководство к действию.

¹⁵ Бехманн Г. Устойчивого развития концепция // Глобалистика: Энциклопедия / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «ДИАЛОГ». — М.: ОАО Издательство «Радуга», 2003. — С. 1053.

¹⁶ Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). — М.: Прогресс, 1989. — С. 12.

Значит, если недостающее наукам и «философиям» единство в отношении, например, вопросов о времени предположительно можно найти где-нибудь в бесконечности картины мира, а (как минимум) в совокупности заложенных в ней представлений об обществе, то мы уже больше не дрейфуем в неопределенности и приобретаем некоторую точку опоры.

К проектированию категориальной системы картины мира. Далее, если «наиболее общие смыслы картины мира» — философские категории, — не говоря уже о смыслах научного (естественнонаучного и социогуманитарного) и, тем более, вненаучного познания, будучи выведенными между собой несовместимыми методами, сами оказываются, на первый взгляд, несовместимы, то, так и быть, расположим эти категории (а затем и более частные мировоззренческие смыслы) на разных плоскостях.

Например, полученные понимающими методами категории разложим по вертикальной плоскости, а объясняющими — по горизонтальной (почему плоскости, или даже мысленные объемы, пересекаются, понятно: потому что у них одна точка опоры). Проще говоря, отложим, допустим, по одной оси категории Канта, а по другой — категории Гегеля¹⁷.

Как известно, в качестве кантовских категорий наиболее часто называют его знаменитые двенадцать категорий (парные и непарные), разбитые на четыре группы:

- 1) категории количества (единство, множественность, целокупность);
- 2) категории качества (реальность, отрицание, ограничение);
- 3) категории отношения (присущность и самостоятельное существование, причинность и зависимость, общение);
- 4) категории модальности (возможность — невозможность, существование — не существование, необходимость — случайность)¹⁸.

Категории Гегеля являют собой еще более сложную систему, где каждая категория, тезис, переходит в свою противоположность — антитезис, и вместе они образуют новую категорию — синтез (начиная с чистого бытия и его противоположности — ничто — осуществляется сначала переход к их соединению, наличному бытию, как возникновению, уничтожению и становлению). Затем бытие характеризуется категориями качества, ко-

¹⁷ В строгом понимании, кантовские категории как априорные чистые понятия рассудка выявляются, естественно, не из опыта, но «на фоне» опыта, однако, в любом случае, это происходит на основании чувственного восприятия действительности, в противоположность абстрактно-логическому познанию. См.: *Кант И. Критика чистого разума* / Пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным; Примеч. Ц.Г. Арзаканяна. — М.: Мысль, 1994. — С. 86.

¹⁸ См.: *Кант И. Критика чистого разума* / Пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным; Примеч. Ц.Г. Арзаканяна. — М.: Мысль, 1994. — С. 86-87.

личества и меры, вслед за чем выясняется побудительная сила всех этих переходов, которой оказывается сущность, и т.д.

Спрашивается: по какому принципу всё это расположить относительно нашего «центра координат», не говоря уже о том, как потом это взаимно совместить? Но тут к Канту возникает один вопрос: если его двенадцать категорий разделены на некоторые группы (количество, качество, отношение, модальность), тогда сами группы — это что? Гегель бы, очевидно, назвал именно их категориями, но тогда что такое оставшиеся двенадцать — «подкатегории»? Следуя логике нашего рассуждения, «наиболее общих смыслов картины мира» у Канта насчитывается их четыре. Но тогда с аналогичным вопросом можно обратиться и к Гегелю: почему тезис, антитезис и синтез не объявляются им высшими категориями?

Вообще, в первом издании «Критики чистого разума» Кант особое внимание уделил не категориям, относящимся к объектам восприятия в общем, а тем категориям, которые относятся к восприятию, «душе», направленной на самое себя. И вот уже этих категорий у философа оказалось четыре, причем они во многом совпали с его «группами» (количество, качество, отношение и модальность), В свою очередь «категориями души» стали:

- (1) единство при множественности во времени;
- (2) единство качества, за счет восприятия своего реального целого как простого;
- (3) единство отношения, благодаря «субсистенции» — присущности души не чему-то, а самой себе;
- (4) единство существования в пространстве: множество пространственных объектов сливается в едином существовании души¹⁹.

Претензии к Гегелю тоже не остаются без своего логического развития: они находят воплощение в возможности иной трактовки гегелевских тезиса, антитезиса и синтеза. Тезис — это (а) изначально слитное единство общего и частного, которое затем раздваивается на эти же начала в их отвлечении: (б) отвлеченное общее и (в) отвлеченное частное —и, наконец, объединяется на новом уровне в синтезе (г) высшего единства²⁰.

Такая критика представляется заслуживающей внимания хотя бы на том простом основании, что при переходе тезиса в антитезис что-то еще от тезиса все-таки должно сохраняться, ибо потом антитезису совершенно не с чем будет «синтезироваться». Более серьезно, Гегелю, в общем-то, не раз ставился в упрек несколько искусственный характер его категори-

¹⁹ Там же. — С. 544.

²⁰ Чичерин Б.Н. Наука и религия / Вступ. ст. В.Н. Жукова. — М.: Республика, 1999. — С. 82.

альной системы, стремящейся подогнать все, что только можно, под триады (чаще всего такие нарекания звучали в отечественной философии, причем с самых разных сторон²¹).

И вот теперь еще раз зададимся вопросом: как разместить Гегеля и Канта в единой «системе координат»? С учетом изложенных дополнений эта задача больше не выглядит такой уж неразрешимой. Сразу обращает на себя внимание совпадение числа кантовских и гегелевских категорий в предложенных категориальных схемах: так рассмотрим их относительно друг друга, расстелив и ту, и другую на наших ортогональных плоскостях.

Поскольку в качестве «начала координат» мы взяли общество как объект, то и вертикаль, и горизонталь оказываются теперь проекциями общества. По вертикали, кантовская «душа», которую следует понимать в обычном психологическом смысле²², есть по отношению к обществу, таким образом, душа отдельного индивида (с позволения социальной философии), который, следовательно, должен быть рассмотрен как подсистема в системе общества.

По горизонтали, индивид (вместе, разумеется, с его душой) прямо подпадает под (гегелевскую) категорию (а) изначального слитного единства — по соответствию своего определения, во-первых, и по несоответствию трем другим категориям, во-вторых, то есть (б, в) отвлеченные от объекта начала — это уже не сам объект, а хотя бы свойства объекта; а единством (г) высшего уровня, с точки зрения систем-подсистем, оказывается тогда уже не индивид, а общество.

По вертикали, (2) единство качества и (3) единство отношения представляют собой (в отличие от (1) единства во времени и (4) единства существования в пространстве) именно отвлеченные начала и, возможно, оказываются ортогонально сопряженными с (б, в) отвлеченными началами по горизонтали: и действительно, (2) единство качества — это безотносительное свойство души, это её (в) отвлеченное частное, тогда как (3) единство отношения — это не-присущность души чему-то, кроме самой себя, это ее отношение к (б) общему.

По горизонтали, (г) высшее единство (общество) прямо сопрягается со множеством пространственных объектов (4), сливающихся в воспринимающей деятельности души. Но тогда...

²¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 1. — М.: Издательство политической литературы, 1967. — С. 582; Гиляров-Платонов Н.П. Онтология Гегеля // Вопросы философии и психологии. — М., 1891. — Год II, кн. 8. — С. 1-27; Год II, кн. 10. — С. 19-40; Год II, кн. 11. — С. 24-45.

²² См.: Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным; Примеч. Ц.Г. Арзаканяна. — М.: Мысль, 1994. — С. 543-544.

Тогда у нас остается только (а) изначально слитное единство индивида и (1) единство его души при её множественности во времени. Единство индивида, единство его души и (надо надеяться) единство индивида с душой, но при этом — множественность души во времени. Что это? Нам оставалось привести в соответствие лишь последние узлы двух, как поначалу казалось, столь несовместимых категориальных сеток, а теперь оказывается, что для обоснования последнего соответствия требуется включать в системный объект (общество) — не его отвлеченные характеристики, а некую «множественность души во времени».

С отвлеченными началами ясно: душа и сама может быть рассмотрена (и часто рассматривается) как отвлеченное начало, как свойство, характеристика человека (индивида) (и тогда отвлеченные начала самой души оказываются отвлечением отвлечений; отвлечением второго порядка). С не-отвлеченным единством индивида и его души тоже более или менее понятно — существует великое множество трактовок такого единства: объект-объектные, объект-субъектные, субъект-объектные и даже субъект-субъектные.

Но «множественность души во времени» ... в системе общества? А, собственно, почему бы нам не сделать такое допущение? Нам ведь необходимо было человеческое измерение социальной системы, а синергетике не хватало гуманитарного облика для построения своего «четвертого измерения», времени. Так вот оно «четвертое измерение» социальной системы — это «внутренняя жизнь» человека, её существование во времени, развитие его души. Очевидно, что при таком направлении исследований привычные представления о времени в их связи с изучением некоторых сложносистемных объектов — о времени как о прямой линии со стрелкой на конце — придется существенно переработать.

К вопросу о гуманитарном измерении системы общества и о глобальном сообществе

«Человекоразмерность» в качестве «четвертого измерения» системы общества — это уже не прямая линия со стрелкой, это вообще не линия, так же, как и сам человек. Конечно, некоторые научно-исследовательские подвижки в сторону концептуализации таких нетривиальных представлений о сложных саморазвивающихся системах уже наметились в научно-теоретической и философской областях: это, главным образом, те направления исследований, которые связаны с проблемой «мир Эйнштейна vs. мир Бартини». В разработках по этой тематике четырехмерное, «3+1», пространство-время Эйнштейна противопоставляется шестимерному, «3+3», пространству-времени советского ученого Р. Бар-

тини²³, и результаты такого противопоставления оказываются отнюдь не в пользу Эйнштейна. И главное, что заставляет пересмотреть сложившиеся общепризнанные, научно-теоретические и методологические представления о четырехмерном пространстве-времени, — это современные научные достижения и открытия в области изучения «человекообразных» системных объектов.

Прежде всего, налицо геометрическое совпадение образного представления пространства-времени по Бартини в виде двух соприкасающихся торов²⁴ (в отличие от эйнштейновской изогнутой плоскости) с расчетами, например, Института математики сердца (США), представляющими создаваемое биоэлектричеством человеческих нейронов электромагнитное поле с центром в области сердца также в форме тора²⁵. Поскольку измеримые параметры сердечной деятельности находятся в прямой корреляции с эмоциональным состоянием человека, которое, в свою очередь, во многом определяется таинственными процессами в его внутреннем мире, постольку же можно предположить, что то, что мы обобщенно именовали душой, находится в отношениях вполне формализуемой взаимосвязи с изучаемым окружающим миром. А это, в свой черед, обосновало бы и возможность привязки всего объема внутреннего мира человека к объему внешнего, окружающего его мира, к примеру, по всё той же модели «3+3».

И в самом деле: не говоря уже о том, что особенности внутреннего мира человека, его состояние под воздействием окружающих событий, его видение прошлого и представления о будущем влияют на внешний мир посредством его поступков и действий (по идее, одного этого было бы уже достаточно, чтобы привязать внутренний мир человека ко внешнему), все эти особенности также оказываются в некоем непосредственном взаимодействии со свойствами объектов окружающего пространства. Речь идет о результатах таких экспериментов, как, например, изучение влияния эмоционального состояния человека на конфигурацию помещенной в пробирку молекулы ДНК²⁶. Или приведу другой пример: изучение так называемой «психофизиологической когерентности» — взаимосвязи

²³ Кузнецов О.Л. Система природа-общество-человек: устойчивое развитие / О.Л. Кузнецов, П.Г. Кузнецов, Б.Е. Большаков. — М.; Дубна: Изд. дом «Ноосфера», 2000. — С.101-103.

²⁴ Там же. — С. 357-358.

²⁵ См.: Пелипенко А.А. Постигание культуры: в 2 ч. Ч. 1. Культура смысл. — М.: РОССПЭН, 2012. — С. 150; См. также McCraty R. *Science of the Heart: Exploring the Role of the Heart in Human Performance* / R. McCraty, M. Atkinson, D. Tomasino. — Boulder Creek, CA: Institute of Heart Math, 2001.

²⁶ См.: Пелипенко А.А. Постигание культуры: в 2 ч. Ч. 1. Культура и смысл. — М.: РОССПЭН, 2012. — С. 43, 150.

между измеримыми параметрами сердечной активности и состояниями, подобными трансперсональным переживаниям²⁷.

Не меньшие поправки в научно-философское понимание времени в системе сложных саморазвивающихся объектов способны внести также перспективные исследования человеческого мозга с точки зрения его макроквантовых корреляций. Все эти наработки так или иначе побуждают к тому, чтобы «гуманитарное измерение» сложносистемного единства и весь корпус исследовательских материалов, с ним связанный, не просто допускался, но активно привлекался к разработке идей и проектов бескризисного, устойчивого будущего.

Так, например, упомянутые выше исследования по проблемам концептуализации и формализации глубинного, фундаментального единства человека и окружающего мира поднимает вопрос о значении соответствующих тому выводов философии науки для решения актуальных проблем социальной философии. Именно, научно-теоретическое и онтологическое значение внутренней жизни человека предполагает его дальнейшее рассмотрение не только как подсистемы относительно глобальной сложной системы, но и как подсистемы относительно других таких же подсистем.

В частности, очерченный круг разработок на переднем крае естествознания и психологии ставит вопрос о первостепенном значении этих же работ и для социальной философии: в сфере ответственности вопросы глубинного системного единства преломляются гранями системы общества в качестве такого единства и с новой силой проблематизируют уже упомянутые трансперсональность, интересубъективность, практики символических интеракций и др. В свете современной сложносистемной картины мира подобные объекты исследования приобретают особое значение, ибо заставляют пересмотреть сущностные особенности также и социально-философского познания²⁸. Фундаментальная роль «человеческого измерения» и сущностный характер межличностных отношений в глобальной системе общества, по сути, сплетает некой невидимой «канвой» в глобальное сообщество — гибкое и подвижное, текучее единство, само существование которого может нивелировать многие противоречия между разными воззрениями в социальной философии²⁹.

Но для того чтобы обстоятельно изучить (а для начала хотя бы отчетливо увидеть) такой объект, как глобальное сообщество, далеко не-

²⁷ Childre D. Psychophysiological Correlates of Spiritual Experience / D. Childre, R. McCraty // Biofeedback. — 2001. — Vol. 29. — N 4.

²⁸ См.: Резник Ю.М. На пути к постгражданской общественности // Управление мегаполисом. — 2012. — № 3. — С. 35-46.

²⁹ Там же. — С. 41.

достаточно просто заметить существование проблемы. Да и заметить-то его зачастую оказывается делом нелёгким, но коль скоро это сделано, первоочередной становится задача поиска адекватной новому объекту онтологии, через призму категорий которой будет в дальнейшем исследоваться этот объект. «Адекватная объекту категориальная структура должна быть выработана заранее, как предпосылка и условие познания и понимания новых типов объектов»³⁰. Для такого изменчивого и динамично развивающегося системного объекта, как глобальное сообщество, наиболее адекватной должна быть такая же изменчивая и подвижная система категорий: раз уж человек так стремится встроиться в систему мира в качестве его «четвертого измерения», то подходящая онтология должна учесть возможные для того последствия. Учесть, что, решив стать временем, человек оказался, — как образно выражается П.К. Гречко, — «ограничен бесконечностью», — и затем добавляет, что теперь требуется своеобразная «текущая онтология» этой сложной системы современного мира³¹.

Некоторое первичное подобие искомой «текущей онтологии» для изучения глобального сообщества может дать описанная выше система взаимно преломляющихся и отражающихся категориальных решеток, построенная на основе исходных схем категорий по Канту и Гегелю. Еще больше обнадеживает тот факт, что многие другие системы «наиболее общих смыслов» в истории философии, категоризирующие всё тот же мир и в нём человека, обнаруживают, подобно приведенной в своей основе каркас из четырех категорий и могут быть использованы для расширения и детализации «текущей онтологии» в системе глобального сообщества: это и «четверица» Платона в трактовке А.Ф. Лосева, и логический квадрат Аристотеля, и известная диссертация А. Шопенгауэра «О четвероюм корне закона достаточного основания», и сферы бытия Дж. Сантаяны, и классы ценностей М. Шелера, и четвертый ипостасный элемент в триединстве П.А. Флоренского, и кардинальные добродетели в христианском богословии...И хотя даже такая разнообразная онтология носила бы на себе печать искусственности, совсем без нее познающее мышление было бы невозможно, имел бы место лишь «уходящий в бесконечность горизонт» познания³².

³⁰ Степин В.С. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации / В.С. Степин, Л.Ф. Кузнецова. — М.: ИФРАН, 1994. — С. 21.

³¹ См.: «flow ontology», см. Гречко П.К. Парадигмальная эвристика сложностного (complexity) мышления [Электронный ресурс] // URL:<http://www.runivers.ru/philosophy/logosphere/174790/> (дата обращения: 28.02.2016).

³² Там же.

Так что, в целом материала для нашей ожидаемой «сметы» обозначилось более чем достаточно, но возможность составления всей необходимой «проектной документации», равно как и предполагаемые пути и методы реализации сложносистемного проекта, все же не теряются из виду. А значит, очерченная идея «гуманитарного измерения» в системе глобального сообщества действительно может оказаться небесполезной для будущих изысканий при поиске решений глобальных проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бессараб М.Я. Так говорил Ландау. — М.: ФИЗМАТЛИТ, 2004. — 128 с.
2. Бехманн Г. Устойчивого развития концепция // Глобалистика: Энциклопедия / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «ДИАЛОГ». — М.: ОАО Издательство «Радуга», 2003. — С. 1052-1058.
3. В защиту науки. Бюллетень № 1 / Отв. ред. Э.П. Кругляков; Комис. по борьбе с лже-наукой и фальсификацией науч. исслед. РАН. — М.: Наука, 2006. — 182 с.
4. Гильяров-Платонов Н.П. Онтология Гегеля // Вопросы философии и психологии. — М., 1891. — Год II, кн. 8. — С. 1-27; Год II, кн. 10. — С. 19-40; Год II, кн. 11. — С. 24-45.
5. Гуссерль Э. Картезианские размышления // Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. — Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. — С. 324-542.
6. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным; Примеч. Ц.Г. Арзаканяна. — М.: Мысль, 1994. — 591 с.
7. Кузнецов О.Л. Система природа-общество-человек: устойчивое развитие / О.Л. Кузнецов, П.Г. Кузнецов, Б.Е. Большаков. — М.; Дубна: Изд. дом «Ноосфера», 2000. — 390 с.
8. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 1. — М.: Издательство политической литературы, 1967. — 662 с.
9. Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). — М.: Прогресс, 1989. — 372 с.
10. Пелипенко А.А. Постигание культуры: в 2 ч. Ч. 1. Культура и смысл. — М.: РОС-СПЭН, 2012. — 607 с.
11. Прекрасный мир науки: Сборник. — М.: Прогресс-Традиция, 2008. — 384 с.
12. Резник Ю.М. На пути к постгражданской общественности // Управление мегаполисом. — 2012. — № 3. — С. 35-46.
13. Степин В.С. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации / В.С. Степин, Л.Ф. Кузнецова. — М.: ИФРАН, 1994. — 274 с.
14. Степин В.С. Онтологии постклассической науки (на пути к новой метафизике) // Метафизика. Век XXI. Альманах. Выпуск 2: Сборник статей / Ред. Ю.С. Владимирова. — М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2009. — 368 с.
15. Чернавский Д.С. Синергетика и информация (динамическая теория информации) / Послел. Г.Г. Малинецкого. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 288 с.
16. Чичерин Б.Н. Наука и религия / Вступ. ст. В.Н. Жукова. — М.: Республика, 1999. — 495 с.
17. Щедровицкий Г.П. Два понятия системы // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. — М.: Школа культурной политики, 1995. — С. 228-232.
18. Bartley W.W., III. Biology & Evolutionary Epistemology // *Philosophia*. — 1976. — Vol. 6. — № 3-4. — P. 463-494.

19. Childre D. Psychophysiological Correlates of Spiritual Experience / D. Childre, R. McCraty // *Biofeedback*. – Winter 2001. – 29(4). – P. 13-17.
20. Hawkes J. *The Fourth Pillar of Sustainability: Culture's Essential Role in Public Planning*. – Melbourne: Common Ground Publishing & Cultural Development Network, 2001.
21. James P. *Urban Sustainability in Theory and Practice: Circles of Sustainability* / With L. Magee, A. Scerri, M.B. Steger. – London: Routledge, 2015.
22. McCraty R. *Science of the Heart: Exploring the Role of the Heart in Human Performance* / R. McCraty, M. Atkinson, D. Tomasino. – Boulder Creek, CA: Institute of HeartMath, 2001.
23. Paslack R. *Urgeschichte der Selbstorganisation: Zur Archdologie eines Wissenschaftlichen Paradigmas*. – Berlin: Springer-Verlag, 2013.

И. Ф. МИХАЙЛОВ

ВЫБОР ЧЕЛОВЕКА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ: «СЕТЕВОЙ» ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ

***Аннотация:** В предлагаемой статье я пытаюсь распространить проектный взгляд на проблемы, связанные со свободным и сознательным выбором человека. Для этого система «человек – общество» моделируется как единая вычислительная система (гиперсеть), состоящая из двух нейросетей – мозга и сети социальных контактов, программным интерфейсом между которыми выступает язык. Другой разновидностью интерфейса, используемого мозгом, является чувственный (феноменальный) опыт. Сознание в целом выступает в качестве управленческой реакции на усложняющиеся задачи ориентации и адаптации. Техническое несовершенство обоих интерфейсов косвенно указывает на их случайно-эволюционную природу. Человек не живёт в ситуации дихотомии свободы и несвободы: то и другое – скорее количественные степени сложности взаимодействий в рамках гиперсети.*

***Abstract:** In the article the author tries to extend the project approach to problems related to a person's free and conscious choice. To do this, he models «man–society» link as a single computing system (hypernetwork) consisting of two neural networks – a brain and a social contacts network, the software interface between them being language. Another type of interface used by the brain is the sensual (phenomenal) experience. Consciousness as a whole operates as controlling response to increasingly complex tasks of orientation and adaptation. Technical imperfection of both interfaces points out indirectly to their contingent evolutionary genesis. Man does not live in a situation of freedom–unfreedom dichotomy: both are rather degrees of quantitative complexity of interactions within hypernetwork.*

***Ключевые слова:** проект, выбор, сознание, нейронная сеть, социальная сеть, язык, интерфейс, феноменальный опыт.*

Михайлов Игорь Феликсович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН (Москва). E-mail: ifmikhailov@iph.ras.ru.

Keywords: *project, choice, consciousness, neural network, social network, language, interface, phenomenal experience.*

Проблемы, затронутые здесь, носят общенаучный и междисциплинарный характер. Но, поскольку предлагаемое исследование касается проблемы выбора, а, следовательно, и свободы, и поскольку оно затрагивает вопросы, связанные с сознанием, без философских сюжетов здесь не обойтись.

Социально значимый выбор, с концептуальной точки зрения, имеет все признаки проекта: делающий этот выбор отдаёт себе отчёт в наличии двух или более альтернатив, осуществление которых возможно в ближайшем, или, напротив, отдалённом, будущем. Далее, он (или она) видит в настоящем тенденции или направления действий, ведущие к этим альтернативным образам будущего (АОБ), которые можно рассматривать как причины или условия осуществления последних. В свою очередь, АОБ определяются ценностями, которых выбирающий придерживается по умолчанию. Логическая цепочка в данном случае обратна хронологической и выглядит следующим образом: выбор ценностей имплицитно выбирает АОБ, который далее логически предопределяет выбор тенденции или образа действий в настоящем.

Формула социального проектирования, основанного на свободном выборе, могла бы звучать так: «Я» сознательно способствует тенденции *T_n*, ведущей к альтернативному образу будущего *F_n*, для того чтобы осуществилась ценность *V_n*. Проектирование понимается мною в рамках настоящей статьи как выбор одного из АОБ вместе с определением реалистичных средств поддержки, соответствующей ему тенденции в настоящем.

Как пишет А.Н. Иоффе, «любая активность человека или социальных групп, которая основывается на последовательном планировании своих действий с предвидением определённых желаемых результатов, может в той или иной мере считаться проектированием»¹. Поскольку выбирающий не только *видит* АОБ, *отдаёт себе отчёт* в их возможности, но и *желает* реализации некоторых из них, мы можем говорить, что возможность выбора предполагает наличие сознания. В своё время авторы обильно цитировали мысль Маркса об архитекторе и пчеле: самый плохой архитектор, в отличие от самой лучшей пчелы, сначала строит идеальный образ, план будущего сооружения². Оставим пока вопрос,

¹ Иоффе А.Н. Проектирование: теория и практика // *Общественные науки.* — 2012(2). — С. 23.

² Маркс К. Капитал // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, 2 изд. — Т. 23. — М., 1955. — С. 189.

верно ли мы видим когнитивную жизнь пчёл и других весьма отличных от нас созданий³.

Но, действительно ли, идеальный план, имеющийся у человека и отсутствующий, как полагал Маркс, у пчелы, является результатом его свободного выбора из возможных альтернатив будущего? Многими цитируются – и столь же многими критикуются – эксперименты, якобы опровергающие свободу выбора: мозг принимает решение за несколько секунд до момента «сознательного выбора»⁴. Сознательный выбор оказывается эпифеноменом реальных процессов. Он, как и всё наше феноменальное сознание в картине мира элиминативных материалистов, оказывается «призраком в машине». Если эта картина мира верна, то бессмысленно говорить о свободе выбора, точно так же как бессмысленно говорить об ответственности в рамках богословской проблемы свободы воли (хотя существуют современные этические теории, разрывающие логическую связь свободы и ответственности).

Итак, в этом пункте перед нами встаёт традиционная философская проблема: действительно ли человек – существо выбирающее? Вернёмся к архитектору и пчеле. Когнитивный аппарат архитектора устроен таким образом, что может видеть будущее альтернативно. Здесь коренится принципиальное отличие социального проектирования от любого другого. Дело в том, что природа распадается на предмет и его когнитивный образ, «вещь-в-себе» и «явление». Общество, в отличие от природы, в значительной степени и состоит из наших когнитивных представлений о нём. Поэтому в обществе в отличие от природы, как мы её понимаем, всё – или, по крайней мере, многое – может быть по-другому. Наши сознательные образы общественных отношений и суть в значительной степени тот материал, из которого общество строится.

Моя объяснительная модель состоит в следующем: человек и общество составляют единую вычислительную систему, которую я называю *гиперсетью*. Для пояснения нужно обратиться к недавней истории информационной науки. Компьютерная наука и практика пошла по пути, проложенному Аланом Тьюрингом, в основе которого лежал принцип линейной обработки последовательности символов в соответствии с формальными правилами, что и понималось под вычислениями. Выдвигались и

³ См.: Nagel T. What is it like to be a bat? // *Philosophical Review*. – 1974. – Vol. 83. – № 4. – P. 435-450.

⁴ См., напр., Soon C.S., Brass M., Heinze H.J., Haynes J.D. Unconscious determinants of free decisions in the human brain // *Nature Neuroscience*. – 2008. – Vol. 11. – № 5. – P. 543-5. Epub 2008 Apr 13. PubMed PMID: 18408715.

альтернативные взгляды, в том числе идея нейрокомпьютера, в большей степени напоминающего архитектуру и принципы работы человеческого мозга. Строительство нейрокомпьютеров шло с переменным успехом, поскольку они далеко не всегда оправдывали завышенных ожиданий. Компьютеры, созданные по модели «машины Тьюринга», напротив, получили широкое распространение, и мы все пользуемся ими в решении практических задач.

Факт же заключается в том, что человеческий мозг, действительно, устроен по-другому: в нём, во-первых, реализованы параллельные вычисления средствами большого количества процессоров, и во-вторых, эти вычисления являются по природе своей ассоциативно-аналоговыми.

Но когнитивная наука, появившаяся в середине 1960-х гг., возникает именно как «компьютерная метафора». И Ноам Хомски со своей школой, и позже Джерри Фодор с последователями, считали, что над нейросетью мозга надстраивается блоковая схема, которая распадается на блок памяти, блок процессинга и другие составляющие архитектуры линейного компьютера. В рамках этой теории деятельность человеческого сознания рассматривается по аналогии с вычислительным устройством, совместимым с «машиной Тьюринга».

В середине 1980-х гг. появляется коннекционизм как альтернативная школа, начавшаяся с выхода книги «Параллельные распределённые вычисления» под редакцией Румельхарта и Макклиланда⁵. Там предлагается модель, основанная на математической теории графов и предлагающая иное понимание вычисления — как параллельного ассоциативного аналогового процесса, который описывается через паттерны активации нейронов, объединённых в сеть, выражаемых математическими величинами и называемыми в теории графов векторами. Коннекционистские компьютерные модели, используемые для моделирования когнитивных способностей человека, в чём-то проигрывают более традиционным линейно-блоковым, но выигрывают в распознавании речи и образов.

Но, самое главное, такой компьютер не нужно программировать. Машина Тьюринга не будет работать без программы, написанной человеком. Нейрокомпьютер способен обучаться, точно так же, как это делает человек. Если у него есть некое представление о желаемом будущем, он воспринимает входящие данные, сравнивает их с образцом, в случае несоответствия отправляет обратно сообщение об ошибке, обрабатывает сле-

⁵ См.: Rumelhart D.E., McClelland J.L., & the PDP Research Group. *Parallel Distributed Processing: Explorations in the Microstructure of Cognition*. — Vol. 1: Foundations. — Cambridge, MA: MIT Press, 1986.

дующую порцию данных и таким образом, через многие и многие итерации, формирует верную или удовлетворительную репрезентацию.

Но откуда же берётся у нас представление о линейном мышлении, о мышлении как о движении смыслов, подчинённом определённым правилам? Это объясняется следующим соображением. Общество, во взаимодействие с которым погружён наш бортовой нейрокомпьютер, представляет собой нечто похожее. Оно также состоит из множества маленьких и, может быть, даже не очень «умных», процессоров, которые соединены между собою сетевыми связями. То есть его деятельность похожа на деятельность нейросети головного мозга.

Иными словами, у меня есть один нейрокомпьютер в голове, а другой — вокруг меня. Но они выполняют разные программы, и, коль скоро необходимо взаимодействие между ними, возникает потребность в программном интерфейсе. Это напоминает ситуацию веб-программиста, который хочет поместить на свой сайт погоду или карты от Гугла, и Гугл предоставляет ему для этой цели программный интерфейс — API — библиотеку функций, которые можно использовать в собственной программе, чтобы получить доступ к необходимым сервисам.

Эволюционно такой программный интерфейс возникает как человеческий язык. Но, в отличие от сетевых вычислительных устройств, которые представляют собой мозг и общество, язык возникает как линейная символическая система, элементы которой, во-первых, имеют значение — то есть, репрезентируют нечто иное, чем они есть, — и, во-вторых, обрабатываются последовательно, один за другим, в соответствии с усвоенными мозгом и обществом ассоциациями, которые, будучи, в свою очередь, представлены средствами языка, обретают вид метаязыковых формальных правил.

Язык и есть то, что породило идею машины Тьюринга, а также всю ту концепцию мышления, которая лежит в основе классической философии, начиная с Платона. По принципам своего устройства он не похож ни на мозг, ни на общество, но именно поэтому он может служить интерфейсом между ними. Слова языка, согласно метафоре Дэниела Деннета, это — своего рода микропрограммы (апплеты), которые загружаются обществом в наш мозг, чтобы что-то в нём изменить. Это происходит в процессе воспитания, социализации. Когда мы, уже в качестве самостоятельных акторов, выходим на социальную арену, мы, в свою очередь, пользуемся этими словами, чтобы что-то изменить или достроить в социальном макрокомпьютере.

Что же в этой связи происходит с социальным проектированием? Как уже было сказано, общество и его представления в сознании — это в зна-

чительной степени одно и то же. Можно сослаться на интересные эксперименты, демонстрирующие зависимость языковых способностей людей от конфигурации их социальной сети. Так, в одном из таких экспериментов⁶ испытуемые разбиваются на пары, которые должны разработать некий «язык», состоящий из графических идиом, для общения между собой. Естественно, каждая пара вырабатывает свой уникальный набор идиом. Далее, испытуемые конфигурируются в социальную сеть, относящуюся к одному из заранее описанных типов. По результатам эксперимента, освоение чужих идиом лучше всего идёт в сетях с максимальным количеством взаимосвязей между участниками и заметно хуже – в «ветвящихся» сетях, представляющих собою метафору информационных процессов в вертикально организованном социуме.

В другом эксперименте исследовались когнитивные ограничения способности к активации социальных связей⁷. У нас есть естественные когнитивные ограничения количества хранимых в памяти социальных связей и скорости их извлечения оттуда. От этих параметров зависит конфигурация «эго-сети» каждого участника. Оказывается, что прослеживается слабая зависимость когнитивных параметров, связанных с хранением и активацией социальных данных, от той или иной конфигурации социальной сети.

Итак, является ли человек существом, свободно выбирающим желаемый образ будущего? На мой взгляд, этот вопрос не имеет однозначного ответа, поскольку наше представление о детерминизме тоже есть некий когнитивный образ, который мы навязываем действительности – в полном соответствии с Кантом. На самом деле, мы не можем сказать действительно ли мир причинно обусловлен. Но, действительно, существует некая глубинная онтологическая взаимосвязь между сознанием и свободой.

Сошлюсь ещё на один эксперимент⁸. В его ходе испытуемым в течение очень короткого времени, измеряемого миллисекундами, демонст-

⁶ См.: Reitter D., Lebiere C. Did Social Networks Shape Language Evolution? A Multi-Agent Cognitive Simulation // *Proc. Cognitive Modeling and Computational Linguistics Workshop (CMCL 2010, at ACL 2010)*. – Uppsala, Sweden, 2010.

⁷ См.: Zhao, C., Kaulakis, R., Morgan, J.H., Hiam, J.W., Sanford, J.P., Ritter, F.E., & Morgan, G.P. Socio-cognitive networks: Modeling the effects of space and memory on generative social structures // *Proceedings of the 21st Conference on Behavior Representation in Modeling and Simulation*. – Amelia Island, FL: BRIMS Society, 2012. – P. 24–31.

⁸ См.: Godwin D., Barry R.L., Marois R. *Breakdown of the brain's functional network modularity with awareness* // <http://www.pnas.org/cgi/doi/10.1073/pnas.1414466112> (Дата обращения: 21.01.2016).

рировалось на экране некое изображение. Экспериментаторам был заранее известен временной порог, по преодолении которого демонстрируемое изображение становится фактом сознания, то есть, испытуемый может дать отчёт в том, что видел его. Одной части испытуемых изображение показывалось в течении времени, не превышающего этот порог, другой части — напротив, в течение времени, достаточного для осознания видимого. Одновременно осуществлялось сканирование мозга средствами МРТ.

Эксперимент показал, что магниторезонансная картина возбуждения участков мозга в случае осознанного восприятия отличалась от таковой в случае неосознанного восприятия образа на экране только большей связностью и интегрированностью отдельных областей активности. С помощью этого эксперимента его авторы надеялись получить дополнительные эмпирические свидетельства против теории «бутылочного горлышка», согласно которой в мозге должен быть определённый участок, при прохождении через который процессы становятся осознанными. Эксперимент дал дополнительный аргумент в пользу альтернативного видения, согласно которому сознание — продукт резко возросшей степени связности процессов в мозге в ответ на некоторые воздействия среды.

Можно здесь прибегнуть к следующей аналогии. Вы — генеральный директор большого предприятия, в котором имеется финансовый отдел, производственные подразделения, отделы продаж, маркетинга и т.д. Пока всё идёт хорошо, у вас есть возможность отвлечься от текущих процессов и заняться чем-то другим. Но как только происходит какой-либо сбой, вы созываете экстренное совещание с руководителями всех отделов, чтобы понять, что произошло и как с этим справиться. Это и означает пробуждение сознания в системе.

На самом деле, мы не живём в оппозиции свободы и несвободы. Мы живём в мягкой, градуированной, небуллевой оппозиции простоты и сложности. Это уже не оппозиция в логическом смысле, а количественные градации между чуть большей и чуть меньшей простотой и сложностью. Нет логического противоречия между сознанием и бессознательным, между свободой и несвободой — есть различные количественные градации. Поэтому социальное проектирование в рамках данной модели нужно понимать как такое символическое представление образа желаемого будущего, которое способно произвести изменение в когнитивных устройствах тех, кто нас окружает, кто является узлами нашей сети, для того, чтобы *результатирующий вектор* этой сети изменился в нужном нам направлении.

Познание (когниция), с точки зрения большинства когнитивистов, есть «способность запоминать, думать и рассуждать»⁹. С моей точки зрения, это – настройка гиперсети в соответствии с поведением и его последствиями. Вектор, который мы имеем в результате, часто рассматривается как «репрезентация», в то время как на самом деле он является программной библиотекой, которая активируется в надлежащих случаях. Память относится к наиболее примитивным из наших способностей, в то время как мышление и рассуждение возникают как порождения более общей способности видеть свою содержание собственной памяти и памяти других как часть задачи (проблемной ситуации). Если мы встречаем существо, которое, так же, как и мы, может хранить данные в памяти и извлекать их оттуда, мы описываем ситуацию как «*P* имеет место, и *A* знает это», или «*A* опасается, что *P*» и т.п. Эти так называемые «пропозиционные отношения» представляют собой экономные способы описания сложных социальных конфигураций и содержаний когнитивных аппаратов участников.

Александр Болдачёв пишет, что сознание может быть объяснено только по принципу нисходящей причинности: от «высшего» к «низшему» от феноменальных актов и интенций – к нейронам, а не наоборот¹⁰. Подобно тому, как деление клетки невозможно объяснить комплексом химических процессов, но, напротив, они являются нисходящим следствием явлений жизни. Я не буду углубляться в проблемы «эмерджентности» и иерархичности бытия, обсуждать научную состоятельность самого понятия нисходящей причинности. Для меня здесь важно то, что Болдачёв, похоже, смешивает «высокоуровневые» функции сознания с его феноменальным аспектом.

Даже если продолжить аналогию с клеткой, химические процессы «эмерджентно» складываются не в нечто «феноменальное», непередаваемое и видимое только из перспективы первого лица, но во вполне объективную и фиксируемую средствами научного наблюдения суперсистему, которая «надстраивает» над ними новые, им не присущие, функциональные или причинно-следственные взаимосвязи. Что же «надстраивается» над нейронными взаимодействиями? Сознание, акты которого, характеризуются интенциональностью – направленностью на предмет. Созна-

⁹ См.: Chi E.H., Pirolli P., Suh B., Kittur A., Pendleton B., Mytkowicz T. *Augmented Social Cognition* // <http://www-users.cs.umn.edu/~echi/papers/2008-AAAI/2008-AAAI-AugSocialCognition.pdf> (Дата обращения: 21.01.2016).

¹⁰ См.: Александр Болдачёв. Нисходящая причинность и трудная проблема сознания // <http://philosophystorm.org/article/aleksandr-boldachev-niskhodyashchaya-prichinnost-i-trudnaya-problema-soznaniya> (обращение – 21.01.2016).

ние знает что-то, страшится чего-то, сомневается в чём-то. Значит ли это, что интенциональные акты невозможны без феноменальных образов?

Иными словами, можем ли мы подразумевать некий предмет, не имея никакого соответствующего ему феноменального опыта? Очевидно, можем, поскольку мы можем мыслить абстрактные математические объекты, объекты микромира, умопостигаемые идеи (например, «справедливость»), а также наблюдаемые в принципе, но незнакомые лично нам существа и вещи («глубоководные рыбы», «кинжал ацтека» и т.п.). Можно привести более примитивный пример: для того, чтобы вспомнить, что именно сказал вам некто, например, вчера, вам вовсе необязательно помнить тембр и высоту его голоса, а чтобы вспомнить строфу из «Евгения Онегина», не нужно рыться в памяти в поисках образов шрифта и бумаги. Так же, как и необязательно иметь в воображении зримые образы героев романа. Феноменальные образы не являются необходимым элементом причинно-следственных цепочек, в которые встроено сознание: можно указать на случаи, в которых феноменальный опыт отсутствует или выступает в качестве эпифеномена. Весьма вероятно, что все подобные содержания и акты сознания принципиально воспроизводимы средствами искусственного интеллекта.

Но есть и примеры противоположного свойства — где феноменальный опыт играет каузальную роль. Известные нам рассуждения Витгенштейна о «болевом поведении» уязвимы в том отношении, что даже согласившись с ним в том, что для понимания слова «боль» феноменальное ощущение не необходимо, всё же следует признать, что без этого ощущения болевое поведение не имело бы смысла. Другой случай — восприятие произведений искусства: живописи, скульптуры и музыки. Можно, конечно, утверждать, что законы гармонии вполне выразимы intersubjektivно — например, языком математики, — но как быть с ролью тембральных характеристик в восприятии музыки или тонкой игры света и цвета в восприятии живописи?

Вряд ли возможно в рамках небольшой статьи решить эту сложнейшую философскую проблему. Однако мы можем внести немного ясности, вновь обратившись к знаменитому мысленному эксперименту Томаса Нагеля с летучей мышью. На основе его примера попробуем представить себе некий *возможный мир*, в котором люди произошли от летучих мышей, и, соответственно, их феноменальный опыт ограничен теми образами, которые способен создавать эхолот — основной рецептор этих созданий. Было ли бы в этом мире место для Леонардо или Моцарта? Очевидно, что многое зависело бы от эстетического потенциала того феноменального опыта, который нам — здешним — трудно себе вообразить.

Но, скорее всего, некоторые законы гармонии, возможно, зависящие от когнитивных ограничений мозга, имеющегося у данного вида, выполнялись бы и в том мире. А, следовательно, даже в сфере искусства мы имеем интенциональность, причинно независимую от феноменального опыта.

Наш мозг настроен таким образом, что некоторые субъективные ощущения он воспринимает как более приятные, чем другие, а определённые пропорции – как более предпочтительные, чем другие. Возможно, мозг и сенсорный аппарат, имеющиеся у другого вида, диктовал бы иные предпочтения. Но тот факт, что систематическое создание артефактов, приятных чувствам и интуиции, превратилось в институционализированную социальную практику, не зависит от конкретных феноменальных качеств субъективного опыта.

Вернёмся к нашей гиперсетевой модели. Гиперсеть включает в себя нейросеть головного мозга и социальную сеть, в которую обладатель мозга включён в качестве узла, а также межсетевые интерфейсы. Главной целью этой целостной вычислительной системы является всё более эффективная адаптация к условиям среды, что, в числе прочего, подразумевает энергетическую эффективность. В типичных условиях организм, наделённый мозгом, – не важно, является ли он при этом узлом социальной сети – может действовать инстинктивно, т.е. «бессознательно». Можно ли говорить в этом случае о наличии у него феноменального опыта, если этот опыт не осознаётся? Очевидно, вопрос не имеет ответа, так же, как и не имеет ответа вопрос: действительно ли нам снятся сны, пока мы спим, или мы реконструируем их в момент пробуждения? То же можно сказать и об экспериментах, позволяющих извлечь из памяти бессознательный опыт: справедливо ли утверждать, что этот опыт был феноменальным в момент его получения?

Чтобы мыслить гиперсетевую модель непротиворечиво, будем и далее придерживаться гипотезы, согласно которой сознание возникает и нарастает как усложнение управленческих функций мозга и гиперсети в целом. По всей видимости, ситуацию, чуть более сложную, чем та, с которой способен справиться инстинкт, мозг репрезентирует организму в виде феноменального переживания, которое как бы подсказывает оптимальное действие – например, одёрнуть руку, если горячо, – но не предопределяет его с непреложностью (при определённых условиях можно терпеть). Так возникает то, что я называю чувственным интерфейсом.

Появление социальной сети значительно усложняет задачи адаптации и соответствующее поведение: в структуру среды включаются другие индивиды, наделённые когнитивными способностями. Тогда возникают и эволюционируют символические системы (языки), способные двусто-

ронне воздействовать на программы обеих сетей. И, наконец, в языках появляются термины, описывающие сложные коммуникационные ситуации, в которых узлы социальной сети не только по-разному сконфигурованы, но и обладают разным когнитивным содержанием: «знать», «сомневаться», «бояться», «надеяться», «полагать» и т.п. Эти интенциональные предикаты и объединяются родовым термином «сознание», хотя вся их родовая общность заключена в функциональной похожести.

Косвенным аргументом против идеи нисходящей причинности (явно или неявно предполагающей предопределённость, предустановленную гармонию и т.п.) может служить тот факт, что оба типа интерфейсов — чувственный и лингвистический — не являются оптимальными и совершенными. Оба они чем-то напоминают привычку некоторых далёких от техники девушек записывать понравившуюся музыку с микрофона, вместо того чтобы пользоваться соединительными шнурами. Особенно это очевидно в случае языка: мы должны тратить ресурсы на то, чтобы воспринять его символы с помощью чувственного интерфейса, распознать их (в традиционных компьютерах это одна из самых ресурсоёмких операций), сопоставить им значения, хранимые в памяти, вывести значение целостного сообщения из его частей по принципу композициональности, скорректировать его относительно прагматического контекста, проделать, возможно, ещё ряд вспомогательных операций и только потом изменить вектор мозговой нейросети и/или предпринять действия, требуемые в изменившейся социосемантической ситуации.

С чувственным интерфейсом всё менее очевидно, но, если продолжить нашу организационную аналогию, привычка всякий раз созывать совещание, когда возникает нестандартная ситуация, тоже не кажется слишком щадящей в отношении ресурсов. Если ощущения — это интеграция нейроцеребральных сетей с целью презентовать организму неожиданно сложное препятствие, то, наверное, возможно обучить отделы справляться с этим самостоятельно. Чем меньше феноменального опыта, тем больше ресурсов сэкономлено. Вспомним, что и в компьютерах дисплей — самый энергоёмкий узел. Любой грамотный инженер-электронщик (не говоря уже о предполагаемом Творце), увидев ситуацию в таком ключе, сразу же отметит неоптимальность применяемых технических средств и предложит пару рационализаций. Мы же, однако, в течение уже некоторого исторического времени миримся с несовершенством наших средств, что ясно указывает на эволюционно-случайную их природу.

Несколько грустные мысли возникают при додумывании данной схемы до конца. Рано или поздно эволюция средств адаптации — возможно, в виде технического гения отдельных представителей нашего рода — при-

ведёт к оптимальным решениям, и, например, язык в его нынешнем виде системы объектов, представляющих другие, физические объекты, будет заменён более эффективным медиумом, возможно обладающим нелинейной логикой, а вместе с ним исчезнут поэзия и философия.

Сфера феноменального опыта будет сокращаться, а вместе с нею исчезнет искусство. Интеллектуальные операции, сводимые к исчислениям, будут передаваться машинам. Вольно или невольно, сознание – как мы его знаем – будет лечиться как болезнь. И такие словесно-концептуальные конструкты как «личность», вместе с её свободой, правами и достоинством, будут отброшены как химеры. Впрочем, и последние события в мире указывают на то, что цивилизация, основанная на этих ценностях, вполне может смениться другой, нам не ведомой, и затеряться в исторической дали.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иоффе А.Н. Проектирование: теория и практика // *Общественные науки*. – 2012 – №2.
2. Маркс К. Капитал // *Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.*, 2 изд. – Т. 23. – М., 1955.
3. Nagel T. What is it like to be a bat? // *Philosophical Review*. – 1974. – Vol. 83. – № 4. – P. 435-450.
4. Reitter D., Lebiere C. Did Social Networks Shape Language Evolution? A Multi-Agent Cognitive Simulation // *Proc. Cognitive Modeling and Computational Linguistics Workshop (CMCL 2010, at ACL 2010)*. – Uppsala, Sweden, 2010.
5. Rumelhart D.E., McClelland J.L., & the PDP Research Group. *Parallel Distributed Processing: Explorations in the microstructure of cognition*. – Vol. 1: Foundations. – Cambridge, MA: MIT Press, 1986.
6. Zhao C., Kaulakis R., Morgan J.H., Hiam J.W., Sanford J.P., Ritter F.E., Morgan G.P. Socio-cognitive networks: Modeling the effects of space and memory on generative social structures // *Proceedings of the 21st Conference on Behavior Representation in Modeling and Simulation*. – Amelia Island, FL: BRIMS Society, 2012. – P. 24–31.

А.М. ОРЕХОВ

СПРАВЕДЛИВОСТЬ: НОРМАТИВНАЯ ТЕОРИЯ И ПРОЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ

***Аннотация:** Статья посвящена нормативным аспектам современной теории справедливости. Главная цель нормативной теории справедливости – это задать некоторые нормы, по которым будет реализована справедливости. Нормативная теория справедливости полагает, что справедливость является в первую очередь институтом, а не ценностью. Существует пять основных проектов реализации справедливости: 1) консервативный проект; 2) либеральный проект; 3) социалистический (социал-демократический) проект; 4) коммунистический проект; 5) анархистский проект.*

***Abstract:** The paper is devoted to normative aspects of contemporary theory of justice. The main goal of normative theory of justice is to construct definite norms in accordance with which justice will be realized. Normative theory of justice assumes that justice is primarily an institution, not value. There are five main projects of realization of justice: 1) conservative project; 2) liberal project; 3) socialist (social-democratic) project; 4) communist project; 5) anarchist project.*

***Ключевые слова:** справедливость, нормативная теория, проект реализации.*

***Keywords:** justice, normative theory, project of realization.*

Теория справедливости является важной предпосылкой формирования человекообразного общества. Существует два типа такой теории – *позитивная* и *нормативная*. Позитивная теория исследует проблему с позиций её реального содержания, с позиций реального положения вещей. Главные вопросы всякой позитивной теории – это вопросы «Почему это происходит?» и «Как это происходит?».

Но помимо позитивных теорий, в некоторых науках (в основном – социально-гуманитарных) существуют и нормативные теории. Главная цель нормативной теории – это задать некоторые нормы, по которым будет реализовано то или иное социальное устройство, сконструирован тот

Орехов Андрей Михайлович – доктор философских наук, доцент кафедры социальной философии РУДН, ученый секретарь Междисциплинарного общества социальной теории (Москва). E-mail: orekhovandrey@yandex.ru.

или иной социальный институт. Но в рамках нормативной теории одновременно исследуются и решаются (частично или полностью) *позитивные вопросы* – те самые, которые образуют предмет позитивной теории¹.

Проблема справедливости содержит в себе два аспекта: позитивный и нормативный. В аспекте позитивной теории мы отвечаем на вопрос «Что есть справедливость (по своей сути, в принципе)?», а в аспекте нормативной теории мы ставим вопрос «Каким должно быть справедливое устройство общества и как его реализовать?»

Позитивная и нормативная теория справедливости различаются и в других аспектах. Во-первых, это касается результата. В позитивной теории справедливости ответ на вопрос о том, что есть справедливость, влечет за собой создание определенной *онтологической* (а частично и *этической*) *модели справедливости*. Модель справедливости – это особая теоретическая (концептуальная) схема выявления справедливости, способ ее «калькуляции» и «расчета». Количество таких моделей невелико – всего четыре: силовая, договорная, интуитивистская и утилитаристская².

В нормативной теории справедливости ответ на вопрос о способе (основных принципах) реализации справедливости влечет за собой конструирование определенного *проекта реализации справедливости*.

Проект реализации справедливости – это определенный алгоритм нормативно-практического воплощения в жизнь той или иной модели. Но поскольку все проекты реализации справедливости, как правило, являются идеологически ангажированными, их лучше всего классифицировать по типам идеологий. Всего, мы полагаем, существует пять основных проектов реализации справедливости: консервативный, либеральный, социалистический (социал-демократический), коммунистический и анархистский.

Во-вторых, еще одно важное различие в отношении позитивной и нормативной теории справедливости заключается в следующем: вопрос о сущности справедливости – вопрос чисто теоретический, а вот вопрос о проекте реализации справедливости – вопрос, с одной стороны, нор-

¹ За примером далеко ходить не надо: классический пример нормативной теории – теория справедливости Джона Ролза (см. далее). Также можно вспомнить теорию государства Платона, теорию научного коммунизма К. Маркса и Ф. Энгельса и т.п.

² Джон Ролз, к примеру, являясь сторонником договорной модели, в своей «Теории справедливости» критикует интуитивистскую и утилитаристскую теорию справедливости. Правда, у него нет критики силовой модели справедливости («модели Фразимаха»), – вероятно, он считал ее слишком примитивной и недостойной серьезного обсуждения. См.: Орехов А. М. Справедливость как базисный принцип устройства общества: путь к очевидности // Вопросы философии. – № 9. – 2010.

мативно-теоретический, а, с другой -практический: он связан с трансформацией тех или иных социальных институтов общества, и потому является особенно *болезненным* для него.

И, в-третьих, находясь в рамках либо позитивной, либо нормативной теории мы должны решить еще две важных проблемы: первая касается «базисности» справедливости (как говорил Ролз, справедливость является первичным, базисным или вторичным, небазисным благом³ для общества?). Вторая – решает следующий вопрос: является ли справедливость социальным институтом, либо она выступает социально-значимой ценностью общества⁴?

В отношении «базисности» справедливости позитивная теория не дает никакого определенного ответа, а вот нормативная теория в большинстве случаев склонна полагать, что справедливость есть именно базисное и первичное благо для общества (в этом аспекте будут между собой согласны Платон, Маркс и Ролз).

³ Действительно, во многих случаях для обозначения справедливости как фактора человекоразмерности общества применяют термины «первичное благо», «базисное благо» или «исходное благо». Этим самым подчеркивается фундаментальный, базисный характер справедливости как глобальной и позитивной ценности общества. Можно также сказать, что из всех видов социальных благ справедливости именно справедливость имеет *наиболее чувственный, наиболее осязаемый характер* для каждого конкретного человека: деформации в сфере справедливости (эксплуатацию, дискриминацию, депривацию) он ощущает наиболее ярко и глубоко, - в этом также необходимо искать причину «паразитирования» многих политических идеологий на проблемах с достижением справедливости.

⁴ Справедливость как *социальное благо* является предметом, удовлетворяющим в максимальной степени интересы и потребности большинства людей. В этом аспекте справедливость также можно принимать (или не принимать) как определенную *социальную ценность* (или как просто «ценность»), т.е. предмет, получающий положительную (или негативную) оценку множества людей, и, в конечном счете, всего общества. Но в целом, следует отметить, что достижение справедливости (или хотя бы наличие *определенной стратегии* в достижении справедливости) одобряется, санкционируется обществом и государством как *одна из целей социально-экономического и политического развития*, причем как цель *базисная и фундаментальная* по своему значению. Справедливость как социальный институт можно трактовать как особую систему норм, регулирующих отношение распределения благ и стабильно воспроизводящих себя в обществе. Эти нормы конструируются на основе *конкретной интерпретации* справедливости как определенной ценности или блага. Поскольку в общественном сознании существует, как правило, несколько таких интерпретаций, стратегия достижения справедливости базируется на доминирующей интерпретации, все остальные интерпретации носят, как правило, оппозиционный характер. Следует отметить, что в литературе о справедливости в некоторых случаях данное различие связывается с аристотелевским различием «дистрибутивной» (справедливость как институт, распределяющий блага) и «коммуникативной» (справедливость как ценность, устанавливающая пропорциональные отношения в обществе) справедливости.

Табл. 1. Теории справедливости (сравнительная характеристика)

Критерий сравнения	Тип теории справедливости	
	<i>Позитивная теория</i>	<i>Нормативная теория</i>
Главный вопрос	Что есть справедливость?	Как реализовать справедливое устройство общества?
Основная схема	Модель справедливости	Проект реализации справедливости
Форма деятельности	Теория	Практика, опирающаяся на нормативную теорию
Базисность справедливости	Нет определенного ответа	Справедливость базисное, первичное социальное благо
Природа справедливости (институт или ценность?)	Нет определенного ответа	Социальный институт, и к тому же наиважнейший

Что же касается проблемы «институт – ценность», то нормативная теория справедливости твёрдо держится за точку зрения, что справедливость – это именно социальный институт, и к тому же наиважнейший. Что же касается позитивной теории, то этот счёт имеется две точки зрения: одни ученые (в основном юристы, политологи) полагают, что справедливость – это социальный институт, другие ученые (например, представители философской этики) полагают, что справедливость – это, прежде всего ценность.

Итоги наших рассуждений можно представить в виде следующей таблицы (см. табл. 1).

Всего же существует пять основных проектов реализации справедливости: консервативный, либеральный, социалистический (социал-демократический), коммунистический, анархистский.

Консервативный проект исходит, как правило, из сохранения «статус-кво», т.е. настоящего положения вещей, и признает наличное, существующее на данный момент устройство общества как соответствующее справедливости. Причем сама организация общества может быть различной: сословной, кастовой, классовой, меритократической и т.п.

Консервативный проект в любом случае выступает, если не против всех изменений и реформ, то против всех радикальных изменений и реформ; при этом существующий общественный строй признается единственно правильным и разумным, – то есть наилучшим из всех общественных порядков: «Теория является консервативной в той мере, в какой она рассматривает эти институты как данные и неизменные в своих существенных чертах; предлагает средства, чтобы они более эффективно работали, а не придумывает им альтернативы; не представляет никакого будущего, которое было бы существенно лучше, чем настоящее и те условия, которые уже существуют; и явно или неявно предлагает принять то, что существует, или смириться с ним, а не бороться против него»⁵.

⁵ Гоулднер А. Наступающий кризис западной социологии. – СПб., 2003. – С. 382-383.

«Существующее является наилучшим» — таков главный принцип консерватизма, хотя обоснование этого «наилучшего» может быть или строго рациональным, или же интуитивным, — при апелляции к некоей «исконности» или «народности».

Например, известный русский мыслитель и политический деятель консервативного направления К.Н. Победоносцев так обосновал свою позицию относительно российского пути в истории: «В глубинах старых учреждений часто лежит *идея*, глубоко верная, прямо истекающая из народного духа, и хотя трудно бывает иногда распознать и постигнуть эту идею под множеством великих наростов, покровов и форм, которыми она облечена, утративших в новом мире первоначальное значение, но народ постигнет ее чутьем и потому крепко держится за учреждения в привычных им формах»⁶.

Если применить это замечание к консервативному проекту справедливости, то, вероятнее всего, принципы справедливости должны быть основаны на интуитивно постигаемой «народной идее справедливости», а сама эта идея должна соответствовать традициям и религиозным исканиям каждого конкретного народа. Вряд ли с этой точки зрения возможна какая-либо общечеловеческая идея справедливости, облекаемая в форму научных или рациональных конструкций.

Интуитивистская модель справедливости, рассмотренная нами выше, — со всеми её недостатками и достоинствами, — судя по всему, в наибольшей степени подходит под консервативный проект.

Однако это очень осторожный и в целом слабо обоснованный вывод: в сущности, консерваторы могут использовать и три оставшиеся модели справедливости: силовую, договорную, утилитаристскую. Прямой, точной, ясно доказуемой связи между различными моделями справедливости и консервативным проектом установить, в конечном счете, невозможно.

Либеральный проект, в отличие от консервативного, не признает существующие отношения в сфере справедливости наилучшими, он полагает, что эти отношения должно и нужно совершенствовать, а главным критерием этого совершенствования выступает максимальная реализация прав и свобод граждан. «Чем больше свободен гражданин в государстве, чем полнее реализованы его права, тем больше шансов у данного общества воплотить в жизнь свои идеалы, в том числе и идеал справедливости», — так полагает либералы.

Но у либерализма в современных условиях также имеются проблемы с реализацией своего идеала справедливости. Главная проблема заключа-

⁶ Победоносцев К.П. Сочинения. — СПб., 1996. — С. 382.

ется в том, что концептуальная установка, рассматривающая «права и свободы личности» как некие гаранты справедливости, и при этом вполне приемлемая для постиндустриальных западных государств, не срабатывает в отношении развивающихся стран, а также стран, осуществляющих посткоммунистическую трансформацию.

И, вероятно, это связано с тем, что реализации принципов справедливости мешают некоторые внешние факторы, «экстерналии» (если выражаться экономическим языком), и они, собственно говоря, сводят на нет сам либеральный проект справедливости: «Это нетрудно предвидеть, если в достаточной мере осознать, что социальная несправедливость — это положение вещей, возникающее тогда, когда даются социальные и экономические права, т.е. принимаются (причем часто вполне «демократически», на основе парламентских решений) законы, очерчивающие пределы социальных и экономических прав без учета тех последствий, которые они в данный момент могут иметь для косвенно охраняемых основных прав личности (для права на здоровье, на образование и т.п.) в условиях, существующих в данной стране: иными словами, необходимо осознать, что социальная справедливость — это положений вещей, возникающее, когда очерчивание пределов социальных и экономических прав в данной стране начинает определяться другими факторами, помимо требований, выражаемых основными правами»⁷.

В целом можно с некоторой долей вероятности, утверждать, что, из всех четырех проектов справедливости именно «договорная модель» справедливости в наибольшей степени соответствует либеральному проекту; последний в максимальной степени может быть орационален и онаучен, и наиболее приемлем с точки зрения проекта модерна, поскольку утверждает плюрализм и диалог в качестве ведущих принципов создания и применения теории справедливости, — с тем, чтобы сделать её максимально очевидной.

Однако, опять же, либеральный проект реализации справедливости может быть основан и на иных моделях: например, на утилитаристской (И. Бентам) или интуитивистской. Прямой связи между моделью справедливости и либеральным проектом установить, на наш взгляд, нельзя.

Социалистический (социал-демократический) проект справедливости исходит из следующей максимы: «От каждого по способностям, каждому — по труду». Подобный подход был весьма популярен в XX веке и не только в странах, относившихся к «социалистическому лагерю». Его применяли и те государства, которые принято называть «социал-демократическими»,

⁷ Кучуради И. Справедливость - социальная и глобальная // Вопросы философии. — 2003. — № 10. — С. 26.

где у власти находилась социалистическая или социал-демократическая партия.

Какая модель справедливости лежит в основе данного проекта реализации справедливости? Есть, например, мнение, что это — утилитаристская модель: «Маркс отвергает в утилитаризме Бентама именно его инструментальный расчет и практические соображения; Маркс стремится к нерасчетливому, этическому утилитаризму, где человек искренне чувствует обязанность быть полезным для достойного общества»⁸.

Да, разумеется, отчасти можно согласиться с А. Гоулднером: именно такая схема расчета справедливости была принята на вооружение в «социалистических» странах: справедливость рассчитывалась, исходя из «трудового вклада» каждого индивида, но при этом считалось, что индивид как «гражданин социалистического государства», будучи «сознательным», обязан стремиться быть бескорыстным по отношению к самому государству и другим гражданам и стараться брать меньше, чем ему дают государство и другие граждане. Такой подход часто дополнялся силовым принуждением: в качестве «сильнейшего субъекта» здесь выступает государство.

Но следует также помнить, что «социалистический» и «социал-демократический» путь реализации справедливости, хотя и учитывал утилитаризм, но уже в большей степени опирался на договорную модель справедливости: граждане государства должны были «договориться» о том, что есть справедливость, дополнив это «антисиловым» принципом «справедливость есть то, что выгодно слабейшему».

Коммунистический проект справедливости исповедует еще более радикальный и более утопичный (с точки зрения сегодняшнего дня) принцип: «От каждого по способностям, каждому — по потребностям». Это — один из тех проектов, что так никогда и не были реализованы на практике⁹.

Однако даже чисто с теоретической точки зрения разговор об этом проекте нам представляется интересным. Коммунизм вообще определялся следующим образом: «Коммунизм — это бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, где вместе с всесторонним развитием людей вырастут и производительные силы на основе постоянно развивающейся науки и техники, и все источники общественного богатства польются полным потоком и осуществится великий принцип: «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям». Коммунизм — это высокоорганизованное общество свободных и созна-

⁸ Гоулднер А. Наступающий кризис западной социологии. — СПб., 2003. — С. 142.

⁹ Это же можно сказать и об анархистском проекте.

тельных тружеников, в котором утвердится общественное самоуправление, труд на благо общества станет для всех первой жизненной потребностью, осознанной необходимостью, способности каждого будут применяться с наибольшей пользой для народа»¹⁰.

Из этого определения видно, что для осуществления данного проекта необходим целый ряд условий: общественная собственность на средства производства, полное социальное равенство людей, «всестороннее развитие каждой личности», «льющиеся полным потоком источники общественного богатства», труд как «первая жизненная потребность» и т.п.

Большинство из них, однако, с точки зрения современной социальной теории, следует зачислить в область социальной фантастики: полное социальное равенство людей, «льющийся поток общественный богатств», общественная собственность. Последняя, будучи тотальным политэкономическим институтом, ведет к превращению общества в тоталитарное и закрытое для всяких социальных инноваций (т.е. «закрытое» в попперовском смысле), делает человека объектом идеологических и бюрократических манипуляций и т.п.

Но, при всем при том, коммунистический идеал справедливости несет в себе большой позитивный заряд, обозначая в определенном роде «идеал идеала» для трех предыдущих проектов справедливости. «Брать по способностям от всесторонне и гармонично развитого человека и распределять по потребностям, если эти потребности разумны и обоснованы», — что, в конечном счете, в этом плохо? Рациональность, научность, системность, моральность, коллективизм, солидарность, заложенные в коммунистическом идеале, так сказать, генетически, соединенные с правом выбора типа собственности и со свободой как либеральным институтом, могут вполне стать идей будущего глобального проекта справедливости, — вне всяких идеологий и социальных схем¹¹.

Да, возможно, это выглядит как «модерн», но все модерны имеют склонность возвращаться обратно, — выступая как «снятие постмодерна». Например, в концепции постиндустриального общества, — которая, на наш взгляд, во многих чертах родственна учению о коммунистическом

¹⁰ См.: Научный коммунизм. — М., 1983. — С. 260.

¹¹ Например, концепция «индивидуации» и «индивидуализации» немецкого философа Н. Элиаса, ныне вошедшая в обиход постмодернистской теории, может быть вполне выведена из коммунистического учения о «всесторонней и гармонично развитой личности». Именно такая личность своим воздействием на общество индивидуализирует его в элиасовском понимании, делая «общество как сумму индивидов» больше их суммы в арифметическом смысле. Заметим также, что термин «индивидуация» одним из первых ввел в обращение русский мыслитель, один из идеологов анархизма, П.А. Кропоткин.

обществе, если ее копнуть глубже, «модерна» окажется куда больше, чем «постмодерна», а это тот факт, с которым следует считаться любому социальному теоретику и философу.

Какая же модель справедливости лежит в основе коммунистического проекта? Изначально здесь речь может идти о силовой модели: ведь путь в коммунизм начинается с диктатуры пролетариата — навязывания угнетенным классам идеологии и воли господствующего класса, т.е. фактически продукт действия его силы. Однако, впоследствии силовая модель здесь уступает место утилитаристской и договорной: ведь, к примеру, принимая конституцию, все трудящиеся, приступающие к строительству коммунистического общества, «договариваются» о том, что есть справедливость, следуя, однако, советам и директивам коммунистической партии, играющей в этом строительстве «руководящую и направляющую роль».

В итоге, мы опять приходим к тому же выводу: прямой связи между выбором модели справедливости и коммунистическим проектом не установлено.

Анархистский проект утверждает такую практическую схему воплощения справедливости, в которой отсутствует всякая иерархия, а власть и господство каких-либо политических институтов (в первую очередь, государства) сведены к минимуму. Отсюда — проекты «уничтожения государства» и «уничтожения власти» как главных помех на пути воплощения справедливого общества.

Вот что, в частности утверждал М.А. Бакунин: «Никакая роль [в идеальном анархическом обществе] не окаменеет, не закрепляется и не остается неотъемлемой принадлежностью кого бы то ни было. Иерархического строя и повышения не существует, так что вчерашний распорядитель сегодня может сделаться подчиненным. Никто не возвышается над другими, и если возвышается, то лишь для того, чтобы немного спустя снова пасть, подобно морской волне, вечно возвращаясь к спасительному уровню равенства. В этой системе, в сущности, нет больше власти. Власть растворяется в коллективе и делается действительным выражением свободы каждого, верным и серьезным осуществлением воли всех: каждый повинуется лично потому, что дежурный начальник приказывает лишь то, что он сам хочет. Вот истинно человеческая дисциплина, дисциплина, необходимая для организации свободы»¹².

Во второй половине XX в. анархистский проект справедливости (правда, сильно приправленный либертарианством) нашел воплощения в теории «минимального государства» Р. Нозика: «Минимальное государство — это

¹² Бакунин М.А. Анархия и порядок. — М., 2000. — С. 415.

максимальное государство, существование которого может быть оправдано. Любое государство, которое больше минимального, нарушает права людей»¹³.

Во многом аналогичную Р. Нозики, анархистско-либертарианскую теорию справедливости также разработывал Д. Готьер. С его точки зрения, справедливость может быть рационально осмыслена в терминах взаимной выгоды, — причем такой выгоды, которая минимизирует всякое внешнее, в том числе и государственное вмешательство. При этом справедливость предполагает не только опору на свободный рынок и его «невидимую руку», но и кооперацию как естественное желание людей помогать друг и другу, и взаимодействовать друг с другом: «Там, где рыночные отношения с их предустановленной гармонией между равновесием и оптимальностью, пребывают по ту сторону добра и зла, и под воздействием «безбилетников» и «паразитов» естественные взаимодействия деградируют в обман и насилие; кооперация представляет собой царство справедливости. Справедливость есть предрасположенность не злоупотреблять интересами других и не пытаться проехать за чужой счет и не перекладывать свои затраты на плечи других»¹⁴.

Анархистский проект можно связывать с различными моделями справедливости: силовой (ведь анархию можно установить силой!), договорной (об уничтожении государства и власти надо договориться), интуитивистской (справедливость здесь устанавливается большей частью по интуиции), утилитаристской (справедливость, при таком балансе, раскладе, выгодна всем). Но прямо, однозначно поставить в соответствии определенную модель справедливости и анархистский проект нам опять же не удастся.

Итак, каждый проект справедливости по-своему решает вопрос о проективном характере института справедливости достоин своего осуществления в человекообразном обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакунин М.А. Анархия и порядок. — М., 2000.
2. Гоулднер А. Наступающий кризис западной социологии. — СПб., 2003.
3. Кучуради И. Справедливость — социальная и глобальная // Вопросы философии. — 2003. — № 10.
4. Научный коммунизм. — М., 1983.
5. Нозик Р. Анархия, государство и утопия. — М., 2008.
6. Орехов А.М. Справедливость как базисный принцип устройства общества: путь к очевидности // Вопросы философии. — № 9. — 2010.
7. Победоносцев К.П. Сочинения. — СПб., 1996.
8. Gauthier D. *Moral by Agreement*. — Oxford, 1985.

¹³ Нозик Р. Анархия, государство и утопия. — М., 2008. — С. 193.

¹⁴ Gauthier D. *Moral by Agreement*. — Oxford, 1985. — P. 113

В.В. ПОПКОВ

КОНСТРУКТИВИЗМ И МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

***Аннотация:** В статье представлен обзор теории экономического конструктивизма и показана возможность ее применения к объяснению множественности экономических теорий. Глубинная онтологическая причина плюрализма экономических теорий проистекает вовсе не из методологического плюрализма, как это иногда представляется, а связана с принципом двойственности, проявляющего себя всякий раз при проведении различения.*

Различение разделяет мир на две части — внутреннюю и внешнюю. И в зависимости от того, на какой стороне находится наблюдатель, картина будет разной. Наблюдение наблюдателя (внутреннего или внешнего) или кибернетика второго порядка требует согласования смыслов ненаблюдаемых непосредственно параметров теорий.

Концепция множественности экономических теорий не противоречит концепции целостности экономики, а подчеркивает ее внутренне атрибутивное свойство — наличие двойственных, взаимно сопряженных и взаимно обусловленных начал. Последовательное сопряжение этих начал в концепции двух наблюдателей позволяет выявить эвристический принцип конструирования экономических теорий.

***Abstract:** The article presents the overview of theory of economic constructivism and shows the possibility of its application to explain the multiplicity of economic theories. The deep ontological reason for pluralism of economic theories does not stem from methodological pluralism, as it seems sometimes, but is related to the principle of duality, apparent whenever distinction is made.*

Distinction divides the world into two parts — internal and external. Depending on which side is the observer, the picture will be different. Observation of observer (internal or external), or second-order cybernetics, requires a co-ordination of meanings of directly unobservable parameters of theories.

Попков Валериан Владимирович — доктор экономических наук, профессор, директор АНО «Международный институт Александра Богданова» (Екатеринбург). E-mail: president.ibi@mail.ru.

The concept of the plurality of economic theories does not contradict the concept of integrity of economy, and underlines its internally attributed property that is presence of dual, mutually conjugate and mutually conditioned principles. Consistent combination of these principles in the concept of two observers allows to identify the heuristic principle of constructing economic theories.

Ключевые слова: *автопоэзис, двойственность, наблюдатель, различение, рефлексивность, субъектная реальность, экономический конструктивизм.*

Keywords: *autopoiesis, duality, observer, distinction, reflexivity, subjective reality, economic constructivism.*

Введение

Сложные социальные системы невозможно понять без рассмотрения человека, его ценностных установок и способности к познанию, его внутренних психологических основ и взаимодействия с другими людьми, привычек и стереотипов поведения. Проблема состоит в том, что у человеческого рационального знания есть пределы в познании сложного на том уровне исследования, который сохраняет неуничтожимость сложности; всегда существует предельная граница познания в форме того способа, с помощью которого мы это знание приобретаем. Философы до сих пор спорят о том, является этот вопрос по своей природе онтологическим (природа реальности настолько сложна, что нам ее никогда не понять) или эпистемологическим (неспособность понять обусловлена недостатком наших знаний или ограниченностью наших дескриптивных способностей).

Для современных профессиональных экономистов характерно следующее: 1) большинство из них не интересуется философией; 2) большинство из них является стихийными материалистами или в более продвинутой версии – логическими позитивистами; 3) большинство из них считают объективный идеализм устаревшим и ненаучным. Между тем, проблема реальности является одной из глубочайших философских проблем. Невнимание к этой проблеме в среде экономистов – просто удручающее. Ведь существуют разные виды, степени, уровни реальности, и соответственно, разные критерии оценки реальности. Экономисты апеллируют к практике, не задумываясь зачастую о том, что эта реальность создана на основе их же теорий.

Научная рациональность позитивизма, изучающего один из видов реальности, ответственного за то, что происходит, может заслонять от наблюдателя другие виды реальности, скрывающими ответ на вопрос, – а что за этим кроется. Примером важности учета этой проблемы может служить, к примеру, хорошо известная всем экономистам теория экономического равновесия. Но в этой теории не учитывается, что количества

(товары – экстенсивные величины) не могут сравниваться без специальных оговорок с качествами (цены – интенсивные величины), так как они принадлежат разным видам реальности.

Анализируя проблемы современной экономической науки, О.И. Ананьин справедливо признает, что «экономическая методология включила в круг своих интересов сначала эпистемологическую проблематику (анализ экономического знания и познания), а затем и онтологическую, связанную с метанаучными (философскими, этическими, идеологическими и т.д.) представлениями о самой экономической реальности»¹.

При этом, как считает Е.О. Стрижак «основная задача экономической методологии заключается в создании концептуального каркаса исследования экономической реальности, обогащении потенциала экономической науки, ориентации его на разрешение конкретных проблем, актуальных для современного общества»². Молчаливо предполагается, что эта реальность одна и не зависит от наблюдателя и методов ее наблюдения.

Плюрализм экономических теорий в таком подходе сводится к методологическому плюрализму, который означает «использование методологического инструментария и основных положений различных направлений экономической науки и смежных дисциплин в их диалектическом единстве»³. Корреспондентской теории познания, утверждающей, что есть одна объективная реальность, которую человек изучает с использованием разнообразного методологического инструментария, противопоставляется конструктивизм в теории познания, основанный на конструктивном подходе к формированию реальности⁴.

Субъектные реальности в экономике

Тот тип изучения экономических реалий, который возник в эпоху механицизма и до сих пор сохраняет прочные позиции, опирается на так называемую корреспондентскую или объективирующую теорию познания. Эта теория утверждает, что мозг, как система восприятия, получает из окружающей среды сигналы, которые вне всякой связи с мозгом содержат в себе определенное значение (объективную информацию). Моз-

¹ См.: Ананьин О.И. *Философия и методология экономической науки // Философия социальных и гуманитарных наук: учеб. пособие / под ред. С. А. Лебедева. – М.: Академический Проект, 2006. – С. 353–436.*

² См.: Стрижак Е.О. *Методологический плюрализм в современной экономической теории // Вісник НТУ «ХП». – 2013. – № 53 (1026). – С.143–147.*

³ Там же. – С.146.

⁴ См.: *Конструктивизм в теории познания / Рос. Акад. Наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: ИФ РАН, 2008.*

гу достаточно эту информацию принять, «отфильтровать» и направить на нее свою активность. В среде экономистов по умолчанию предполагается, что существует объективная экономическая реальность, которую можно описать с помощью модельных представлений и теорий, опирающихся на эти модели. Но в экономике мы имеем дело не с отделенными от нас событиями, а с мирами, порожденными нашей деятельностью.

В отличие от естественных наук, в социальных науках теории способны менять способ функционирования систем. Когда физики сменили свою идеологию с классической, ньютоновской механики на современную квантовую механику, поведение атома не изменилось. Но теории, разработанные А. Смитом, К. Марксом, Д.М. Кейнсом, М. Фридманом и другими, всякий раз изменяли поведение экономических систем.

Но и с теориями также все обстоит непросто. Например, существует много определений предмета экономической теории. Утверждается, что это наука, изучающая отношения, возникающие между людьми по поводу производства, обмена и распределения материальных благ и услуг; или наука о видах деятельности, связанных с обменом и денежными сделками между людьми; общественная наука, которая изучает поведение людей и групп людей в производстве, распределении, обмене и потреблении материальных благ; наука о том, как человечество справляется со своими задачами в области потребления и производства; и т.д. Ключевых конструктов в определениях, как правило, два: во-первых, подчеркивается, что это отношения между людьми, а во вторых внимание концентрируется на материальных благах и услугах.

Действительно, суть принятого на вооружение и господствующего среди экономистов «объективирующего» метода познания состоит в том, что исследователь экономики описывает экономическую реальность не по отношению к человеку (что неизбежно вносит момент «субъективности»), а по отношению «к самой себе», точнее, описывает отношение качеств одного выделенного «элемента» экономической реальности к другому. Большинство диссертаций на соискание ученой степени в качестве предмета исследования рассматривает «отношения...». При этом одно неизвестное соотносится с другим таким образом, что *сущность* изучаемых объектов (или ответ на вопрос — «что за этим кроется?»), — то есть сам способ их бытия, «выносятся за скобки». В качестве «сухого осадка» остается лишь «форма» *взаимоотношения их качеств (ответ на вопрос — «что происходит?»)*, — именуемая «объективной экономической реальностью».

Объективирующий подход привел к тому, что не утихают споры о возможных способах интерпретации известных теорий, — ведь любая *формальная* теория открыта для *смыслового* наполнения, а способов разли-

читать «истинные» интерпретации исходя лишь из «формальных», логических соображений, не существует. Пресловутые «отношения», как ни стараются исследователи, «очистить» их человеческого фактора, мгновенно при попытке их интерпретации, снова требуют согласования смыслов. Люди и организации в экономике взаимодействуют не непосредственно с «рынком», а только с картиной рынка, которую они сами создают под влиянием внешней социальной среды; на основе этой картины и смыслов в ней заключенных, осуществляются действия.

Всякий раз, когда наблюдатель анализирует предмет, целеполагает, предлагает планирование, критикует, предписывает, конструирует действия, придает им смысл, — он наблюдается как наблюдатель, а это вызывает эффекты, которые совершенно независимы от того, истинны или нет его констатации. Многие экономические реальности, с которыми мы сталкиваемся на практике, не являются исходно полностью определенными. Они требуют действий по их детерминации и включают в себя создающего их субъекта. Такие реальности в рефлексивной теории называют *субъектными*. Любое знание, любые представления о вещах и о мире являются субъективными конструкциями. Й. Шумпетер по этому поводу отметил, что «если есть хоть какой-нибудь мотив, побуждающий нас видеть факты так, а не иначе, то можно не сомневаться, что мы увидим их так, как нам хочется»⁵. Ученые — экономисты осознают, что в результате действия новых знаний поведение экономических агентов меняется. На это, в частности, указывал В. Полтерович: «Изменчивость экономических реалий отчасти коренится в обратном влиянии экономических теорий на экономическое поведение.

Выводы из экономических теорий довольно быстро становятся достоянием массы экономических агентов и влияют на формирование их ожиданий»⁶. Новая системность Г. Клейнера⁷, как «экзогенное» восприятие системы в виде некоторого фрагмента реальности, выделяемого исследователем в пространстве и во времени, концепция path dependency (зависимость от пройденного пути), развиваемая Р. Нуреевым⁸, призыв

⁵ Шумпетер Й. История экономического анализа: в 3 т. — СПб.: Экономическая школа, 2004. — Т. 1. — С. 39.

⁶ Полтерович В.М. Кризис экономической теории // Экономическая наука современной России. — 1998. — № 1. — С. 48.

⁷ См.: Клейнер Г.Б. Развитие теории экономических систем и ее применение в корпоративном и стратегическом управлении/Препринт #WP/98/2010 — М.: ЦЭМИ РАН, 2010.

⁸ Нуреев Р.М. Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития). — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. — 530 с. (в соавторстве с Ю.В. Латовым).

В. Колпакова⁹ к неосмитианству, как встраиванию экономической теории в общую междисциплинарную парадигму наук об обществе, – эти работы также являются примерами растущего понимания того, что экономическая действительность, как таковая не содержит в себе ни свойств, ни законов, ни предметов «в готовом виде».

Любой фактор экономической среды может быть воспринят, оценен, «познан» не таковым, каков он есть, а исключительно по степени и направленности своего воздействия на субъект познания. Эти краткие тезисы составляют суть конструктивистки ориентированных экономических исследований¹⁰. Каким же образом могут быть учтены эффекты, возникающие при обращении к «объективной» действительности, если до того, как был поставлен вопрос, весь контекст, считающийся действительностью, был уже загодя сконструирован нашим сознанием?

Конструктивистская трактовка действительности

Конструктивизм – это относительно новое направление, оформившееся с 80-х гг. XX в. в эпистемологии, сформированное в междисциплинарном пространстве современного естествознания и гуманитарных наук¹¹. Термин «конструктивизм», быть может, кажется не очень удачным, но он вполне перекликается с уже прижившимся в математике понятием «конструктивная математика»¹².

Любая действительность является самым непосредственным образом *конструкцией ментальной деятельности* человека, который, как он *полагает*, эту действительность открывает и исследует. Функция познания на самом деле носит адаптивный характер и служит для организации опытного мира, а не для открытия онтологической реальности. Истинным является то знание, которое поддерживает жизнеспособность системы, обеспечивает ее выживание. Эта замена понятия «истинности» понятием «жиз-

⁹ См.: Колпаков В.А. Эволюция экономической теории: от А. Смита к неосмитианству // Вопросы философии. – № 11. – 2006. – С. 73-84.

¹⁰ См.: Попков В.В. Концептуально – теоретические основы экономического конструктивизма // Журнал экономической теории. – 2010. – № 4 (25). – С. 56-70.

¹¹ См.: Князева Е.Н. Эпистемологический конструктивизм // Философия науки. Вып. 12: Феномен сознания. – М.: ИФ РАН, 2006. – С. 132-153.

¹² Конструктивная математика определяется как неклассическое направление в математике, основанное на критерии конструктивности, в то время как классическая математика основана на критерии непротиворечивости. Согласно критерию непротиворечивости, объект признаётся существующим, если он не содержит формально-логического противоречия. Согласно критерию конструктивности – «*существовать – значит быть построенным*». Критерий конструктивности – более сильное требование, чем критерий непротиворечивости. (Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1975. – С. 259).

неспособности» является принципиальной и полностью меняет установки познающего субъекта. Теперь нет большого смысла спорить, что истинно или ложно, правильно или неправильно, — речь может идти только о том, обеспечивает ли сконструированное знание и концепции развития на нем основанные, жизнеспособность системы или нет.

Идеи, лежащие в основе конструктивистского подхода, еще не получили распространения в среде широкой экономической общественности. Ввиду своей кажущейся радикальности, они являются сколь привлекательными, столь же и отпугивающими. П. Вацлавик, автор книги «Насколько реальность реальна?», отвечая оппонентам, утверждал, что в конструктивизме мы справляемся с нашим экзистенциальным состоянием *неведения* путем *придумывания порядка*, забывая или не замечая потом, что мы сами его изобретаем, а затем переживаем его как нечто «по ту сторону» (или вне нас), именуемое нами реальностью¹³.

Аргументы, используемые для доказательства правильности наших теорий об устройстве Вселенной, сами подтверждаются доводами, которые зависят от этих аргументов (самореферентность¹⁴). В этом случае ставить вопрос о том, присущ ли миру некий априорный смысл, который нам предстоит лишь постигать, — носит самореферентный характер, так как сама его постановка — это следствие приписывания, придания смысла, что вообще делает возможным спрашивать о смысле.

Существенным свойством самореферентности сознания является его самодостаточность: человек не может ощущать дефицита какого-то рода реальности, которую он еще не сконструировал, т.е. говоря другими словами — задавать себе вопросы, на которые не может существовать ответов. В эпистемологическом толковании это может быть сформулировано так: *мы не знаем о том, что мы не знаем*; либо: *мы можем не видеть только то, что уже когда-то видели*. Так возникает то, что Вацлавик назвал реальностью второго порядка.

Реальность первого порядка имеет дело с сугубо физическими, объективно устанавливаемыми свойствами предметов и связана с правильным сенсорно-психическим восприятием, а также с вопросами, так называемого, здравого смысла, с объективной, воспроизводимой, научной верификацией. В этой реальности различия во мнениях всегда имеют объек-

¹³ См.: Watzlawick, P. *How Real Is Real?* — N.Y.: Random House, 1976.

¹⁴ Также используются термины «самоотносимость», «рефлексивность». Самореферентность не является особым признаком мышления или сознания, а является весьма общим принципом образования систем с особыми следствиями в отношении построения сложности и эволюции. Есть много различных возможностей наблюдать мир в зависимости от того, какая именно системная референция лежит в основе.

тивные основания; например, то, что вода кипит при температуре примерно в сто градусов, легко доказать экспериментально.

Реальность второго порядка — это смысловой и ценностный атрибут предметов, основанный на коммуникационном контексте, *и в этом мире не существует никаких объективных критериев (мы не знаем того, что мы не знаем)*. Физика, биология, философия, социология (этот список можно продолжить) давно и все с большей настойчивостью ставят вопрос, — так что же происходит с миром, когда в нем появляется наблюдатель. Что же говорить об экономических теориях, порожденных людьми, которые на их основе предпринимая действия, и затем из полученной действительности черпают аргументы для обоснования тех же теорий. Попытка опереться в экономике на факты как на критерий истинности себя не оправдывает, так как в общественных науках теории могут изменять явления. Дж. Сорос справедливо утверждает, что, когда в событиях действуют мыслящие участники, предмет исследования больше не ограничивается фактами, но включает также и восприятия участников. Восприятия участников соотносятся не с фактами, а с ситуацией, которая зависит от их собственных восприятий и, следовательно, не может трактоваться как факт.

Классическая экономическая теория пытается обойти этот вопрос, вводя предположение о рациональном поведении. Считается, что люди действуют, выбирая лучшую из возможных альтернатив. *Но различие между восприятиями альтернатив и фактами почему-то не принимается во внимание*. Результатом служит очень элегантная теоретическая конструкция, которая напоминает естественные науки, но не напоминает реальность. Она имеет лишь слабое отношение к реальному миру, в котором люди действуют на основе несовершенного понимания, а равновесие недостижимо¹⁵. Сорос не раскрывает механизма возникновения этого заблуждения, но как было показано выше, это проистекает из двойственности процесса познания. Если есть выделенное наблюдателем состояние, это немедленно означает появление двойственного ему неотмеченного состояния. Эти два состояния соответствуют двум типам наблюдателей (инсайдерам и аутсайдерам) и двум совершенно разным вопросам: «что происходит» и «что за этим кроется?»

Н. Луманн, говоря о социологии, справедливо замечает, что «трудно сохранять единство дисциплины, когда вопросы столь различны»¹⁶. Но

¹⁵ Сорос Дж. Алхимия финансов. — М.: Инфра-М, — 2001. — С. 6.

¹⁶ Луман Н. «Что происходит?» и «что за этим кроется?» Две социологии и теория общества // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. / Пер. с англ., фр., нем., ит. Сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. — М.: Книжный дом «Университет», 2002. — Ч. 2. — С. 37.

это в полной мере относится и к экономике. Не прекращается, к примеру, полемика между теми, кто стремится поставить во главу угла либо один из этих вопросов, либо другой, например, между сторонниками невмешательства государства в экономику и государственного регулирования экономики. Обе стороны апеллируют к одной и той же реальности, исходя из весьма спорной, как это мы показали, предпосылки, что соотнесение теории с внешним миром может помочь решить, что истинно, а что ложно. При этом, разумеется, совершенно игнорируется, что каждая из сторон уже «отметила» в своем восприятии экономической действительности свою сторону, при этом игнорируя другие возможные различия.

Таким образом, для каждой стороны сама собой возникает игра внутренней исследовательской свободы и внешних произвольных референтов.

Экономический конструктивизм

Экономический конструктивизм — новый инструмент экономического анализа и совершенствования экономических теорий, базирующийся на эпистемологическом конструктивизме, теории двойственности, кибернетике второго порядка и сетевом анализе экономических систем¹⁷. Экономический конструктивизм — это сознательное конструирование экономической действительности в соответствии с ценностными предпочтениями социального (индивидуального и коллективного) субъекта, учитывающее структурное и параметрическое сопряжение объекта и субъекта на основе принципов самореферентности, двойственности, кругообразности и циклической причинности. Это направление, тесно связанное с теорией познания, пытается преодолеть глубоко укоренившийся в среде экономистов механистический подход. В механической парадигме (ее иногда называют «input-output» парадигмой) предприятия выступают как некие черные ящики с ресурсными входами и продуктовыми выходами, которые конкурируют за ресурсы и пытаются минимизировать входы и максимизировать выходы. Человек в такой системе обладает рациональным знанием, его мысли и восприятия отделены от объектов, а сами объекты существуют независимо от сознания, как «объективная» реальность.

В экономическом конструктивизме не существует объективной реальности в указанном выше смысле; человек сам конструирует реальность и все время рефлексировать в ней, выступая в двух ипостасях как объект и субъект познания. Существует условие самореференции, когда человек обращается к реальности, которую сам создал и черпает оттуда аргумен-

¹⁷ См.: Попков В.В. Экономический конструктивизм. Ускользающая реальность: что кроется за объективностью экономической науки? — М.: Издательство Ленанд, 2014. — 200 с.

ты, которые зависят от его предыдущих действий, — и это сильно усложняет картину реальности, но в то же самое время делает ее более реальной. С точки зрения экономического конструктивизма не существует объекта «самого по себе», — это всегда конструкция мышления человека, которую он «вырезает» своим воображением из связанной, активной (и объективно существующей) действительности.

Философы науки справедливо полагают, что основные изменения в науке можно описать с помощью принципа соответствия, то есть в тех случаях, когда старая теория верна, новая теория должна редуцироваться к старой. Таким образом, научный прогресс происходит при введении нового параметра, которым ранее пренебрегали. Основываясь на идеях экономического конструктивизма, очевидным кандидатом на этот параметр является «мера учета наблюдателя».

В мере внимания, уделяемом наблюдателю, главный аспект состоит в рефлексивности, причем понимаемой в двух типах: 1) как самоотносимости человека самим с собой (я думаю, что я думаю...); внимание, уделяемое наблюдателю в этом случае, как биологическому объекту, аналогично смене репрезентативной концепции знания на внутренне согласованную конструктивистскую концепцию; 2) как самоотносимость с другими людьми (я думаю, что он думает...); внимание, уделяемое наблюдателю, как социальному агенту или различию между конструированием знания как индивидуальной активности и его конструированием как социальной активности и необходимости их согласования. Знание о субъекте является в такой же мере знанием о чем-то, как и любое другое знание, наблюдение, описание. А значит, снова-таки, требует субъекта, — наблюдателя. Разорвать этот цикл бесконечной рекурсивности невозможно: наблюдение постулирует наблюдателя, наблюдатель постулирует наблюдение.

Кибернетика первого порядка Н. Винера отделяет субъект от объекта, она ссылается на некий предполагаемый независимый мир «по ту сторону» и постулирует необходимость однозначно описываемого «объективного мира» (его существования)¹⁸.

В одном из центральных пунктов винеровской кибернетики, а именно, в понятии «обратная связь», — циркулирующим фактором является сигнал, а кругообразность означает «замыкание обратной связи» и «круговую причинность», что предполагает понятие *конечной цели (causa finalis)*. Сигнал, который снимается с выхода и вновь направляется на вход, фор-

¹⁸ См.: Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. — М.: Наука, 1983. — 344 с.

мируется по правилам, установленным внешним наблюдателем, действующим в соответствии с некоторой предустановленной целью. Но, если для Винера кругообразность означала «замыкание обратной связи» и «круговую причинность», то для Фёрстера¹⁹ кругообразность — это, прежде всего, самореферентность.

Кибернетика второго порядка Фёрстера, или кибернетика кибернетики носит кругообразный характер: человек учится видеть себя частью того мира, который он наблюдает, — то есть теперь мы пытаемся иметь дело с однозначно описываемым (в смысле единожды выбранным) «субъективным миром», т.е. миром, который включает в себя наблюдателя. Замкнутый цикл каузальности, включающий наблюдателя, перебрасывает мост через пропасть, пролегающую между причиной действенной (*causa effective*) и конечной (*causa finalis*), *между побуждением и целью, между должным и сущим*. Принцип кругообразности или циклически замкнутой причинности находит свое воплощение в образе функционирования и способе организации систем, названных Фёрстером *нетривиальными машинами*. Тривиальная машина (ТМ) однозначно и безошибочно связывает посредством своих операций определенные причинные события (входные величины) с определенными следствиями (выходными величинами). Операции, производимые нетривиальными машинами (НТМ) в каждом случае зависят от их «внутренних состояний», которые сами, в свою очередь, зависят от предшествующих операций.

Разрешить проблему анализа внутреннего состояния нетривиальной машины внешним наблюдателем принципиально невозможно. Правила, по которым осуществляются ее преобразования, находятся в зависимости от предшествующих событий, от ее истории (эволюции); вычислить их не представляется возможным. Если нетривиальная машина то, что она произвела в качестве выходного продукта (*output*), использует снова в качестве исходного материала (*input*), то в результате устанавливается некая форма кругообразности. Именно кругообразную организацию нетривиальных машин Фёрстер определяет понятием *организационной замкнутости*, под которой понимается закрытость, автономность, замкнутость на самого себя, идентичность исходного и конечного. Следствием кругообразности является факт отсутствия заметного влияния первичного действия на конечный результат; будучи однажды запущенным, круговой цикл сам себя поддерживает, нивелируя в определенных пределах колебания (возмущения) во входных параметрах.

¹⁹ См.: Foerster H. von. On Constructing a Reality // Preiser F.E (ed.) *Environmental Design Research*. — Vol. 2. — Stroudberg, 1973. — P. 35-46.

Общекибернетический смысл закрытости заключается в отсутствии у нетривиальной машины «входа» и «выхода». Все процессы протекают по замкнутому циклу, разорвать который без утраты этих процессов невозможно. Любой продукт такой системы автоматически превращается в ее же исходный пункт, «сырье» (будь то вещество, процесс, сигнал) для осуществления очередного витка. Любые «разрывы» цикла суть функции наблюдателя, который согласно своим собственным представлениям (и свойствам) в состоянии наделять автономные системы атрибутами *входа* и *выхода*, *внешнего* и *внутреннего*. Мы столь подробно остановились на фундаментальной концепции кругообразности и закрытости, чтобы теперь сделать следующий шаг; а именно: мы утверждаем, что на любом уровне экономики от «мини» до «макро», любая экономическая система, будь то отдельное предприятие, отрасль или национальная экономика, — является нетривиальной машиной.

В самом деле, в основе процессов производства и потребления лежит преобразование энергии и вещества, что является фундаментальным обстоятельством для всех естественных и общественных процессов. Ничего не происходит без наличия некоторого энергетического потенциала. Любой производственный процесс, можно представить как систему преобразования материальных потоков, имеющих размерность мощности.

Как бы сильно не отличался вход (сырье и материалы, а также затрачиваемая энергия) от выхода (готовая продукция) при рассмотрении их в натуральной (физической) форме, с точки зрения энергетического анализа, выходной продукт отличается от входного только величиной потока мощности. Так, круговая организация работы предприятия или группы взаимосвязанных предприятий (поставщиков и потребителей продукции) образует гомеостатическую систему с функцией производства и поддержания самой этой круговой организации, реализующейся благодаря тому, что компоненты, которые ее специфицируют, являются теми самыми компонентами, синтез или поддержание которых обеспечивается этой круговой организацией. Любые отклонения в активности системы от такой схемы приводят к прекращению существования системы, а значит и самой активности.

Главный показатель, который должен удерживаться константным — это сама организация (целостность) данной системы, без каких-либо целей и предназначений, продиктованных извне. Не производство и (или) продажа чего-то, а поддержание автопоэзиса²⁰ — вот что является внут-

²⁰ Термин происходит от греч.: «autos» = «само»; «poiesis» = «делать». Введен в начале 1970-х годов чилийскими учёными У. Матураной и Ф. Варелой для обозначения процессов са-

ренным стимулом для предприятия. Самой существенной особенностью автопоэзисной системы является то, что она посредством собственных динамических процессов обособляет себя от окружающей среды.

Целостность автопоэзисных систем – это атрибутивная целостность, то есть система представляет собой целостность не потому, что мы (наблюдатели) ее таковой полагаем в нашем сознании, а потому, что таковой ее позволяет называть совокупность ее собственных динамических свойств (описываемых некими параметрами) и составных частей (структуры). Целостность – это и есть то, что сохраняется автопоэзисной системой в течение срока ее существования. Организация – это конкретный способ воплощения свойства целостности (так же, как структура – это способ воплощения организации). Сохраняя данную организацию, система остается самоидентичной, целостной, однако любая данная конкретная организация – не обязательно единственная в своем роде, которая обладает целостностью. Важным является вопрос, – где же пролегает граница целостности.

Внешняя среда некоей целостности всегда определена самой этой целостностью, как область, в которой она реализует себя как единое целое. Окружение определяется внешним наблюдателем, и область, в которой наблюдатель определяет некую целостность в качестве так или иначе обособляемого единства, называют *окружением* данной целостности.

Теперь мы можем утверждать, что единицей «жизнеспособности» в концепции экономического конструктивизма является экономическая система, понимаемая как «целостность в своей окружающей среде». В такую единицу выживания встроен потенциал и готовность к изменениям, которые могут быть, как созидательными и способствовать выживанию, так и губительными. Экономическая система, разрушающая свою окружающую среду, разрушает саму себя. Система является формой различения, то есть имеет две стороны: саму систему (как внутреннюю сторону формы) и окружающую среду (как внешнюю сторону формы). Лишь обе стороны производят различение, производят форму, производят понятие.

Таким образом, окружающая среда является для этой формы столь же важной, столь же необходимой, как и сама система. Это означает, что все, что можно описать и наблюдать с помощью этого различения, отно-

мовоспроизводства живых существ, в том числе человека, организация которых образует в качестве продукта их самих без разделения на производителя и продукт. Также используются термины – аутопоэтический, аутопоэзисный. Автопоэзисные системы – это системы, которые сами себя воссоздают. (см.: Матурана У. Биология познания // Петров В.В. (сост.) Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1996. – С. 95-142).

сится либо к системе, либо к окружающей среде и описание реальности теперь зависит от того, на какой стороне находится наблюдатель, так как картины реальности могут не совпадать.

Стандартное рассмотрение таких систем происходит со стороны внешнего наблюдателя. Сама система рассматривается как черный ящик или универсальный преобразователь входных данных в выходные. При этом внешний наблюдатель не учитывает наличия двух сторон автопоэзисной системы, а, следовательно, и способ, которым эти преобразования осуществляются, сколько и какие элементы участвуют в преобразовании энергии, через какое количество переделов энергии проходит входной поток энергии прежде, чем выйдет из системы.

Наоборот, для внутреннего наблюдателя, который сам провел границу между системой и ее окружением, становится невозможным игнорировать взаимодействие между двумя сторонами автопоэзисной системы. Для выделенного конкретного предприятия любое другое предприятие (поставщик или потребитель) является другой стороной формы. Может возникнуть вопрос, — для чего нужно такое, на первый взгляд, усложненное рассмотрение того простого факта, что у каждого товаропроизводителя имеются поставщики и потребители. Кроме общефилософского основания, изложенного выше (необходимость в новой парадигме, изучающей не отдельности, а связность), существуют, по крайней мере, еще два основания: 1) существование нетривиального различия в энергетических характеристиках простого «черного ящика» и автопоэзисной системы; 2) наличие того принципиального обстоятельства, что в экономике имеются два «пространства»: мир энергетических взаимодействий (импульсов, потоков) и мир символических взаимодействий, связанных с разумом (мир смыслов и человеческих ценностей, в котором человеком порождаются различия и делается выбор).

Первое из них связано с тем, что две стороны формы также могут обмениваться потоками энергии, и наблюдатель, изучающий автопоэзисную систему, всегда должен следить на какой стороне формы, он находится, — внешней или внутренней. Картина возникающих при обмене энергетическими потоками эффектов, не является однозначной, а будет включать различные варианты. Оказывается, в зависимости от положения наблюдателя, возникает разница в количественной оценке энергетических потоков, а, следовательно, и в расчете эффективности их использования²¹.

²¹ См.: Берг Д.Б., Ульянова Е.А. Влияние позиции наблюдателя на результаты расчета параметров системы управления // Современные проблемы науки и образования. — № 3. — 2013. — С. 58-62.

Теперь при описании энергетического баланса и расчета эффективности использования полной мощности автопоэзисной системы приходится принимать во внимание варианты определения границы такой системы и то, каким образом внешняя и внутренняя стороны формы обмениваются энергетическими потоками. Не существует ни одного продукта, товара или услуги, на производство которых не надо было бы тратить мощность. По этой причине естественно возникает вопрос: как установить связь между потоками энергии (которыми обмениваются все объекты управления) и потоками денег (которыми обмениваются все субъекты управления)?

Но попытки найти общую меру и установить прямую связь между потоками энергии и деньгами в парадигме «input-output» отдельностей не могут дать результата, так как энергетика и символика (деньги), кодирующая смыслы, принадлежат разным пространствам и составляют целостность, пронизывая друг друга. Видение мира, населенного людьми, формирующими смыслы и обменивающимися ими (а это главная особенность и преимущество человека) только с позиции того, как они концентрируют и рассеивают в своих целях энергию, — это, на наш взгляд, односторонний подход. Он не учитывает существования иного мира, функционирующего совершенно по другим законам, — а именно, психического мира человека.

В познании есть два мира объяснений, которые Бэйтсон, вслед за К. Юнгом называл плеромой и креатурой²². Плерома — это мир, где причиной событий являются импульсы и силы, в нем нет «различий». Различия при описании плеромы приписываются извне человеком, сама плерома ничего «не знает» о различиях, она не содержит идей, смыслов. В креатуре эффекты вызываются именно различиями. Креатура — это мир, видимый как разум; креатура всегда порождает сложные структуры (иерархию). По мнению Бэйтсона плерома — это мир естественных наук, а креатура — мир коммуникации и организации.

Субъективная мера объектов управления — это как раз то, что относится к креатуре, и она принципиально не может быть описана на энергетическом языке. Управлять экономическими процессами в гармонии с другими процессами, не учитывая фундаментальную и объективно доказанную конструктивную деятельность мозга, на наш взгляд невозможно. Нужен парадигмальный сдвиг к экономике активной связности, в которой учитываются силы, через которые экономическая ткань материи воз-

²² См.: Бэйтсон Г. Шаги в направлении экологии разума. — М.: Издательство КомКнига, 2005. — 248 с.

действует (мощностной подход) на суть те же активности человеческой деятельности (смыслы, ценности, деньги) посредством которых она существует.

Задача «максимум» состоит в том, чтобы найти «интерфейс» между энергетическими и символическими (человеческие ценности, а в экономике они представлены деньгами) взаимодействиями. Не случайно здесь употреблено слово «интерфейс», чтобы провести аналогию с компьютером, где эта задача решена. Энергетика «железа», действительно отделена от символики программ, но она синхронизирована с символическим программным кодом, — к этому должны стремиться и люди, конструируя экономическую реальность.

Различение и концепция двух наблюдателей

Мы все, едва только научившись применять абстрактные понятия, начинаем оперировать с ними с помощью логики в самой ее очевидной и наглядной форме, так называемой, аристотелевской или формальной логике. Фундаментом ее является закон противоречия: в одно и то же время, в одном и том же смысле, об одном и том же предмете не могут быть высказаны две противоположные мысли. Формальная логика основана на критерии непротиворечивости. Согласно критерию непротиворечивости, объект признаётся существующим, если он не содержит формально-логического противоречия. Согласно критерию конструктивности — «*существовать — значит, быть построенным*». Критерий конструктивности — более сильное требование, чем критерий непротиворечивости, то есть подразумевается, что могут существовать объекты внутренне противоречивые.

Эпистемологическое деление на конструктивистов и формалистов является следствием *принципа двойственности*. Понятие двойственности распространяется на огромное число физических, биологических, психологических и социально-культурных явлений. Но почему же двойственность столь всеобъемлюща? Ответ прост, — невозможно провести различение²³, не учитывая, что тут же возникает другая сторона, двойственная той, что вы уже выделили из окружающего мира или ваших мыслей. Различение определяется отделением одного состояния от другого и характеризует базовую проблему разъединения содержания и окружения (кон-

²³ Термин «различение» в контексте статьи не синоним слова «различие». Он означает выделение из окружающего мира (действительного или идеального) объектов, обладающего признаками одного класса. Например, можно отделить в лесу среди деревьев березы от сосен (это различие). Березы могут отличаться друг от друга, — это различие.

тента и контекста). Казалось бы, если все владеют азами формальной логики, то очень легко можно было бы договориться. Ведь противоречия легко выявляются, и неправая сторона может быть легко посрамлена. Однако этого не происходит и вот почему.

Проводя различие, вы можете, как и ваши оппоненты, выделить какой – то предмет или понятие (контент), относительно которого вы хотели бы выяснить так называемую истину, но вот вторая сторона, которая неизбежно возникает при таком различии (контекст), почти наверняка будет у вас разной. И эта вторая сторона позволяет каждому из оппонентов строить логически вполне обоснованные посылки, но выводы из них могут не совпадать. Их невозможно опровергнуть средствами формальной логики, так как законы логики каждой стороной не нарушаются.

Более того, провести различие между «внешней» и «внутренней» средой доступно лишь стороннему, или так называемому, независимому наблюдателю. Это привилегия, в которой самому наблюдателю отказано, ему известна лишь *одна* среда: та, которую он воспринимает в чувственных ощущениях и в собственных когнитивных репрезентациях. В концепции экономического конструктивизма стандартная «in-put – out-put» модель заменяется на другую, а именно на ту, которая бы учитывала, что система – это форма с двумя сторонами. Определение границы зависит от установок познающего (или точнее конструирующего реальность) субъекта и положения наблюдателя (находится ли он на внешней или на внутренней стороне).

Следовательно, теперь мы должна включить в состав нашего «черного ящика» две системы, представляющие внутреннюю и внешнюю стороны одной и той же системы (собственно систему и ее окружение). Такой переход означает, на самом деле, переход от механистической модели, допускающей существование изолированных объектов (которым не возбраняется обмениваться потоками энергии с другими объектами) к концептуальной модели связанного активного мира, где объект не может быть описан никак иначе, кроме как вместе со своим окружением. Но знание о субъекте является в такой же мере знанием о чем-то, как и любое другое знание, наблюдение, описание. А значит, снова-таки, требует субъекта, наблюдателя. Разорвать этот цикл бесконечной рекурсивности невозможно: наблюдение постулирует наблюдателя, наблюдатель постулирует наблюдение.

Таким образом, при дальнейшем конструировании картины, возникает самоподобная структура, в которой каждая предыдущая система вложена в последующую, соответствующую следующему обобщению. При конструировании реальности в корреспондентской парадигме наблюда-

тель считает, что он имеет дело с уже существующей реальностью, которую на самом деле он конструирует. Сам того не осознавая, исследователь, хочет он этого или не хочет, но вынужденно занимает одну из сторон формы: внутреннюю или внешнюю. Находясь на одной из сторон формы, внутренний и внешний наблюдатели могут сказать, не впадая в противоречие, что-то определенное только в отношении внутренней или внешней сторон соответственно.

Внешний/внутренний наблюдатель не обладает возможностью каким – либо инструментом проверить достоверность своего знания о мире путем его сопоставления с миром (внешним или внутренним) непосредственно, но он может пересечь границу, конструируя соответственно внутреннего/внешнего наблюдателя. Когда это удастся, говорят, что исследователь (наблюдатель) сумел вскрыть нечто скрытое от непосредственного наблюдения, так сказать, проникнуть в суть вещей.

Конструирование экономических теорий

Концепция двух наблюдателей может показаться на первый взгляд искусственной и излишне усложненной. Но не будем забывать, что логика абстрагируется от реальности и всяких наблюдений реальности; по крайней мере, это касается классической аристотелевской логики, которой оперируют исследователи. В логике неявно предполагается равенство всех наблюдателей. Что есть истина для одного, то должно быть истиной для всех наблюдателей. Но два субъективных наблюдателя способны найти общий язык между собой только в отношении наблюдаемых объектов. В этом простом случае они без всяких сомнений могут быть уверены, что находятся на одной стороне, – внешней по отношению к наблюдаемому объекту. Попытка использовать в разговоре ссылки на объекты, которые для одного из наблюдателей будут наблюдаемыми, а для другого нет, сразу же приведут к непониманию. Что же говорить о мыслях, мотивах, стремлениях, политических убеждениях и экономических воззрениях, – уж их – то точно никак нельзя отнести к наблюдаемым.

Единственным выходом из положения могло бы быть полное исключение каких-либо ссылок на ненаблюдаемое и разрешение вести разговоры исключительно о наблюдаемых объектах. Но это резко ограничивает горизонты науки, которая уже давно и эффективно работает с ненаблюдаемыми объектами²⁴. Там, где удастся придумать приемлемое определение скрытому параметру (ввести абстрактное понятие), приходится

²⁴ См.: Попков В.В. Арифметика сознания Дж. Спенсера – Брауна // Онтология проектирования. Научный журнал. – Т. 5 – № 1 (15). – 2015. – С. 85-109.

очень тщательно формулировать, что скрывается за этим понятием, и все это для того, чтобы описывать наблюдение для разных наблюдателей, — там, где упоминаются ненаблюдаемые объекты. Но и в этом случае, два описания обоих наблюдателей нельзя объединить средствами логики в некое общее обобщающее описание, если не указано, на какой стороне формы находятся наблюдатели. Отличия в текстах описаний должны быть, ведь наблюдатели на разных сторонах формы воспринимают разную реальность.

Чтобы придать выражению смысл, мы должны добавить к нему индикатор, указывающий на место, с которого наблюдатель его рассматривает (с внешней или внутренней стороны). Второй наблюдатель может не существовать, так сказать, в физическом облике; он может быть сконструирован действующим наблюдателем для согласования смыслов в создаваемой им теории. При этом на каждом шаге итерации возможно всего лишь четыре варианта: 1) внешний наблюдатель конструирует внешнего; 2) внешний наблюдатель конструирует внутреннего; 3) внутренний наблюдатель конструирует внешнего; 4) внутренний наблюдатель конструирует внутреннего.

Рассмотрим в качестве примера принципиальное различие, порождающее в экономике два двойственных друг другу «пространства»: мир энергетических взаимодействий (импульсов, потоков), попросту — производство материальных потребительских ценностей и мир символических взаимодействий, связанных с разумом: мир смыслов и человеческих ценностей, в котором человеком порождаются различия и делается выбор. Второй мир в экономике представлен таким удобным средством кодирования смыслов, как деньги. В «in-put — out-put» парадигме внешний наблюдатель совершенно не интересуется тем, что происходит внутри «черного ящика», — его интересуют только входы и выходы. Он не учитывает наличия двух сторон автопоэзисной системы, а, следовательно, находится на одной стороне (внешней) и продолжает исследования, конструируя внешнего наблюдателя, который изучает как комбинируются входы и выходы более сложных систем, составленных из отдельных «черных ящиков» и как происходит процесс оптимизации такого взаимодействия.

Так проявляется знаменитая балансовая теория «затраты — выпуск» В. Леонтьева²⁵, удостоенная в 1972 г. нобелевской премии. Используя простейшую модель «затраты-выпуск» как основной строительный модуль, Леонтьев применял два способа расширения возможностей внешнего наблюдателя: расширение матрицы «затраты-выпуск» путем включения

²⁵ См.: Leontief W. *Input-Output Economics*. — N.Y.: Oxford University Press, 1986. — 428 p.

в нее новых зависимостей (инвестиционный процесс, получение доходов и их реализация на потребительском рынке и т.п.); сочетание матриц «затраты-выпуск» (отдельных регионов, как в межрегиональных моделях, или отдельных периодов, как в динамических моделях).

Через три года, в 1975 г. наш соотечественник Л. Канторович (вместе с американцем Т. Купмансом) получил нобелевскую премию за теорию оптимального распределения ресурсов²⁶. Канторович, будучи известным математиком, применил технику так называемого линейного программирования для максимизации линейного функционала на множестве положительных решений системы линейных неравенств. На производственный процесс накладываются внешние ограничения по ресурсам и надо найти такое внутреннее распределение по имеющимся центрам обработки ресурсов, чтобы получить максимальный выход продукции. С оптимальным планом линейной программы автоматически связаны оптимальные цены. В этом случае внешний наблюдатель конструирует внутреннего, и «получает от него» информацию о внешних параметрах — ценах. Эта рекурсивность, хорошо видная на этом примере, строго обоснованно математически, не всегда заметна при вербальном описании. Внутренний наблюдатель сконструировал внешнего в фундаментальной трудовой теории стоимости К. Маркса²⁷. В первом томе «Капитала» Маркс исследует процессы возникновения товарного производства и товарообмена, возникновения денег, вводит понятия стоимости: меновой, потребительской и прибавочной. Маркс, анализируя внутренние процессы производства, показывает, что товарообмен возник на основе разделения труда и специализации, когда человек понял, что его продукт можно обменять на продукты труда других людей. Во втором томе Маркс еще более абстрагируется от конкретного производства, развивая теоретические воззрения внешнего наблюдателя, и более детально рассматривает процессы обращения капитала, а именно, особенности кругооборотов денежного, производительного и товарного капиталов, а также влияние времени обращения и издержек на результат обращения (прибавочную стоимость). Теория Сраффы²⁸, как пример конструирования внутреннего наблюдателя внутренним, не связана с трудовой теорией стоимости, хотя и не противоречит ей. Объектом его анализа являются не стоимости, а внутренние цены производства. Но цены производства Сраффа выводит не из трудовых затрат, как К. Маркс, а из определенной

²⁶ См.: Канторович Л.В. Экономический расчет наилучшего использования ресурсов. — М.: Изд-во АН СССР, 1959. — 344 с.

²⁷ См.: Шипсайд С. «Капитал» Карла Маркса. — М.: Изд-во Попурри, 2010. — 160 с.

²⁸ См.: Сраффа П. Производство товаров посредством товаров. — М.: Изд-во Юнити. Серия: Университетская библиотека, 1999. — 160 с.

Табл. 1. Классификация экономических теорий по типу наблюдений 2-го порядка

Конструирование →	Внутренний наблюдатель	Внешний наблюдатель
Внутренний наблюдатель	Производство товаров посредством товаров (П. Сраффа)	Трудовая теория стоимости (К. Маркс)
Внешний наблюдатель	Теория оптимального производства товаров (Л. Канторович, Т. Купманс)	Балансовая теория производства товаров (В. Леонтьев)

Примечание: Отметим, что операция конструирования наблюдателей не перестановочна. Наблюдатели в «столбце» конструируют наблюдателей из «строк» (но не наоборот), что отмечено стрелкой.

структуры производства и состава продукции. Ценность работы Сраффы заключается в том, что его концепция совершенно не связана с какой-либо теорией внешнего распределения: распределение дохода является неопределенным, что обеспечивает совместимость внутреннего анализа Сраффы с любой теорией распределения.

На этом процесс конструирования теорий может не останавливаться. Если выбрать следующее различие и продолжить этот процесс, то каждая из четырех теорий может быть модифицирована под требования наблюдений второго порядка (наблюдение наблюдений) снова в четыре варианта теорий, и таким образом, мы сможем получить уже шестнадцать теорий ($4 \times 4 = 16$). Отметим, что это потенциальная возможность, — вполне может оказаться, что не все теории окажутся жизнеспособными, но то, что в наших руках появляется инструмент конструирования теорий, — имеет большое эвристическое значение. В общем случае максимальное количество потенциально возможных теорий N при n различиях можно определить по формуле $N = 2^{2^n}$.

Продуктивность конструируемых теорий будет сильно зависеть от выбора различий. Можно воспользоваться характерными признаками двойственных начал, между которыми проводится различие.

Во-первых, эти начала должны быть совершенно разными, не сводимыми друг к другу, они должны лежать, как говорят математики, в разных пространствах.

Во-вторых, если одно начало родственно массе, инерционности, неподатливой данности (так в рассмотренном выше примере — это производство), то второе родственно силе, напряжению, запасенной энергии (деньги). При этом нельзя делать ставку только на одну из сторон, полностью игнорируя вторую сторону в стремлении навести рациональный аксиоматический порядок в теории.

Такая радикальная рационализация не проходит даром, — создание монистической теории заведомо сопряжено с определенным насилием

над исследуемым движением, — ведь такая теория получается путем фиксации одной из сторон и исключения противоположного начала, — а это всегда остановка в развитии теории (да и в практике тоже).

Заключение

Показано, что экономическая действительность, конструируемая человеком, в соответствии с его ценностными предпочтениями (а они могут сильно отличаться от рациональных) должна стать для самой себя объектом, и такое превращение чистого субъекта в объект для самого себя немислимо без изначального раздвоения в самом человеке (человек есть субъект и объект природы). Эту двойственность редуцировать невозможно, ибо, будучи вообще условием познания экономических явлений, она есть *принцип* всякого построения экономических теорий. Всякая теория может быть направлено лишь на то, чтобы свести все встречающиеся в экономике противоположности к тому изначальному различению проведенного самим познающим субъектом, который сам уже не являет себя, а проявляется через феномены экономики.

Научная рационализация в соответствии с длительной традицией, еще со времен Декарта отделившей субъекта от объекта до сих пор господствует в экономической теории и по-прежнему предоставляет научному сообществу и практикам необъятное количество результатов и этим, как кажется многим, вполне себя оправдывает. Демонстрация результатов, казалось бы, доказывает правильность рационального подхода. Но исчерпывается ли проявленность возможности предьявлением того, что есть, или того, что происходит, — только тем, что поддается демонстрации? Не является ли требование обязательной демонстрации того, что есть, преградой для выявления того, что скрыто от жесткой научной рациональности, опирающейся на позитивизм.

Конструктивистский подход демонстрирует нам возможность открытого союза человека рационального с человеком, включенным в объект наблюдения (ино — и саморефлексия); союза, — в котором с неизбежностью проявляются эффекты двойственности и круговой причинности; союза, — где теории прорастают из ткани различения фактов реальности, а не наоборот, когда факты отбираются под умозрительные теории.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ананьин О.И.* Философия и методология экономической науки // Философия социальных и гуманитарных наук: учеб. пособие / под ред. С. А. Лебедева. — М.: Академический Проект, 2006. — С. 353–436.
2. *Берг Д.Б., Ульянова Е.А.* Влияние позиции наблюдателя на результаты расчета параметров системы управления // Современные проблемы науки и образования. — № 3. — 2013. — С. 58–62.

3. Бэйтсон Г. Шаги в направлении экологии разума. — М.: Издательство КомКнига, 2005. — 248 с.
4. Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. — М.: Наука, 1983. — 344 с.
5. Князева Е.Н. Эпистемологический конструктивизм // *Философия науки*. Вып. 12: Феномен сознания. — М.: ИФ РАН, 2006. — С. 132-153.
6. Колпаков В.А. Эволюция экономической теории: от А. Смита к неосмитианству // *Вопросы философии*. — № 11. — 2006. — С. 73-84.
7. Конструктивизм в теории познания / Рос. Акад. Наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.А. Лекторский. — М.: ИФРАН, 2008.
8. Луман Н. «Что происходит?» и «что за этим кроется?» Две социологии и теория общества // *Теоретическая социология: Антология: В 2 ч.* / Пер. с англ., фр., нем., ит. Сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. — М.: Книжный дом «Университет», 2002. — Ч. 2.
9. Попков В.В. Концептуально-теоретические основы экономического конструктивизма // *Журнал экономической теории*. — 2010. — № 4 (25). — С. 56-70.
10. Попков В.В. Экономический конструктивизм. Ускользящая реальность: что кроется за объективностью экономической науки? — М.: Издательство Ленанд, 2014. — 200 с.
11. Сраффа П. Производство товаров посредством товаров. — М.: Изд-во Юнити. Серия: Университетская библиотека, 1999. — 160 с.
12. Стрижак Е.О. Методологический плюрализм в современной экономической теории // *Вісник НТУ «ХПІ»*. — 2013. — № 53 (1026). — С.143-147.
13. Шунсайд С. «Капитал» Карла Маркса. — М.: Изд-во Попурри, 2010. — 160 с.
14. Шумпетер Й. История экономического анализа: в 3 т. — СПб.: Экономическая школа, 2004. — Т. 1.
15. Foerster H. von. On Constructing a Reality // Preiser F.E (ed.) *Environmental Design Research*. — Vol. 2. — Stroudberg, 1973. — P. 35-46.
16. Leontief W. *Input-Output Economics*. — N.Y.: Oxford University Press, 1986. — 428 p.
17. Watzlawick, P. *How Real Is Real?* — N.Y.: Random House, 1976.

Т.Е. РЕЗНИК

К ВОПРОСУ О ПРОЕКТИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ. СОЦИОГУМАНИТАРНЫЙ ПОДХОД

***Аннотация:** Вот уже 15 лет в стране продолжается либеральная реформа образования – срок более чем достаточный, чтобы оценить её результаты и реальные последствия. В статье показана ограниченность и пагубность глобализации образования, в том случае, когда национальный компонент общественного образования не сохраняется и не развивается.*

Необходимо создавать национально ориентированную систему образования, соединяющую в себе мировые стандарты и национально-культурные традиции. Автор утверждает, что образование становится фактором роста социально-экономического неравенства в обществе и его фактической дегуманизации.

Также в статье показан смысл подлинной гуманитаризации в образовании, которая является интегративным целым, соединяющим индивидуальность и цивилизационный код личности. Автор предлагает проектировать профессиональное образование в единстве гуманитарного и социально-технологического подходов.

***Abstract:** The liberal reform of education in Russia lasts for 15 years – quite long period to assess its results and real consequences. The article shows the limitations and harmfulness of the globalization of education, where national public education component is not saved and does not develop.*

It's necessary to create the nationally oriented system of education that combines the world standards with national-cultural traditions. The author argues that education becomes a factor in the growth of socio-economic inequalities in society and in its actual dehumanization.

Резник Татьяна Евгеньевна – кандидат социологических наук, докторант РАНХиГС, преподаватель философии ГБПОУ «Колледж полиции города Москвы». E-mail: reznik-te@mail.ru.

The article also shows the meaning of genuine humanization in education, which is the integrative whole combining individuality with civilization identity code. The author proposes to design professional education through the unity of humanitarian and socio-technological approaches.

Ключевые слова: образование, образовательная реформа, национальная система образования, парадигма образования, образ человека, гуманность, дегуманизация, депрофессионализация, проектирование, гуманитарный подход, социально-технологический подход, модели проектирования, проектные технологии.

Keywords: education, education reform, national education system, education paradigm, image of man, humanity, dehumanization, deprofessionalization, designing, humanitarian approach, socio-technological approach, models of designing, design technologies.

Вместо введения

В докладе Всемирного банка намечена стратегия образования для XXI в. В нём предлагается модель общества, основанного на знаниях. Речь идет об информационном социуме глобального уровня. В нём же изложены рекомендации по развитию образования для развивающихся стран и стран с переходной экономикой.

Что же рекомендуют России и другим странам с переходной экономикой авторы доклада Всемирного банка? Это – поддержка инноваций в сфере образования путем обеспечения доступа к глобальным системам знания; вклад в формирование человеческого капитала посредством подготовки и переподготовки квалифицированной рабочей силы; создание фундамента для развития демократии и социальной взаимосвязанности; изменение рынка труда в соответствие с глобальными требованиями и переменами и др.¹

Следовательно, нам предлагаются рецепты, специально разработанные для «отсталых» стран с так называемой переходной экономикой. Что же касается стран Запада, то их социокультурная специфика является приоритетной при выборе содержания и форм образования. При этом не учитывается позитивный опыт, который накоплен в сфере образования в предшествующие периоды, в том числе в российском пространстве.

Но, как известно, каково образование, таково и общество. Чтобы изменить последнее, необходимо радикально перестроить образовательную

¹ См.: Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы. М., 2003.

систему. А вместе с обществом меняется и сущность человека. События последних лет лишь подтверждают указанную тенденцию. За «реформой» образования скрываются попытки формирования нового, «гибридного» типа общества, авторитарно-бюрократического по сути, и либерально-демократического по форме. Разумеется, маскировка истинной сущности и производство декораций не спасает положение. Они лишь затрудняют объективный социальный анализ.

Новое общество, действительно, формируется в нашей стране, но вопреки прогнозам и действиям адептов официальной системы управления образованием. Оно сопротивляется переменам, противоречащим национальным интересам, и всё же запас его прочности не столь велик, как хотелось бы. Окончательный слом присущей ему ментальной системы, основанной во многом на представлениях о социальной справедливости, находится уже не за горами. В справедливость российских реалий уже не верят те, кто только начинает получать образование.

Каковы же действия наших «реформаторов» в сфере профессионального образования? В общем виде их можно охарактеризовать так: осуществление демонтажа национально ориентированной системы образования и подмена её сути либерально-бюрократической оболочкой².

Можно констатировать, что процесс формирования «нового» образования в России включает в себя три стадии:

1) стадия поверхностной («шапочной») либерализации образования (вестернизация — заимствование и копирование западных стандартов образования);

2) стадия реставрации авторитарно-бюрократической системы образования с учетом сохранения и развития отдельных национальных достижений (либерально-бюрократическая реформация);

3) стадия восстановления (реконструкции) национально ориентированной системы образования, соединяющей в себе мировые стандарты и национально-культурные традиции.

В 1990-е годы мы прошли стадию либерализации образования. Сегодня же мы находимся на второй стадии, так и не перейдя к третьей. Однако либерализация (на самом деле — «западнизация» или «вестернизация») не завершилась. С этим связаны продолжающиеся «системные реформы» в сфере профессионального образования, в т.ч. неоправданное

² Примечательно, что характерная черта этого процесса — оформление деятельности бюрократии в ярлыках либеральной идеологии и порождение гибридного феномена — «либеральной бюрократии». Точнее будет сказать псевдолиберальной, так как никакого отношения к принципам классического либерализма эта бюрократия не имеет.

объединение образовательных учреждений, составление перечня «эффективных» учреждений, введение госстандартов «нового» поколения, которые на самом деле являются шагом назад по сравнению с предыдущими поколениями, и пр.

А что же происходит на самом деле в системе отечественного образования? И главное — каковы последствия губительного курса псевдолиберальной бюрократии на сворачивание образовательного пространства в российском обществе?

1. Первый и основной вопрос связан с *отсутствием стратегии* профессионального образования адекватной национально-культурным условиям развития современной России. К сожалению, какой-либо систематической деятельности в этом направлении не ведётся.

Вместо укрепления и развития существующей инновационной системы, доставшейся нам в наследство от советского прошлого, мы создаем по рецептам Запада новую систему, разумеется, на обломках старой³. Так, например, Российская академия наук, являющаяся неотъемлемым компонентом данной системы, фактически уничтожается. Происходит бюрократизация всей академической науки и подготовка к широкомасштабной приватизации её инфраструктуры. Административное переподчинение, которое привело к ликвидации существовавшего веками академического самоуправления, укрупнение организационных форм (слияние институтов и отделений) на самом деле ведут к деконструкции всей системы РАН. Аналогичные процессы происходят в сфере высшего и среднего специального образования.

2. В системе профессионального образования наблюдается тенденция к *депрофессионализации*. Неслучайно в названиях высших образовательных учреждений снимается приставка «профессиональное». Необратимые последствия происходят с человеческим потенциалом образования и науки. Это касается не только стартовых возможностей студенческого контингента, но и профессионального уровня существующего профессорско-преподавательского состава. Девиз «Больше образования для большего числа людей» открывает дорогу для низкого качества и снижения требований к содержанию профессионального образования. Вместе с тем многие ученые отмечают идейный кризис системы воспитания студентов и слушателей. Гражданское воспитание учащихся искусственно изъято из образовательных программ и по факту перестаёт быть делом государства.

³ На это обратил внимание в своё время В.Ж. Келле. См.: *Келле В.Ж. Инновационная система России: формирование и функционирование*. М., 2003.

Налицо также проблема воспроизводства кадрового потенциала отечественных вузов. Процент молодых кадров (до 30 лет) не превышает 10%. Основная масса специалистов – это лица от 41 до 60 лет (примерно 70%). В ближайшее десятилетие в преподавательском корпусе будет преобладать категория лиц, получивших профессиональное образование еще в 60–70-е годы прошлого века⁴.

3. Образование становится фактором роста социально-экономического *неравенства* в обществе и его фактической *дегуманизации*. Деятельность технократического крыла государственной бюрократии, взявшего на службу своим интересам официальную доктрину либерализма и либеральной экономики, приводит к непоправимым последствиям. Коммерциализация захлестнула образование и значительно ограничила жизненные шансы людей. В этой связи возникает реальная угроза дегуманизации образовательной деятельности. Далекое не все способные абитуриенты могут позволить себе поступить в престижный вуз и получить бесплатное образование. А значит, они обречены в будущем на низкоквалифицированную работу и недостаточный уровень жизни.

4. Управление в сфере профессионального образования в современной России не имеет сегодня научно обоснованного *технологического обеспечения*. В технологическом арсенале субъектов управления царит полнейший хаос. У них даже нет малейшего представления о практических возможностях социального проектирования.

Однако, главный вопрос по-прежнему заключается в определении сущности и социокультурной специфики национальной системы профессионального образования, которая остро нуждается в реорганизации, а также проектном обосновании и технологическом сопровождении.

Пора, наконец, назвать вещи своими именами. Нация находится в опасности. И ей угрожают не внешние противники, а доморощенные управленцы, впитавшие в себя чуждую идеологию и проводящие разрушительную по своим последствиям образовательную политику. Стерилизация образования благодаря недостаточно грамотным, а порой поверхностным тестам ЕГЭ значительно понизила образовательный уровень. А благодаря бюрократической регламентации оно потеряло свой истинный дух. У последнего становится всё меньше настоящих носителей. На его место приходит «образованщина», которая игнорирует духовные потребности человека и манипулирует его поведением.

⁴ См.: *Красноженова Г.Ф.* Социально-демографические и профессиональные характеристики кадров высшей школы // Социологические проблемы высшего образования: Сб. науч. тр. Вып. № 1 (9). – М., 1997.

В поисках новой парадигмы профессионального образования

Парадигмы в образовании. Стратегия развития профессионального образования как установление приоритетов его развития на долговременную перспективу опирается на разнообразные философские концепции, модели и парадигмы образования⁵. Однако на сегодняшний день ни одна из концепций или методологий не стала общепризнанной, что является поводом не только для их различных интерпретаций, но для выработки нового подхода.

Отметим некоторые тенденции в развитии профессионального образования, намечающиеся на парадигмальном уровне.

Во-первых, традиционная или *классическая («знаниевая»)* парадигма образования уже исчерпала свои организационные и педагогические возможности. «Объем знаний и количество учебных дисциплин с каждым годом начинают увеличиваться быстрее, чем совершенствуются методы и содержание образования... Кроме того, «знающий человек» далеко не всегда оказывается способным и понимающим, а хороший специалист часто ограничен в личностном плане»⁶. Образ знающего человека оказался недостаточным ориентиром в мире глобальных коммуникаций. Потребовалась коррекция стратегии образования. Знать всё или многое невозможно. Гораздо важнее уметь применять эти знания на практике. Так, по крайней мере, считает определённая часть образовательного истеблишмента.

Во-вторых, *компетентностная модель* профессионального образования, активно разрабатываемая отечественными исследователями под влиянием западных стандартов, начиная с 1990-х гг. прошлого века, также не

⁵ Краткий анализ этих концепций приводится А.С. Запесоцким. Это: бихевиористская («поведенческая»), аналитико-рационалистическая, собственно «гуманитарная» (философия жизни, «педагогика сердца», френопедагогика, педология и пр.), «диалогическая» (герменевтика, «школа диалога культур»), экзистенциально-гуманистическая педагогика, лично-ориентированная (синтез «экзистенциальной» и «культурологической» ветвей философии образования), критико-эмансипаторская и постмодернистская. Отечественная философия образования опирается на такие подходы и методы, как *личностно-деятельностный подход* (А. Леонтьев, А. Петровский), *системно-деятельностный подход* (Г. Батищев, Н. Алексеев, Э. Юдин), *системно-мыследеятельностная методология* (Н. Алексеев, В. Розин, Г. Щедровицкий), *диалогический подход* (М. Бахтин, В. Библер и др.), *психокультурологическая парадигма* (А. Асмолов, И. Кон), *методы проблемного обучения* (Т. Кудрявцев, И. Лернер, А. Матюшкин, Я. Пономарев), *проектный подход* (Ю. Громыко, В. Слободчиков, П. Щедровицкий и др.), *рефлексивная методология* (Н. Алексеев, В. Ополев, И. Семенов), *рефлексивная психология и педагогика творчества* (Г. Похмелькина, С. Степанов и др.). См.: *Запесоцкий А.С.* Образование: философия, культурология, политика. – М.: Наука, 2002. – 546 с.

⁶ *Гавриленко Н.В.* К вопросу о понимании сущности образования // *Философия образования для XXI века.* – 2001. – № 2. – С. 21-22.

прижилась⁷. Как известно, компетентность характеризует такое качество человека как способность к осуществлению узконаправленной профессиональной деятельности, к решению проблемных ситуаций определенного рода⁸. Однако компетентность, так же, как и знания, не всегда способствует духовному развитию личности будущего специалиста. Она формирует однобокий образ человека — «человека умеющего», неспособного видеть целое и принимать решения комплексного характера.

В-третьих, *личностно-ориентированная модель* образования, которую разделяют многие исследователи, построена на приоритете личности как субъекта творчества. Творческая личность — образ человека в данной системе образования. К сожалению, эта модель не нашла своего применения в профессиональном образовании и не рассматривается субъектами управления в числе приоритетных.

В-четвертых, *интегративная модель*, которую предлагают и отстаивают некоторые отечественные авторы, также не получила своего распространения в отечественном образовании. Попытки представителей интегральной педагогики рассматривать человека в его целостности, т.е. в единстве духа, души и тела, и соединить восточные и западные традиции в образовательной практике, не принесли желаемых результатов⁹.

Одной из таких попыток является многомерная модель, которую предложил А.С. Запесоцкий. С его точки зрения оптимальной моделью образования является та, которая бы учитывала как личностный фактор (личностно-ориентированная модель), так и необходимость освоения культуры данного общества («культуроцентристская» парадигма образования)¹⁰. На наш взгляд, соединение этих моделей практически невозможно. Опыт показывает, что там, где провозглашается приоритет развития личности во всём, очень трудно складываются и удерживаются культурные традиции коллективизма. Личность является неизменным фактором инноваций, тогда как культура не только производит новые смыслы и ценности, но и устанавливает барьеры на пути личностного развития. Достичь, таким образом, целостности в бытии личности, невозможно.

При этом каждой парадигме образования соответствует тот или иной образ человека: «человек знающий» или «человек просвещённый» (тра-

⁷ См.: Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. N 1662-р «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года».

⁸ См.: *Равен Дж.* Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация. — М., 2002.

⁹ См., например: *Лепин П.В., Крашенинников В.В., Барахтеннова Л.А.* Концепция интегральной педагогики и пути ее реализации // *Философия образования для XXI века.* — 2001. — № 2.

¹⁰ См.: *Запесоцкий А.С.* Образование: философия, культурология, политика. — М.: Наука, 2002.

диционная модель образования), «человек умеющий» (компетентностная модель), «человек творческий» (личностно-ориентированная модель), «человек целостный» («интегративная» или многомерная модель).

Не будем вдаваться в анализ недостатков этих подходов. Это – неблагодарное дело. Лучше всего предложить и обосновать собственный подход.

На пути к гуманитарной парадигме профессионального образования.

Гуманитарный подход мы рассматриваем как альтернативу технократическому подходу, сложившемуся в либерально-бюрократической практике реформирования системы образования и выступающего под псевдолиберальными лозунгами, которые противоречат напрямую национальным интересам страны, подрывая генофонд нации и лишая её будущего.

Мы предлагаем переосмыслить и дополнить *гуманитарную парадигму* образования, которая имеет давние философские и научные традиции¹¹. На наш взгляд, именно она объединяет достоинства и исключает недостатки личностно-ориентированной («человекотворческой»), социоцентристской (социально-ролевой) и культуроцентристской (ценностно-ориентированной) парадигм образования.

Еще на заре прошлого века некоторые представители философии образования (Г. Ноль, В. Флитнер, Е. Венигер и др.) утверждали, что сущность образования состоит в формировании и развитии *человечности* (*humanitas*) как спонтанного самовыражения человека в качестве автономной и уникальной личности, проявляющей себя в культуре и языковом общении¹². Образ человека в гуманитарной парадигме – «человек человеческий» или «человек гуманный» (*homo humanitas*).

Рассмотрим вначале смысл и направленность образовательной деятельности с точки зрения гуманитарной парадигмы. Образование мы будем понимать буквально как формирование образа (или образов) человека в соответствии с господствующими в обществе представлениями о гуманности и идейными установками, принятыми на вооружение субъектами управления.

¹¹ Как известно, термин «гуманитарный» имеет несколько значений: «относящийся к человеку», «гуманный», «образованный». В философии и методологии науки гуманитарным знанием называют область знания, которая оперирует методами описания и истолкования текстов (герменевтики). В строгом смысле термин «гуманитарный» выражает вовсе не все то, что относится к человеку вообще, как считают многие специалисты-практики, а то, что характеризует, с одной стороны, процесс приобщения человека к культуре данного общества, а с другой, языковое общение между людьми.

¹² В определенном ракурсе можно рассматривать культуру как своеобразное «вместилище» смыслов человеческого бытия, как общее для данного сообщества людей пространство ценностей, смыслов и значений, которыми они руководствуются в повседневной жизни.

В этой связи уточним понятие «образ». Образ означает буквально интуитивно-чувственную картину человека в конкретный период его жизнедеятельности. В нынешнем образовании происходит фрагментация этого образа. Можно предположить, что наука об образовании имеет дело не с целостным образом человека, а с его разнообразными «слепками», «срезами», «сколами» и «фрагментами», «фигурами» и, наконец, «гранями», которые формируются на определенном этапе общественного развития.

Среди процессов, в которых проявляется этот образ человека, можно выделить, кроме формирования (собственно образования), еще и поддержание, преобразование (изменение), воссоздание и смену, что относится к сфере компетенции технологов и проектировщиков. Следовательно, полноценное образование предполагает творчество образов человека, а не созидание его разрозненных фрагментов (фрагментацию).

Поэтому проблему мы переформулируем как то, что требует обоснования гуманитарной парадигмы образования, адекватной процессам социальной трансформации России и её национально-культурным традициям. Как видно, это проблема не столько теоретическая, сколько практическая и технологическая.

Их всех описанных в философской и научной литературе образов человека («человек творческий», «человек культурный» «человек компетентный», «человек просвещенный», или «человек знающий» и т.д.) нам ближе всего подходит образ «человека гуманного», а значит, — человека, социально ответственного, ведущего нравственный способ жизни и способного к деятельному содействию окружающим его людям (любовь, милосердие, сострадание).

Поэтому своё предпочтение мы отдаём гуманитарной парадигме. Мы не склонны, подобно другим авторам, смешивать различные трактовки гуманитарности и гуманитарной культуры. Следует различать также понятия «гуманизация» и «гуманитаризация». Первое восходит в своей интерпретации к пониманию человека как Человека как «высшей ценности», второе выражает потребность в формировании достойной его существования (экзистенции) духовной составляющей и человекообразной социокультурной среды, которые получают своё символическое значение в языке и посредством языкового взаимодействия (общения).

Если гуманизация общественных отношений предполагает их насыщение ценностями человеческого существования, то гуманитаризация означает буквально «обретение человечности», т.е. тех личностных качеств, которые не отталкивают людей друг от друга, а, напротив, сближают их, делают близкими по духу существами. Поэтому гуманитарная культура — это не только культура «очеловечивания» человека посредством его по-

гружения в пространство идей и смыслов, но и культура диалога между свободными личностями в общем для них символическом пространстве¹³. Всё это нисколько не отменяет значимости человеческого разнообразия. Как известно, партнеры по диалогу не могут иметь одинаковые позиции и взгляды, иначе их общение попросту не состоится.

Сформулируем теперь исходное положение гуманитарной парадигмы: *смысл образования состоит в том, что у каждого человека имеется потенциал человечности, актуализация которого зависит не столько от формируемого в данный момент им и его социальным окружением обобщенного образа, или от умонастроения эпохи («объективных мыслительных форм» и мирового духа), а, в первую очередь, от его собственного экзистенциального опыта и, во вторую, — от цивилизационного кода нации.* Другими словами, «точка сборки» образа находится на границе культуры и социальности, а именно — в сфере экзистенции (индивидуально-личностный вектор) и трансценденции (цивилизационный вектор), где постепенно выкристаллизовывается «человеческое в человеке».

Можно предположить далее, что человечность получает своё развитие в сфере трансперсональной реальности человека и выступает в виде меж- и сверхчеловечности. В последнем случае мы никогда не узнаем, почему мы суть такие, какие есть, и кто нас сделал такими. Нам трудно проникнуть также в тайны инобытия человека, лежащего за границами обыденного опыта.

Наше второе допущение таково: *образование есть процесс поэтапного формирования («складывания», «склеивания») образа из представлений о человечности, сложившихся в ментальном опыте прошлых или настоящих поколений людей. Оно подобно искусству мозаики, где каждый фрагмент размещается «вручную», а точнее — совместными усилиями учителей и учащихся, в результате чего человек становится Человеком и обретает целостность.*

¹³ Некоторые авторы весьма расширительно, на наш взгляд, трактуют понятия «гуманитарный подход» и «гуманитарную» культуру». «Гуманитарная культура, — пишет А.С. Запесоцкий, — являясь формой накопления, сохранения и проявления «идеальных» моделей и способов деятельности (т.е. совокупностью идеальных способов и результатов освоения и преобразования природы, общества, человека), концентрированным выражением духовной энергии человека и человечества, выступает в качестве того пространства, где осуществляется деятельная встреча личности с объектом идентификации (образом, смыслом, ценностью, идеалом и т.д.)» (См.: Запесоцкий А.С. Образование: философия, культурология, политика. — М.: Наука, 2002. — С. 288). Не трудно заметить, что при подобном понимании в понятие гуманитарной культуры включается содержание практически всей культуры. Попутно автор подчеркивает, что гуманитарная культура содержит множество смыслов и экзистенций, которые получают в дальнейшем индивидуальное авторское наполнение. Но ведь именно в этом и состоит главное предназначение культуры.

И, наконец, приведём ещё одно, третье допущение: *для каждой эпохи (общества, социальной группы и т.д.) характерен свой образ человечности, поддерживаемый или, напротив, запрещаемый агентами и институтами социализации посредством определенных технологий образования. Но решающее значение всё же имеет личный выбор самого обучающегося, которому в мягкой форме оказывают помощь имеющие для него авторитет педагоги.* К тому же политика в области образования многих государств в ряде случаев противоречит принципам гуманности, которыми интеллектуалы руководствуются в повседневных практиках.

Конечно, нужно быть реалистами. На сегодняшний день гуманитарная парадигма выглядит социальной утопией. Её ещё труднее воплотить в практику образования, чем лично-ориентированную модель, которая получила распространение в ряде западных стран. И всё же у гуманитарной парадигмы имеются духовные предпосылки в российском обществе. Они укоренены в анналах русской культуры и сопряжены по смыслу с устоявшимися в ней традициями милосердия, справедливости, стремления к взаимопониманию и оказанию бескорыстной помощи ближнему.

Следовательно, гуманитарная парадигма в нынешней системе отечественного образования не может претендовать на доминирование, хотя и имеет предпосылки для будущего. Мы убеждены, что в данный исторический период парадигма образования в России должна быть поливариантной и поликультурной, учитывающей разнообразие человеческих образов и типов, а также весь социокультурный контекст их формирования. Не стоит также забывать, что образование есть процесс формирования образа человека, соответствующего духу эпохи и миропониманию большинства людей. И это не только созидание образов, но и освоение образцов данной культуры, которым человек следует всю последующую жизнь¹⁴.

Перейдем теперь к профессиональному образованию. В широком смысле это — процесс и результат рационально-духовного освоения субъектом достижений национальной культуры и культуры всего человечества, а в более узком смысле — приобщение к культуре сообщества специалистов. С нашей точки зрения, если образование должно быть основано на гуманитарном подходе, то профессиональное образование предполагает коррекцию образа человека с учетом социального заказа и интересов различных социальных (профессиональных) групп. Оно включает в себя не только духовную составляющую (человечность, человеколюбие и пр.), но и социальную, которая выражается в необходимости учитывать

¹⁴ Калугина Т.А. Новые информационные технологии в сфере образования: методологические проблемы разработки и внедрения. — Саратов, 2000. — С. 48.

баланс социальных сил и сложившееся общественное разделение труда. Именно поэтому мы попытаемся обосновать далее социально-гуманитарный (социогуманитарный) подход к проектированию системы профессионального образования в нашей стране. Такое образование должно быть, на наш взгляд, не только гуманитарно обоснованным, но и национально ориентированным.

Социогуманитарный подход к проектированию системы профессионального образования

Гуманитарный вектор проектирования образования. В целом гуманитарный подход к управлению профессиональным образованием ориентирован на развитие сущностных сил человека как личности, а также формирование нового, комбинированного образа человека – «человека гуманного», ориентированного на практическое человеколюбие, т.е. реальное соучастие в судьбе ближнего, «человека понимающего», способного получать новое знание, расшифровывать коды, заложенные в национальной культуре, и вступать в свободный диалог с себе подобными существами. Он предполагает, в первую очередь, гармонию духовно-нравственного начала и профессионального развития личности будущего специалиста, сплав человечности и профессиональной культуры в системе образования.

Такой подход, предусматривает также совершенно иную логику исследования, дискурса и практических действий в сфере образования. Его специфика состоит в выявлении смыслового содержания и символических форм общения, используемых людьми (как специалистами, так и учащимися) в процессах дискурса (символического взаимодействия) и праксиса (практического взаимодействия).

Помимо общих ценностных рамок (ориентация на человечность и профессиональность) в гуманитарном подходе к организации профессионального образования следует различать также текстуальную и контекстуальную стороны. Они соответствуют двум уровням анализа Г.-Х. Гадамера, который, как известно, выделял концептуальный анализ (понимание смысла текста с позиций авторского замысла и его системы ценностей) и контекстуальный анализ (выявление скрытого смысла или повода, выходящего за пределы того, что хотел сказать автор). Без этого невозможно построить комплексную модель гуманитарного подхода к проектированию образования. Нельзя ограничить его содержание сугубо социально-этическими требованиями (гуманное отношение, социальная ответственность, милосердие и пр.). В противном случае мы поддадимся путанице в значении терминов «гуманный» и «гуманитарный».

Гуманитарный подход к проектированию профессионального образования состоит в следующем.

Во-первых, для гуманитария образование есть в первую очередь *символическое взаимодействие* и своего рода *метатекст*. Здесь формируется образ «понимающего человека», который рассматривается как полноправный участник образовательного процесса и соавтор его текста. «Текст» образования – это содержание и формы образовательной деятельности, а также образовательные технологии. Контекст же образовательной деятельности – это мысленная реконструкция всей совокупности условий и факторов, которые непосредственно влияют на текстовое содержание образовательных процессов¹⁵. Другими словами, текст есть фактическое содержание деятельности, а контекст – это то, что непосредственно влияет на него и обычно подразумевается или имеется в виду.

В процессе постижения смысла текста образования необходимо отличать два семантических круга: с точки зрения субъекта образовательной деятельности происходит *восприятие, переживание* и *понимание* текста; с точки зрения исследователя образования следует отличать друг от друга процедуры *описания* (перечисление смысловых единиц текста), *рефлексии* (отображение смысловых единиц и связей субъектов образования на «табло» сознания) и *интерпретации* (истолкования «чужих» смыслов и смысловых связей, а также их последующее обобщение).

Поэтому гуманитарное проектирование системы образования предполагает, во вторую очередь, целенаправленное формирование образа человека понимающего, который способен воспринимать и интерпретировать содержание образования и вырабатывать собственную модель обучения. Оно соединяет в последней образы человечности и понимания.

Во-вторых, анализ контекста профессионального образования характеризует не просто всю совокупность условий и факторов, влияющих на выбор, формирование и реализацию его образовательных стратегий, а также средств и технологий, которые разрабатываются субъектом образовательной деятельности в соответствии с принятой им моделью. Существует целый набор процедур гуманитарного проектирования, при помощи которых он создаёт благоприятные условия для своей деятельности¹⁶.

¹⁵ Термин «контекст» означает буквально «соединение», «согласование», «сцепление», «связь». Данное понятие употребляется нами в следующем значении: это – смысловое поле или мысленный горизонт определенной совокупности условий формирования и реализации стратегий образовательной деятельности людей.

¹⁶ Проектирование контекста образования осуществляется при помощи следующих процедур: а) предварительное описание конкретной системы образования и установление пространственно-временных границ или координат ее существования («*топография*»

К контексту образования необходимо отнести весь спектр возможностей, в т.ч. картину мира, технологии деятельности, структуру профессионального сообщества и т.д.

Таким образом, гуманитарная парадигма профессионального образования существенно изменяет наши представления об интегративном образе человека (человека гуманного и понимающего), дополняя его образами мира (миропонимание, представления о желательном развитии общества и пр.), образами деятельности (символическая, смыслопостигающая деятельность и гуманитарные образовательные технологии) и образами профессионального сообщества, дифференцированного в свою очередь на множество направлений, течений, школ и т.д.

Социально-технологический вектор проектирования образования. Однако одного гуманитарного подхода к изучению профессионального образования и соответствующих ему образовательных технологий недостаточно. Необходимо соединить его познавательные и практические возможности с другим подходом, который мы условно назовём социально-технологическим.

Подобно гуманитарному подходу, имеющему дело с «человечностью» и «пониманием» (одним выражением — «понимающей человечности») как двумя взаимосвязанными гранями общего образования, социально-технологический подход формирует представления субъекта управления о способах и средствах изменения социальной реальности профессионального образования. Но если человечность интересует ученого-гуманитария с точки зрения её смыслового и социально-этического содержания, т.е. как идеальное воплощение всех лучших проявлений человеческого в мире образов, символов, знаков, языка, других средств коммуникативного взаимодействия, то технологичность привлекает интерес прикладного исследователя или специалиста-практика не только своей фактичностью, данностью, т.е. присутствием в мире безличных по своей сути фактов, (действий, орудий, инструментов, а также более сложных образований — структур, институтов, организаций и глобальных процессов), но и возможнос-

контекста — определение места действия и масштаба ситуации — исторического, социокультурного или индивидуального, т.е. в ситуации «здесь и теперь»); б) раскрытие структурного содержания системы образования, выделение сфер или подсистем и установление ее смысловых границ (*морфология контекста* — изучение строения системы и ее контекстуальных, т.е. смыслообразующих связей); в) выявление функциональных свойств и связей системы образования с учетом их смыслового содержания (*«физиология» контекста* — изучение функционального назначения системы); г) определение социокультурного разнобразия образовательной деятельности с учетом его среды (*типология контекста* — систематизация форм образования и способов их реализации — образовательных технологий).

тиями дальнейшего преобразования социальной жизни человека, понимаемого буквально как создание нового образа или воссоздания прежнего.

Социально-технологический подход направлен на конструирование и реконструкцию моделей, аналитических матриц, других форм образовательной деятельности, с той или иной степенью расширяющих возможности свободного творчества человека. Следовательно, благодаря технологиям мы производим (и воспроизводим) не саму образовательную реальность, как таковую, а представления о ней, изменяя тем самым эту реальность. Соответственно изменяется или корректируется образ человека. Последний получает в своё распоряжение целый веер дополнительных возможностей, в т.ч. технологических. Овладение последними требует определенных навыков и умений (компетенций). Но это – не цель, а средства. Понимающий человек умеет использовать и осваивать новые средства профессиональной деятельности и коммуникации, но это не превращает его в свод (компендиум) компетенций.

Таким образом, гуманитарный вектор в образовании (как символическое выражение человечности вообще и «понимания», в частности) задан на табло сознания субъектов в виде intersubъективно воспринимаемых и индивидуально (субъективно) интерпретируемых смысловых полей, которые определяют вместе с тем содержание и социокультурные границы экзистенции. Экзистенция как пространство субъективно-значимых смыслов индивидуального существования, которое человек считает аутентичными и подлинными, есть бытие-для-себя. Экзистенциальные смыслы наполняют образовательное пространство, наделяя его субъективным содержанием. Образование тогда становится образ-ованием, когда оно приобретает личностный смысл для его субъекта, становится образованием для него, а ещё лучше – самообразованием (и самопреобразованием).

С точки зрения гуманитарного подхода простейшей единицей профессионального образования является элементарное символическое действие, осуществляемое личностью с целью расшифровки, освоения и изменения культурных кодов его профессиональной деятельности, которая интегрирована в его экзистенциальный опыт и вписана в более широкий цивилизационный контекст. В противном случае мир профессии будет выступать для обучающейся личности как некая безличная, объективная данность, детерминирующая поведение индивидов, которые бездумно исполняют свои роли в соответствии с нормами структур управления или нормативными ожиданиями других участников профессионального сообщества.

Поэтому субъекты проектирования профессионального образования должны учитывать социальный контекст будущей деятельности своих

выпускников. Профессиональная социальность (сообщество специалистов), в которую готовится вступить личность обучающегося — это «бытие в мире других», подобных ей, но в чём-то отличающихся от неё, других иных. Ведь кроме символического действия, личность осуществляет еще социальное действие, включаясь тем самым в сложный ансамбль отношений. Границы профессионального сообщества и отношения в нём не так жёстко определяются или задаются нормами (регулирующими предписаниями), как государственных институтов. В нём существуют не только социальная иерархия, различный доступ к ресурсам, но и разность творческих потенциалов, которые устанавливают естественным образом «табель о рангах».

В социальный контекст профессиональной деятельности с неизбежностью входят многочисленные должностные и специальные инструкции, паспорт специальности, дисциплинарные правила и пр. Мы не можем проектировать профессиональное образование, игнорируя сам факт оценки квалификации выпускника, его профессиональной состоятельности или пригодности. Можно быть прекрасным и душевным человеком, обладающим богатым внутренним миром и способностями к приятному общению, но при этом ничего не понимать в своём профессиональном деле.

И еще необходимо учесть один компонент социального контекста профессионального образования. Это — национальные приоритеты научно-технического и общественного развития страны. Сегодняшняя реальность образовательной политики направлена на ломку национально-культурных ориентиров и постепенное сворачивание образовательного пространства, а также на губительную для него либеральную глобализацию, которая осуществляется по образу и подобию западных социальных систем.

С этим приходится считаться при проектировании гуманитарной модели образования. Поэтому критерии человечности и понимания («диалогичности»), характерные для неё, должны быть дополнены социальными показателями: критерием свободного соревнования позиций и потенциалов (разумеется, при условии и требовании грамотного исполнения своих квалификационных обязанностей), с одной стороны, и соблюдением национальных интересов, сохранения и приумножения культурного наследия страны, с другой стороны. Только так можно доказать свою профессиональную состоятельность и способность быть первым в своём деле, т.е. социально признанным лидером в одной из сфер профессиональной деятельности.

К обоснованию единства социогуманитарного подхода в проектировании образовательных систем. Гуманитарный и социально-технологический аспекты проектирования образовательной деятельности могут быть

объединены в рамках *социогуманитарного подхода*. Приведём краткое резюме нашего предварительного рассмотрения оснований данного подхода к проектированию системы профессионального образования.

1. Профессиональное образование следует проектировать в единстве гуманитарного и социально-технологического подходов. При этом у каждого подхода имеется свой эпистемологический статус, определяющий его место в ряду других подходов – эпистем и парадигм, а также онтологический статус, характеризующий картину реальности, которую он призван изучать и конструировать.

2. Гуманитарный взгляд на проектирование системы профессионального образования позволяет выявить, реконструировать явные (текстуальные) и латентные (контекстуальные) смыслы человека как субъекта, «привязать» к его экзистенциальному опыту и вписать в социокультурный (шире – цивилизационный) контекст (деятельность индивидов, групп, институтов, нации или цивилизации в целом). Он формирует наше представление об экзистенциальных (индивидуально-смысловых) и социокультурных («общесмысловых») началах образовательной деятельности, выраженных посредством языка и других форм коммуникации. В нём соединяются воедино образы «человека гуманного» и «человека понимающего». Такой подход опирается в первую очередь на методологию герменевтики и символического интеракционизма, создавая и воссоздавая систему индивидуальных установок, смыслов, символов, позиций, стратегий, которыми руководствуются субъекты образовательной деятельности.

3. Социально-технологический подход к изучению и преобразованию системы профессионального образования устанавливает другой ракурс рассмотрения человека: он руководствуется не только смыслами индивидуального существования, но и нормативными предписаниями, моделями поведения, характерными для его социально-профессиональной группы или общества в целом. Он предлагает нам собственные штрихи к портрету человека – социальную ответственность (учёт последствий), соревновательность («борьба позиций и потенциалов»), профессиональную квалифицированность («квалификационный минимум») и пр. Этот подход опирается на методологию социальной инженерии, функционализм и теорию систем.

4. В практическом плане гуманитарный и социально-технологический векторы проектирования ориентированы на общую стратегию: интеграция духовно-гражданских и профессиональных качеств человека. Они взаимно дополняют и уравновешивают друг друга: гуманитарная составляющая проектирования образования состоит в его направленности на формирование специалиста как развитой в духовном плане и граждан-

ски активной личности, а социально-технологическая – в ориентации на повышение его профессиональной компетентности, технологической оснащённости, а также востребованности и конкурентоспособности на рынке труда.

5. Основное предназначение гуманитарного подхода состоит в формировании общей культуры специалиста (как гармонического единства его сущностных сил и способностей). Социально-технологический подход закладывает основы профессиональной культуры специалиста. Объединение проектных возможностей обоих подходов позволяет нам соединить вместе продуцируемые ими образы гуманного, понимающего (способным к свободному диалогу), профессионального человека, готового к соревнованию внутри своего сообщества).

6. В первую очередь социогуманитарный подход направлен на преобразование самого человека, рассматриваемого в качестве полноценного и целостного субъекта образовательной деятельности. Требования, которые предъявляются к будущему специалисту, должны содержать духовно-нравственные качества, активную гражданскую позицию, необходимые квалифицированные характеристики и ожидания профессионального сообщества. В общем виде их можно сформулировать так: выпускник учреждения профессионального образования – это человек, обладающий высоким духовно-нравственным потенциалом, гражданской активностью, профессиональными компетенциями и способностями к успешной социальной коммуникации.

Проектирование национально ориентированной системы профессионального образования в России: принципы, приоритеты и технологии

Принципы социогуманитарного проектирования. В качестве принципов социогуманитарного подхода к проектированию в сфере профессионального образования мы предлагаем ввести следующие требования:

- духовность и гуманистичность;
- цивилизационная идентичность;
- ориентация на национальные интересы, культурный опыт страны и стимулирование гражданской активности обучаемых;
- профессиональная конкурентоспособность;
- развитие человеческого потенциала обучающихся и обучаемых, создание условий для их свободного и творческого содружества;
- постепенная («пошаговая») профессионализация обучаемых, приобщение их к культуре профессионального сообщества, развитие научных и образовательных школ;

– декоммерциализация образования (последовательный отказ от порочных практик коммерческого образования и постепенный переход к бесплатному и конкурсному образованию – «соревнованию потенциалов»;

– альтернативность форм образования и возможность выбора моделей обучения;

– равенство шансов при поступлении в образовательные учреждения для всех без исключения абитуриентов (проведение единого конкурсного отбора на основе результатов вступительных испытаний);

– вариативность моделей обучения и учёт всего разнообразия жизненных траекторий и профессиональных ориентаций обучаемых;

– отбор и стимулирующее обучение одарённых и способных учащихся, создание с их участием исследовательских и проектных групп;

– саморегулируемость деятельности преподавателей и учащихся.

Полагаем, что многие из этих принципов сегодня не используются в практике реорганизации учреждений профессионального образования.

О национальных приоритетах проектирования профессионального образования. Мы считаем, что этот вопрос заслуживает особого внимания проектировщиков. И не только потому, что он вынесен в название нашей статьи. Всем известно высказывание Бисмарка о том, что войны выигрывают школьные учителя. Битву за космос в 1960-е гг. также выиграл наш, советский учитель.

Спорить с тем, что образование должно быть национальным, а его проектирование – национально ориентированным, бессмысленно лишь на первый взгляд. Сегодня у глобализации образования число сторонников увеличивается, и при этом многие из них занимают ключевые должности в правительстве и министерствах. Под национальным мы конкретно имеем в виду российское, русское образование, которое должно опираться на колоссальный духовный опыт российской цивилизации и культурное наследие всей нашей страны.

Каковы же национальные приоритеты образования вообще и профессионального образования, в частности, которые необходимо, с нашей точки зрения, положить в основу гуманитарного проектирования? И что (и кто) мешает нам осуществить проектную деятельность в масштабе всего общества?

Стратегическая цель российского общества – совершить прорыв в будущее путём ускоренного инновационного развития (а не «догоняющей модернизации») всех значимых секторов народного хозяйства с опорой на внутренние ресурсы (прежде всего, имеющийся человеческий потенциал), культурно-исторический опыт и на основе научных достижений, новых технологий и возможностей образования. Именно за этим

стоит подъем благосостояния народа и улучшение качества жизни рядовых граждан. Для реализации этой цели необходимо сформировать национально ориентированную интеллектуальную элиту, способную сделать «рынок в будущее», раскрыть и реализовать цивилизационный код нации.

Российские люди всегда были богаты идеями и практическими предложениями. Это — наш основной капитал, и в нём коренится один из ключей к цивилизационному коду. И на это, а именно, — на развитие человеческого капитала, — надо делать главный упор при выдвигании национальных приоритетов профессионального образования в современной России.

Во-первых, образование необходимо рассматривать как важнейший *фактор безопасности* страны. И в этом русле следует выстраивать стратегию образовательной политики государства и практику проектирования. Причём речь идет о личной, коллективной и общественной безопасности. Профессиональный этос специалистов, как и гумус в земле, легко разрушается. Его вымывают воды бюрократического чванства и всеобщего равнодушия и массовой безграмотности.

Нарушен механизм образовательной преемственности поколений, который является элементом цивилизационного кода нации. Нам *некого* скоро будет учить. Впрочем, учить тоже будет *некому*. Фактически институт учительства ликвидирован как «вражеский класс». Уходят в прошлое профессиональные династии. Оказывается невостребованным бесценный и уникальный опыт представителей старшего поколения, сформировавшихся в личностном и профессиональном отношениях ещё в советские годы. К тому же им некуда передавать этот опыт, так как отсутствует единая система накопления и трансляции знаний, технологий и пр.

Во-вторых, сегодня никому не стоит доказывать, что профессиональное образование является локомотивом *инновационного развития* общества. На смену прежней модели общества должно прийти общество инновационного типа. Разрушение системы образования прямо ведёт к научно-техническому и социальному застою. Нарушаются механизмы социальной и интеллектуальной мобильности. Общество, как и любая открытая и динамическая система, стагнирует и, в конце концов, умирает.

В-третьих, профессиональное образование необходимо отнести к особо ценным и дефицитным *ресурсам общества*, связанным непосредственно с воспроизводством и развитием человеческого потенциала. Образование обесценивается, уступая место продаже нефти и газа, оборонным заказам и растворяясь в катастрофической по своим масштабам коррупции. Но ни для кого не секрет, что сырьевая по сути и криминальная по форме экономика обрекает страну на перманентное отставание, лишь

усугубляя ситуацию массового обнищания населения. Страну может спасти только инновационная экономика, которая базируется на новых образовательных и научных технологиях.

Сегодня же образование как социальный институт оказывается не в состоянии конкурировать по объему финансирования с ВПК, государственными корпорациями, коммерцией и другими системообразующими секторами отечественной экономики, что на многие годы программирует деградацию человеческого потенциала и снижение качества жизни большинства россиян. Когда-то самая читающая в мире страна уступила место другой стране, потребляющей некачественные товары и оказывающей плохие услуги. Малообразованным людям нужна совершенно иная пища для ума. Их вполне устраивают нынешние шоу и сериалы, отвлекающие от жизненных невзгод.

В-четвёртых, к числу национальных приоритетов следует отнести *культурное наследие страны*, которое может быть утрачено в ближайшие десятилетия в связи с резким понижением образовательного уровня российских граждан. Так, например, образованных людей, способных читать и понимать русскую художественную классику, с каждым годом становится всё меньше и меньше. Великий и могучий русский язык также подвергается экспансии со стороны других языковых групп. Многие памятники культуры исчезают с лица земли или оседают в коллекциях богатейших персон. Мы постепенно теряем связь со своими культурными истоками, поскольку наше образование становится суррогатным и маргинальным. Оно уже не способно сохранить и переработать доставшееся нам великое культурное наследие.

Но суть указанного приоритета заключается в том, чтобы использовать человеческий и культурный потенциал профессионалов, подготовка которых ведется в образовательных учреждениях. Именно им по силам изменить облик страны и усилить её привлекательность на международной арене. Страна — это творческие и интересные люди, совершающие выдающиеся открытия и просто достойные поступки. Такими они должны выходить из стен образовательных учреждений и тогда ими сможет гордиться вся страна.

В-пятых, к числу национальных приоритетов мы обязаны также отнести *дебюрократизацию* и *делиберализацию* профессионального образования в России. Впрочем, обе тенденции (бюрократизация и либерализация) давно уже слились в единый процесс, породив опасный гибрид — либеральную (точнее — псевдолиберальную) бюрократию. Именно последняя правит бал сегодня в образовательном (и не только) пространстве России. Её черты (алчность, вседозволенность, коррупционность, неком-

патентность и пр.) не являются отечественным изобретением и широко известны за рубежом. Но у нас она разрослась до чудовищных размеров и грозит привести страну к национальной катастрофе. Левиафан, скрывающийся под либеральными одеждами, оказался ещё более коварным и страшным, чем его исторические предшественники (царский деспотизм, советский «тоталитаризм» и пр.).

Структура образования, доказавшая свою эффективность в советский период российской истории, посеяла хорошие всходы. И не было необходимости её ломать в 1990-е годы, обрекая вузы на организационный хаос, финансовые трудности и юридическую неразбериху. Сегодня образование стало личным делом каждого и измеряется размером доходов родителей. Оно потеряло во многом государственную поддержку.

Полным ходом идёт бюрократическая централизация управления процессами образования, осуществляемая под либеральными вывесками и патриотическими лозунгами. Все образовательные и научные учреждения «слили» в один большой котёл (Минобрнауки РФ), который не в состоянии справиться с масштабными задачами образовательной и научной политики. И, уж тем более, нельзя поручать чиновникам управлять наукой и образованием. В силу своей безнаказанности они руководят как могут. А могут они лишь одно: слепо перенимать западный опыт и насильственно внедрять чужеродные (псевдолиберальные) новшества в нашу систему образования без учета российской специфики и исторического опыта страны.

Когда-то у нас учились другие страны и перенимали наш опыт в организации образования. Теперь мы учимся (или «мучимся») у них *тому*, чему тогда их сами *научили* (возможно, научили «на свою голову»). Создаётся впечатление, что к нам в дом пришли внешние управляющие и стали распоряжаться без нашего ведома принадлежащим нам имуществом и диктовать нам правила придуманной кем-то игры.

Изгнание бюрократии из стен образовательных учреждений, кабинетов преподавателей и студенческих аудиторий есть первейшее условие и национальный приоритет в развитии профессионального образования. Но изгнать чиновников — не значит вытеснить государство из сферы образования. Значительную часть управленческих функций могут взять на себя сами учреждения, а для координации их деятельности достаточно иметь, с одной стороны, небольшое (по численности сотрудников и по количеству функций) министерство, реализующего общую политику, и, с другой, разрозненную сеть негосударственных организаций — общественных союзов, ассоциаций, экспертных советов. Последним следует передать, в частности, процедуру экспертизы и утверждения диссертаций. В осталь-

ном учреждения образования могут существовать и успешно функционировать без какой-либо бюрократической опеки и на условиях общественно-государственного самоуправления.

Можно привести и другие доводы в пользу образования как приоритетной для нации сферы проектной деятельности. Профессиональное образование не является исключением из правила. Оно подвержено в полной мере бюрократической коррозии и никак не может прийти в себя после псевдолиберальных прививок и последствий гибридного реформирования. Его содержание выхолащивается, а форма оставляет желать лучшего. Впрочем, здесь наша бюрократия ничего нового не изобрела, а просто списала под копирку устаревший западный опыт в организации образовательных программ. Откуда же взяться новым профессионалам в разных отраслях народного хозяйства, если их учителей скоро можно будет заносить в красную книгу? Профессиональный этос преподавателей размывается. Скоро они сами исчезнут как редкий вид. А вместе с ним исчезнет дух просвещения и учительства. Ведь пришло время тьюторов и репетиторов. Но никто из них не в состоянии заменить собой фигуру Учителя как великого подвижника и служителя культа знания.

Конечно, в одной статье нам трудно предложить развёрнутый рецепт умирающему больному и породить надежду на его чудесное излечение или внезапное выздоровление. И всё же можно попытаться обобщить стратегические приоритеты проектной деятельности, соответствующие гуманитарной парадигме образования или тому, как мы её понимаем.

1. К числу главных национальных приоритетов профессионального образования необходимо отнести *инновационное развитие* общества и реализацию *человеческого потенциала* при сохранении культурных традиций и региональных особенностей. Именно они соответствуют цивилизационному коду российской нации.

2. Профессиональное образование следует рассматривать как фактор *национальной безопасности* страны, от которого зависят напрямую её будущее и возможности дальнейшего развития всей российской цивилизации.

3. Профессиональное образование – *значимый ресурс* общества, который определяет содержание и направленность его инновационного развития. Субъект разнообразных инноваций – интеллектуальная элита страны, которая выращивается в стенах образовательных учреждений и обязана осуществить своё предназначение – расшифровать код цивилизационной идентичности, сделав его достоянием всего общества, и раскрыть творческие возможности нации.

4. Образование профессионалов неразрывно связано с освоением и приумножением *культурного наследия* России, её богатейшего исторического опыта, в котором заложен цивилизационный код нации. Культурное лицо страны, её привлекательность в глазах мировой общественности во многом определяют настоящие профессионалы, работающие в самых разных отраслях народного хозяйства и демонстрирующие свои достижения всему миру.

Модели проектирования. Социогуманитарный подход к проектированию системы профессионального образования призван сформировать базовые представления субъектов управления о сущности, механизмах и моделях образовательной деятельности, а также о возможностях её конструирования. В этой связи можно выделить несколько типовых моделей:

1) *модели образовательной деятельности и социальных отношений* в сфере образования (действий основных агентов образования, а также отношений между участниками образовательного процесса, принадлежащими к разным профессиональным, половозрастным, этническим и другим группам);

2) *модели образовательных структур с учётом нормативных требований к содержанию и качеству их работы* (совокупность организаций, учреждений, ведомств, национальной и международных систем образования, а также набор правовых норм, методических рекомендаций, регулирующих их деятельность);

3) *модели организации и управления* отношениями и структурами, функционирующими в сфере образования с учётом критериев оценки эффективности их деятельности (органы государственного управления, советы учредителей негосударственных вузов, общественные научно-методические советы и т.д.).

Остановимся подробнее на организационных предпосылках проектирования системы.

Об изменении организационной структуры профессионального образования. В нынешней системе управления профессиональным образованием возобладала гигантомания. Это связано с укрупнением и объединением образовательных учреждений, резким сокращением их числа и массовыми переименованиями. Бывшие педагогические и другие профильные вузы стали университетами, не имея на то необходимой научно-исследовательской, кадровой и методической базы. От переименования качество образования не улучшилось. Вузы потеряли своё научное и образовательное лицо. Так, многие государственные университеты, имевшие ранее известные научные школы и несомненные достижения в своей области, после объединения и переименования были превращены в огромные кон-

вейеры по оказанию услуг, объединившись с другими вузами. Традиции, как и люди, имеют обыкновение умирать. Иногда о них можно просто забыть и тогда они сами со временем исчезнут.

Образование имеет дело с индивидуальностями («штучными специалистами»), а не с товаром массового спроса. Это как раз наши реформаторы и не учитывают в своей разрушительной деятельности. Им бы скорее перевести вузы и другие образовательные учреждения на коммерческие рельсы и возложить всю тяжесть расходов на них, а точнее — на плечи обучающихся и их родителей. Такая практика прямо противоречит положениям Конституции РФ о социальном государстве и доступном образовании. Формально реализация права на получение образования гарантирована законом каждому российскому гражданину. А реально?

В советское время всё было не так уж плохо в плане организации образования, как сегодня заявляют адепты западно-центристской модели. Образование было полностью бесплатным. Учитывались потребности народного хозяйства в кадрах, а также региональные особенности страны. Так, в каждом крупном промышленном и культурном центре страны были созданы и успешно функционировали несколько вузов. Как правило, это — университет, политехнический институт («политех»), пединститут и медицинский институт. В аграрных регионах существовали сельскохозяйственные институты. Их дополняли узкоспециализированные вузы.

В принципе многоступенчатость высшего профессионального образования имела место и тогда. Университеты готовили исследователей и преподавателей высшей квалификации. Они проводили исследования в области фундаментальных наук. Академии вели подготовку высококвалифицированных специалистов, имеющих право преподавать в техникумах и других средних специальных учреждениях. Институты были кузницей кадров для предприятий, средних школ и больниц. Специальные вузы занимались подготовкой высших управленческих кадров.

Наши предложения по реорганизации профессионального образования в стране не новы, но они продиктованы острой озабоченностью его судьбой.

Первое. Подготовку специалистов разного профиля и образовательного уровня следует сосредоточить на *основных направлениях* развития научно-технического и социального прогресса, восстановив прежнюю систему профессиональных учреждений, в т.ч. государственные университеты (вместо укрупненных и слабоуправляемых вузов — федеральных и пр.), учреждения инженерно-технического профиля (политехнические вузы, техникумы и ПТУ), педагогические институты и училища, высшие и средние военные училища, художественные учреждения и другие учреждения.

Частные учебные заведения должны дополнять, а не дублировать систему государственных учреждений профессионального образования. Конкуренция возможна и между государственными вузами, но их нужно освободить от невыносимой бюрократической регламентации и необходимости зарабатывать деньги (расширять программы коммерческого образования).

Второе. Необходимо преодолеть гигантоманию и вернуться к небольшим по численности, но *мобильным и управляемым формам* (типам) образовательных учреждений – вузам, техникумам, профессиональным училищам. В национальных интересах страны эти учреждения должны быть государственными. И вместе с тем быть ближе к обучающимся. Сегодня студенту попасть на приём к ректору крупного вуза практически невозможно. Между ними находится огромная бюрократическая пропасть. А в прежние времена ректор знал многих своих студентов в лицо и даже по имени. Да и последние всегда его узнавали и уважительно здоровались с ним.

Мы живём в век ускоренного роста объема информации и знаний. Меняются с каждым днём и требования к содержанию и качеству образованию. Нужны мобильные штабы, учебно-методические объединения, попечительские советы, которые бы принимали мгновенные решения и реагировали на изменения в рыночной конъюнктуре. Но общая политика образования должна оставаться всё же в руках государства. Для подготовки руководителей в сфере образования необходимо создать единую систему подготовки и переподготовки управленческих кадров на базе ведущих вузов страны.

Третье. Основные направления и специальности, востребованные народным хозяйством, должны быть делом государственной политики и гражданского общества, представители которого зачастую лучше знают ситуацию в регионах, чем государственные мужи. С этой точки зрения следует *восстановить профильные вузы*, необходимые регионам, и вернуть их ведомственную подчиненность. Это усилит научный потенциал самих министерств и ведомств, у которых «отобрали» образовательные учреждения, лишив их тем самым интеллектуальной поддержки.

Важно восстановить также прежнюю структуру профессионального образования и их ведомственную подчиненность. Целесообразно вернуться к профильным вузам, небольшим по численности студентов и преподавателей.

Четвёртое. Самое большое достижение советского периода – это *средние специальные учреждения* – техникумы, профтехучилища. Они готовили кадры для среднего звена управленцев и поставляли квалифицированных рабочих. Альтернативы этому уровню профобразования до сих

пор нет. Профтехучилища ликвидируются, техникумы переименованы в колледжи и потеряли своё назначение, так как стали заниматься подготовкой специалистов широкого профиля. Поэтому они становятся слабым звеном нашего профессионального образования.

Модернизация в нашей стране пока не завершена. Попытки нынешнего правительства реанимировать экономику оказались в очередной раз безуспешными. Однако народному хозяйству нужны квалифицированные, рабочие кадры и опытные специалисты технического уровня (техники, мастера, бригадиры и пр.). Их сейчас не хватает. Многие из работников имеют высшее образование, полученное кое-как и впопыхах, а вот работать «головой» и «руками» они не могут. А раньше этому их учили и учили очень хорошо. К сожалению, мы потеряли рабочую аристократию и институт наставничества.

Пятое. Нужна *единая государственная политика* в сфере профессионального образования на всех уровнях его организации. Возможно, не стоит восстанавливать Министерство профессионального образования, но единый координационный центр все-таки нужен. Иначе всё утонет, как всегда, в текущей рутине.

Необходимо также остановить практику финансирования образования по остаточному принципу. Мы не будем сравнивать доли в федеральном бюджете, отводимые на цели образования и оборонного комплекса. Диспропорция очевидна. Профессиональное образование следует финансировать в приоритетном порядке. От него зависит напрямую будущее и безопасность нашей страны. Причём зависит не в меньшей, если не в большей мере, чем от ВПК.

Обобщим теперь сказанное. Национальные интересы России в организационной структуре профессионального образования заключаются, на наш взгляд, в следующем:

- формирование интеллектуальной элиты нации, отбор и поощряющее (стимулирующее) обучение наиболее способных или одаренных учащихся;
- формирование и регулярное обновление перечня (номенклатуры) специальностей в соответствии с потребностями народного хозяйства;
- освоение и преумножение культурного наследия страны, опора на собственный опыт и исторические традиции в образовательной деятельности;
- восстановление в статусе «ведомственных» вузов и передача части научно-образовательных функций профильным министерствам;

- профессионализация среднего и низового звеньев руководителей или специалистов, а также развитие «малых» и мобильных типов образовательных учреждений для подготовки «штучных» специалистов;
- восстановление и расширение сети начального профессионального образования;
- координация усилий в организации профобразования на общегосударственном (федеральном) уровне, создание независимых аналитических центров и экспертных структур.

Именно этими интересами необходимо руководствоваться субъектам управленческой и проектной деятельности в процессе реорганизации системы профессионального образования.

Технологии проектирования. Но чтобы восстановить систему профессионального образования, разрушенную в 1990-е – 2000-е годы, необходимо привести её в соответствие с национальными интересами, обновить арсенал технологических средств и сократить в разы документооборот. Образовательные учреждения погрязли в бумажной волоките. Их нужно освободить от излишней отчётности. Это приведет и сокращению численности аппарата министерств и ведомств, курирующих образование. Многие функции мониторинга, анализа и экспертизы информации можно передать вузам или независимым аналитическим центрам и экспертным структурам, чтобы усилить институты гражданского общества.

Что же касается технологий, используемых в процессе проектирования системы профессионального образования, то следует говорить о создании нового класса технологических средств. Речь идет о социально-гуманитарных технологиях, которые соединяют преимущества и исключают некоторые недостатки социальных и гуманитарных технологий, взятых по отдельности.

Так, к преимуществам социальных технологий в сфере образования необходимо отнести их эффективность для диагностики и проектирования организационных систем и институциональных изменений, а также в сфере организации образования с различными слоями населения (образование для взрослых, семейное образование, организация работы с молодежью и пр.). В качестве же недостатка, а точнее – ограничений этого класса (вида) технологий следует назвать их чёткую ориентацию на объект, преимущественно институциональный тип изменений, а также недооценку человеческого потенциала и социокультурных особенностей организационных систем образования.

Достоинством гуманитарных технологий, безусловно, является их ярко выраженный акцент на постижение и совершенствование смысловых и других идеальных структур управленческой и иной профессиональ-

ной деятельности. Их же недостаток вытекает из недооценки институциональных аспектов осуществляемых социокультурных изменений, в акцентировании внимания субъектов управления на экзистенциальных проблемах личности и ее групповой идентичности.

На основе социально-гуманитарного подхода разрабатываются новые, комбинированные технологии, которые подразделяются нами в зависимости от вида образовательной деятельности и сферы её применения на несколько групп:

1) технологии анализа и диагностики проблемных ситуаций в профессиональном образовании (прикладная диагностика)¹⁷;

2) технологии прогнозирования образовательных процессов (прикладная прогностика)¹⁸;

2) технологии социокультурного проектирования образования (разработка и обоснование проектов)¹⁹;

3) технологии внедрения социокультурных новшеств и реализации проектов управления процессами образования (социальная инноватика)²⁰;

4) технологии организации эффективных социальных коммуникаций в сфере образования (переговоры, разрешение социальных конфликтов, социальное партнерство и пр.).

У всех этих технологий имеются свои авторы-разработчики. Но пока никто из специалистов не попытался их объединить и применить к практике проектирования образования.

На наш взгляд, новые технологии управления в сфере образования включают в себя преимущества социальных и гуманитарных технологий и выражают вместе с тем качественно иной подход к созданию и преобразованию образовательных структур, в т.ч.:

– переосмысление миссии всей системы профессионального образования и её ориентацию на формирование образа человека, соединяющего в себе высокий профессионализм в избранной им области, коммуникативные способности (и, прежде всего, способности к свободному диалогу), социальную ответственность и активную гражданскую позицию;

¹⁷ См.: *Щербина В.В.* Средства социологической диагностики в системе управления. – М., 1993; *Социальная инженерия: Курс лекций / Под. ред. Ю.М. Резника и В.В. Щербины.* – М., 1994; *Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы / Отв. ред. Т.М. Дридзе.* – М., 1994.

¹⁸ См.: там же.

¹⁹ См. приведенные выше работы по социальному и социокультурному проектированию.

²⁰ См.: *Пригожин А.И.* Нововведения: стимулы и препятствия (Социальные проблемы инноватики). – М., 1989; *Дудченко В.С.* Инновационные игры. Практика, методология и теория. – Таллин, 1989; *Дудченко В.С.* Основы инновационной методологии. – М., 1996 и др.

– разработка комплексной стратегии развития профессионального образования на основе всех достижений национальной культуры и учета лучшего зарубежного опыта;

– формирование базовых представлений (концепций) субъектов управления о желаемом состоянии системы профессионального образования в соответствии с данной стратегией.

Таково веление времени. Пора, наконец, преодолеть бюрократический волюнтаризм в управлении системой образования и пересмотреть принципы, на которых базируется так называемая образовательная реформа. Последняя противоречит исторической логике и ожиданиям большинства россиян.

Вывод мы хотим сделать один. Россия – великая страна с богатейшими культурно-историческими традициям, собственным цивилизационным выбором и кодом идентичности. Она, а также её многострадальный народ вполне заслуживают лучшей участи, чем та, на которую их обрелка псевдолиберальная бюрократия и созданный ею режим власти. Они достойны выбирать путь своего цивилизационного развития, который лежит через тернии «высокого» образования. Изменить систему профессионального образования означает в реальности запустить цивилизационный код, который был заблокирован на многие годы общими усилиями компрадорской бюрократии и финансовой олигархии, присвоивших себе ресурсы всей страны и распоряжающихся бесконтрольно её судьбой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года».
2. Распоряжение Правительства РФ от 22 ноября 2012 г. №2148-р. Государственная программа РФ «Развитие образования на 2013-2020 гг.».
3. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».
4. *Запесоцкий А.С.* Образование: философия, культурология, политика. – М.: Наука, 2002.
5. *Калугина Т.А.* Новые информационные технологии в сфере образования: методологические проблемы разработки и внедрения. – Саратов, 2000.
6. *Келле В.Ж.* Инновационная система России: формирование и функционирование. – М., 2003.
7. *Лепин П.В., Крашенинников В.В., Бархатенова Л.А.* Концепция интегральной педагогики и пути ее реализации // Философия образования для XXI века. – 2001. № 2.
8. *Пригожин А.И.* Нововведения: стимулы и препятствия (Социальные проблемы инноватики). – М., 1989.
9. Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы / Отв. ред. Т.М. Дридзе. – М., 1994.
10. Социальная инженерия: Курс лекций / Под. ред. Ю.М. Резника и В.В. Щербины. – М., 1994.
11. Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы. – М., 2003.

В.В. ЩЕРБИНА

ПОПУЛЯЦИОННО-СЕЛЕКЦИОННАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация: *Статья посвящена причинам возникновения, условиям формирования и специфике содержания теоретической модели организационного развития, которую именуют либо «популяционно-селекционной версией организационной экологии», либо «популяционно-селекционной моделью развития». Модель была создана социологами в рамках теории организации. Большое место в статье занимает изложение нетривиальной объяснительной схемы процесса организационного развития, ее прогностических возможностей, сферы и механизмов, обеспечивающих протекание процесса развития. Процесс формирования модели связывается автором с кризисом системных представлений в организационной теории и отказа от этих представлений. Здесь же рассматриваются проблемы, стимулировавшие появление этого подхода, перспективы его применения в управлении и за его пределами.*

Abstract: *The article examines the causes of the rise, the conditions of formation, and specific content of the theoretical model of organization development, usually termed as “population-selection version of organizational ecology”, or “population-selection model of development”. The model was proposed by sociologists within the organizational theory. Much attention in the article is paid to the statement of nontrivial explanatory scheme of a process of organizational development, its prognostic capabilities, as well as scope and mechanisms that ensure the process of development. The author relates the process of shaping of this model with a crisis of system models in organization theory and subsequent rejection of these ideas. The article also deals with difficulties that stimulated the emergence of this approach and with prospects of its application in management and beyond.*

Ключевые слова: *организационное развитие, структурные изменения, выживание организации, инвайронментализм, внешняя среда, экологические (ресурсные) ниши, ширина ниши, репертуар организации, фокусная перспек-*

Щербина Вячеслав Вячеславович – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра Социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН, заведующий кафедрой социологии организаций и социальных технологий РГГУ (Москва). E-mail: sherbina.vyacheslav@mail.ru.

тива, популяционная перспектива, перерыв постепенности, структурная инерция, консерватизм организации, репертуар организации, фокусно-инновационная фаза, популяционно-селекционная фаза, идеальные образцы, реальные образцы.

Keywords: *organization development, structural change, organization survival, environmentalism, external environment, environmental (resource) niche, niche width, repertoire of organization, focus perspective, population perspective, discontinuity, structural inertia, organizational conservatism, focal-innovative phase, population-selection phase, the ideal patterns, actual patterns.*

Постановка проблемы. Задачи, решаемые в статье. Данная статья посвящена рассмотрению специфики одной из немногих, относительно новых, пост системных теоретических моделей, из числа созданных организационной наукой, пытающихся объяснить логику и механизмы процесса, который принято именовать «организационным развитием» (ОР). Речь идет о теоретической модели, созданной социологами, в рамках подхода, именуемого «организационной экологией», и по иному, обозначаемого как «популяционно-селекционную модель ОР» (ПСМОР). Модель предлагает нетривиальное объяснение процессов и механизмов ОР и претендует на то, чтобы преодолеть типичные нестыковки с реальностью, характерные для системных моделей,

Специфической чертой этой модели является то, что:

— во-первых, это одна из немногих современных моделей ОР, практически отказавшаяся от использования в своих построениях положений системного взгляда на организацию;

— во-вторых, эта модель, которая пытается дать более адекватное объяснение механизмам и логике протекания этого процесса, отказываясь от описания процесса ОР, как протекающий на уровне единичной организации и в логике ее адаптации к ее окружению,

— в-третьих, она описывает этот процесс, как протекающий на уровне организационной популяции, причем в логике естественного отбора и селекции социокультурных образцов,

— в-четвертых, она действительно преодолевает нестыковки, порожденные применением системного подхода к протеканию процесса ОР.

— в-пятых, она выводит менеджеров и консультантов на решение ряда важных практических управленческих задачи, связанных: а) с моделированием процесса ОР в привязке конкретной организации; б) с краткосрочным прогнозированием итогов протекающих изменений; в) с определением ориентиров протекания этого процесса в привязке к специфической ситуации.

Стимулом к написанию статьи стало то, что и в отечественной литературе по организационной теории, и в управленческой практике сегодня по-прежнему доминируют рационально-системные модели процессов ОР. Причем, это происходит на фоне, во-первых, практически повсеместно фиксируемых фактов хронических несовпадений ориентиров изменений, заложенных менеджерами в организационных стратегиях или инновационных проектах, с их фактическими итогами.

Во-вторых, несмотря на публикации на эту тему эта модель все еще остается недостаточно известной как отечественным академическим ученым, так и практикующим специалистам в позиции управленческих консультантов и управленцев-практиков.

В-третьих, для многих из моих коллег по сей день остаются загадкой: и специфика этой теоретической схемы, и проблемы, побудившие авторов к созданию этой теории, и сферы ее практического применения в управлении. Это происходит несмотря на то, что первые публикации, рассматривающие специфику ПСМОР на русском языке, появились достаточно давно (Д.С. Пью, Д.Дж. Хиксон; Р. Холл), а недавно были даже осуществлены первые переводы некоторых текстов, написанные создателями этой модели с английского на русский.

В связи со сказанным, в рамках этой статьи я попытался решить следующие задачи. Показать: а) условия и причины возникновения этой модели; б) выявить факторы, стимулировавшие ее появление; в) определить ее теоретико-методологические истоки; г) показать ее специфические черты и прогностические возможности; д) определить сферу ее практического применения; е) определить ограничения на ее практическое применение.

Содержание термина «организационное развитие». Поскольку теоретическая модель, обозначенная нами как ПСМ ОР, претендует на более адекватное объяснение и ориентирует управленцев на прогнозирование процессов ОР, чем системные модели ОР, я, считаю необходимым уточнить, что понимается под процессом ОР. При этом я считаю важным отметить, что хотя введение термина ОР в организационной теории восходит к 50 м гг. прошлого века, и хотя в процессе исследования этого феномена действительно было создано множество теоретических схем (как правило базирующихся на положениях системной методологии), в понимании сущности этого процесса по сей день не существует единства. (Д.М. Гвишиани, Д.С. Пью, Д.Дж. Хиксон, Р. Холл; В.В. Щербина). На сегодняшний день существуют десятки существенно различающихся между собой определений этого процесса ОР, фиксирующих существенные различия в его трактовке (И. Адизес; А.И. Пригожин; W. Bennis).

В то же время, нельзя не отметить, что сегодня существуют и успешные попытки создания обобщенных определений и трактовок этого процесса. В соответствии со сказанным, в данной статье под процессом ОР будет пониматься процесс направленных и позитивных структурных изменений организации, результирующим признаком которого является поэтапное повышение способности организации к выживанию в динамичной внешней среде (В.В. Щербина, Е.П. Попова). Что же касается атрибутивных признаков этого процесса, то в качестве таковых, в соответствии с традицией, будут рассматриваться: а) увеличение размера организации (рост численности ее персонала); б) рост ее структурной и профессиональной дифференциации; в) развитие организационной и профессиональной культуры; г) диверсификация; д) освоении новых экологических (или ресурсных) ниш.

Время, условия формирования ПСМОР и персоналии, имеющие отношение к созданию этой теоретической модели. Время начала формирования этой модели можно датировать достаточно точно – концом 70-х гг. XX в. Что же касается создателей модели, то следует отметить, что этот процесс был связан одновременно, с разработками двух групп специалистов. Во-первых, с разработками группы американских социологов, осуществлявших академические исследования в разнотипных организациях, во-вторых, советских специалистов – практикующих социологов прикладников, работавших с организациями сначала в позиции управленческих консультантов, а затем в позиции функциональных управленцев (в современной трактовке менеджеров по развитию и персоналу).

Эмпирические исследования и теоретические разработки американских социологов. Именно академически американские социологи *М. Хэннон* и *Дж. Фримен* являвшиеся тогда профессорами Корнуэльского университета, (а позже и *Дж. Кэрролл*), заложили основы той нетрадиционной инвайронментальной теоретической схемы ОР, которую мы обозначили как ПСМОР. Основанием для ее формирования были итоги эмпирических исследований, проведенных ими в трех разнородных группах организаций – профсоюзы, газеты, предприятия электронной промышленности. Итогом этих исследований и стало формирование новой теоретической схемы, в рамках которой поведение организаций объяснялось процессами, протекающими на уровне «организационной популяции» – группы однотипных организаций, сотрудничающих, конкурирующих между собой за дефицитные ресурсы и обменивающихся персоналом, действуя в определенном географическом пространстве. Каждая из таких популяций в процессе исследований рассматривалась, наряду с единичной организацией, как еще одна единица анализа (*М. Хэннон, Дж. Фримен*).

Как показали итоги исследований, процесс ОР, проявлявший себя в направленных структурных изменениях, провоцировался радикальными изменениями в окружении и он вполне мог быть описан в терминах так называемых «инвайронментальных моделей ОР» – моделей, где в качестве источника любых процессов, протекающих в организациях рассматривалось изменение состояния организационного окружения. По этому основанию представления Хэннона и Фримена практически совпадали с положениями инвайронментальных системных моделей ОР (А. Чендлер, П. Лоуренс, Дж. Лорш, И. Ансофф и др.), рассматривающих внешнюю среду в качестве основного источника изменений.

Однако, вопреки системным канонам, в реальности, влияние окружения на структурные изменения наиболее явно проявляло себя не на уровне единичной организации, а на уровне всей организационной популяции. Кроме того, структурные изменения в организациях протекали не в логике индивидуальной адаптации конкретной единичной организации к изменениям среды, а в логике социокультурной селекции. Это предполагало естественный отбор совокупности тех из числа созданных организациями разнотипных инновационных социальных образцов, созданных в ответ на вызовы окружения, которые были созданы в организациях, повысивших в этот период свою конкурентоспособность. Далее вся эта совокупность образцов осваивалась практически всеми организациями популяции, что и фиксировалось в структурных изменениях.

В итогах исследований, Хэнноном и Фрименом была предложена принципиально новая объяснительная модель протекания процесса ОР, радикально менявшая представление о механизмах, логике и сфере протекания этого процесса (М. Хэннон и Дж. Фримен), а позже и в других типах социальных популяций уже внутри организаций (Дж. Кэрролл). (Подробнее см. ниже)

Практические разработки отечественных социологов. Что касается советских специалистов, внесших вклад в разработку этого подхода, то речь шла о группе социологов практиках, работавших в конце 70-х гг. XX в. в составе отдела Социального развития в Московском проектно-технологическом объединении системы РКСО в режиме управленческого консультирования. Деятельность этой группы в тот период с конца 1976 по 1978 г., была связана с реализацией консультационного проекта, где одной из задач было определение ориентиров развития 12 небольших организаций (ПМК), входящих в состав Кировского дорожно-строительного треста, на ближайшую перспективу. Проект реализовывался по заказу его администрации треста и выполнялся на хоздоговорной основе. Проектом руководил с 1977 г. В.В. Щербина, который в тот период тогда

еще не был знаком с разработками М. Хэннона и Дж. Фримена. В ходе реализации этого проекта были впервые отработаны принципы практического моделирования ориентиров ОР, в той самой логике, которую американцы позже обозначили как селекционно-популяционную. (Подробнее см. ниже).

Значительно позже (уже начиная с 90-х гг. XX в.), другая группа отечественных социологов, в числе которых был и В.В. Щербина, работавшая в режиме академических исследований, познакомившись с публикациями этих американских ученых (М. Хэннон и Дж. Фримен), попыталась освоить язык и использовать созданную американцами теоретическую схему в ходе исследований организации, как теоретических, так и эмпирических. Итогом этих исследований стало подтверждение, а в ряде случаев, дополнение основных выводов сделанных американскими учеными (В.В. Щербина, Е.П. Попова).

Кризис системной теории как фактор, стимулировавший появление ПСМОР. Говоря о факторах, стимулировавших возникновение ПСМОР, я считаю необходимым отметить, что возникновение этой модели было напрямую связано с кризисом очень популярной в 50–60-х гг. XX в. системной версии теории организаций. И, по моему мнению, процесс формирования ПСМОР не может быть понят вне многосторонней критики положений системной методологии в приложении к организационной теории. Дело в том, что сначала 50-х и примерно до середины 70-х гг. XX в. системная теория и методология (в ее разных версиях), практически безоговорочно господствовала в организационных теориях (Р. Акофф, Ф. Эмери, Р. Джонсон, Ф. Каст, Д. Розенцвейг), включая и социальные теории организации (В.В. Щербина).

Важно отметить, что системные модели организации, практически во всех их версиях рассматривали организацию, как единственно возможную единицу анализа, где организация трактовалась, как достаточно автономная и самодостаточная социальная целостность. В качестве обязательных условий и обеспечения выживания организации в динамичной среде и ее эффективности рассматривались: а) обеспечение определенного уровня равновесия ее подсистем и разнородных элементов, как внутри организации; б) ее баланса с динамичным окружением. При этом, проблема достижения организацией этого баланса, напрямую связывалось со способностью организации к адаптации к любым изменениям окружения (по факту это предполагало пластичность организации, проявляющуюся в ее способности к синхронным и адекватным реакциями организации на любые изменения в окружения) (Д. Катц, Р. Кан). Соответственно, организация рассматривается здесь, как автономная

адаптивная и, чаще всего, как искусственная (проектируемая людьми) система, в которой менеджеры, адекватно реагировали на любые изменения, происходящие в окружении.

Формирование ПСМОР было спровоцировано поэтапным накоплением числа зафиксированных эмпирических фактов, в поведении реальных организаций, слабо корреспондирующих с положениями системной теории и с постоянным ростом таких числа таких нестыковок. В качестве примеров таковых могут быть названы: а) фактическая слабая адаптивная способность зрелых организаций б) феномен нарастания «закрытости», «непластичности» организаций, а также «нарастания консерватизма в организации» по мере её развития (А. Хоули, О. Дункан); в) явление «структурной инерции, проявляющее себя в тенденции к сохранению на протяжении многих десятилетий (иногда и столетий), тех образцов поведения и деятельности, которые были необходимы для выживания организации в ее момент возникновения и существенном запаздывании адекватных реакций организаций на изменение окружения (А. Стинчкомб), г) выявление феномене слабой способности к выживанию тех организаций, которые были максимально были склонны к активному внедрению инновационных проектов (их смертность в 3 пять раз превышала смертность организаций избежавших радикальных инноваций) (Дж. Вудворд, Т. Бернс; Д.С. Пью, Д.Дж. Хиксон; Т. Burns, G. Stalker); д) невозможности сбалансировать и синхронизировать изменения осуществляемые в разных подсистемах организации как системы (О. Данкан) и т.д.

Истоки формирования ПСМОР. Следует признать, и то, что модель ПСМОР возникла не на пустом месте. При ее формировании создатели опирались, во-первых, на разработки той междисциплинарной группы американских исследователей (социальные антропологи, социологи, психологи), которая работала в 1920–1940-е гг., в рамках Чикагской школы, занималась социологией города и позиционировала свою идеологию под вывеской «Человеческая экология» (А. Берджес, Р. Вирт, Р. Макензи, Р.Э. Парк). Во-вторых, на разработки группы американских социологов, работавших в рамках той же проблематики, в 50–60-е гг. XX в. Эта группа именовала свой подход «социальной экологией» (А. Хоули, О. Дункан, Д. Шнорр, В.В. Щербина и др.).

Именно две эти группы первыми начали рассматривать все социальные процессы, протекающие в регионе, как обусловленные и тесно связанные с изменениями состояния внешней среды, предвосхитив то направление в социальных науках, которое будет позже именоваться «инвайронментализмом». При этом, сделав состояние внешней среды отправной точкой для понимания таких процессов они первыми начали рассматривать окруже-

ние, как совокупность экологических ниш (см. ниже) и разнотипных социальных популяций (находящихся между собой в отношениях сотрудничества и конкуренции), уделяя определенное внимание и исследований роли и функций организации. Именно представители двух этих групп ввели в социологический обиход ряд базовых понятий и представлений, широко используемых современными организационными экологами. Речь идет о таких понятиях как: «экологическая ниша», «социальные популяции», «взаимные зависимости», «конкуренция популяций»; «культурная селекция»; «экологический комплекс»; «принцип изоморфизма»; «представление о тенденции к нарастанию закрытости организаций по мере их развития» и др.

Характерно, что вторая из названных групп, говоря о процессах социальных изменений, базировалась на положениях системной теории и напрямую связывала отношения организации с внешней средой с представлением о достижении баланса с окружением, типичного для системной парадигмы. Наиболее полное выражение эти представления нашли в «принципе изоморфизма», сформулированном А. Хоули в 1960-е гг. в двух версиях: а) разнообразии организационных форм подобно разнообразию организационных сред; б) две разнотипных социальных популяции, начиная взаимодействовать с одной и той же экологической нишей, рано или поздно вырабатывают сходные организационные формы. Такое достаточно традиционное понимание процесса ОР позже (в работах Хэннона и Фримена) получило наименование «фокусно-адаптационного». В этой модели сферой протекания процессов ОР была единичная организация, а главным механизмом его протекания был механизм индивидуальной адаптации организации. Именно в этом виде организационная экология достаточно длительное время сосуществовала с другими типами инвайронментальных системных моделей ОР.

В то же время, уже в работах самого Хоули, а также некоторых других специалистов, работавших в рамках системной схемы, просматривались представления, плохо вписывающиеся в системную парадигму.

Так, тот же А. Хоули, описывая процессы, протекающие в организации в рамках представлений системной парадигмы, определил организацию как форму (или способ существования) «социальной популяции», возникающую при соприкосновении социальной популяции, со специфическим фрагментом внешней среды – «экологической нишей». Социальную же популяцию он трактовал как совокупность любых социальных единиц, например людей, занятых однотипной деятельностью и эксплуатирующих один и тот же набор ресурсов среды.

Кроме того, М. Хэннон и Дж. Фримен использовали ряд других открытий, того же А. Хоули. В числе важных было открытие феномена «сни-

жения уровня открытости и пластичности организаций по мере развития организации». Его суть открытия состояла в том, что по Хоули только молодые организации ведут себя как открытые системы, гибко реагируя на изменения внешней среды (на состояние экологической ниши), приспособляясь к окружению в режиме индивидуальной адаптации (принцип изоморфизма). Зрелые же организации демонстрируют тенденцию к нарастанию закрытости и снижению пластичности.

Не менее важным было открытие, сделанное экономистом А. Стинчкомбом в ходе эмпирического исследования процессов изменений в бизнес-организациях. Последний, поставив под сомнение тезис об организации как пластичной адаптивной системе, открыв феномен «структурной инерции», который поверг в шок многих специалистов, занимающихся проблемами ОР. Этот феномен проявлялся: во-первых, в существенном запаздывании адекватных реакций организации на изменения внешней среды; а во вторых, что особенно важно, в сохранении у всех развитых и давно возникших организаций, всего набора свойств, которые были необходимы данной организацией на момент их возникновения.

В числе открытий указывающих на консерватизм организаций, могут быть названы и такие открытия, как: а) «сопротивление персонала организаций (особенно его элитарной и наиболее квалифицированной части) радикальным нововведениям» (Т. Бернс, Дж. Вудворд); б) формирование, в процессе внедрения в организации глобальных инноваций, «патологических систем» — систем неспособных обеспечить решение тех задач, под которые они были созданы (Т. Бернс); в) явление асинхронности процессов инноваций, протекающих в разных подсистемах одной и той же организации (О. Дункан); несовпадении ориентиров изменений, закладываемых в основу принятия инновационных или стратегических решений с реальными итогами произошедших изменений (Т. Бернс, Г. Саймон, Дж. Томпсон и др.). На это указывают Дж. М. Гвишиани, Д.С. Пью и Д.Дж. Хиксон.

Наконец, в-четвертых, речь шла об известном тезисах двух авторитетных системщиков, Ф. Каста и Дж. Розенцвейга, исследовавших поведение организации, которые пришли к выводу, что организация, как целостность, не может рассматриваться ни как «открытая», и ни как «закрытая» система, во всяком случае, в том ее каноническом понимании, в котором этот термин употребляли Д. Кац и Р. Кан. По их мнению, она может быть определена, как «избирательно открытая» («частично открытая») или «как частично закрытая» система.

В процессе формирования ПСМОР Д.Дж. Хэннон и Дж. Фримен активно использовали также разработки ведущих представителей многих

других школ и подходов в теории организаций Речь идет о П. Лоуренсе, Дж. Лорше, Дж. Пфеффере, Дж. Сэлансике Ф. Селзнике, Г. Саймоне, Дж. Томпсоне, Дж. Чайлде, и др. Об этом пишут Д.М. Гвишиани, Д.С. Пью и Д.Дж. Хиксон.

Из числа терминов, введенных этими учеными и активно используемых организационными экологами, следует особо выделить такие, как: «сложные организации», «комплексные организации», «сегментация окружения», «пластичность и консерватизм организаций», «организационная культура», «структурная инерция», «взаимные зависимости организаций», «организационные ресурсы», «ресурсные ниши», «модель внешней среды как кладовкой ресурсов», «модель среды, как целевое окружение», «организационные ресурсы» и др.

Объектом критики для создателей ПСМОР, стали положения и многочисленных рационалистских моделей ОР, длительно доминировавших в организационных теориях, в рамках которых процесс ОР трактовался как управляемый, эквифинальный процесс структурных изменений (стратегических или инновационных), сознательно направляемый и контролируемый менеджерами, роль которых в этих теориях героизировалась (И. Ансофф, П. Лоуренс и Дж. Лорш, Г. Минцберг, Дж. Томпсон, Д. Хиксон и Б. Хайнингс, Дж. Чайлд и др.; В.С. Дудченко, Н.И. Лапин, А.И. Пригожин, А.А. Мешков, Д.С. Пью, Д.Дж. Хиксон).

Наконец, нельзя не отметить, что определенное влияние на процесс становления модели ПСМОР, оказала полемика Хэннона и Фримена с представителями родственной им модели, возникшей и сосуществовавшей одновременно с ПСМОР, в рамках «организационно-экологического» подхода к ОР. Эту версию названного подхода, представляли Ч. Бидвелл, Дж. Бриттен, Дж. Кассард, которые попытались построить модель ОР, опираясь на механизмы индивидуальной адаптации с окружением (В.В. Щербина). Эта версия подхода была обозначена Хэнноном и Фрименом, как «фокусно-адаптивная», в противовес популяционно-селекционной версии организационной экологии.

Итоги исследований М. Хэннона и Д. Фримена и специфические черты ПСМОР. Однако вернемся к итогам исследований организаций проведенных американскими учеными и позже (уже в середине 2000-х гг.) дополненных и исследованиями российских ученых, подтвердивших и, отчасти, дополнившими исследования американских ученых исследованиями частных стоматологических клиник. Говоря о ПСМОР как об особой теоретической модели, я считаю важным еще раз напомнить, что речь идет об одной из многих инвайронментальных моделей ОР, где в качестве доминирующего фактора, провоцирующего процессы организационных

изменений, рассматривается состояние внешней среды. Однако эта модель ОР радикально отличалась от других, системно-инвайронментальных моделей по ряду других характеристик. Указанные отличия напрямую вытекали из итогов названных выше исследований ОР.

Дело в том, что в противовес сложившимся традиционным представлениям:

1) Наблюдаемые структурные изменения наиболее ярко проявляли себя не на уровне единичной организации (как это должно было бы быть по системным канонам), а на уровне всей совокупности однотипных организаций, выполняющих сходные функции, действующих в определенном географическом пространстве и конкурирующих за ограниченные ресурсы – «организационной популяции».

2) Процессы ОР, протекавшие на уровне организационной популяции, и выражались в поэтапном изменении «плотности популяции», что проявлялось в изменении численности однотипных организаций, действующих в ограниченном географическом пространстве и, одновременно, в логике изменения организационных форм.

3) Процесс развития организационных форм шел через структурные изменения, протекавшие на уровне всей организационной популяции, которые происходили неравномерно в логике обозначенной М. Хэнноном и Дж. Фрименом, как «перерыв постепенности». За относительно медленными структурными изменениями, протекающими на уровне популяции следовали периоды бурных структурных изменений.

4) Процессы бурных структурных изменений, как правило, по времени следовали за радикальными изменениями внешней среды, к которым организации популяции, как правило, не были не готовы.

5) Процесс ОР проявлялось в численности популяции (обусловленной изменением соотношения смертности и рождаемости новых организаций), которая находилась в определенной зависимости от «ширины ниши». Последняя, характеризовалась объемом ресурсов, в котором нуждались организационная популяция.

6) На уровне организационной популяции процесс ОР проявлялся в изменении ее плотности (снижение уровня рождаемости и смертности организаций), что было напрямую связано с изменением ширины экологической ниши. Ниша выдерживала лишь определенную плотность организационной популяции.

7) Из исследований следовало, что изменение численности организационной популяции всегда протекало по траектории U – образной кривой. Для ранних стадий процесса ОР был типичен рост популяции (преобладание рождаемости над смертностью), на поздних фазах наблюда-

лось снижение численности популяции (смертность преобладает над рождаемостью).

8) Активная фаза процесса ОР по времени совпадала с периодом неожиданных для управленцев радикальных изменений состояния внешней среды (закрытие или появление новой экологической ниши, появление новой организационной популяции, претендующей на ограниченные ресурсы и др.). Эти изменения меняли логику отношений организации со средой и вызывали, в большинстве организаций, всплеск инновационной и стратегической активности менеджеров, провоцируемых вызовом окружения.

9) Однако, большинство таких образцов, заложенные в этих проектах, как правило, не приживались в структуре и практически всегда имел отдаленные отношения к реальным результатам структурных изменений. При этом исследования показали, что тщательная исходная рациональная проработка исходного проекта, совсем не гарантировала успех в ведении бизнеса или повышение жизнеспособности организации. Инновационные проекты лишь в очень редких случаях изначально в виде закрепились в структуре создавшей ее организации.

10) Будучи проверенными жизнью на жизнеспособность большинство таких образцов либо отбраковывались жизнью, либо (в достаточно редких случаях) серьезно трансформировались и только тогда находили отражения в изменениях организационной структуры отдельных организаций.

11) Из числа всех, созданных на уровне организационной популяции образцов, жизнь формировала фонд изменений, куда входил все образцы тех организаций, которые в этот период улучшил свои конкурентные позиции в рамках организационной популяции. Все эти образцы в достаточно короткий срок осваивались всеми выжившими организациями.

12) Исследования показали, что вектор изменения и логика трансформации организационных форм, в период активных структурных преобразований, для всех организаций популяции был единым. При этом, структурные изменения в указанных популяциях протекали, через вытеснение старых организаций новыми в логике естественного отбора, селекции и

13) Исследования российских коллег показала, также то, что логика популярных сегодня в России модели ОР, созданных в рамках теории жизненных циклов организации (И. Адизес; С.Р. Филонович, Е. Кушелевич), не воспроизводится на уровне единичной организации, а прослеживается только на уровне всей организационной популяции.

Опираясь на итоги своих исследований, внесли в процессы понимания организационного развития существенные коррективы. Указанные

открытия и обозначенные выше проблемы заставили Хэннона и Фримена а затем и ряд их коллег, поставить под сомнение многие канонические положения теории системной теории пронизывающих ткань большинства схем созданных в рамках организационной теории.

— они свели представления о внешней среде, как о главном факторе провоцирующим структурные изменения, к двум типам моделей: а) модели среды как совокупности ресурсных ниш; б) к организациям популяции, группе организаций, конкурирующих за организационные ресурсы и обменивающихся персоналом;

— они оспорили распространенное представление о механизме индивидуальной адаптации организации к внешней среде, как базовом механизме, обеспечивающем ее приспособления к ее изменениям в окружении;

— они указали на принципиальную невозможность осмыслить процессы организационного развития на уровне единичной организации, связав ОР с процессами, протекающими на уровне группы однотипных организаций конкурирующем, на четко обозначенном географическом пространстве, — за ограниченные ресурсы — «организационную популяцию»;

— они отказались от представлений об организации как о пластичной системе, адекватно и рационально реагирующей на изменения среды;

— они подтвердили, что организация это консервативная система, демонстрирующая феномен структурной инерции;

— они доказали, что сама возможность адекватного реагирования организации на радикальные изменение внешней среды, может появляться у организации, лишь при наличии у неё набора отработанных действенных образцов поведения (проверенных жизнью типов реакций), позволяющих ей адекватно реагировать на те или иные типы изменений среды»;

— они показали, что процесс ОР напрямую связан с расширением перечня освоенных образцов поведения организаций, доказавших свою состоятельность в определенной ситуации. Совокупность таких образцов они обозначили как «репертуары организаций», связав, т.о. процесс ОР с расширением «социокультурного репертуара организаций»;

— они показали, что в одной и той же организационной популяции эти репертуары могут быть описаны, как сходные, т.к. в рамках популяции идет постоянный обмен персоналом, который и переносит хорошо зарекомендовавшие себя успешные образцы в другие организации;

— они зафиксировали ограниченную возможность индивидуальной адаптации единичной организации, к внешним изменениям и перенесли акцент при объяснении процессов организационного развития с единич-

ной организации в логике индивидуальной адаптации (фокусная перспектива исследований) на процессы, протекающие на уровне всей организационной популяции (популяционная перспектива);

– они перестали описывать процесс ОР, как равномерно протекающий процесс и начали описывать его в терминах «перерыва постепенности» (где период бурных структурных изменений чередовался с периодом умеренных темпов изменений);

– они связали периоды радикальных изменений организации с периодами радикальных изменений внешней среды, создающей ситуацию, когда в репертуаре организаций в рамках данной популяции организаций еще нет ответа;

– они связали интенсивность процесса ОР на уровне популяции с ростом числа организаций, входящих в популяцию и шириной экологических ниш;

– ширину «экологической ниши» (показатель) фиксирующий избыточность или недостаточность необходимых организации ресурсов, они начали рассматривать как главную характеристику, предопределяющую процесс протекания ОР.

– они начали рассматривать ОР, как двухфазовый процесс, протекающий в два этапа. Сначала он протекал в рамках отдельной организации и связанный с созданием идеальных образцов в рациональной (инновационной или стратегической логике). Затем он протекал на уровне организационной популяции, где был связан с опробованием этих образцов на практике. Далее следовал отбор образцов доказавших эффективность; формированием «фонда изменений»; освоение всеми организациями популяции трансформация их в реальные образцы, закрепляемых в организационной структуре каждой организации популяции (М. Хэннон, Д. Фримен; В.В. Щербина).

Организационное развитие как двухфазовый процесс. Остановимся теперь подробнее на процесса ОР, трактуемом в ПСМОР, как на двухфазовом процесса, протекающего сначала на уровне единичной организации, а потом, и на уровне всей популяции.

Первая фаза ОР, в рамках этой модели, связана с логикой формирования ориентиров развития (стратегических ориентиров, целей, инновационных проектов). Здесь воспроизводится традиционная логика рационалистских моделей организационного развития – инновационных и стратегических. Дело в том, что на этой фазе все организации популяции столкнулись с принципиально новой ситуацией, когда в репертуаре организации нет готового адекватного ответа в ответ на радикальные изменения окружения. Итогом фазы становилась разработка и реализация менедже-

рами разнородных проектов изменений и бизнес функций и бизнес процессов), которые, по мысли авторов, должны обеспечить повышение способности организаций к выживанию, конкурентоспособности в новых условиях. Но речь идет о процессе, который осуществляется в рамках очень высокой неопределенности. В этой ситуации, создаются «идеальные образцы», которые в своей массе, будут иметь весьма отдаленные отношения к тем реальным образцам, которые в итоге должны быть освоены и закреплены в организационной структуре.

Вторая фаза ОР рассматривается, как процесс протекающая на уровне всей организационной популяции, который описывает в логике социокультурной селекции превращения части ранее созданных идеальных образцов, – в реальные. По Хэннону и Фримену, итоги разнотипных инноваций, предпринятых на первом уровне работы с образцами созданными в рамках отдельных организаций популяции будут различны. Часть организаций по итогам внедрения этих проектов может укрепить свои конкурентные позиции в рамках популяции; другой части организаций ужалось сохранили свои позиции на рынке, третьи организации существенно ослабили свои позиции в рамках популяции или вообще погибли в результате внедрения инноваций. Итогом же произошедших событий для выживших организаций популяции явилось то, что привлекательными для освоения другими организациями являются лишь тех образцы, которые были созданы организациями, укрепившими свои позиции на рынке. Именно из них, по Хэннону и Фримену, формируется то, что они обозначили как «фонд изменений». В результате в относительно короткий срок практически все выжившие, и все вновь созданные организации в рамках популяции, осваивают весь набор указанных эффективных образцов, существенно и скачкообразно расширив репертуар на уровне всей популяции. То есть на этой фазе процесса ОР формируются уже прижившиеся в социуме «реальные образцы», которые осваиваются всеми организациями популяции и находят отражение в структуре этих организаций.

Характерно, что рассмотренная модель ОР не противоречила ни открытому А. Стинчкомбом феномену структурной инерции «структурной инерции», ни явления «нарастания закрытости» и «консерватизма организаций», обнаруженных А. Хоули и Т. Бернсом ни другим, ранее рассмотренным фиксируемым нестыккам.

Кроме того, эта версия процесса ОР, объяснял, как в реальности происходит процесс трансформации идеальных образцов в реальные, прижившиеся и находящие, в конечном счете, отражение в трансформации организационной структуры. Такая трактовка процессов ОР, во-первых, создавала условия и для практической управленческой деятельности в

сфере управления структурными изменениями. Во-вторых, она создавала предпосылки для моделирования процессов изменений, а также для определения ориентиров для развития организаций, и других типов социальных целостностей (В.В. Щербина).

Культурная селекция как мост между субъективистско-конструктивистской и объективистско-детерминистской парадигмой в теории организации. Попробуем теперь оценить значение создания модели ПСМОР для объяснения описываемых процессов структурных изменений. По моему мнению, значение этой модели выходит за пределы теории организаций и теории управления. Представляется, что она распространима на понимание процессов, направленных структурных изменений в любых социальных институтах. Помещение в центр исследования процессов ОР механизмов «культурной селекции объективно перекидывает мостик между двумя несводимыми и находящимися друг к другу в оппозиции, парадигмами в социологии: объективно—детерминистской и субъективистско-конструктивистской. По сути, эта модель позволяет объяснить и смоделировать процессы трансформации идеальных образцов (являющихся продуктом ценностного выбора, конвенциональных согласований или рациональных построений менеджеров, управленческих консультантов, политиков), в реальные образцы, прижившиеся в социальной системе, которые никогда не совпадают с идеальными.

Необходимость построения такого мостика обусловлена тем, что работая с проблемой изменений мы сегодня работаем рамках одной из двух несводимых парадигм, являющимися достаточно адекватными для описания одной из сторон социальной реальности, но в то же время ограниченными (см. ниже). Именно невозможность использовать в качестве (для адекватного описания процесса ОР) любой из двух моделей парадигм в социологии побудили Хэннона и Фримена, описать процесс ОР как двухфазовый, протекающих поэтапно в двух логиках.

Первый, субъективистско-конструктивистский подход в социологической теории в наиболее выраженной форме представлен в работах, Дж. Мида, А. Шюца, П. Бергера, Д. Сильвермана, Т.М. Дридзе, Г.П. Щедровицкого, и др. Как известно в этой версии понимания социального мира является его изменчивость, основным агентом и творцом любых изменений является человек, конструирующий в сознании образ желаемого будущего. Содержанием его деятельности в этой версии сводится к выбору образа этого будущего. Механизм этой деятельности — работа со смыслами. Описывая работу менеджера в этой логике социолог делает акцент на вариативности поведения социальных акторов. Менеджер, в этой парадигме описывается как активный, обладающий свободой выбора, как спо-

собный к изменению линии поведения, как человек задающий траекторию и логику развития организации.

В этой ситуации социальная реальность это всегда искусственная система, создаваемая менеджером и постоянно меняющая свою природу. Взаимоотношения управленцев и политиков, здесь всегда арена здесь рассматривается как арена столкновения, часто противоположных сил (индивидов и групп), преследующих свои цели и интересы, в соответствии с теми или иными проектами или образами желаемого будущего (А.И. Пригожин). Сам же процесс выбора ориентиров может быть и сферой расчетов и сферой конвенциональных согласований.

Центральной же проблемой здесь является – конвенциональные согласование, выбор целей и жизненных стратегий. Эти процессы в данном подходе описываются достаточно адекватно. Однако проблема последствий индивидуального или коллективного выбора для социальной системы, (в данном случае организации) остается за пределами этой модели. Предполагается, что создавая социальные ориентиры и идеальные образцы, менеджер предопределяет реальное будущее социальной системы. Однако в реальности это не так, Многочисленные эмпирические факты постоянно фиксируют несовпадение идеальных образцов с реальными, образов желаемого будущего с реальными итогами изменений.

Второй, объективистско-детерминистский подход в социологии, наиболее полно представлен в работах Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, Р. Мертона, Н. Смелзера, Р. Дарендорфа, Л. Козера и др. Он апеллирует к естественно-научной методологии, где любой социальный объект (в данном случае организация), рассматривается как реально существующее, самоидентичное, квазиприродное социальное образование, наделенное специфической природой. В указанных схемах организация трактовалась, как реальный социальный объект, наделенный своей природой. Его поведение в этой логике и изнутри и извне детерминировано. Речь идет о социальной системе, сформировавшейся в результате множества прошлых выборов и отбраковок образцов, где закрепившиеся образцы претерпевали существенные изменения, под влиянием разнородных факторов, и стали элементом повторяющихся институциональных отношений (оказались закрепленными в социальной структуре). При этом предполагается, что повторяемость и воспроизводимость социальных отношений позволяет говорить о том, что система функционирует и развивается по неким собственным законам и логике. Именно это и позволяло рассматривать социальный объект, как самоидентичный, строить управленческие отношения в социальной системе в «субъектно-объектной логике».

Применительно к управлению, ориентирует менеджера, консультанта или ученого на работу исключительно с последствиями ранее сделанного социального выбора, для организации или одного из ее сегментов. Наиболее адекватно эта позиция выражена Р. Мертоном, рассматривающего социальную функцию любых социальных систем в терминах агрегированной совокупности последствий осуществленного социального действия (Р. Мертон). Основная же задача ученого здесь видится в том, чтобы выявить законы, а управленца практика (в данном случае практикующего социолога) спрогнозировать каковы будут последствия для системы тех выборов, которые уже совершены менеджером (см. первый подход). Что касается формирования ориентиров социальных изменений и логики совершаемого выбора, то в рамках этого подхода они не рассматриваются.

Именно в преодолении этого разрыва я вижу значение введения селекционно-популяционной модели ОР для объяснения процессов ОР. По нашему мнению, ее значение выходит за пределы теории организации и социального управления. Она распространяема на понимание процессов направленных структурных изменений в любых социальных институтах. Помещение в центр исследования организационного развития механизма «культурной селекции» объективно перекидывает мостик между двумя несводимыми и находящимися друг к другу в оппозиции парадигмами в социологии: объективистско-детерминистской и субъективистско-конструктивистской. Схема позволяет объяснить и смоделировать процессы трансформации идеальных образцов (являющихся продуктом, ценностного выбора, рациональных построений или конвенциональных согласований менеджеров, управленческих консультантов и политиков) в реальные, прижившиеся в социальной системе, образцы и способы деятельности.

Необходимость построения такого мостика обусловлена тем, что, оставаясь в рамках любой из указанных парадигм, мы работаем в ограниченном изолированном пространстве. Дело в том, что оба подхода являются адекватными (для описания разных сторон социальной реальности), но, в то же время, ограниченными и несводимыми друг к другу.

Именно невозможность использовать в качестве базовых (для адекватного описания и объяснения процесса организационного развития) моделей, созданных в логике только объективистской или только субъективистской парадигм в социологии, побудили Хэннона и Фримена описывать процесс организационного развития как двухфазовый, протекающий поэтапно в двух разных логиках.

Содержание принципиальных различий между двумя подходами лежит в сфере различия исходных априорных допущений (фактически вопросов веры), что обуславливает их несводимость друг к другу. Из этих раз-

личий вытекают принципиальные различия логик описания объекта и дальнейшей работы с ним в сфере управления.

Очевидно, что первый подход, позволяет адекватно работать с задачей формирования идеальных образцов, однако не ориентирован на работу со сферой социальных последствий их реализации. Что касается второго, то он сосредотачивает внимание только на системе взаимосвязанных, реальных образцов поведения и деятельности, прижившихся в организации и нашедших отражение в организационной структуре. При этом проблема формирования идеальных образцов в этом подходе даже не поднимается. Изолированность этих подходов друг от друга ярче всего проявлялась в игнорировании сторонниками каждого из них положений и открытий, сделанных сторонниками другого (конкурирующего).

В рамках любой из двух этих парадигм построить адекватное описание и объяснение развития организаций, трактуемого как процесс направленных структурных изменений, невозможно, т.к. здесь не прослеживается логика трансформации идеальных образцов в реальные. В то же время, задача моделирования процессов ОР, а шире и любых позитивных структурных изменений не может быть решена ни в теоретической, ни в практической плоскости, если сюда не включены оба из рассмотренных механизмов, обеспечивающих эти процессы.

Очевидно и то, что многочисленные попытки создать в социологии подход, синтезирующий положения этих односторонних парадигм, отражающих разные стороны социальной реальности, до сих пор, не привел, да, по-видимому, и не может привести к успеху. Итогом таких построений обычно является лишь появление громоздких «социальных гермафродитов», которые мало что прибавляют к уже существующим представлениям о социальной реальности. Кроме того, такие схемы не могут служить надежной методологической основой для выхода в бескризисную (или не катастрофичную) социальную практику. С этой точки зрения особенно характерна, весьма подробная, детально прописанная, но громоздкая и мало пригодная к решению практических задач модель Ю. Хабермас.

В условиях, когда создание единой теоретической схемы, объединяющей два противоположных подхода, оказалось невозможным, первостепенной для управления социальными изменениями становится задача не синтеза положений двух этих парадигм, а построение мостика от одной к другой.

Эту задачу в рамках теории организаций, как представляется, и решает селекционно-популяционная теоретическая модель организационного развития, созданная М. Хэнноном и Дж. Фрименом. По содержанию это модель трансформации идеальных социальных образцов в ре-

альные, закрепленные в организационной структуре организации. Что касается менеджерской и консультативной практики, то там возможность применения подхода связана с решением задачи эмпирического моделирования процессов и итогов селекции социокультурных образцов на уровне социальных популяций.

Эмпирическое моделирование процессов селекции социокультурных образцов управления. Наличие селекционной теоретической модели организационного развития оказалось очень важным, но недостаточное условием для использования положений этой теории в управленческую практику. Другим условием, необходимым для решения этой задачи, является формирование социальных технологий, обеспечивающих эмпирическое моделирование процессов социокультурной селекции на определенную перспективу.

Принципы разработки ситуативного норматива под задачи ОР. Как уже говорилось, формирование основных принципов подхода к эмпирическому моделированию итогов селекции социокультурных образцов было положено в нашей стране в процессе разработок группы отечественных специалистов-практиков еще в конце 1970-х гг. Как уже говорилось, основы этой работы были заложены В.В. Щербиной (тогда руководителем группы, действовавшей в составе отдела социального развития Московского проектно-технологического объединения системы РКСО), реализующей тогда консультативный проект по ОР 12 организаций (ПМК) Кировского дорожно-строительного треста. Содержание этого проекта, по сути, вывело автора на задачу эмпирического моделирования процессов и итогов селекции социокультурных образцов, было связано с разработкой ориентиров развития этих организаций на ближайшую перспективу.

В ходе сопоставления набора варьирующихся характеристик ПМК теста; соответствующих характеристик регионов, где работали эти организации и комплексных показателей эффективности деятельности этих организаций (в соответствии тогдашними правилами игры), были сформированы принципы формирования, «ситуационных нормативов», для группы однотипных предприятий. Характерно, что ПМК, рассматриваемых здесь в рамках организационной популяции, а принципы, построения ситуационного норматива были заданные в той логике, которую американские ученые именовали логикой «естественного отбора и селекции социокультурных образцов».

Смысл моделирования этих процессов состоял в том, чтобы на основании соотнесения совокупности показателей, характеризующих различия фактических итогов работы однотипных организаций треста, по единым критериям, со структурными и иными характеристиками этих организаций, а также с различными характеристиками поселений и районов,

где действовали ПМК, а также показателей эффективности этих организаций, определить ситуационный нормативы, включающий совокупность тех черт и факторов, которые совокупности, значимо отличали эффективные организации от неэффективных, а благоприятные условия для их развития от неблагоприятных, с учетом действующих в тот период правил. Характерно, что ситуативный норматив фиксировал идеальный набор свойств организации смоделированный для специфики данной ситуации, который в таком виде не присутствовал ни в одной из реальных организаций популяции.

Оценка эффективности ПМК велась на основе построения многоуровневого социально-экономического показателя (индекса), построенного на основе данных текущей отчетности. В обобщенном виде такая оценка была представлена в виде ранжирования организаций популяции по выраженности этого индекса. По атрибутивным признакам 12 организаций, а также их окружение различались более чем по 50 показателям. Учитывались: особенности их местоположения организаций, уровень хозяйственного и социального развития региона, в котором действует организация; статус поселения, где размещается организация; его численность, удаленность организации от крупного города; уровень его экономического и социально бытового развития, число размещенных здесь конкурирующих организаций; характеристики деловых, степень материально технического развития организаций, размер организации; число входящих в нее отделений и участков; числа обслуживаемых организацией районов; число входящих в состав организации отделений; уровень развития материальной оснащенности, наличие ремонтной базы; уровень социально-бытового развития организации; доминирующие формы организации труда; тип руководителей; соотношение различных социальных и профессиональных групп и др. Организации-популяции по степени выраженности каждого из указанных признаков организации были проранжированы, с учетом выраженности каждого из этих признаков и отнесены к трем (в некоторых случаях двум или четырем), выделенным ранее типам характеризующим состояния организации или региона.

В процессе работы по формированию «ситуационного норматива», был применен корреляционный (использовался коэффициент парной ранговой корреляции Спирмена) и типологический анализ. Это позволило: а) выявить меру и значимость связанности, каждого из указанных показателей с результирующим показателем эффективности деятельности для всех организаций популяции; б) определить благоприятные (с точки зрения обеспечения эффективности деятельности) состояния для каждого признака.

Совокупность таких благоприятных состояний организации и региона и рассматривался далее как «ситуативные нормативы». В таких нормативах, фиксировал образ идеальной, для этой ситуации, но не существующей в реальности, организации. Речь шла об образе организации, которая с высокой степенью вероятности должна была выигрывать по заданным правилам игры в ближайшей перспективе, при условии сохранения этих правил и отсутствия радикальных изменений во внешней среде.

Соотнесение же параметров такого норматива с параметрами любой из реальных организаций данной популяции, позволяло: а) спрогнозировать эффективность каждой организации на перспективу; б) определить набор желательных изменений для каждой из организаций; в) задать ориентиры таких изменений на ближайшие 5-10 лет, с учетом их специфики.

Следует особо отметить то, что полностью, содержание и итоги работы по данному проекту, никогда не были опубликованы. Однако, подробное изложение этапов, этапов и итогов этого проекта содержатся в депонированном двухтомном отчете (см. Социологические исследования процессов формирования сплоченных трудовых коллективов в организациях Кировского треста «Дорколхозстрой». Часть 1, 2. 1978. Шифр отчета 2.08.38.), а методология и некоторые итоги этой работы опубликованы в журнале «Социология 4 «м»» (В.В. Щербина).

Социальные технологии работы с персоналом созданные в рамках популяционно-селекционной логики. Описанные выше принципы моделирования процессов ОР вышли за рамки задач связанных с развитием организаций и нашли применение и при разработке социальных технологий (СТ), созданных под задачи управления персоналом начиная с 1980-х гг. XX в. Опираясь на уже отработанные принципы В.В. Щербина (тогда заведующий отделом социологических исследований в Главмосавтлотрансе) вместе с рядом коллег по работе (Е.Л. Шрайбер, Е.И. Соболев, Т.С. Вещугина, И.С. Симоненко), и за ее пределами (Л.Б. Садовникова, Г.Б. Кашарная, Ю.М. Резник, А.А. Почестнев и др.), применили эти принципы к задачам создания СТ связанных с задачами управления персоналом, в привязке к иным типам социальных популяций (группы однотипных работников и первичных производственных коллективов).

На этой основе были созданы и достаточно широко использовалась серия социальных технологий (СТ), ориентированных на задачи управления персоналом. Эти СТ в 80–90-х гг. XX в. и в 2000-х гг. нашли применение на предприятиях и организациях Главмосавтотранса (Москва), Гортранса (Москва), КАМАЗа (Набережные Челны), фабрике «Зориле» (Кишинев), Швейном объединении имени Володарского (Днепропетровск), специализированных средних школах (Красногорск) и т.д.), существен-

но повышая качество отбора кадров и служебных перемещений персонала, обеспечивали оптимальный состав при формировании и изменение состава трудовых коллективов. Методическая сторона решения этих задачи достаточно подробно описана в ряде публикаций (В.В. Щербина).

Хотя условия хозяйствования и критерии оценки эффективности работы организаций, целевых групп и отдельных работников радикально изменились в нашей стране со времен советской эпохи, сам принцип моделирования селекции социокультурных образцов и сегодня вполне применим и оправдан для решения сходных практических задач. Он может быть использован для формирования ориентиров обоснованных изменений разнотипных социальных объектов, действующих в рамках системы управления.

Представляется, что возможности применения методов эмпирического моделирования развития социальных объектов, созданных на базе ПСМОР, выходят за рамки сферы управления деловыми организациями. В принципе они могут быть применены не только к изменениям, осуществляемым в организациях но и в социальных объектах внутри организаций. Они могут использоваться для определения ориентиров социальных изменений фактически в любых социальных институтах. Ограничением же на применение этой методологии при решении таких задач являются: а) наличие достаточно четких критериев эффективности их деятельности; б) достаточное для анализа (в зависимости от решаемой задачи) количество однотипных социальных объектов (организации, люди, целевые социальные группы), включенных в ту или иную социальную популяцию; в) наличие определенного уровня стабильности ситуации и правил игры в социуме.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адизес И.* Управление жизненным циклом организации. — М.: Питер 2008.
2. *Аккофф Р., Эмери Ф.* О целеустремленных системах. — М., 1974.
3. *Ансофф И.* Стратегическое управление. — М.: Экономика, 1989.
4. *Гвишиани Д.М.* Избранные труды по философии, социологии и системному анализу. — М.: Канон, 2007.
5. *Джонсон Р., Каст Ф., Розенцвейг Д.* Системы и руководство. Теория систем и руководство системами. — М., 1971.
6. *Дудченко В.С.* Инновационные игры. — Таллин: Валгус, 1989.
7. *Катц Д., Канн Р.* Социальная психология организаций. — Киев, 1993.
8. *Коузер Л.* Основы конфликтологии. — СПб., 1999.
9. *Лапин Н.И.* Теория и практика инноватики: Учебное пособие. — М.: Логос, 2008.
10. *Мертон Р.* Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль. — М., 1994.
11. *Парк Р.Э.* Человеческая экология // Рабочие тетради по истории и теории социологии. Классики современной теоретической социологии. Вып. 1. — М.-Рига, 1992.

12. Пригожин А.И. Нововведения. Стимулы и препятствия. – М.: Политиздат, 1989.
13. Пригожин А.И. Методы развития организаций. – М.: МЦФЭР, 2003.
14. Пью Д.С., Хиксон Д. Дж. Исследователи об организациях: Хрестоматия. – М., 1997.
15. Холл Р. Организации: структуры, процессы, результаты. – СПб.: Питер, 2001.
16. Щербина В.В. Социальные теории организаций: Словарь. – М., 2000.
17. Щербина В.В., Попова Е.П. Организационное развитие. Теория и практика. – М.: ШИ и МБ, 2011.
18. Bennis W. *Organization Development*. – Reading, Mass., 1969.
19. Burns T., Stalker G. *The Management of Innovation*. – Tavistock, 1968.
20. Chandler A. *Strategy and Structure*. – Cambridge, Mass., 1962.
21. Hannan M., Freeman J. *Organization Ecology*. – Cambridge, Mass., 1993.
22. Glassman A.M., Cumming T.G. *Cases in Organizational Development*. – Boston, 1991.
23. Lawrence P., Lorsch P. *Organization and Environment*. – Boston, 1987.
24. March J., Simon H. *Organizations*. – N.Y., 1958.
25. Thompson J. *Organization in Action*. – N.Y., 1967.

Раздел II. Научные доклады

ОНТОЛОГИЯ И ПРОЕКТИРОВАНИЕ

А.С. АЛЕХНОВИЧ

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА КАК ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА И ПРОЕКТИРОВАНИЯ

***Аннотация:** В статье анализируется экзистенциальное сознание человека, рассматриваемое последовательно как теоретический конструкт, феномен бытия и философско-антропологический проект. Автором предпринимается попытка обосновать выделение данной категории и прояснить её содержание при исследовании проблемы человеческого самобытия в мире как опыта присутствия.*

***Abstract:** The article examines the existential consciousness of man, conceived sequentially as a theoretical construct, as a phenomenon of being and as a philosophical-anthropological project. The author attempts to justify the selection of this category and to clarify its content in the study of the problem of human self-existence in the world as experience of presence.*

***Ключевые слова:** экзистенция, экзистенциальное сознание, присутствие, самобытие, бытие-в-мире, проект, рефлексия, феноменология, экзистенциализм.*

***Keywords:** existence, existential consciousness, presence, self-being, being-in-the-world, project, reflection, phenomenology, existentialism.*

***Что такое экзистенциальное сознание?** Экзистенциальная концепция сознания предполагает обращение к проблеме бытия, вопрос о котором*

Алехнович Александр Сергеевич – аспирант кафедры философии философско-социологического факультета ИОН РАНХиГС (Москва). E-mail: alehnovich.san@rambler.ru.

был «заново» поставлен в философии XX века. В отличие от новоевропейского философского мышления, для которого проблема сознания была проблемой познания, экзистенциальная философия открывает онтологию сознания как мысляще-бытийствующего сущего, которое вопрошает о смысле своего бытия и выговаривает его через опыт своего существования.

В экзистенциальном рассмотрении внимание переносится на онтологические отношения между сознанием и бытием, происходит разворот к феноменологической онтологии, которую разрабатывали М. Хайдеггер и Ж.-П. Сартр. Прежде чем перейти собственно к рассмотрению проблематики экзистенциального сознания, необходимо прояснить характер взаимоотношений «бытие-сознание» посредством экзистенциально-феноменологического анализа.

Вопрос о сознании начинается с самого опыта сознания, так как последнее является условием любого вопроса о бытии, учитывая, что последний является модусом бытия сознания¹. Для феноменологии сознание есть синтез феноменов во времени, в т.ч. самоконституирование и самоистолкование самого сознания. Экзистенциальные философы рассматривают сознание как бытийный феномен. Оно встроено в бытие и разворачивается из бытия. Феномен у Э. Гуссерля — способ данности сознания самому себе, у Хайдеггера — способ бытия сущего, который открывается только человеку. Субъективность в феноменологии понимается как первофеномен бытия сознания, в экзистенциализме — как феномен бытия-вообще. Следовательно, понимание сознания неотделимо от самого бытия, которое становится субъективностью.

Самобытие, субъективность, бытие сознания, бытие как переживание — все это можно обозначить как разные аспекты феномена сознания (самосознание), данный в опыте переживания и проживания (экзистенция). Человек не только познает действительность своего сознания, но и переживает его. Таким образом, познаваемое (бытие) отсылает к познанию (*cogitatio*), а последнее — к бытию познающего, т.е. в конечном счете к сознанию, «ибо закон бытия познающего субъекта — это быть сознающим»². Соответственно рефлексия — референтный опыт самопознания и полагания самобытия. В самом бытии сознания заключены возможность и способ самопознания и опыт «самобытия-в-мире»³.

¹ См.: *Молчанов В.И.* Парадигмы сознания и структуры опыта // *Логос.* № 3. 1992. — С. 7-36.

² *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. — М., АСТ, 2009. — С. 39.

³ См.: *Трунов Д.Г.* Феноменология самопознания: концепция множественного Я: Автореф. дис. ... док. философских наук. — Пермь, 2010.

Прежде чем-то быть (сознающим, желающим, познающим, действующим), человек уже всегда изначально есть в качестве присутствия. Напомним некоторые вехи этого философского сюжета. Как известно, Э. Гуссерль произвел «сущностное различие между бытием как переживанием и бытием как вещью»⁴, тем самым выделяя два способа бытия, но не разводя их онтологически как бытие сознания и наличное бытие. Последнее различие стало открытием экзистенциальной философии. У Хайдеггера это самоданность сущего самого по себе и данность живого присутствия как бытия конечного сущего: «Данность вживе есть особый модус самоданности сущего»⁵.

Поскольку немецкий философ ввел различие между сущим и его бытием, присутствие раскрывается им как здесь-бытие, точнее сущее, налично имеющееся в круге здесь-бытия, т.е. *Dasein*. Это сущее, озаботившееся смыслом своего бытия, должно быть прояснено в своем бытии. Хайдеггер ставит в прямую связь вопрос о смысле бытия сущего к самому вопрошающему сущему (вот-бытию). Сущее по имени *Dasein* существует в своей заботе о своем бытии, трансцендируя за пределы наличного к бытию как таковому (*Existenz*). Сущее, способом существования которого является экзистирование, т.е. выступание к своему бытию, оказывается тем сущим, через присутствие которого человеку может открыться бытие как таковое. Такой путь от анализа бытия вопрошающего (Что значит быть?) к бытию как таковому (Что такое бытие?) Хайдеггер называл «онтическим основанием онтологии».

В отличие от немецкого философа, не заострявшего внимания на проблеме субъективности сознания (самосознания), Сартр приходит к различению двух областей бытия: «бытия-в-себе», или всего того, что не есть сознание, и «бытия-для-себя», или самого сознания. По Сартру, сознание как бытие, «посредством которого Ничто приходит в мир, должно быть своим собственным Ничто»⁶. Неантацией объясняется прояснение человеческого сознания в мире и обнаружение мира сознанием, которое открывает себя как ничто-бытие вследствие своей несамостоятельности, различения себя и мира. При этом сознание не имеет доступа к миру вещей, так как бытие-в-себе, благодаря своей положительной непрозрачной плотности, никак не связано с тем, чем оно не является, однако отношения между ними происходят благодаря конститутивной работе сознания. Обнаружение мира сознанием возможно через специ-

⁴ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. — М.: Академический проект, 2009. — С. 126.

⁵ Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. — Томск: Водолей, 1998. — С. 45.

⁶ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. — М.: АСТ, 2009. — С. 88.

фические человеческие негативные квалификации: «отрицание», «дистанция», «разрушение», «уничтожение», «препятствие», «отсутствие» и др. Такой подход становится возможным после отказа от субстанциалистской трактовки человека и понимание его как сущего, у которого «существование предшествует сущности и обуславливает её»⁷.

Итак, «экзистенциализация» сознания означает, что оно «делается для самого себя проблемой, когда понимает, что еще только должно овладеть собой и постичь смысл своего существования»⁸. Хайдеггер, по-новому выводя соотношение бытия и сознания, писал: «На что еще другое, если всерьез о том задуматься, должна указывать приставка «со-» в именах «сознание» и «само-со-знание», кроме как на экзистенциальное существо того, что существует, поскольку экзистировать?»⁹. Экзистенциальное сознание предполагает экзистенциально понятую экзистенцию человека: если рассматривать экзистенцию как способ существования в опыте сознания, то становится возможным введение данной категории.

С. Кьеркегор, который одним из первых вышел к экзистенциалистской проблематике, противопоставлял абстрактному единству сознания (мышления) и существования действительное единство (*inter-esse*) – экзистенцию, являющуюся предметом абсолютного интереса для человека¹⁰. Тем самым датский философ перевернул картезианскую формулу: существуя, следовательно, мысля.

Полемизуя с Гегелем, а вместе с ним и со всей классической рационалистической традицией, Кьеркегор указывал на абстрактный характер его системы, игнорирующей индивидуальное человеческое существование, которое не хочет сниматься в диалектике единичного и всеобщего. В признании этого положения сходились все мыслители экзистенциальной ориентации, в рамках которой экзистенция определяется как уникальный способ человеческого бытия в мире. Она всегда ускользает от понимания посредством абстракций. Её невозможно познать, но в ней можно только пребывать. Экзистенциальное философствование начинается с постулирования «я существую» (Я-экзистенция), внимание концентрируется на том, что значит быть самим собой.

⁷ Там же. – С. 661.

⁸ См.: Мурзин Н.Н. Экзистенциальное сознание: Кьеркегор или Гегель? [Электронный ресурс] // *Voх*. Философский журнал. Выпуск № 2 (май). 2007. Режим доступа: <http://vox-journal.org/content/vox2/vox%20-%20202%20-%20murzin.pdf> (Дата обращения: 26.02.2016).

⁹ Хайдеггер М. Что такое метафизика? // *Время и бытие: Статьи и выступления*. – М.: Республика. 1993. – С. 32.

¹⁰ См.: Кьеркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам» // *Логос*. – 1997. – № 10. – С. 139–147.

Итак, для целей настоящего исследования мы будем подразумевать под *экзистенциальным сознанием феномен понимающего себя бытия, которое раскрывается как собственно человеческий способ присутствия в мире*. Также можно определить экзистенциальное сознание как бытие из (и для) самого себя, удостоверяющее себя в опыте самобытия. Конечно, сводить всё содержание категории сознания к такой постановке вопроса неправомерно, поэтому мы будем иметь в виду именно этот экзистенциальный компонент человеческого сознания (самосознания), который универсален, но проявляется в специфике культурно-исторических форм. Культура как смысловой горизонт экзистенции, в отличие от окружающей среды, характеризующей животных, определяет осознание человеком условий, пределов и возможностей своего существования в мире.

Под культурным горизонтом экзистенции мы имеем в виду: 1) *дореклексивное* поле актуального открытого опыта сознания, в котором возможно предпонимание существования как основа и источник всех очевидностей сознания и самосознания; 2) *рефлексию*, которая конституируется из дореклексивного слоя опыта, как бы сознание «второго порядка» своего бытия в мире, и поиски смысла бытия в культурно-историческом контексте. Таким образом, феномен экзистенциального сознания становится возможным проецировать в смысловое поле культуры.

Человеческое существование характеризуется как заброшенность, конечность, временность, которые определяют историчность присутствия. Последняя выражается не в том, что человек оказывается в определенных исторических условиях, а в том, что он относится к своим возможностям, вытекающим из этих условий, которые создают предпосылки для его самоопределения. Такое отношение к своим возможностям эксплицируется в понимании, которое исторично, поскольку всегда связано с конкретной жизненной ситуацией. Поэтому в трактовке экзистенциального сознания необходимо отличать *экзистенциальную точку зрения* (тематическую фиксацию) от *экзистенциальной позиции*, т. е. «позиции полной вовлеченности человеческого существования в ситуацию»¹¹, в которой индивидуально переживаемые смыслы и ценности (проясняемые в понимании) составляют *экзистенциальный опыт* самосознания и самобытия человека в мире как единства мыслительного, эмоционального и волевого состояний.

Обращение к экзистенциальному сознанию парадоксально: с одной стороны, это — теоретический конструкт, с помощью которого в экзистенциально-феноменологическом аспекте исследуется существование

¹¹ Тиллих П. Мужество быть // Избранное. Теология культуры. — М., 1995. — С. 89.

человека в мире (метапозиция), в т.ч. проблема дорефлексивного опыта сознания, открывающего непосредственный контакт человека с миром, человека, «захваченного» миром, а также проблемы сознания и времени, сознания и рефлексии, времени и бытия, а с другой стороны, это – феномен понимающего себя бытия как рефлексирующая живая процессуальность, развернутая во времени и сталкивающаяся с Ничто экзистенция, представляющая собой самосознание как конституирование субъективности (самоидентификация, преодолевающая «естественную установку» на внутримирное сущее) в противопоставлении Другому и выстраивании отношений с Другим (интерсубъективность). Иными словами, аналитика экзистенциального сознания может быть организована как «рефлексия над рефлексией» (метарефлексия), при этом «экзистенциальное сознание» приобретает редуцированный статус, становится понятием, а не опытом, т.е. объективируется для исследователя.

Тем самым аналитика опыта превращается в аналитику понятий. Это приводит к тому, что концептуализированная модель сознания претендует на универсальность, исключая сознание самого исследователя из поля своего внимания. «Рефлексия над сознанием находится в каком-то состоянии, которое не является содержанием самой этой рефлексии, а является постоянной неустранимой добавкой к любому такому содержанию, не входя в него. В каждый данный момент рефлексия находится в таком состоянии, которое само ею не ухватывается, и то, что оно не ухватывается, есть состояние сознания»¹². Можно иметь дело не с бытием сознания, а скорее, с сознанием бытия как познанием: «не “работа сознания”, а “работа с сознанием”»¹³. Данные соображения необходимо учитывать в экзистенциальном подходе к изучению феномена сознания.

Проектная сущность экзистенциального сознания. Экзистенциальное сознание, возникая как критический проект пост-гегелевской философии, порождает собственные конфликты, оформляющиеся в качестве неснимаемых противоречий не только в плане мышления, но и в плане бытия, в контексте которых человек сталкивается с экзистенциальным выбором «или-или» (в отличие от бытового выбора): одиночество и коммуникация, иметь (потребление) или быть (аутентичность), желание жить и неизбежность смерти, смысл и абсурд, свобода, основанная на ничто, и «бегство от свободы» (страх перед ничто), отчаяние и вера и другие.

¹² Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом языке. – М., 1997. – С. 59.

¹³ Там же. – С. 27.

Путь если не снятия, то разрешения экзистенциальных противоречий лежит в нахождении возможностей, обнаруживаемых и подлежащих выбору, который делает человек, переходя от действительного бытия к бытию в возможности. Вопрос «Что есть человек?» предполагает определение того, чем он *сущностно способен быть в своем существовании*. Существование вот-бытия определяется как «бытийная возможность» или возможное бытие¹⁴. Известно, что интенциональная структура сознания в феноменологии становится у Хайдеггера онтологической структурой заботы, в которой проектирующим модусом будущего выступает *бытие-впереди-себя*. Человек как бы «набрасывается» (от *entwurf* –нем. набросок, проект, эскиз) как матрица на свое бытие, отсылая себя к своим возможностям в будущее и осуществляя тем самым свой проект.

Проект предполагает понимание как умение быть в мире, относясь к своим возможностям: «Понимание как умение быть целиком и полностью пронизано возможностью. Вкладывание себя в одну из этих основ возможностей понимания не отменяет опять же другие. Поскольку понимание касается всегда полной разомкнутости присутствия как бытия-в-мире, вкладывание себя пониманием есть скорее экзистенциальная модификация наброска как целого. В понимании мира всегда понято и бытие-в, понимание экзистенции как таковой есть всегда понимание мира»¹⁵. Человеческий проект содержит в себе не только самоопределение, но и онтологическое предпонимание смысла бытия, как такового¹⁶.

Условием способности сознания обнаруживать мир и проектировать себя в бытии как возможность является *свобода* человека, которая позволяет сознанию производить ничто, изолирующее его от того, чем он не является («бытие-в-себе»). Условием и следствием свободы является онтологическая нужда, недостаток или нехватка бытия в самом бытии человека как недостаточного сущего. В перспективе будущего человек «...делает себя существующим в качестве проекта самого себя за пределы настоящего к тому, чем оно еще не является»¹⁷.

¹⁴ Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. – Томск: Водолей, 1998. – С. 270.

¹⁵ Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Академический проект, 2013. – С. 146.

¹⁶ См.: Резник Ю.М. Проблема «Я – Другой» в контексте экзистенциально-феноменологического понимания // Личность. Культура. Общество. – 2015. – Т. 17. – Вып. 1-2 (№№ 85-86). – С. 75-90; Резник Ю.М. Человек как экзистенциальный проект (феноменологический анализ) // Личность. Культура. Общество. – 2015. – Т. 17. – Вып. 3-4 (№№ 87-88). – С. 74-90; Резник Ю.М. Мир как проекция бытия человека // Философия и культура. – 2015. – № 6 (90). – С. 810-817; Резник Ю.М. Философия конструирования человека: феноменологический подход // Вопросы социальной теории. Вып. 7 / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Под ред. Ю.М. Резника и М.В. Глостановой. – М.: АНО НИГО, 2015. – С. 7-24.

¹⁷ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. – М.: АСТ, 2009. – С. 229.

Трансцендентность как проект себя по ту сторону бытия включает ничто как свою обусловленность: чтобы трансцендировать, в структуру человеческого бытия должно быть включено ничто. Основание трансценденции – ничто, реализующее отрицание. Вот эта трансценденция как онтологический переход к бытию по ту сторону самого себя, однако, оказывается проблематичной: «Человеческая реальность оказывается постоянным переходом к совпадению с собой, которое никогда не осуществляется»¹⁸. По Сартру человек постоянно колеблется между двумя разновидностями своего способа бытия: быть тем, чем он не является или не быть тем, чем он является, окончательно не совпадая в своем бытии со своими проекциями.

Проект синтеза в-себе и для-себя – тщетная попытка упразднить недостаток своего бытия. Человек не может быть ни самодостаточным, так как постоянный недостаток лишает его целостности, ни стать целостным вне себя, так как это лишает его свободы. Свобода – возможность «не совпадать с собой, а быть всегда на расстоянии от себя»¹⁹. Бытие человек не есть в-себе, но он есть сущее в модусах самобытия, бытия-в-мире, бытия-с-другими.

Как нам кажется, выход из этого состояния «несчастливого сознания» лежит в понимании человека как деятельностного сущего. Человек онтологически не самоидентичен (тождества феноменологического сознания здесь мы не касаемся, это – другая проблема), он не совпадает с самим собой (экзистенциальный способ существования) в отличие от других мировых сущих («вещный» способ существования). Однако человек способен действовать и формировать себя не как абстрактную целостность, а как конкретное смысловое единство в горизонте возможного будущего. Это постоянный процесс самопроектирования, переходящего от одной точки сборки до другой.

Существование – свободная активность, осуществление себя во времени, бытие-в-свободе, при этом смысл свободы не в том, что мы достигнем некоторой предельной границы свободы, а в том, что человек исполняется свободой и проникается ею для решимости к действию. Человек творит себя из состояния свободы, он реализует себя в том, что он понял для себя в своём бытии в отношении к бытию в целом: здесь соединяются самосозидающие и мирозозидающие стороны его бытия. Отсылая себя к своим возможностям, человек проецирует смыслы бытия в свою деятельность, организовывая не только себя, но и мир вокруг себя. Иными сло-

¹⁸ Там же. – С. 178.

¹⁹ Там же. – С. 921.

вами, от того, как понимает своё сущее человек, зависит способ понимания им смысла бытия в целом.

Итак, рассматривая экзистенциальное сознание последовательно как теоретический конструкт и феномен человеческого бытия, мы пришли также к пониманию его как философско-антропологического проекта. В проектном подходе философия наполняется новыми измерениями, человек здесь предстает как незавершенный и открытый проект, его бытие постоянно нуждается в возобновлении и прояснении, акцент переносится на живую событийность, открытость и негарантированность человеческого бытия в мире.

В ходе исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Экзистенциально-феноменологическая философия выделяет экзистенциальное сознание как теоретический конструкт, с помощью которого определяется предмет изучения — «самобытие человека в мире».

2. Экзистенциальное сознание в своем смысловом содержании является феноменом понимающего себя бытия, которое раскрывается как «человеческий способ присутствия в мире».

3. Экзистенциальное сознание является антропологическим проектом, сущность которого заключается в осуществлении свободной и творческой активности человека, реализующего переход от действительного бытия к бытию в возможности (возможному бытию).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алехнович А.С.* Категория экзистенциального сознания в системе гуманитарных наук. [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». / №1. 2012. Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/1/Alekhovich_The-Category-of-Existential-Consciousness/ (Дата обращения: 23.02.2015).

2. *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. — М.: Академический проект, 2009.

3. *Кьеркегор С.* Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам» // Логос. № 10. 1997. — С. 139–147.

4. *Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М.* Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. — М.: Языки русской культуры, 1997.

5. *Молчанов В.И.* Парадигмы сознания и структуры опыта // Логос. — № 3. — 1992. — С. 7-36.

6. *Мурзин Н.Н.* Экзистенциальное сознание: Кьеркегор или Гегель? [Электронный ресурс] // Vox. Философский журнал. Выпуск №2 (май). 2007. Режим доступа: <http://vox-journal.org/content/vox2/vox%20-%20202%20-%20murzin.pdf> (Дата обращения: 26.02.2016).

7. *Резник Ю.М.* Проблема «Я — Другой» в контексте экзистенциально-феноменологического понимания // Личность. Культура. Общество. — 2015. — Т. 17. — Вып. 1-2 (№№ 85-86). — С. 75-90.

8. *Резник Ю.М.* Человек как экзистенциальный проект (феноменологический анализ) // Личность. Культура. Общество. — 2015. — Т. 17. — Вып. 3-4 (№№ 87-88). — С. 74-90.

9. *Резник Ю.М.* Мир как проекция бытия человека // Философия и культура. — 2015. — № 6 (90). — С. 810-817.

10. *Резник Ю.М.* Философия конструирования человека: феноменологический подход // Вопросы социальной теории. Вып. 7 / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Под ред. Ю.М. Резника и М.В. Тлостановой. – М.: АНО НИГО, 2015. – С. 7-24.
11. *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. – М., АСТ, 2009.
12. *Тиллих П.* Мужество быть // Избранное. Теология культуры. – М.: Юрист, 1995.
13. *Трунов Д.Г.* Феноменология самопознания: концепция множественного Я: Авто-реф. дис.... док. философских наук. – Пермь, 2010.
14. *Хайдеггер М.* Прологомены к истории понятия времени. – Томск: Водолей, 1998.
15. *Хайдеггер М.* Что такое метафизика? // Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика. 1993.
16. *Хайдеггер М.* Бытие и время. – М.: Академический проект, 2013.

А.М. БЕКАРЕВ

К ОНТОЛОГИИ ОБЛАДАНИЯ

***Аннотация:** Представлена картина глобального капитализма, основанного на ценностях обладания. Среди возможных вариантов будущего рассматривается такое устройство социального мира, которое выходит за пределы ценностей обладания и строится на принципах комплементарности (дополнительности).*

***Abstract:** The picture of global capitalism is presented, as based on values of possession. As one version of future among others, it is considered a constitution of social world that transcends values of possession and is based on the principle of complementarity.*

***Ключевые слова:** индивидуализированное общество, капитал, обладание, отчуждение, владение, эгоизм.*

***Key words:** individuated society, capital, possession, alienation, holding, selfishness.*

*Счастье для всех, даром,
и пусть никто не уйдет обиженный!
(«Пикник на обочине»)
Аркадий и Борис Стругацкие*

В мире обладания. И двух десятилетий хватило, чтобы осточертел рыночный капитализм. С его претензией на глобальные масштабы и разбушевавшимся неофордизмом. Впрочем, изрядно надоел и сам капитализм из-за примитивной системы ценностей. Дадим ему краткую характеристику в виде лаконичных тезисов.

1. Принято считать, что в деловых организациях людьми управляют люди, которых часто называют менеджерами. Принято думать, что наемными менеджерами управляют собственники организации. Исключение составляют те управляющие, которые одновременно есть собственники.

Бекарев Адриан Михайлович – доктор философских наук, профессор кафедры общей социологии и социальной работы НИУ ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород).
E-mail: adrian.bekarev@yandex.ru.

Мы не ведем речь о традиционных организациях, таких, как семья, церковь или государство. Хотя и тех, кто ими управляет, тоже можно назвать менеджерами.

2. На самом деле людьми управляют ценности. И если эти ценности относятся к классу «совместно разделяемых» (shared values), управлять людьми становится легче. Ибо одинаковыми индивидами управлять легче по причине их взаимной заменяемости.

3. После того как сложилось мировая «робинзонада» (или «индивидуализированное общество» в терминах З. Баумана), лидирующей ценностью стало *обладание*. Впрочем, эта ценность лидировала и раньше. Правда, как многим казалось, с переменным успехом. Сейчас уже так не кажется.

4. «Частная собственность сделала нас столь глупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является нашим лишь тогда, когда мы им обладаем, т. е. когда он существует для нас как капитал или когда мы им непосредственно владеем, едим его, пьем, носим на своем теле, живем в нем и т. д., — одним словом, когда мы его потребляем, — хотя сама же частная собственность все эти виды непосредственного осуществления владения, в свою очередь, рассматривает лишь как средство к жизни, а та жизнь, для которой они служат средством, есть жизнь частной собственности — труд и капитализирование. Поэтому на место всех физических и духовных чувств стало простое отчуждение всех этих чувств — чувство обладания. Вот до какой абсолютной бедности должно было быть доведено человеческое существо, чтобы оно могло породить из себя свое внутреннее богатство»¹.

5. Современный «поздний капитализм» довольно успешно функционирует во многих локальных средах. Но в глобальном измерении он еще успешнее. «При всех заслугах критики [капитализма], — заметил Н. Луман, — никто так и не удосужился объяснить, почему же все-таки он вообще функционирует»². Вероятно, не смогли объяснить по причине глупости, о которой упомянул К. Маркс. Но, так или иначе, *themanoftheproperty* (человек имущий) стал героем нашего времени.

6. Обладание не сводится к чувству. Оно есть воля и право безраздельно владеть, пользоваться и распоряжаться всем тем, что можно назвать капиталом. Принадлежит эта воля и право либо индивиду («мое» = частная собственность), либо группе («наше» = коллективная собствен-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Экономико-философские рукописи 1844 года // Соч. Т. 42. — С. 120.

² Луман Н. «Что происходит?» и «Что за этим кроется?» // Теоретическая социология: Антология: в 2-х частях. — М.: Книжный дом «Университет», 2002. — С. 324.

ность). Однако, главное, что делает обладание реальностью, состоит в наличии «чужого». Обладание существует на мрачном фоне отчуждения. Если нет границы между *своим и чужим*, нет и факта обладания. Право собственности относится к явлениям весьма мобильным и транзитивным.

7. Важно обладать не только обладанием. Важно обладать каким-нибудь капиталом. Разумеется, капитал не всегда деньги, но его всегда можно «обналичить». Чаще всего говорят о капитале как о «самовозрастающей стоимости», реже – об интеллектуальном, культурном, человеческом капитале. Среди маркетологов популярен термин «марочный капитал» или «капитал бренда». Стало ясно, что максимизировать выгоду можно не только на основе формулы $D - T - D^*$, но и на основе аналогичных конструкций. Вот лишь некоторые из них:

$D - \text{Услуги} - D^*$;

$D - \text{Знание} - D^*$;

$D - \text{Должность} - D^*$;

$D - \text{Связи} - D^*$;

$D - \text{Вера (доверие)} - D^*$

8. Если выйти из экономического контекста, то капитал предстанет как совокупность живых и накопленных человеческих способностей (вещных, биологических, интеллектуальных, социальных, эмоциональных, организационных). И сводится он, в конечном счете, к обладанию человека человеком. Человек может обладать вещами человека (через деньги), телом человека (через *организованную власть*), душой человека (через «звездность», бренд, славу). Здесь мы имеем дело с фракталом обладания. Попадая в круг обладания, человек движется по нему в определенной последовательности. И часто просто не может этот круг разорвать.

9. Первое потому первое, что есть второе. Владельцы крупных капиталов являются потому первыми, что есть средние. Когда-то в одном из опросов Б. Гейтс отнес себя к представителям «среднего класса». Цель общества позднего капитализма – формирование массового «среднего класса», состоящего из потребителей товаров и услуг. Только общество массового потребления способно поддерживать высокий уровень доходов крупных акционеров. Неслучайно прибыль на акционерный капитал становится доминирующей целью крупных компаний.

10. Все стратегии формирования среднего класса можно свести к одной формуле: «По образу и подобию Нашему». Формируется солидный (10% всех работающих) «служебный класс» наемных менеджеров (Дж. Голдторп). Кому-то даже казалось, что именно менеджеры придут на смену классу капиталистов (это казалось Дж. Бернхему в его концепции «менеджеральной революции»). В действительности произошло «умножение сущ-

ностей», когда определенные доли капиталов, включая власть, статусы, социальный, культурный и интеллектуальный капиталы стали распределяться среди представителей нового среднего класса. Ясно, что доли капитала отличаются у топ-менеджеров глобальных корпораций и линейных менеджеров скромных предприятий. Средний класс многоярусен.

11. К верхнему и среднему слоям среднего класса можно отнести политическую, культурную и научно-техническую элиту общества. Многие корпорации *сейчас* охотятся за «серебряными воротничками», которые вливаются в класс буржуа как владельцы интеллектуального капитала.

12. Что касается нижних слоев среднего класса, который образуется из служащих и высококвалифицированных «синих воротничков», то для них действует технология, сформулированная когда-то Лао-Цзы: «Управляя...совершенномудрый делает сердца подданных пустыми, а желудки — полными. (Его управление) ослабляет их волю и укрепляет их кости. Оно постоянно стремится к тому, чтобы у народа не было знаний и страстей, а имеющие звания, не смели бы действовать. Осуществление недеяния всегда приносит спокойствие»³.

13. В обществе знаний есть знания и «знания». «Знания» — это продукт массового производства. Это информация для «юзеров» (users), которым в качестве капитала нужны в первую очередь деньги. И немного власти. Их знания сводятся к навыкам («skills»). Подлинные знания нужны тем, кто ориентируется на обладание интеллектуальным и марочным капиталом.

14. ISO 9000разрабатывалось для процессов производства товаров и услуг на основе определения эталонов. Аналогичные стандарты разрабатываются для персонала организаций. Между тем ориентиром стандартизации индивидов становится «средний «средний» класс», который обладает стандартным набором капиталов.

15. Стандартный набор капиталов находится в стадии конструирования. Но и сейчас можно сказать, что в него включаются не только прямые доходы. Образование (интеллектуальный капитал), властные полномочия (формальные или через социальные сети), репутация и другие составляющие, которые можно капитализировать, составляют детали конструкта среднего класса.

По ту сторону обладания. Глобальный капитализм резюмируется в двух следствиях: а) все индивиды превращаются в капиталистов (больших, средних и очень маленьких); б) все индивиды превращаются в по-

³ *Лао-Цзы.* Дао Дэ Цзин // Древнекитайская философия: Собрание текстов в двух темах. — М.: Мысль, 1972. — Т. 1. — 115.

требителей (или в клиентов, по выражению Ю. Хабермаса). Если теорема Томаса верна, то так оно и будет. Однако, в таком случае, человечество столкнется с двумя проблемами: 1) ресурсное истощение планеты, которое неизбежно в случае бесперебойного товарооборота; это истощение будет равнозначно гибели капитализма, но не революционным путем; 2) проблема *смысла жизни*.

Первая проблема кажется настолько очевидной, что видные социологи давно заговорили о создании посткарбонной социологии. Об этом сказал Дж. Урри: «Необходимо разработать скорее посткарбонную социологию, чем постфордистскую или постмодернистскую социологию... Я стремлюсь ни к чему другому, кроме как развитию посткарбонной социологии, и что гораздо более важно — посткарбонного общества»⁴.

Можно, конечно, представить общество, которое пересело с автомобилей на велосипеды или колесницы, но куда важнее продовольственная проблема, когда иссякнут многие источники энергии. Возможны и другие сюжеты в духе неокатастрофизма, включая гоббсовское *omniumcontraomnes*.

Между тем в основе всех бед лежит нравственность, хотя, точнее сказать, дурная нравственность (применяем же мы понятие «дурной нрав»). В мире людей имеются вещи, которых нет у животных и растений. Они изобретены человеком. Например, маска, зеркало и деньги. Подспудный смысл этого вещевого набора связан с явлением *эгоизма*. Эгоизма индивидуального, который выражается в отчуждении друг от друга (маска), объективировании «Я» (зеркало) и умножении «Я» (деньги). Если бы дело ограничивалось немногочисленными случаями проявления индивидуального эгоизма на фоне господствующего альтруизма и согласия, то мы бы действительно жили в соответствии с Нагорной проповедью — служили Богу, не обращая внимания на мамону. Но сейчас речь идет о другом эгоизме — общечеловеческом.

Человечество как коллективный эгоист, как «клинический» случай нарциссизма представляет собой угрозу существования всякой иной (не-человеческой) жизни, поскольку эту иную жизнь оно превратило в ресурс и товар. Именно поэтому возникает вопрос о смысле жизни не какого-либо отдельного вида, а о смысле совместной жизни всех видов.

Истину иногда надо искать не в ответах, а в вопросах. Если вопрос о смысле совместной жизни хотя бы отчасти верен, то капитал как ценность уступает имперский трон такому непростому явлению как *жизнь*, которая на самом деле относится к миру чудесного. Но жизнью не *обладают*.

⁴ Urri J. *Climate Change and Society*. — Cambridge: Polity Press, 2011.

Как иностранными языками: ими владеют, но не обладают. И в пределах отпущенного следует научиться ценить не то, что имеешь, а то, что умеешь. По ту сторону обладания расстилается область *владения*, *область человеческого «могу»*, границы которой пока остаются малоизученными.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лао-Цзы*. Дао Дэ Цзин // Древнекитайская философия: Собрание текстов в двух томах. — М.: Мысль, 1972. — Т. 1.
2. *Луман Н.* «Что происходит?» и «Что за этим кроется?» // Теоретическая социология: Антология: в 2-х частях. — М.: Книжный дом «Университет», 2002.
3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Экономико-философские рукописи 1844 года // Соч. Т. 42.
4. Uggı J. *Climate Change and Society*. — Cambridge: Polity Press, 2011.

О.Ю. ГЛУХОВА

ПЛАТОН, АРИСТОТЕЛЬ И ЧЕЛОВЕК XXI СТОЛЕТИЯ: К ИСТОКАМ КАТЕГОРИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

Аннотация: Рассматривается вопрос о возможном переосмыслении основ философских учений Платона и Аристотеля с позиции достижений современной философии. Оценивается роль такого подхода в построении взаимоотношений мира и человека на философско-теоретических основаниях.

Abstract: The article touches upon the question of possible reconsidering the foundations of Plato's and Aristotle's philosophical doctrines from the standpoint of modern philosophy's breakthroughs. It appraises the role of such an approach in projecting the interrelations between world and a human being on philosophical and theoretical basis.

Ключевые слова: мир, человек, Платон, Аристотель, эйдосы, категории.
Keywords: world, a human being, Plato, Aristotle, Ideas, categories.

*Платон относится к миру как блаженный дух,
которому угодно погостить в нем некоторое время...
Аристотель, напротив, стоит перед миром как муж, как зодчий.
Он очутился здесь и здесь должен действовать, и созидать.
И.В. Гёте*

Философский спор Платона и Аристотеля сквозь призму веков. В словах, взятых в качестве эпиграфа к нашей статье, по сути, под новым углом зрения поднимается старый историософский вопрос об отношении двух великих мыслителей древности, Платона и Аристотеля, к миру и человеку¹. К миру да, но где же здесь этот некий философский Человек? Ведь

Глухова Ольга Юрьевна – магистрант ФСФ ИОН РАНХиГС (Москва, Чебоксары). E-mail: o.yglukhova@yandex.ru.

¹ Цит. по: Свасьян К.А. Гёте. – М., 1989. – С. 84-85.

упоминается лишь отношение самих мыслителей к миру? – Но разве и мы сами теперь, из дальней дали времен, не можем взглянуть на каждого из них как на такого Человека?

С тем, что Платона можно сравнить с «блаженным духом», согласится, наверное, каждый, кто знаком с платоновской философией. Запредельные эйдосы, которые оказывают непостижимое, но существеннейшее влияние на всё в этом мире, невольно навевают на ум подобные легковесные метафоры. Совершенно иной Аристотель со своим стремлением всё систематизировать и навести хозяйский порядок в самых дальних уголках Вселенной. Он спускает Платоновы эйдосы с неба на землю, утверждая их в качестве неотъемлемых, прочно вмонтированных в бытие несущих конструкций. Такой подход, в самом деле, наводит на мысль о зорком, предусмотрительном взгляде «зодчего», или, как бы мы сейчас сказали, архитектора, проектировщика всего мироздания.

Так, о чем же все-таки спорили Платон и Аристотель? При рассмотрении отношения каждого из них, как Человека, к окружающему его Миру предмет их дискуссии становится пронзительно знакомым – протягивая историю своего существования прямиком в XXI в. Именно в нашу эпоху вопрос об отношении к Миру в качестве его гостей или хозяев встал с неведомой Платону и Аристотелю остротой в дисциплинарных областях экономики, политики, культуры и, главным образом, экологии. Не стоит лишний раз упоминать о том, что этот вопрос не только не приблизился к своему разрешению, но, кажется, лишь окончательно увяз в концептуальных коллизиях.

Между тем, некоторые подступы к решению вопроса можно, как представляется, нащупать уже у самих знаменитых философов: с этой целью необходимо еще раз обратиться к упомянутым уже платоновско-аристотелевским эйдосам. У Платона эйдосами часто именуется высшие роды, или, как бы мы сказали сегодня, «категории», сущего². Таких категорий у него насчитывается пять: бытие, движение, покой, тождественное, иное³. Аристотель же, в свою очередь, различает не в пример большее число категорий, как минимум, десять: в исходной терминологии это «сущность», «сколько», «какое», «по отношению к чему-то», «где», «когда», «находиться в каком-то положении», «обладать», «действовать», «пре-

² Платон. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2 / Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; Примеч. А.Ф. Лосева и А.А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. – М.: Республика, 1993. – С. 495.

³ Платон. Софист // Платон. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2 / Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; Примеч. А.Ф. Лосева и А.А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. – М., 1993. – С. 325-328.

терпевать»⁴. Отталкиваясь от этих категориальных построений мыслителей, историософская традиция всякий раз прилежно воспроизводит число и наименование соответствующих категорий.

Однако некоторые исследователи, памятуя об исторической динамике содержательного объема самого понятия «категория», обращают свой взор к истокам категориальных систем Аристотеля и Платона с намерением произвести ревизию их категорий с современных философско-теоретических позиций. С учетом постоянной текучести и изменчивости картины мира в целом; на фоне возможного определения «категорий» как «особых идеальных объектов», являющихся «выраженными в логически-понятийной форме» наиболее общими смыслами этой самой картины мира⁵; не теряя из виду насущной потребности в такой логико-понятийной референции для дисциплинарных и, особенно, междисциплинарных проектов современности — с учетом всех подобных оговорок, обсуждаемый пересмотр видится вполне допустимым. При этом, конечно же, имеет значение лишь эвристический потенциал результатов такой ревизии, но никак не их архаизация и приписывание соответствующих взглядов самим мыслителям древности.

Система категорий Платона с точки зрения А.Ф. Лосева. Что же касается категориальных взглядов Платона, то и здесь обнаружили основания для их современного переосмысления. Традиционные пять Платоновых категорий ведут свое происхождение из диалога «Софист», тогда как не менее «общие смыслы картины мира» обсуждаются также и в диалоге «Парменид». На это обратил внимание наш выдающийся соотечественник А.Ф. Лосев⁶, пришедший к выводу, что, с учетом «Парменида», наиболее общим понятием в философии Платона (а возможно, и в античной философии в целом) является категория «одного». С этого ракурса приведенные уже категории служат лишь средством рассмотрения «одного» во всевозможных его отношениях.

В результате такого рассмотрения «одно» предстает как противоположность «сущему» (отношение бытия), но, будучи лишь разными «общими смыслами» одного и того же (отношение иного), все-таки предстает с ним в единстве (отношение тождественного), как «одно сущее». Далее, «одно сущее» должно находиться в «становлении» (предельно общий смысл

⁴ Аристотель. Категории // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 2 / Ред. З.Н. Микеладзе. — М., 1978. — С. 55.

⁵ Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. — М., 1994. — С. 19.

⁶ Лосев А.Ф. Античный космос и современная наука // Лосев А.Ф. Бытие — имя — космос / Сост. и ред. А.А. Тахо-Годи. — М., 1993. — С. 106-151.

отношения движения), то есть имеем «одно сущее в становлении». И наконец, там, где есть «становление», обязательно должно быть и (опять отношения иного, вкупе с переосмысленным отношением покоя) «ставшее».

Таким образом, мы получаем «одно сущее в становлении ставшее», иными словами, систему из четырех (а не пяти!) фундаментальных категорий Платона: «сущего», «одного», «ставшего» и «становления». Эти категории в их единстве можно именовать «тетрактидой» и считать основополагающими категориями Платоновых философских размышлений⁷.

Категориальная система Аристотеля в трактовке Э. Дж. Лоу. Описанного альтернативного взгляда на систему категорий, например, Аристотеля в наши дни придерживается английский философ Э. Дж. Лоу, последовательно проводящий в своих монографиях мысль о четырех, а не десяти, аристотелевских категориях⁸. Такой неожиданный исследовательский ход находит свои основания, как это ни парадоксально, у самого же Аристотеля: в его трактате «Категории» прежде изложения привычных категориальных воззрений приводится еще одна система «наиболее общих смыслов картины мира». Таковые определяются им, исходя из различных связей и отношений, в которых может находиться какой-либо предмет. Это может быть либо его отношение к другим предметам, либо его связь с каким-нибудь его же свойством, либо, наконец, его соотношение со свойствами других предметов⁹.

Отношение предмета к другим предметам можно обнаружить в нашей речи об этом предмете, благодаря тому, что именно в ней отражается общая для нескольких предметов, или же различная для них, их сущность¹⁰. Взаимоотношения же между предметами и их свойствами характеризуются тем, что свойства можно обнаружить уже не только в речи, но и в самих предметах (ну, а если в речи, то в случае опять же констатации их общности для нескольких предметов).

На основании всего этого как раз и выделяется четыре общих понятия, которые можно было бы обозначить так: «не сказываемое о предмете и не находящееся в предмете», «не сказываемое о предмете, но находящееся в предмете», «сказываемое о предмете, но не находящееся в предмете» и «сказываемое о предмете и находящееся в предмете»¹¹. К первому случаю

⁷ Там же. — С. 150.

⁸ См., например: Lowe E.J. *The Four-Category Ontology: A Metaphysical Foundation for Natural Science*. — Oxford, 2006. — 222 p.

⁹ Ibid. — P. 21.

¹⁰ *Аристотель. Категории // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 2 / Ред. З.Н. Микеладзе.* — М., 1978. — С. 53.

¹¹ Там же.

могут быть отнесены собственно сами предметы (например, конкретный человек, конкретная лошадь), ко второму – свойства конкретных предметов (например, белый окрас какой-либо лошади), к третьему – родовые понятия о предметах (человек вообще, лошадь), и к четвертому – родовые свойства предметов (например, знание как свойство всякого человека)¹².

С точки зрения описанной Аристотелем системы понятий, его же десять категорий могут считаться лишь частными случаями в этой системе из четырех более общих или фундаментальных категорий. Из соображений удобства именования и соответствия современному уровню философского знания эти четыре категории целесообразно было бы называть, к примеру, «объект», «модус», «вид» и «атрибут»¹³ или как-либо иначе с сохранением исконного смысла понятий.

В сопоставлении с этими категориями Аристотелевы, допустим, «какое» и «по отношению к чему-то» будут и то, и другое входить в качестве категорий более низкого уровня абстрагирования, подкатегорий, либо в категорию «модуса», либо в «атрибут» (в зависимости от степени их общности в применении к определенным предметам); то же самое можно сказать, например, и относительно «действовать» и «претерпевать»: в системе четырех категорий они могут быть описаны через категории «объекта» на пути приобретения им какого-то «атрибута»; аналогично и с остальными подкатегориями¹⁴.

К вопросу о единстве взглядов Платона и Аристотеля. Обратим внимание на совпадение систем Платона и Аристотеля. Ведь «Платон утверждал, что помимо чувственно воспринимаемого и эйдосов существуют как нечто промежуточные математические предметы»¹⁵. Под приведенными углами зрения, точкой отсчета для Аристотеля при его построении категориальной системы служило как раз такое «чувственно воспринимаемое», предмет (человек, лошадь); точкой отсчета для Платона (или, по крайней мере, для понимания его философии), напротив, служил предельно общий эйдос «одного»; ну а так называемые «математические предметы», разумеется, не только в нашем, но и в древнегреческом уме прочно увязываются с числами¹⁶. То есть для Аристотеля и Платона возможное численное совпадение их категорий стало бы «чем-то промежуточ-

¹² Там же. – С. 53-54.

¹³ Lowe E.J. The Four-Category Ontology: A Metaphysical Foundation for Natural Science. – Oxford, 2006. – P. 18.

¹⁴ Ibid. – P. 38.

¹⁵ Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 1 / Ред. В.Ф. Асмус. – М., 1976. – С. 79.

¹⁶ Там же. – С. 80.

ным», опосредующим, что, вероятно, отчасти примирило бы их философские позиции, а значит, и все их мировоззрение.

Гость и хозяин, «блаженный дух» и «зодчий»-проектировщик Мира стали бы единым философским Человеком, с необходимостью бережно относящимся к природе и ко всему окружающему, но не пренебрегающим и собственными творческими потенциями. Как говорится, «будьте как дома, но не забывайте, что вы в гостях». Однако история не терпит сослагательного наклонения. Человек Аристотеля остался Человеком Аристотеля, Человек Платона – Человеком Платона. Но еще не ушел в историю наш современник, Человек XXI столетия, и то, какой Мир он после себя оставит, видимо, решается сейчас.

В самом деле, небольшое смещение точки зрения на устоявшиеся представления об одной только философии Платона и Аристотеля может иметь огромное эвристическое значение для философии современности.

Что может представлять собой единый, уже платоновско-аристотелевский, четырехгранный эйдос при разглядывании его под разными углами? Как он может помочь упорядочить, спроектировать (и стимулировать, вдохновлять) –экономические, экологические, политические и культурные практики наших дней? Пригодится ли такой концептуальный кристалл («философский камень») для повседневной жизни человека? Какое в целом направление исследовательских процессов как следствие обнаружит себя в философии и науке?

Эти и другие подобные вопросы еще ждут своего осмысления. Но уже сейчас можно сказать, что ХХI век не только не завершил историю философии, но, напротив, вернул нам и Аристотеля, и Платона, и других мыслителей далекого и недавнего прошлого, и поставил их в один ряд с философами нашего столетия, напряженно всматривающимися в неясные горизонты будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель*. Категории // *Аристотель*. Сочинения: В 4 т. Т. 2 / Ред. З.Н. Микеладзе. – М., 1978. – 687 с.
2. *Аристотель*. Метафизика // *Аристотель*. Сочинения: В 4 т. Т. 1 / Ред. В.Ф. Асмус. – М., 1976. – 550 с.
3. *Лосев А.Ф.* Бытие – имя – космос / Сост. и ред. А.А. Тахо-Годи. – М., 1993. – 958 с.
4. *Платон*. Софист // *Платон*. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2 / Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; Примеч. А.Ф. Лосева и А.А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. – М., 1993. – 528 с.
5. *Свасьян К.А.* Гёте. – М., 1989. – 191 с.
6. *Степин В.С., Кузнецова Л.Ф.* Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. – М., 1994. – 274 с.
7. *Lowe E.J.* *The Four-Category Ontology: A Metaphysical Foundation for Natural Science*. – Oxford, 2006. – 222 p.

И.В. ЛУГОВЫХ

ПРОБЛЕМА СМЫСЛА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ: АНТРОПООНТОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Аннотация: *Статья посвящена проблеме смысла человеческого существования. Исследовательский интерес автора направлен на решение основных вопросов, связанных с данной проблематикой. Как извлекать смыслы в жизни человека, конструировать и реконструировать их, исходя из прошлого, настоящего и будущего человека. Предметом исследования является смысловая структура человеческого бытия и способы его философского постижения. В качестве методологии исследования автор выбирает экзистенциальную феноменологию в лице Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, В. Франкла и др. Новизна исследования состоит в попытке интегрировать познавательные возможности двух подходов: антропоцентрического и онтоцентрического, и сформировать антропоонтоцентрический взгляд на решение проблемы смысла человеческого существования. Уточнена трактовка смысла человеческого существования, с точки зрения автора.*

Abstract: *The article is devoted to the problem of meaning of human existence. Research interest of the author is aimed at addressing key issues associated with this problem: how to extract meaning in human life, to design and reconstruct them on the basis of past, present and future of a person. The focus of inquiry is the semantic structure of human existence and the ways of its philosophical comprehension. As research methodology the author takes existential phenomenology as presented in works of E. Husserl, M. Heidegger, J. P. Sartre, V. Frankl and others. The novelty in this study consists in the attempt to integrate the cognitive capabilities of two approaches, anthropocentric and ontocentric, and to form the anthropoontocentric look at the solution of the problem of meaning of human existence. A refined interpretation of meaning of human existence is presented.*

Ключевые слова: *человек, существование человека, бытие, смысл, феноменология, экзистенциальный анализ, антропоонтоцентрический подход, миро-проект.*

Луговых Иван Викторович — аспирант кафедры философии ФСФ ИОН РАНХиГС (Москва).
E-mail: aivan757@gmail.com.

Keywords: *human being, human existence, existence, meaning, phenomenology, existential analysis, anthropocentric approach, world-project.*

Предпосылки исследования. На протяжении всей истории, в разные ее периоды, человек задавался проблемой смысла. Находился в поисках смысла, давая ему различные интерпретации своего значения, смысла всего, что его окружает, и является наиболее актуальным для него. «Человек не должен спрашивать, в чем смысл его жизни, он скорее должен осознать, что он сам и есть тот, к кому обращен этот вопрос»¹.

Пожалуй, каждый из нас, так или иначе, задается этим вопросом. Чему посвятить свою жизнь, какой выбор сделать, и почему именно этот выбор так важен для человека в текущий момент? Проблема смысла пронизывает все сферы человеческой жизни. Каждый человек посвящает свою жизнь тому, что считает важным для себя. Кто-то видит смысл своей жизни в семье, кто-то целиком и полностью посвящает себя работе, хобби, путешествиям, религии и т.д. «Смысл раскрывается из человека, из его активности»². Но, почему проблема смысла человеческого существования так актуальна на протяжении всей истории и является важнейшим вопросом для нас и по сей день? Потому, что этот вопрос напрямую связан с конечностью существования человека.

Человек осознает свою смертность, и, таким образом вынужден реализовываться в границах своей жизни, искать подлинный смысл своего существования «здесь и сейчас», а не загробном мире. «Я могу посвятить жизнь работе, науке, обогащению, чему угодно другому, но человеком остаюсь, лишь выбирая одну возможность либо другую. По этой причине, не имея возможности избежать выбора, человек на что-то решается и непременно рассеивается в неподлинной экзистенции»³.

Таким образом, подлинная экзистенция всегда сопровождается воплощением истинного смысла жизни человека. «Человек, поскольку он не просто есть часть мира, но может свободно быть самим собой, есть возможная экзистенция»⁴. Каким образом личность может всецело существовать в реальном мире, жить полноценной жизнью, тем самым отвечать на вопросы о смысле своего существования в современных условиях?

¹ Франкл В. Человек в поисках смысла. — М.: Прогресс, 1990. — С. 5.

² Бердяев Н.А. О назначении человека. — М.: Республика, 1993. — С. 27.

³ Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. — Т.4. От романтизма до наших дней. — СПб.: Петрополис, 1997. — С. 392

⁴ Ясперс К. Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире. — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. — С. 106.

Изучением способов существования человека занимается *экзистенциальный анализ*. Его метод является относительно новым и мало изученным, в связи с этим имеет огромную перспективу развития и применения в современной философии и социально-гуманитарных науках.

Понятие «экзистенциальный анализ» исходит, прежде всего, из *феноменологического метода* исследования немецкого философа Э. Гуссерля, который дал этому методу теоретическое обоснование. Феноменологический метод помогает разобраться в сути вещей, отсюда знаменитый лозунг Э. Гуссерля: «Назад к вещам!». Гуссерль говорит о феноменологии как об универсальном учении о методе, «первой философии», которая помогает разобраться в тех или иных истинных, априорных смыслах вещей, через феномены, через принятие «очевидности этих вещей», через их созерцание.

О смысле человеческого существования. Проблему смысла, так же затрагивали в своих исследованиях многие философы, применяя при этом различные подходы и методы. Э. Гуссерль утверждает, что смыслы имеют особый статус бытия. Поиск смыслов заключается не в определении предмета как такового, а в прояснении того, что этот предмет значит. «Даже бессмыслица является одним из модусов смысла, и бессмысленность ее может быть усмотрена»⁵. Нельзя говорить «есть смысл», правильнее сказать «смысл значит». В этом поиске человек обретает возможность истинного существования себя в мире. Таким образом, проблема смыслов в последующем занимает центральное место в его философии.

Так же, как и для Гуссерля, тема смысла была для Хайдеггера очень актуальна, вопрос о смысле бытия был главным вопросом его философии. Чтобы более полно описать проблему смысла бытия человека, Хайдеггер обращается к понятию времени. Время в понимании М. Хайдеггера это одновременно направленная жизнь человека, в совокупности сочетающая прошлое, настоящее и будущее. В процессе существования для человека приоткрывается как прошлое, так и будущее, он всегда стоит перед выбором, который может привести как к подлинному возврату, так и к принципиально новым возможностям своего существования.

Отсюда понятие «заброшенности» означает, что человек изначально вброшен в жизнь, в те уникальные условия мира сущего, в которых ему предстоит начать свое существование. «Человек, скорее, самым бытием сброшен в истину бытия, чтобы, экзистирова таким образом, беречь истину бытия, чтобы в свете бытия сущее явилось как сущее, каково оно есть...

⁵ Гуссерль Э. Картезианские размышления / Перевод с нем. Д.В. Складнева. – СПб.: Наука, 2006. – С. 47.

Для человека, однако, остается вопрос, осуществится ли его существование так, чтобы отвечать этому со-бытию»⁶. Для подлинного существования человека в условиях заброшенности необходимо находить возможность дистанцироваться от ритма повседневности, находить время для уединения. В противном случае его растворение в повседневном ритме грозит забвением смысла бытия.

Онтоцентрический подход к трактовке смысла человеческого существования. Выдающийся немецкий философ XX в. Мартин Хайдеггер, испытавший значительное влияние Гуссерля, использует феноменологию в качестве методологического понятия, чтобы показать, что в философском исследовании важно не «что» предмета (бытия), а его «как».

Подход Хайдеггера можно определить, как *онтоцентрический* (от греч. *онтос* – бытие). Для объяснения онтоцентрического подхода Хайдеггер обращается к понятию «предпонимание», которым обозначается исходное понимание основы, на которой выстраивается будущее мышление по поводу созерцательного мира вещей. В этом плане Хайдеггер отрицает позицию Гуссерля в вопросе поиска истинных смыслов через созерцание, поскольку человек уже присутствовал до того момента, как обрел тягу к созерцанию. Поэтому Хайдеггер ставит под сомнение адекватность изначального созерцательного опыта.

Для более точного описания своего подхода М. Хайдеггер вводит структурное понятие – *Dasein*, которое характеризует бытие человека.

Чтобы понять и расшифровать возможность существования такого феномена, как человек, Хайдеггер использует *Dasein-аналитику* – предполагающую возвращение к единству онтологической возможности бытия сущего. Её задача увидеть целое единства онтологических условий. *Dasein-аналитика* занимается изучением способа, которым дано человеческое бытие. Как мы видим, здесь Хайдеггер идет своим путём по сравнению со своим предшественником – Гуссерлем, преодолевая рамки простого созерцания вещей.

Следовательно, определяющей идеей философии Хайдеггера с позиции онтоцентрического подхода, является поиск и обретение утраченного смысла, сохранение и воплощение целостного многообразия возможностей существования человека.

У Франкла экзистенциальный анализ охватывает всю целостность человека, включая «неосознанную глубину» его бытия. Франкл использует онтоцентрический подход в своих исследованиях, задача которого

⁶ Хайдеггер М. Бытие и время: Статьи и выступления / Перевод В.В. Библихина. – М.: Республика, 1993. – С. 10.

состоит в том, чтобы раскрыть скрытый образ человеческого существования, подобно проявлению фотографии. Франкл показывает, что никак нельзя пренебрегать поиском смысла, он всегда должен быть первичным для человека, в противном случае человек рискует быть нереализованным в своих стремлениях. При этом важны детали, смыслы в каждый конкретный момент времени, они определяют всю жизнь человека, и тот истинный смысл, к которому он стремится изо дня в день. Сама жизнь человека постоянно спрашивает, в чем смысл его жизни, и человек всегда должен быть готов ответить за каждый свой шаг, в этом и проявляется его ответственность. «Смысл должен быть найден, но не может быть создан»⁷.

Таким образом, определив смысл в каждом своем шаге, человек при решении задач обращается к ценностям, которым придерживается, при этом, в любой ситуации имеется правильный выбор, исходя из ценностей для человека.

Антропоцентрический подход к пониманию смысла человеческого существования. В свою очередь французский философ XX в. Жан-Поль Сартр использует *экзистенциальный психоанализ* как метод, помощью которого человек познает себя таким какой он есть, без прикрас, открывает свои слабости, благодаря чему, человеку становится легче преодолеть противоречия внутри себя и жить в соответствии со своим уникальным проектом.

По сравнению с психоанализом Фрейда, экзистенциальный психоанализ Сартра не прикрывается бессознательными аспектами разума, а наоборот, говорит о том, что человек целиком и полностью несет ответственность за свои поступки, в каком бы состоянии он не находился. «Первым делом экзистенциализм отдает каждому человеку во владение его бытие и возлагает на него полную ответственность за существование».⁸ И в процессе жизнедеятельности, с точки зрения Сартра, человек в определенный момент сам, не отдавая себе отчета, делает выбор, который и является его собственным миро-проектом. Такой подход определяется нами как *антропоцентрический*.

Людвиг Бинсвангер — швейцарский психиатр XX в. и основоположник экзистенциальной психологии развивает направление в экзистенциальном анализе, которое именуется феноменологической психопатологией. Это — эмпирическая наука, направленная на выявление сути человеческого существа. Применяя экзистенциальный анализ на практике Бинсвангер не разграничивает сознательное и бессознательное человека, рассматри-

⁷ Франкл В. Человек в поисках смысла. — М.: Прогресс, 1990. — С. 16.

⁸ См.: Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. — М.: Политиздат, 1989. — С. 319-344.

вая его как единое целое. «Бессознательное не должно рассматриваться как отдельная сущность... важна структура мира индивида как она представляется самому индивиду, поскольку у бессознательного нет мира...»⁹.

Таким образом, Бинсвангер придерживается больше антропоцентрического подхода в своих исследованиях, чем его учитель – М. Хайдеггер.

Понятие «миро-проект» в экзистенциальной философии. Для определения онтологического смысла существования человека Ж.П. Сартр вводит понятие миро-проекта. В основе его понимания лежит фундаментальный выбор человека, человек «делает себя тем, что он есть»¹⁰. В отличие от Бинсвангера, Ж.П. Сартр размывает строгую границу между априори бытия человека и его конкретным поведением. Человек проектирует свой мир и себя самого. Он выбирает собственную судьбу.

С позиции антропоцентрического подхода смысл определяется самим человеком, когда тот совершает осознанный выбор, за который несет ответственность. Бинсвангер же называет миро-проект, трансцендентальным априори, и объясняет это тем, что человек уже «вброшен» в свой индивидуальный горизонт мира, понимание которого не связано с сознательной позицией человека к миру. Миро-проект, по Бинсвангеру, наследует характеристики Dasein и сочетает прошлое, настоящее и будущее.

Отсюда, смысл существования человека заключается в принятии своего индивидуального миро-проекта, принятии себя в соответствии с границами мира и устремлениями в будущее. «Бытие человека не рассматривается объективно, т. е. как вещь-в-бытии («наличное»), подобно другим объектам в мире, и менее всего как естественный объект, а, скорее, исследуется феномен его бытия-в-мире, который только и позволяет понять, что означает миро-проект в смысле естественного мира в целом»¹¹.

Так в чём же состоит экзистенциальный смысл человека? С нашей точки зрения, этот смысл состоит в достижении предела возможностей существования человека в соответствии со своим миро-проектом.

Возможности интеграции онтоцентрического и антропоцентрического подходов. Как мы видим из проведенного исследования, проблема смысла человеческого существования, с точки зрения экзистенциального анализа, решается философами с двух позиций: онтоцентрической и антропоцентрической. Какой же подход является наиболее приемлемым в со-

⁹ Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. Избранные статьи. Я. Нидлмен. Критическое введение в экзистенциальный психоанализ. Рефл-Бук. Ваклер. 1999. – С. 983

¹⁰ См.: Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1989. – С. 319-344.

¹¹ Бинсвангер Л. Экзистенциальный анализ: Пер. под ред. С. Римского. – М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2014. – С. 150.

временной философской мысли? Рассмотрим вкратце их достоинства и недостатки.

Онтоцентрический подход в поисках смысла опирается на бытие, и, если можно так выразиться, на «зов бытия». «Бытие дано нам в присутствии. Именно в нём происходит производство смыслов»¹². Человек интерпретирует бытие через свою реальность и, прислушиваясь к «зову бытия», находит истинный смысл своего существования. Такой подход делает человека полностью раскрытым своему бытию, его творением.

Антропоцентрический подход в понимании смысла человеческого существования ставит на первый план не бытие, а самого человека, «вброшенного» в мир. Человек сам делает выбор и самостоятельно движется в поисках смысла, чтобы не «плыть по течению». Для этого он разрабатывает и принимает свой миро-проект¹³.

При изучении проблемы смысла недостаточно, на наш взгляд, ограничиваться тем или иным подходом, необходимо объединить оба подхода в рамках феноменологической методологии. Во внимание необходимо взять позицию Бинсвангера, который, на наш взгляд, занял промежуточную позицию между онтоцентрическим и антропоцентрическим подходом.

Синтез двух подходов заключается в том, что человек, «вброшенный» в реальный мир, является просветом бытия и через свою уникальную сущность, через свободный выбор, реализует свой проект, за который несет

¹² Резник Ю.М. Человек как экзистенциальный проект (феноменологический анализ) // Личность. Культура. Общество. — 2015. — Том XVII. — Вып. 3-4. № 87-88. — С. 75.

¹³ См.: Резник Ю.М. Альтернативность как способ существования человека в современном мире // Вопросы социальной теории: Науч. альманах. 2011. Том 5. Человек в изменяющемся мире: проблемы идентичности / Институт философии РАН; Российский институт культурологии; под ред. Ю.М. Резника и М.В. Тлостановой. М.: Независимый институт гражданского общества, 2011. С. 5-21; Резник Ю.М. Альтернативность как способ личностного бытия человека // Личность. Культура. Общество. 2011. Том XIII. Вып. 3 (65-66). С. 122-144; Резник Ю.М. Альтернативность субъективного мира личности: проблема выбора вариантов жизненного пути // Социокультурные практики: теория и методы исследования. Научный альманах. 2011. Том I. Идентичность и социальное конструирование / Межвузовский центр социальной теории РУДН; Под ред. П.К. Гречко и Ю.М. Резника. — М.: Изд-во ООО «МЭЙЛЕР», 2012. — С. 159-175; Резник Ю.М. Альтернативность идеального мира личности: самоопределение или трансцендирование // Nauka w służbie cywilizacji. — Warszawa, 2011. — С. 145-157; Резник Ю.М. К метафизике человеческого бытия: от рефлексии к реконструкции // Вестник РУДН. Серия: Философия. — 2013. — № 2. — С. 132-146; Резник Ю.М. Человек и его миры. Проблема единства и множественности форм человеческого бытия // Спектр антропологических учений. Вып. 6 / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. П.С. Гуревич. — М.: ИФ РАН, 2014. — С. 106-123; Резник Ю.М. Человек и мир: грани со-бытия // Личность. Культура. Общество. — 2014. — Т. 16. — Вып. 2 (№№ 3-4). — С. 66-82; Резник Ю.М. Мир как проекция бытия человека // Философия и культура. — 2015. — № 6 (90). — С. 810-817.

полную ответственность. Такой синтез можно представить, как *антропоонтоцентрический подход*, который более полно сможет помочь человеку расшифровать смысл своего существования и сделать бытие осмысленным.

Итак, в результате проведенного исследования нами:

– представлен анализ методологических концепций различных представителей экзистенциализма;

– дана новая трактовка смысла человеческого существования, который, на взгляд автора, состоит в достижении предела возможностей существования человека в соответствии со своим миро-проектом;

– обозначены пути решения проблемы смысла человеческого существования с позиции двух принципиально разных подходов – онтоцентрического и антропоцентрического;

– сделан вывод о том, что необходимо объединить познавательные и практические возможности представленных подходов и наметить контуры антропоонтоцентрического подхода к изучению и проектированию смысла человеческого существования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. О назначении человека. – М., 1993.
2. Бинсвангер Л. Бытие-в-мире / Пер. с англ. Е. Сурпиной – М.: КСП+, СПб: Ювента, 1999.
3. Бинсвангер Л. Экзистенциальный анализ / Пер. под ред. С. Римского. – М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2014.
4. Гуссерль Э. Картезианские размышления / Перевод с нем. Д.В. Складнева. – СПб.: Наука, 2006.
5. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. – Т. 4. От романтизма до наших дней. – СПб.: Петрополис, 1997.
6. Резник Ю.М. Человек и его миры. Проблема единства и множественности форм человеческого бытия // Спектр антропологических учений. Вып. 6 / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. П.С. Гуревич. – М.: ИФ РАН, 2014. – С. 106-123.
7. Резник Ю.М. Человек и мир: грани со-бытия // Личность. Культура. Общество. – 2014. – Т. 16. – Вып. 2 (№№ 3-4). – С. 66-82.
8. Резник Ю.М. Мир как проекция бытия человека // Философия и культура. – 2015. – № 6 (90). – С. 810-817.
9. Резник Ю.М. Человек как экзистенциальный проект (феноменологический анализ) // Личность. Культура. Общество. – 2015. – Том XVII. – Вып. 3-4. № 87-88.
10. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1989. – С. 319-344.
11. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990.
12. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Бытие и время: Пер. В.В. Библихина. – М.: Республика, 1993.
13. Ясперс К. Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012.

О.А. СКОРКИН

ОНТОЛОГИЯ В ПРОЕКТИРОВАНИИ СИСТЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБРАЗОВАНИИ

***Аннотация:** В условиях радикального увеличения потоков информации меняется механизм переработки информации и осознания получаемого результата. С развитием систем информационных технологий (систем искусственного интеллекта, бизнес-проектов, социальных сетей) появилось множество терминов, устройств, их характеристик, понятий, расширяющих универсальный тезаурус. Редким феноменом является обогащение тезауруса из гуманитарной среды. Пример прочного вхождения понятия «онтологии» в широкое поле гуманитарной сферы при наличии конкретных задач (проблем) расширяет не только представление о возможностях использования информационных технологий в образовании, но и обогащает культуру мышления.*

***Abstract:** As global information flow increases drastically, the mechanism of information processing and resulting evaluation undergoes transformation. With the development of IT systems (AI systems, business projects and social networks) a great number of new devices, specifications, terms and concepts extending universal thesaurus has also appeared. Thesaurus enrichment from humanities as a source is a rare phenomenon. The case of strong entering of the concept of Ontology into vast humanitarian field, with concrete tasks (problems) as a background, does not only widen an idea of using information technology in education, but also enrich the overall culture of thought.*

***Ключевые слова:** мировоззрение, культура, гуманитарные науки, онтология, информационные технологии, образование, алгоритм, функциональная неграмотность.*

***Keywords:** world view, culture, humanities, ontology, information technology, education, algorithm, functional illiteracy.*

Тем, что мои современники живут в эпоху «быстрого времени», никого не удивишь. Совершенно незнакомая эпоха, новая, постиндустри-

Скоркин Олег Алексеевич – кандидат технических наук, старший научный сотрудник Института философии РАН (Москва). E-mail: oleale@mail.ru.

альная, информационная. Каждая новая эпоха не предвидима, и осознание новизны приходит далеко не сразу, не за месяц, не за год и порой даже не за десятилетье. К тому же восприятие её очень индивидуально и зависит от образованности и жизненного опыта.

Современный человек пропускает сквозь себя объем информации в десятки тысяч раз больше, чем пять веков назад. Величайшие библиотеки мира каждые 14 лет удваивают свои запасы. Число выпускаемых книг удваивается каждые семь лет¹. Технические блага постиндустриального модерна (телевидение, Интернет, сопутствующее множество новых технических средств и технологий работы с ними) породили новый тип культуры.

Груз знаний предшествующих поколений неусвояем для человека XXI в. Поэтому неудивительна «функциональная» неграмотность современного человека среднего возраста и старшего поколения, увиливающего от технических благ постиндустриального модерна — «мобильников», автоответчиков, фотоаппаратов с оцифровкой, мультимедиа-проекторов, компьютеров с разными CD-устройствами, принтерами, сканерами и т.п.

Не новость, что большинство учителей, включая учителей по информатике и информационным технологиям пользуются помощью учеников для овладения новинками технологий, не будучи способными самостоятельно с этим справиться, что и является по сути функциональной неграмотностью. Если кто и держится на уровне, то ясно осознает, что это ненадолго. Отставание человека от эпохи информации. Значит, выход следует искать в чем-то ином.

В системе образования это особенно ощутимо. В конце XX в. возникло противоречие между целостностью культуры и технологией её фрагментарного воспроизводства через «знаниевый» тип обучения, обострились противоречия между непрерывно возрастающим объемом знаний, необходимых человеку, и ограниченными условиями овладения ими. Переход в «быстрое» время благодаря развитию средств передачи и переработки информации оказался столь существенным и стремительным, что ни экономика, ни система образования оказались не готовыми к этому проявлению постиндустриального общества. Жизненный уклад меняется чаще, чем происходит смена поколений. Специалист практически любой сферы вовлечен в непрерывное повышение образования, иначе рискует оказаться функционально неграмотным.

В существующей ныне, но, по-видимому, совершенно бесперспективной в будущем, информационно-транслирующей парадигме образования, рассчитанной на передачу знаний, трансляция информационных

¹ Энтон М. Информационный взрыв и травма постмодерна // Звезда. — 1999. — № 11. — С. 217.

массивов, скопившихся в различных отраслях науки, техники и технологии от одного поколения к другому, компьютер и его информационно-обрабатывающие функции, — несомненно, благо. Эта парадигма, несмотря на декларативные призывы к её трансформации и даже полной замене парадигмой личностно-созидательного образования, все еще сильна, но последствия её уже очевидной несостоятельности перед лицом глобального вызова времени становятся все более угрожающими.

Человеческая жизнь — материя крайне хрупкая. Человек обитает в довольно узком диапазоне температуры, давления, влажности, шума, яркости света и других характеристик окружающей среды. Информационная нагрузка становится ещё одним испытанием здоровья человека: информационный дефицит, как и перегрузка выбивают из колеи нормального, здорового состояния психики, особенно регулярно встречается состояние стресса. Нередко лектор или экскурсовод забрасывает массой деталей о событиях, фактах, личностях, безусловно имеющих отношение к теме, забывая о том, что в памяти слушателя сохранится в лучшем случае десятая доля сведений. Естественно, что информационная норма насыщенности индивидуальна, зависит от множества факторов и еще не стала предметом всестороннего анализа. Полагаю, что она зависит от объема тезауруса индивида.

В работах М. Петрова неоднократно поднимается проблема корреляции текущего значения универсального тезауруса, ядро которого формируется на уровне общеобразовательной школы, на котором общается, скажем, физик и филолог, и которое фиксирует уровень развития культуры общества в целом. Этот универсальный тезаурус является по сути «измеримым и зримым выражением растущего стандарта универсальной онаученности общества».

Научно-технический прогресс наполняет универсальный тезаурус общественной жизни новыми понятиями, терминами. Гаджеты, смартфоны, тэги, флэшки и множество других технических терминов пронизывает язык, быстроусвояемый молодым поколением, вынуждая и старшее поколение принимать их как должное. Здесь очевидно восхождение новых терминов, слов, понятий из конкретных сфер деятельности (от цивилизации) к гуманитарным проявлениям (к цивилизации). Не так давно дифференциалы и интегралы стали входить в универсальный тезаурус, переместившись из понятий высшей математики в курс математики средней школы.

Феномен противоположного движения терминологического словаря (от гуманитарной сферы в технико-технологическую) проявляется значительно реже. Ярким примером тому является понятие «онтологии»,

которое становится всё чаще используемым в техническом проектировании интеллектуальных систем.

Термин «онтология» впервые использован Р. Гоклениусом в 1613 г. в работе «Философский лексикон» и обрёл распространение в философской литературе в конце XVII в. благодаря работам Х. Вольфа. Онтология – одно из обобщающих понятий в философии, которое по-разному трактуется у разных авторов в зависимости от контекста: учение о бытии как таковом; наиболее общее описание универсума всего существующего; содержание некоторой теории и т.д. Анализ множества онтологий, мега-онтологии и других порождений требуют подробного описания среды, в которой это понятие работает.

При разработках систем искусственного интеллекта данное понятие было использовано Т. Грубером в 1991 г. для описания знаний в формализации доступной для компьютера обработке. Понятие онтологии применяется в процессах программирования как форма представления знаний о реальном мире или его части. Основные сферы применения – моделирование бизнес-процессов, семантическая паутина, искусственный интеллект, то есть практически всё, что касается разработки интеллектуальных систем или систем искусственного интеллекта.

В системах использования информационных технологий в сфере образования классифицируют знания двух типов:

- декларативные знания (знания о мире задачи, описания используемых данных);
- процедурные знания (что делать в данной конкретной ситуации).

Взаимодействие интеллектуальных систем между собой и с человеком требует описания и языка этого описания. Существуют два способа такого описания: (1) в канонической форме, к примеру, на языке логики предикатов (факты языка Prolog); (2) в форме онтологии, которая представляет собой множество классов, связанных отношением обобщения (отношение обратное к наследованию).

Каноническая форма образования представлена вовсе не обязательно в виде логики предикатов. Возможны другие формализмы. Широко распространён алгебраический подход (факты в виде термов, а различные отношения между фактами в виде ограничений в форме аксиом эквивалентности). В любом случае описание должно включать представление знаний в виде иерархии объектов (классов), тогда описание будет являться онтологией. Таким образом, онтология представляет собой описание декларативных знаний в виде классов с отношением иерархии между ними. К этому описанию, понятному для человека, присоединено описание в канонической форме, понятное для компьютера.

Знания, которые закладывает в программу её создатель (то есть алгоритм) всегда статичны, не меняются при указанных начальных данных. Интеллектуальные системы – знание о том, что надо делать в процессе исполнения программы меняется, то есть возникает необходимость их описания. Каждая интеллектуальная система может представлять несколько таких описаний, соответствующих разным областям, хранящимся в ней декларативных знаний, и выступает как хранилище библиотек онтологий с обеспечением обмена между ними. При этом библиотека онтологий не обязательно является интеллектуальной системой. Достаточно указать на наличие сервиса по передаче онтологий по требованию.

Составление описания декларативного знания и результата Т. Грубер назвал *концептуализацией*, а описание – *спецификацией*. Онтология – это спецификация концептуализации, что вполне конкретно.

Разделение на каноническую форму и онтологию – это означает дважды описывать знания. Современные языки позволяют совместить формы спецификаций в едином модусе. Онтология информационных технологий в образовании – это попытка всеобъемлющей и подробной формализации некоторой области знания с помощью концептуальной схемы. Такая схема состоит из структуры данных, содержащей все релевантные классы объектов, их связи и правила (теоремы, ограничения), принятые в этой области.

Спецификация знаний о мире, то есть такие концептуализации, целью которых является описание структуры бытия безотносительно поставленной задачи – это и есть философское понимание онтологии. Разработчики программного обеспечения строят формальную модель решения конкретной задачи, в то время как философы имеют целью описание свойств окружающей реальности. Поэтому такая интерпретация не может иметь практического значения для философии, разве что построение онтологии может быть использовано для некоторой справочной программы философского образования.

В области технических наук появление и понимание этого понятия существенно обогатило информационные технологии.

Во-первых, расширилось понимание алгоритма решения задачи (проблемы). Возможность изменения знания в процессе решения задачи потребовало расширение блочного представления этапов решения задачи, возможность использования новых конструкторов, например, сетей Петри. Это – крупноблочный взгляд на решение задач и некоторое «очеловечение» алгоритма.

Во-вторых, обеспечение общения пользователей между собой, создание социальных сетей требует использования онтологий для описания

Web-страниц, распределенного по всему миру хранилища гипертекстовых документов.

Наконец, в-третьих, радикальное увеличение потоков информации изменило и сам механизм осознания и переработки информации. Меняются ценности образования, понятие знания насыщается другим смыслом, возрастает роль гуманитарных наук. А гуманитарные науки – это приобщение к культуре, усвоение её смыслового ядра и формирование стиля мышления. «Культура – это не знания, технологии, ценности, нормы и материальные предметы, а то, что выражается при помощи этих знаний, технологий, ценностей, норм и так далее, а также то, что лежит в основе их создания (конструирования) и воспроизводства»².

Переход от техногенной к антропогенной цивилизации сопровождается пересмотром привычных представлений о человеке, о мире, сменой ценностных ориентаций. Это утверждение базируется на изменении отношения и к человеку, и к знанию. Критерием реализации новой образовательной модели становится опережающее отражение или степень «познания будущего».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бернал Дж.* Двадцать пять лет спустя // Наука о науке. – М., 1966.
2. *Громыко Н.* Интернет, постмодернизм и современное образование // Кентавр. – 2001. – № 27.
3. *Неретина С., Огурцов А.* Онтология процесса: процесс и время. – М: Голос, 2014.
4. *Петров М.К.* История европейской культурной традиции и ее проблемы. – М: РОССПЭН, 2004.
5. *Скворцов Л.В.* Информационная культура и проблема метаобразования // Культурология: Дайджест. – М.: ИНИОН РАН, 1999. – № 3.
6. Теория культуры. Разнообразие подходов и возможности их интеграции / Под. ред. Ю.М. Резника. – М.: Научно-политическая книга, 2012.
7. *Эшштейн М.* Информационный взрыв и травма постмодерна // Звезда. – 1999. – №11. – С. 216-227.

² См.: Теория культуры. Разнообразие подходов и возможности их интеграции / Под. ред. Ю.М. Резника. – М.: Научно-политическая книга, 2012. – С. 40.

ПРОЕКТИРОВАНИЕ В СФЕРЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Ю.Я. КЛИНКОВСКАЯ

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК ФАКТОР ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВА

***Аннотация:** В статье рассматривается тенденция повышения влияния гражданского общества на различные сферы общественной жизни и воздействия на государственную политику. Анализ понятия гражданского общества осуществляется в двух его специфических значениях: теоретико-аналитическом и нормативном. Современное понимание гражданского общества неотъемлемо от понятия «третий сектор», которое предполагает самостоятельность общественных и некоммерческих организаций, направленную на решение проблем населения. Рассматривается сложная внутренняя структура гражданского общества, множественные горизонтальные связи, несколько их уровней или слоев. Анализируется опыт взаимоотношений государственных и гражданских институтов с точки зрения возникающего между ними напряжения. Особое внимание уделяется месту корпораций во взаимоотношениях государства и гражданского общества.*

***Abstract:** The article discusses the trend of increasing influence of civil society in various areas of social life and its influence on public policy. Analysis of the concept of civil society is carried out in two specific meanings — theoretical and normative. Modern understanding of civil society is inseparable from the concept of the “third sector”, which involves the amateur public and non-profit organizations aimed at solving the problems of the population. The author examines the complex inner structure of civil society, multiple horizontal links, and several of their levels or strata. Experience of relations between the State and civil institutions is analyzed in terms of tensions between them. Special attention is paid to the place of corporations in the relationships between the State and civil society.*

Клиновская Юлия Яковлевна – аспирант кафедры политических и социальных наук Рязанского государственного радиотехнического университета (Рязань). E-mail: nikolaiastepanov@gmail.com.

Ключевые слова: гражданское общество, демократическое государство, правовое государство, третий сектор, государственные и гражданские институты, структура гражданского общества, корпорации.

Keywords: civil society, democratic State, rule of law, the third sector, government and civil institutions, civil society structure, corporations.

Эволюция понятия «гражданское общество». Повышенный интерес, который сегодня проявляется к проблеме гражданского общества, не случаен. Он обусловлен началом перехода человечества на новый этап своей эволюции, связанной не только с развитием научно-технической революции, но и возрастанием значения демократии и гуманизма. Развитие государства на современном этапе демонстрирует тенденцию повышения влияния гражданского общества на различные сферы общественной жизни и воздействия на государственную политику. Генезис гражданского общества, по сути, это расширение практики самоуправления во всех сферах общественной жизни, повышение роли личности в политике.

Гражданское общество является продуктом длительного исторического развития и начинает формироваться с разделением общества на государственную и негосударственную сферы человеческой деятельности. Под гражданским обществом понимается совокупность негосударственных социальных, духовных, религиозных, нравственных, семейных, национальных и других отношений; сфера самопроявления свободных индивидов и добровольно сформированных организаций и ассоциаций граждан, огражденная законами от прямого вмешательства и произвольной регламентации их деятельности со стороны органов государственной власти. В Европе глубокие и активные процессы создания сильного гражданского общества относятся к XVI-XVII вв., т.е. ко времени становления капитализма и возрастания в целом роли массовых общественных движений, разнообразных ассоциаций и организаций граждан.

Теоретические разработки сущности и границ гражданского общества содержатся в трудах Г. Гроция, Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, В. фон Гумбольдта, Г.В.Ф. Гегеля, И. Канта, К. Маркса и других ученых и просветителей в связи с теориями возникновения и взаимодействия государства с обществом в новое время¹.

¹ См.: Резник Ю.М. Гражданское общество как феномен цивилизации. Часть 1. Идея гражданского общества в социальной мысли. – М., 1993. – 167 с.; Ирхин Ю.В. Гражданское общество и власть: проблемы взаимодействия и контроля в современной России // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – № 5.

Гражданское общество в его классическом понимании не воспринималась как отдельная от государства сфера. Так, английский философ Дж. Локк (1632-1704) приравнивал его ко всему политическому обществу в отличие от царства природы. В XVIII в. шотландский мыслитель Л. Фергюсон (1723-1816) определил гражданское общество как состояние цивилизованности и как следствие прогресса цивилизации. При этом термин «гражданское общество» имел также экономическую подоплеку, поскольку цивилизованность противопоставлялась обществам, в которых не было частной собственности (варварским государствам).

В рамках классической республиканской традиции, связанной с именами Ш. Монтескье (1689-1755), А. Смита (1723-1790), И. Канта (1724-1804), Д.С. Милля (1806-1873), А. де Токвиля, гражданское общество наряду с цивилизованностью соотносится также с гражданством и гражданственностью, характеризующей роль индивида в качестве гражданина члена определенного сообщества, находящегося во взаимоотношениях с государством. Гражданин, как правило, не только пользуется принадлежащими ему правами, но и несет определенные обязательства перед обществом.

Разграничение государства и гражданского общества, доминирующее в современной либеральной политической мысли, сложилось во второй половине XVIII в. в ходе развития рыночного капитализма и возникновения государств в Западной Европе. Оно отражает отделение публичного, частного, рыночного от государственного. Данная дихотомия объясняет современную форму гражданского общества, сосуществующим с суверенным конституционным государством, и предопределяет необходимость охраны прав граждан от государственного деспотизма путем развития самоорганизации общества. В этих условиях государству отводится минимальная роль обеспечения правовых рамок защиты жизни, свободы и собственности его граждан.

Наиболее развернутый анализ понятия и практики гражданского общества, его взаимодействия и соотношения с государством дает Гегель, рассматривающий его как промежуточный институт между семьей и политическими отношениями в рамках государства².

Как известно, Гегель выделяет три основные функции гражданского общества: (1) опосредование потребности и удовлетворение единичного посредством труда; (2) удовлетворение потребностей всех остальных, защиту собственности посредством правосудия; (3) предотвращение в этих системах случайности и внимание к особенному интересу как к общему с

² См.: Каган М.С. Гражданское общество как культурная форма социальной системы // Социально-гуманитарные знания. – 2000. – № 6.

помощью полиции и корпораций. Связывая гражданское общество с социальной структурой, он отмечает, что если первым базисом государства является семья, то вторым сословия. Этот второй базис важен, потому что частные лица, хотя и эгоистичны, вынуждены обращаться к другим, договариваться с ними. Здесь, следовательно, находится то, что связывает эгоизм со всеобщим (с государством), заботой которого должно быть сохранение этой связи основательной и прочной.

Гегелю удастся выявить и проследить диалектическую связь между индивидуальной свободой и взаимозависимостью людей и сословий в обществе, указать на важнейшую роль государства в процессе гармонизации интересов в обществе. В конечном счете, такой анализ даёт возможность преодолеть примитивное противопоставление свободы и необходимости, эгоизма и солидарности. Однако Гегель идет дальше и анализирует неодинаковое положение в обществе трех сословий сельскохозяйственного, промышленного и лиц свободных профессий, а также различия в их отношении к природе. При этом особое внимание он уделяет принципиальным различиям между двумя первыми сословиями в их отношении к свободе и правопорядку, что чрезвычайно важно для понимания общества, которое осуществляет быстрый и несколько запоздалый по сравнению с передовыми странами переход от аграрного типа общества к индустриальному, как это было в России.

Три сословия Гегель характеризует как субстанциальное или непосредственное (земледельческое сословие), как рефлектирующее или формальное (промышленное сословие) и, наконец, как всеобщее (правящее сословие). Он отмечает, что осознание свободы и порядка возникло главным образом в городах, где индивид промышленного сословия всецело зависит от себя. Это чувство своей значимости тесно связано с требованием правопорядка. Земледельческому сословию, напротив, о многом не приходится думать самому: то, что оно добывает, это дар чуждого, природы; на первом плане у него чувство зависимости, и с этим легко сочетается готовность зависеть от людей, претерпевать всё, что бы ни случилось. Поэтому земледельческое сословие склонно к подчинению, промышленное к свободе.

На связь содержания категории «гражданское общество» с производственными отношениями и экономическим развитием указывал К. Маркс. В предисловии «К критике политической экономии» он писал: «Мои исследования привели меня к тому результату, что правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и французских писате-

лей XVIII века, называет “гражданским обществом”, и что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии»³.

Современная интерпретация понятия «гражданское общество». В современных концепциях можно вычленить два специфических значения (или функции) понятия гражданского общества: теоретико-аналитическое и нормативное.

В первом случае гражданское общество выступает как обобщенное понятие, обозначающее специфическую совокупность общественных коммуникаций и социальных связей, социальных институтов и ценностей, главными субъектами которых являются гражданин с его фундаментальными, социально-экономическими и политическими правами (свобода слова, равенство перед законом, право на участие в голосовании и политических организациях, право на экономическое благополучие, социальную защищенность, участие в общественных организациях, ассоциациях и объединениях. В этом смысле понятие «гражданское общество» используется для теоретического анализа и объяснения явлений социальной реальности.

Во втором случае понятие гражданского общества используется в качестве нормативной модели, которая способствует мотивации и мобилизации граждан и других социальных агентов для решения общезначимых и иных проявлений активности.

В то же время современное понимание гражданского общества связано с термином «третий сектор», который характеризует самостоятельность общественных и некоммерческих организаций, направленную на решение социально значимых проблем населения⁴.

Иногда гражданское общество характеризуют как систему не только негосударственных, но и неполитических отношений между людьми. Такая точка зрения представляется упрощенной и неверной. Она «выводит» из рассматриваемого понятия общественно-политические организации, различные действия гражданских ассоциаций политического характера, осуществляемые по отношению к органам власти.

К пониманию структуры гражданского общества. Гражданское общество имеет свою, достаточно сложную внутреннюю структуру. Для него характерно прежде всего наличие множественных горизонтальных связей, которые можно условно разделить на несколько уровней или слоев.

1. Первый уровень гражданского общества составляют *социально-экономические отношения*, основанные на многообразии форм собственности при

³ Цит. по: Павленко Ю. Современное гражданское общество // Вопросы экономики. – 2008. – № 10. – С. 96.

⁴ Резник Ю.М. Гражданское общество как идея // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – № 4. – С. 204.

соблюдении интересов личности и общества в целом. В этом смысле можно рассматривать гражданское общество как союз частных собственников, отстаивающих своих интересы перед лицом государства. Каждый из них обладает конкретной собственностью или правом использовать и распоряжаться по своему усмотрению собственностью, а также правом на произведенный с его участием общественный продукт. Частная собственность является основополагающим условием свободы личности в любом обществе.

2. Следующий уровень это *социокультурные отношения*, включающие семейно-родственные, этнические, религиозные и прочие культурно опосредованные связи. Гражданское общество основывается на многообразной, разветвленной социальной структуре, отражающей всё богатство и разнообразие интересов множества социальных групп и слоев, их представителей. Причем, это многообразие объективно стремится к постоянным изменениям, находится в динамике, образуя горизонтальные связи.

3. Верхний слой гражданского общества это *межличностные отношения*, связанные с индивидуальным выбором, политическими и культурными предпочтениями, ценностными ориентациями личностей. Это различные группы по интересам, политические партии, движения, клубы, группы давления и т.п. Тем самым обеспечивается культурный плюрализм, предполагающий отрицание идеологических стереотипов и обеспечивающий свободное волеизъявление всех граждан. Именно этот слой гражданского общества формирует наиболее активные социальные институты, тесно соприкасающиеся с государством и политической системой в целом.

Гражданское общество жизнеспособно тогда, когда его члены имеют высокий уровень духовного и интеллектуального развития, внутренне свободны и могут самостоятельно действовать при включении в тот или иной институт общественной жизни. Не случайно именно в таком обществе по мере его становления сформировались неэкономические факторы хозяйственной деятельности социума и человека: этика труда и соответствующая нравственность личности.

Влияние гражданского общества на государство. Гражданское общество существует и функционирует в диалектическом противоречивом единстве с государством. При демократическом режиме оно тесно соприкасается и взаимодействует с ним, при авторитарном и тоталитарном режимах — пребывает в пассивной или активной оппозиции к государству.

Как известно, человек входит как в гражданское, так и в политическое общество (непосредственно — в государство). В силу этого формируется, по образному выражению И.И. Кравченко, «политичность гражданского общества и гражданственность политического».

Опыт взаимоотношений государственных и гражданских институтов, как в прошлом, так и в настоящем показывает, что между ними постоянно возникает большее или меньшее напряжение. Власть, которая сознает значимость гражданского общества, должна быть готова не только к тому, что оно будет сотрудничать с ним, но и к тому, что оно будет оппозирующей силой, создающей порой критическую ситуацию для властных структур и особенно бюрократии.

Роль гражданского общества как промежуточного звена в процессе взаимодействия власти и граждан может порождать его идеализацию, что предполагает рассмотрение в качестве главного условия решения чуть ли не всех насущных проблем. В этом смысле гражданское общество становится синонимом некоего «хорошего общества». В широком историческом плане становление и развитие гражданского общества, безусловно, позитивно влияет на эффективное функционирование общественного организма и на утверждение в нем демократических начал, но оно не лишено внутренних противоречий.

В любом современном гражданском обществе существуют организации и группы, выражающие частные (корпоративные) и эгоистические интересы. Однако к ним не следует относить все группы без исключения, в т.ч. сектантские, экстремистские и преступные группировки. Их лидеры навязывают рядовым членам не правовые нормы поведения, ущемляющие их индивидуальные права и свободы. Такое общество не может быть гражданским, поскольку его главная функция состоит в том, чтобы защищать индивида от не правовой ассоциации и криминальных элементов⁵.

Однако нельзя идеализировать и конструктивную часть гражданского общества. В кризисных ситуациях, когда государство ослаблено, оно может реализовать стихийное, разрушительное и «революционное» давление на государственные и общественные институты, которое ослабляет способность всего общества решать свойственные ему задачи. Власть, оказавшись заложником в руках гражданского общества, что выливается, в конечном счете, в социальный хаос, деструктивные действия и доминирование групповых интересов.

Во взаимоотношениях гражданского общества и государства важное место занимают *корпорации*. Они жестко ориентированы на реализацию своих групповых интересов, структурированы не только по горизонтали, как это характерно для большинства институтов гражданского общества, но и часто по вертикали, прямо воздействуют на государственные орга-

⁵ См.: Тузигов А.Р. Демократия и гражданское общество в России // Социально-гуманитарные знания. – 2012. – № 5.

ны, предпочитая использовать не публичную политику, а скрытые механизмы неофициального влияния (лоббизма) на бюрократию с целью обеспечения принятия нужных решений. Легитимный характер деятельности корпораций определяется правовым полем, возможностью контроля со стороны общественности и прозрачностью функционирования.

Гражданское общество проходит в своем развитии ряд этапов, имеет свои особенности в каждой отдельной стране. Так, скажем, для Западной цивилизации при формировании гражданского общества были характерны воздействия протестантской этики труда и индивидуализации общественной сферы. А опыт становления гражданского общества в некоторых странах Дальнего Востока (Республика Корея, Сингапур, Тайвань, Япония и т.п.) свидетельствует, что его развитие возможно без индивидуализации западного типа и при усилении издавна существовавшей модели культуры, религии (например, развитие гражданской активности на базе конфуцианства и при условии сохранения традиционных политико-психологических феноменов поведения).

Итак, в ходе социальной эволюции происходит постоянное развитие как собственно государства, так и гражданского общества, а также их взаимоотношений, которые строятся на различных принципах доминирования, взаимодействия или рассогласования.

В современных концепциях политического управления («новый государственный менеджмент») развитое гражданское общество в постиндустриальных странах рассматривается как субъект контроля по отношению к органам власти, а также как заказчик или клиент государственных услуг. В индустриальных странах, вступивших на путь глубоких реформ, обычно формируется переходный, развивающийся тип гражданского общества, особенности взаимодействия которого с государством зависят от характера властных структур, политического режима, политической культуры общества и др. В любом случае гражданское общество выступает важным фактором демократизации государства и всего социума.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ирхин Ю.В.* Гражданское общество и власть: проблемы взаимодействия и контроля в современной России // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – № 5.
2. *Каган М.С.* Гражданское общество как культурная форма социальной системы // Социально-гуманитарные знания. – 2000. – № 6.
3. *Павленко Ю.* Современное гражданское общество // Вопросы экономики. 2008. № 10.
4. *Резник Ю.М.* Гражданское общество как феномен цивилизации. Часть 1. Идея гражданского общества в социальной мысли. – М., – 1993. – 167 с.
5. *Резник Ю.М.* Гражданское общество как идея // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – № 4.
6. *Тузигов А.Р.* Демократия и гражданское общество в России // Социально-гуманитарные знания. – 2012. – № 5.

Е.А. ЛИСИНА

УЧАСТИЕ СЕМЬИ И ЦЕРКВИ В СТАНОВЛЕНИИ ГРАЖДАНСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ РОССИЯН

Аннотация: В статье проводится краткий исторический анализ семьи как важнейшего института и основы государства. Определяется понятие «воспитанной беспомощности» как результата патерналистской системы социальной структуры советского общества. Разрабатывается понятие гражданской компетентности с разных точек зрения. В частности — как владение совокупностью квалифицирующих индивидуальных предпосылок и способность их применения на практике с целью реализации прав и исполнения обязанностей, обусловленных статусом гражданина. Подчеркивается интегративный характер гражданской компетентности, а также взаимоотношение социализации и гражданской компетентности. Оценивается опыт семьи и православной педагогики.

Abstract: The article offers a brief historical analysis of family as paramount institution and the basis of the State. The concept of “learned helplessness” is defined, with viewing it as a product of paternalistic system of social structure of Soviet society. The concept of civic competence is elaborated from various angles. In particular, it’s treated as possession of a set of individual qualifications and ability to apply them in practice to implement rights and duties of the status of citizenship. The author emphasizes the integrative nature of civil competence, as well as the relationship of socialization and civic competence. The experience of family and Orthodox pedagogy is evaluated.

Ключевые слова: семья, социальный институт, социализация, гражданская компетентность, воспитанная беспомощность, православная педагогика.

Keywords: family, social institution, socialization, civic competence, learned helplessness, Orthodox pedagogy.

Постановка проблемы. Традиционно российская семья как важнейший институт и основа государства развивалась с опорой на Православные ценности, так как Православие на протяжении столетий выступало в качестве государствобразующей религии Российского государства. Еще в XI–XII вв. на Руси были написаны рукописные книги педагогического содержания, такие как «Пчела», «Златоуст», «Изборник Святослава», основным предназначением которых было обучение человека многим жизненным добродетелям: чести, достоинству, трудолюбию, мудрости, стремлению к знаниям. В XVI в. был создан «Домострой», – письменный сборник наставлений и предписаний, содержащий правила домашнего устройства, которые касались духовной жизни, моральных ценностей, отношений внутри семьи и ведения домашнего хозяйства воспитания детей в семье. В нем утверждались глубокая вера в Бога, истинное милосердие, честность, трудолюбие, взаимоуважение. В тексте «Домостроя» осуждению подвергались праздность, пьянство, клевета и алчность. В XVIII в. в России появляются первые воспитательные общества. В XIX в. осуществляются разнообразные педагогические проекты творческого, свободного воспитания подрастающего поколения. XX в. стал переломным в отношениях семьи и государства.

От полного отрицания института семьи на заре советской власти, государственная политика на этапе «развитого социализма» трансформировалась в семейную политику, занимавшую приоритетные позиции в системе политической жизни государства и в значительной степени обеспечивающую на протяжении нескольких десятилетий устойчивый прирост населения при относительной стабильности ряда демографических и социальных показателей, свидетельствующих об эффективности этой политики. Именно в советский период на протяжении нескольких десятилетий отмечалась тенденция к снижению показателей алкоголизации среди детей и подростков, а употребление токсических и наркотических веществ в немедицинских целях представителями молодого поколения и вовсе, носило эпизодический характер, не представляя угрозы безопасности обществу и государству. Однако, исторический опыт продемонстрировал ошибки и просчеты государственной политики советской эпохи в области семейного строительства, в первую очередь обусловленные патерналистской политикой государства по отношению к гражданам.

На протяжении достаточно продолжительного периода времени государство не осуществляло делегирования полномочий и ответственности ни детям, ни взрослым членам семьи даже в решении повседневных задач, направленных на обеспечение физического и нравственного здоровья отдельного человека. Патернализм со стороны государства приве-

ли к формированию «воспитанной беспомощности» у значительной части населения, что не замедлило сказаться в период всеобъемлющего кризиса, когда в условиях несостоятельных и неудавшихся «демократических» реформ начала девяностых годов прошлого века гиперопека со стороны государства сменилась на безразличие и отстраненность по отношению к решению вопросов воспитания молодого поколения. Данная позиция государства в постсоветский период способствовала лавинообразному распространению в российском обществе, и в первую очередь, в молодежной среде, различных социально-негативных форм отклоняющегося поведения. Правовой нигилизм и инфантилизм на долгих два десятилетия стали для детей и многих молодых людей нормой жизни.

Понятия гражданственности и гражданской компетентности. Воспитание гражданина страны — одно из главных условий национального возрождения. Понятие «*гражданственность*» предполагает освоение и реализацию ребенком своих прав и обязанностей по отношению к себе самому, своей семье, коллективу, к родному краю, Отечеству, планете Земля. Формируя в семье духовно-нравственного гражданина, необходимо видеть в нём человека для дальнейшей жизни в социуме. Поэтому гражданин с педагогической точки зрения — это самобытная индивидуальность, личность, обладающая единством духовно-нравственного и правового долга.

В научной литературе гражданская компетентность трактуется как:

1) владение субъектом совокупностью компетенций гражданственности (И.А. Зимняя);

2) совокупность готовности и способностей, позволяющих активно, ответственно и эффективно реализовывать права и обязанности участника демократического общества, применять знания и умения в социальной жизни (Т.И. Тюляева);

3) комплексное развитие компетенций при подготовке обучающихся к гражданскому участию в жизни общества и государства (И.Г. Долинина),

4) совокупность гражданских знаний, умений и навыков, опыта, отраженная в подготовленности к их реализации в деятельности, обусловленной гражданскими качествами и ценностными ориентациями личности (Г.Л. Котова);

5) совокупность квалифицирующих предпосылок для реализации прав и исполнения обязанностей, которые обусловлены статусом гражданства (Х. Мюнклер) и др.

В нашем понимании *гражданская компетентность* — это овладение личностью совокупностью гражданских качеств и способность их применения на практике с целью реализации прав и исполнения обязанностей, обусловленных статусом гражданина.

Предметом реализации гражданской компетентности (и главным критерием оценки её качества) является степень полноценности участия индивида в общественной жизни. Данное понятие относится к характеристике обладателя статуса «гражданин». Её является фактическая возможность для гражданина исполнять обязанности и пользоваться своими правами, достигать конкретные и социально значимые цели при обеспечении адекватными условиями.

Таким образом, понятие гражданской компетентности имеет интегративный характер и включает в себя остальные, более узкие перечни компетенций, так как стать полноценным гражданином невозможно без профессиональной состоятельности, коммуникативных навыков и полноценной включенности в жизнь общества (участия в принятии общественно значимых решений). Поскольку одной из функций гражданского общества является социализация личности, то данный контекст необходимо учитывать при изучении феномена гражданской компетентности.

В состав данной компетентности входят следующие качества:

- соединение духа свободы и чувства высокой ответственности за происходящее;
- активная гражданская позиция;
- толерантное отношение личности к другим мировоззренческим и религиозным течениям в общественной жизни страны;
- опыт участия в общественных движениях и гражданских акциях, соответствующим национально-культурным исканиям народа и представлениям о социальной справедливости.

Гражданская социализация есть процесс становления гражданина путем усвоения личностью норм, ценностей и компетенций гражданского общества, навыков их реализации в определенных национально-культурных условиях. Этот двусторонний процесс должен быть адекватен задачам социальной трансформации и политической модернизации общества. Процесс социализации гражданина выступает естественным основанием формирования его социальной зрелости и идентичности¹.

¹ О природе гражданской идентичности более подробно см.: *Резник Ю.М.* Человек в гражданском обществе: проблема идентичности // *Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования.* – М.: ИФ РАН, 2008. – С. 47-57; *Резник Ю.М.* Персонализм против социоцентризма (лично-ориентированная теория гражданского общества: возможности обоснования) // *Философия и культура.* – 2009. – № 8 (20). – С. 19-28; *Резник Ю.М.* Человек гражданский: проблемы идентичности // *Вопросы социальной теории: Научный альманах.* 2010. Т. IV. Человек в поисках идентичности / Под ред. Ю.М. Резника и М.В. Тлостановой. – М.: Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010. – С. 305-325.

Основными *институтами* гражданской социализации выступают: система образования, семья, общественно-политические организации, церковь, средства массовой информации и коммуникации, профессиональные группы, группы по интересам. *Осознание и реализация в семье необходимости и возможностей формирования духовно-нравственных основ личности, её гражданской социализации — одно из условий полноценного развития человека.* Соответственно, в каждый конкретно-исторический период важно определиться в выборе «основного звена» в духовно-нравственном мире человека, с помощью которого и через которое можно оказывать наиболее оптимальное управляющее воздействие на характер его личностного становления.

Мы считаем, что таким звеном выступает сплав духовности и гражданской компетентности личности ребёнка, которые обеспечиваются соответственно совместной деятельностью церкви и семьи.

О роли семьи и церкви в формировании гражданской компетентности личности ребёнка. Сегодня государством принимаются разнообразные меры для спасения и укрепления духовности и нравственности в нашем обществе, особенно в среде молодёжи. Вместе с тем расширяется миссионерская деятельность церкви. Обращение к опыту *православной педагогики* в настоящее время, когда идет поиск духовного возрождения России, особенно актуально, так как общество и государство остро нуждаются в образовательных моделях, обеспечивающих, духовно-нравственные компоненты в содержании образования².

Утрата стержневой роли традиционной религии, изменение понимания сути духовности в современной культуре приводят к возникновению кризисных явлений в духовно-нравственной сфере. Внерелигиозный контекст не дает возможности четкого различения понятий добра и зла, правды, достоинства, долга, чести, совести; искажает и подменяет традиционные (для русской культуры, несомненно, православные) представления о человеке и его смысле жизни, моральные ценности и представления.

Только традиционный жизненный уклад в сочетании с активной гражданской позицией могут быть противопоставлены агрессивному влиянию современной массовой, потребительской по сути культуры и экспортированной с Запада цивилизационной модели. Для России нет другого пути выхода из кризиса в духовно-нравственной сфере, кроме возрождения самобытной российской цивилизации на традиционных ценностях оте-

² Маркова В.Н. Нравственное воспитание в отечественной педагогике // Дошкольное воспитание. — № 12. — 2009. — 104 с.

чественной культуры, хотя и с учетом гражданских ориентаций. А это возможно при условии восстановления духовно-нравственного, интеллектуального и гражданского потенциала носителя русской культуры – русского народа. При этом учет положительной роли православной Церкви в отечественной истории вообще и истории педагогики, в частности, а также возможностей их существенного влияния на человека в процессе формирования нового общества принесет безусловную пользу как педагогической науке, так и семье, и школьной практике.

Очевидно, что гражданская культура российского общества обеспечивает возможность удовлетворения специфических образовательных запросов семьи с учётом интересов разных мировоззренческих групп в обществе. Для этого должны быть сформулированы базовые принципы изучения различных курсов (граждановедения, основ православной культуры и др.) в средней школе, в т.ч. такие, как добровольность, многообразие и право выбора. Потребность в качественном обновлении гражданского воспитания учащихся российских школ осознается в последние годы и обществом, и государством³. Реализация стратегии духовно-нравственного и гражданского воспитания личности предполагает интеграцию семьи, церкви и ресурсов систем образования.

Между тем уже две тысячи лет безотказно работает идеальная воспитательная система – *христианская этика*, которая не противоречит, на наш взгляд, принципам гражданской культуры (свободе, творческой активности, стремлению к справедливости). Этика христианства определяет моральные ценности и ориентиры человеческого поведения, основанные на христианском представлении о природе и предназначении человека, его отношении с Богом. «Специфика духовной близости ребенка и взрослого (в отличие от витальной, эмоциональной, социальной связанности) состоит в очеловечивании (одухотворении) взрослым жизненного мира ребенка. Максима такого отношения есть любовь взрослого к человеческому в человеке, непосредственно – в ребенке, как его устремление навстречу становящемуся индивидуальному духу. Такое отношение, по сути, благодатно. Таким образом, духовность – это действительно новое качество и новый принцип жизни, делающий человека человеком»⁴.

³ Кстати, в состав действующего стандарта общего образования (ФГОС) включен ряд программных материалов по теме содержания воспитания школьников и приобретения ими духовно-нравственных и гражданских компетенций.

⁴ См.: *Слободчиков В.И.* Духовные проблемы человека в современном мире // Педагогика. – 2008. – № 9.

В гражданском воспитании личности особая надежда возлагается на семью. Именно в ней возможна духовная близость ребенка и взрослого, здесь происходит обретение, приумножение социального опыта и обмен им. Причём повседневность семейной жизни и разные способы социализации (светской и религиозной) дадут ребенку возможность развивать в себе силу духа любви и милосердия. Понятно, что это – идеал, картинка из области должного. В реальности все чаще наблюдается отчуждение и разнузданность страстей на поле семейной брани. Главная болевая точка современной социокультурной ситуации – это разрушенные связи между разными поколениями, антагонизм в семье и школе, разобщенность в местах совместного проживания.

Педагогическая практика показывает, что перспективное направление в деле формирования гражданских компетенций связано именно с восстановлением духовных традиций, нравственного уклада жизни, форм национального семейного опыта и с приспособлением их к новым историческим условиям. Существуют исследования, которые позволяют утверждать, что системообразующей основой духовно-нравственного становления личности школьника должны быть религиозные воззрения народа, а базовым элементом системы гражданского воспитания является семья. Именно семью, а не ребенка следует считать субъектом образовательного процесса⁵. Вторым, не менее важным субъектом духовного и гражданского воспитания выступает Православная церковь.

Таким образом, гражданская компетентность подрастающего поколения является результатом совместных усилий семьи, церкви и других институтов современного российского общества. Их скоординированные действия возможны в рамках как всего гражданского общества, так и разнообразных ассоциаций, ориентированных на сохранение и развитие традиций национальной культуры. В конце концов, общество должно сплотиться вокруг национальной идеи (обобщённого культурно-исторического опыта) и выработать приоритеты духовно-нравственного и гражданского воспитания детей и подростков. В этом заключается, на наш взгляд, залог устойчивого социально-экономического развития и духовного благополучия современной России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маркова В.Н.* Нравственное воспитание в отечественной педагогике // Дошкольное воспитание. – 2009. – № 12..

⁵ См.: *Хоружий С.* Духовная и культурная традиции России в их конфликтном взаимодействии. – Источник: <http://www.polit.ru/lectures/2004/09/28/horuzhiy.html> (обращение: 21.02.2016).

2. Резник Ю.М. Проекты гражданского общества в современной России: возможности и парадоксы реализации // Социальные проблемы развития белорусского общества в условиях глобализации. — Минск, 2006. — С. 26-38.
3. Резник Ю.М. Человек в гражданском обществе: проблема идентичности // Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. — М.: ИФ РАН, 2008. — С. 47-57.
4. Резник Ю.М. Персонализм против социцентризма (лично-ориентированная теория гражданского общества: возможности обоснования) // Философия и культура. — 2009. — № 8 (20). — С. 19-28.
5. Резник Ю.М. Человек гражданский: проблемы идентичности // Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2010. Т. IV. Человек в поисках идентичности. Под ред. Ю.М. Резника и М.В. Глостановой. — М.: Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010. — С. 305-325.
6. Резник Ю.М. В поисках новой гражданской общественности // Известия Томского политехнического университета. — 2012. Т. 320. — № 6. Экономика. Философия, социология и культурология. История. — С. 106-112.
7. Слободчиков В.И. Духовные проблемы человека в современном мире // Педагогика. — 2008. — № 9.
8. Хоружий С. Духовная и культурная традиции России в их конфликтном взаимодействии. — Источник: <http://www.polit.ru/lectures/2004/09/28/horuzhiy.html> (обращение: 21.02.2016).

Н.А. СТЕПАНОВ

ПРОЕКТИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И СТРАТЕГИЙ ШКОЛЬНИКОВ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ПЕДАГОГА

***Аннотация.** Статья посвящена анализу развития человеческой сущности школьника в контексте реализации базовых функций социального педагога. Процессы становления идентичности, духовного и социального качества молодежи протекают в постоянно меняющихся условиях, в обществе, находящемся на пути к поиску собственной качественной определенности. Ценностная система, которая складывается в молодёжной среде сегодня, через некоторое время может стать основой ориентации российского общества в целом, ядром его культуры. Одним из ключевых показателей эффективной социализации должны выступать не столько молодежные ценностные ориентации, а устойчивые ценности, выражающиеся в их жизненных стратегиях.*

***Annotation.** The article analyzes a development of human qualities in schoolchildren in the context of carrying out of basic functions of social care teacher. The processes of identity formation and development of mental and social qualities of young people take place in ever-changing conditions of society engaged in a search of its own qualitative certainty. Value system as it is formed among young people today may eventually become a basis for orientation of Russian society as a whole, or the core of its culture. One of key performance indicators of socialization should be not youth' value orientations, but rather sustainable values as expressed in their life strategies.*

***Ключевые слова:** социализация, ценностные ориентации, жизненные стратегии, социальная педагогика, проектирование, социальное пространство.*

Степанов Николай Александрович – кандидат философских наук, доцент, директор Центра социальной теории РГРТУ (Рязань). E-mail: nikolaiastepanov@gmail.com.

Keywords: *socialization, values, life strategies, social pedagogy, design, social space.*

Постановка проблемы. Проектирование будущего школьников в ипостаси развития их личностной сущности во многом пересекается с базовой функцией социального педагога – анализа социализации и формирования социального пространства школы, а также индивидуального пространства каждого учащегося¹.

Одним из традиционных аспектов социализации в средней школе выступает проблема формирования ценностных систем, в т.ч. ценностных ориентаций школьников.

Актуальность проблемы социализации молодёжи определяется следующим. Во-первых, общесоциальными причинами, связанными с потерей личностью прежних жизненных ориентиров вплоть до утраты образа будущего общества и способности к самоидентификации, связанных в свою очередь с неопределенностью их жизненных перспектив; во-вторых, на социокультурном уровне это объясняется нарушением традиций ценностно-ориентированного воспитания; в-третьих, на социально-институциональном уровне – снижением числа возможных каналов социальной реализации молодежи, а также изменением профессиональной структуры деятельности общеобразовательных школ (в сторону усиления предметного образования, доминирование вектора «натаскивания» на ЕГЭ, снижения социализационного потенциала образовательного пространства школы).

Таким образом, процессы становления социокультурной идентичности молодежи протекают в постоянно меняющихся условиях, в обществе, находящимся на пути к поиску собственной качественной определенности, что и определяет актуальность данной проблематики. В то же время ценностная система, которая складывается в молодёжной среде сегодня, через некоторое время может стать основой ориентации российского общества в целом, ядром его культуры.

Исследование проблемы формирования ценностных ориентаций личности в условиях реформирования российского общества имеет ком-

¹ См.: Мудрик А.В. Социализация как социально-педагогическое явление // Социальная педагогика: Учеб. для студ. пед. вузов / Под ред. В.А. Сластенина. – М.: Издательский центр «Академия», 2000. – 200 с.; Мудрик А.В. Социализация человека как контекст воспитания // Мудрик А.В. Введение в социальную педагогику. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2009. – 564 с.; Фельдштейн Д.И. Социализация и индивидуализация – содержание процесса социального взросления // Социальное развитие в пространстве-времени детства. АПСН. – М. 1997.

плексный и междисциплинарный характер. Нам принципиально важно в контексте профессиональной деятельности социального педагога выяснить, какова его роль в процессе формирования социальных ценностей школьников, и наоборот, какое место последние занимают в структуре данной деятельности.

Предпосылки исследования. В качестве методологии исследования мы избрали социальную феноменологию². Исходя из глубинной и «измерительной» сущности феноменологической социологии, мы выделили возможные измерения складывающихся систем ценностей школьников, в т.ч. «вес» (степень соответствия традиционным, «вечным» ценностям), «время» (степень соответствия общепринятым образцам в конкретной социокультурной ситуации), «высота» (социально-духовная ипостась ценностей); «широта» (показатель и ипостась многообразия ценностей). Кроме того, следует выделить также пятое измерение — «глубину» социальных ценностей и «сформированность» жизненных стратегий, понимаемых нами как показатель прочности, устойчивости ценностных ориентации.

На примере конкретной школы мы определяем подходы к изучению ценностей и предлагаем некоторые социально-педагогические технологии исследования и формирования ценностных ориентаций и жизненных стратегий школьников старших лицейских классов (через определение степени их сформированности и роли школы в этом процессе, а также описание деятельности субъектов образовательного процесса по его реализации).

Особый интерес вызвал тот факт, что проблема выявления ценностных ориентаций является скрытой, не диагностированной школой и не решаемой специально, а следовательно: с одной стороны, демонстрирует классический пример профессионального поля социального педагога, которому приходится иметь дело прежде всего с «латентными» проблемами; с другой стороны, социальному педагогу в этих условиях приходится не «преодолевать затруднения», а формировать социальный проект с нуля, хотя и с учетом опыта решения близких проблем в школе (например, система воспитания гражданских качеств школьников) и во взаимодействии с уже имеющимися школьными службами (психологической, институтом классных воспитателей и др.).

В качестве *объекта исследования* выступает школьный класс. Нами было проведено комплексное социологическое исследование, имевшее следующие задачи:

² См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М.: «Медиум», 1995. — 323 с.

- определить структуру ценностных ориентаций школьников;
- показать степень их сформированности;
- изучить степень сформированности жизненных стратегий;
- раскрыть доминирующие в классах ценности и стратегии;
- выявить эффективность процессов социализации;
- определить эффективность деятельности школы по формированию ценностных ориентаций школьников;
- разработать основные направления социального проекта оптимизации формирования ценностных ориентации учащихся.

В качестве *основных гипотез* нами были приняты следующие суждения:

1) формирование ценностных ориентаций, как и многие другие, социализационные процессы осуществляются стихийно и в связи с близкими школе профилем деятельности педагогического коллектива;

2) жизненные стратегии у большинства старшеклассников не сформированы, можно говорить лишь о некоторых доминирующих ценностных ориентациях;

3) уровень «субъектного качества», то есть осознанности действий и целенаправленности формирования ценностных ориентаций находится в пределах «стартовых» значений, что выше «фоновых» значений, но ниже «нормативных» и «продвинутых»³.

При интерпретации основных понятий мы приняли за основу подход Ю.М. Резника, стержнем которого выступает понимание жизненной стратегии как динамической, самовоспроизводящейся и устойчивой системы перспективных ориентации субъекта (индивида, группы), направляющих и регулирующих его поведение в течение длительного времени⁴. В содержательном смысле жизненная стратегия есть совокупность социокультурных представлений личности о собственном будущем, основанных на принятых критериях должного и определяющих её поведение на долговременную перспективу. Она включает в себя, как правило, надситуативные и интегративные установки (ориентации) человека.

³ Следует уточнить названные понятия уровней эффективности образования: «фоновый» уровень, характеризующий самопроизвольный эффект, который осуществляется вне и независимо от поставленных целей; «стартовый» уровень, характеризующий исходные показатели в начале целенаправленной деятельности; «нормативный» уровень, рекомендуемый в качестве ориентира; уровень «массового внедрения»; «продвинутый» уровень, превышающий нормативный.

⁴ См.: Резник Ю.М., Смирнов Е.А. Жизненные стратегии личности (опыт комплексного анализа). — М.: Изд-во Независимого института гражданского общества, 2002. — 260 с.; Резник Ю.М., Резник Т.Е. Жизненные стратегии личности // Социологические исследования. — 1995. — № 10; Резник Ю.М., Резник Т.Е. Жизненное ориентирование личности: анализ и консультирование // Социологические исследования. — 1996. — № 6.

Табл. 1. Система ценностей школьников

Терминальные ценности			
Социальные	Смысложизненные	Витальные	Интеракционистские
Свобода	Жизненная мудрость	Здоровье	Любовь
Активная деятельная жизнь	Красота природы	Семья	Счастье других
Интересная работа	Познание	Продуктивная жизнь	Друзья
Творчество	Уверенность в себе	Развитие	Развлечения
Общественное признание	-	Материально обеспеченная жизнь	-

Одной из основных классификаций жизненных стратегий Ю.М. Резника является различие стратегий личного и социального успеха, существенно отличающихся друг от друга. Стратегия личного успеха подразумевает планируемые на перспективу индивидуальные достижения человека. Социальный успех реализуется исключительно на общественном поприще и в межличностных коммуникациях.

Наше исследование состоит из двух частей, переплетающихся хронологически и содержательно: (1) изучение ценностных ориентаций и (2) определение жизненных стратегий старшеклассников.

Для изучения особенностей формирования ценностных ориентаций старшеклассников за основу был взят модифицированный автором тест Рокича⁵. Одно из достоинств этого инструментария заключается в возможности выявить не только сами ценностные ориентации, но и некоторые показатели социализированности старшеклассников, что и является задачей социального педагога, ибо сам феномен ценностных ориентации представляет собой поле профессиональной деятельности различных образовательных субъектов. Нас же интересует социальная составляющая изучаемых процессов. В этом случае становится понятен и наш выбор инструментария, связанный с возможностью оценить одновременно и ценностные ориентации, и степень социализированности школьников. Кроме того, указанный тест дает определенную свободу в интерпретации понятия и результатов исследования.

Жизненные стратегии стоят особняком: они могут выступать и как показатель социализированное, и как самостоятельный предмет исследования. Пока же ограничимся их использованием в первой роли – в качестве показателя уровня социализированности.

Мы разработали собственный вариант интерпретации теста Рокича. Ниже приводится наша классификация терминальных ценностей (см. табл. 1).

⁵ См.: <http://psylab.info/> Методика «Ценностные ориентации» Рокича (обращение: 21.03.2016).

Выборочная характеристика результатов исследований. В нашей статье мы приведем в качестве примера и иллюстрации результаты нашей работы с технологией изучения ценностных ориентации в средней школе по некоторым параметрам: по наличию и устойчивости социальных ценностей, а также по сформированности жизненных стратегий.

Так, среди терминальных ценностей с рангом от 1 до 5 ученики 11 классов назвали следующее: «любовь»; «жизненная мудрость» (зрелость суждений, здравый смысл); «продуктивная жизнь» (максимальное использование своих возможностей); «активная деятельная жизнь» (полнота и эмоциональная насыщенность жизни); «здоровье» (психическое и физическое); «интересная работа»; «творчество» (возможность творческой деятельности) и др.

По нашей классификации среди первой пятерки (на 3 месте) ценностей оказалась «активная деятельная жизнь». Но по числу выборов (то есть по критерию устойчивости) лидируют две другие социальные ценности: «творчество» и «активная деятельная жизнь». «Свобода» оказалась вообще не выбрана и не получила признание окружающих (11 ранг). Это означает, что социальные ценности не составляют стержня ценностных ориентаций школьников в старших классах, что, в свою очередь, является показателем невысокого уровня их социализированности, а соответственно, составляет реальную проблему для работы социального педагога.

Вторым параметром социализированности в нашем исследовании выступал уровень сформированности жизненных стратегий старшеклассников. Отвечая на неальтернативный вопрос о жизненном успехе, старшеклассники выбирали одновременно и «осуществление личных планов», и «общественное признание». Отсутствие однозначного выбора в пользу той или иной стратегии говорит об их недостаточной сформированности.

Для корректности был поставлен ещё один блок вопросов. Но во всех случаях старшеклассники не смогли сделать однозначный выбор: творчество или комфорт, собственное благополучие или благополучие близких им людей.

Мы рассматриваем затруднения при выборе старшеклассников как показатель неустойчивости их жизненной позиции и отсутствия четкой личностной стратегии. Вместе с тем была зафиксирована достаточно выраженная ориентация на социально-духовные ценности. Все это говорит о выраженном проявлении так называемых «постматериалистических» ценностей как возможной основе специфической жизненной стратегии, характеризующейся неокончателюной сформированностью и склонностью к социально-духовным ориентирам.

Сравним эти результаты с итогами изучения ценностных ориентаций 10А и 10В классов, набор жизненных ориентации которых находятся в первой тройке. Это — здоровье, материальная независимость, образованность. Их выбор нельзя отнести однозначно к классическим постматериалистическим ценностям.

Таким образом, можно констатировать существенные различия ценностных ориентаций 10-х и 11-х классов, что косвенным образом свидетельствует об отсутствии в школьных учреждениях чётко выраженной политики формирования ценностных ориентации. Это, скорее, направляющая политика, а не формирующая. В этом случае следует определиться с методологией воспитания в школе: ведь в модели выпускника упомянуто только о гражданских ценностях. Среди «основных» компонентов данной модели названы «развитые способности к самоопределению», «повышенный уровень знаний и умений», «повышенный уровень общих способностей», «сформированность гражданских ценностей», наличие правовой, эстетической и нравственной культуры, потребность в здоровом образе жизни, способность к социально-активной деятельности.

Встает вопрос: что это, недоработка в политике или осознанная ориентация школы на развитие плюрализма ценностей школьников?

Проблема формирования жизненных стратегий старшеклассников достаточно многообразна и сложна, чтобы исчерпывать ей одной характеристикой. Но, как минимум, она вызывает ряд вопросов, требующих специального анализа:

Должна ли у школьников формироваться жизненная стратегия или это задача других социальных институтов, вовлекающих людей в свою орбиту в более зрелом возрасте?

Если все-таки должна (а мы полагаем именно так), то каковы пределы глубины (устойчивости) выбора жизненной стратегии?

В какой степени школа должна участвовать в формировании жизненной стратегии? Ведь это понятие более сложное (в том числе и в организационном плане), чем ценностная ориентация, и возлагать задачу их формирования на школу — дело чрезвычайно ответственное.

С одной стороны, жизненная стратегия выступает качеством развития ценностной ориентации, с другой стороны, ответственность социальных педагогов и руководителей школьных учреждений за её формирование неизмеримо выше, поскольку не существует «хороших» и «плохих» стратегий, в отличие от позитивных и негативных ценностей.

Определенный интерес в этом отношении могут представлять результаты теста «Жизненные предназначения», раскрывающие некоторые дополнительные обстоятельства и социотехнические особенности форми-

рования жизненных стратегий и ценностных ориентации. Можно предположить, что уровень понимания школьниками своего жизненного предназначения выступает показателем их социальной рефлексии и, соответственно, качества социализированности.

Уровень амбиций старшеклассников ожидаемо высок: около 90 % считают себя хозяевами своей судьбы. Но понимание жизненного предназначения как основы личностной стратегии у них значительно ниже: от 1\3 до 1\2 не уверены, что знают своё предназначение. Зато скептицизм в оценке своих возможностей самореализации весьма высок: до 90%. При этом выражена ориентация старшеклассников на масштабные жизненные цели, к тому же отложенные «на потом».

Таким образом, можно сделать вывод о первоначальной готовности образовательных субъектов к участию в решении проблемы: есть понимание значимости проблемы и необходимости её решения как со стороны администрации и учителей, так и со стороны самих школьников. Кроме того, последние заинтересованы и готовы участвовать в конкретных мероприятиях по решению этой проблемы.

Вместе с тем необходимо расширить и уточнить следующую исследовательскую задачу: следует провести тщательный всесторонний профессиональный анализ для выяснения уже упомянутых первичных вопросов. Должна ли в школе у старшеклассников формироваться жизненная стратегия или это — задача других социальных институтов? Каковы должны быть пределы глубины и твердости выбора жизненной стратегии? В какой степени школа должна участвовать в формировании жизненной стратегии?

Рекомендации. Мы полагаем, что одним из ключевых показателей эффективной социализации по нашим представлениям должны выступать не молодежные ценностные ориентации, а устойчивые ценности, выражающиеся в жизненных стратегиях.

В этой связи мы предлагаем в качестве рекомендаций следующее.

1. Поэтому исследовать и формировать следует именно стратегии (долговременные ориентиры, требующие личного и осознанного выбора собственного будущего) и как базовую ценностную систему, и как гарантии устойчивого мировоззрения, а не ценностные ориентации, которые по определению инструментальны, дискретны, ситуативны (конечны во времени) и могут служить лишь косвенным показателем эффективности процессов социализации школьников.

2. Формирование жизненных стратегий учащихся должно выступить важным и действенным фактором совершенствования школьного образования в целом и роста его социальной эффективности.

Таким образом, мы пришли к пониманию еще одного нового ориентира социальной эффективности образования – необходимости формирования жизненных стратегий учащихся как ценностной основы их будущей деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: «Медиум», 1995. – 323 с.
2. Мудрик А.В. Социализация как социально-педагогическое явление // Социальная педагогика: Учеб. для студ. пед. вузов / Под ред. В.А. Сластенина. – М.: Издательский центр «Академия», 2000. – 200 с.
3. Мудрик А.В. Социализация человека как контекст воспитания // Мудрик А.В. Введение в социальную педагогику. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2009. – 564 с.
4. Резник Ю.М., Смирнов Е.А. Жизненные стратегии личности (опыт комплексного анализа). – М.: Изд-во Независимого института гражданского общества, 2002. – 260 с.
5. Резник Ю.М., Резник Т.Е. Жизненные стратегии личности // Социологические исследования. – 1995. – № 10.
6. Резник Ю.М., Резник Т.Е. Жизненное ориентирование личности: анализ и консультирование // Социологические исследования. – 1996. – № 6.
7. Свенцицкий А.Л. Личность в социальном мире // Свенцицкий А.Л. Социальная психология: Учебник. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – 336 с.
8. Фельдштейн Д.И. Социализация и индивидуализация – содержание процесса социального взросления // Социальное развитие в пространстве-времени детства. – М.: АПСН, 1997.
9. <http://psylab.info/> Методика «Ценностные ориентации» Рокича (обращение: 21.03.2016).

Д.Д. ФАТИНА

РОЛЬ СМИ В ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

***Аннотация:** Статья посвящена рассмотрению роли влияния СМИ на процесс формирования гражданского общества в современной России. Исследование влияния средств массовой информации на общественное мнение имеет глубокие исторические корни. Актуальной является задача расширения информационной среды, выполняющей задачи укрепления базовых основ организации гражданского общества, роста интеграционных процессов в политическом, социально-экономическом, а также культурном развитии государства. Отечественное законодательство в сфере СМИ имеет серьезные ресурсы для развития и совершенствования. Предстоит еще немало сделать для выработки собственного нового опыта, увязки его с лучшими мировыми и отечественными традициями.*

***Abstract:** The article examines the influence of mass-media on the process of formation of civil society in contemporary Russia. The study of influence of mass-media on public opinion has deep historical roots. An urgent need is to widen the information environment that performs the tasks of strengthening the foundations of civil society organization and of increasing integration processes in the political, socio-economic and cultural development of the country. Domestic legislation in the sphere of mass media has serious resources for development and improvement. There is still much to be done to develop our own new experience and to link it with the best international and national traditions.*

***Ключевые слова:** гражданское общество, СМИ, демократическое государство, правовое государство, правовая культура, общественное мнение, свобода слова.*

***Keywords:** civil society, mass-media, democratic State, rule of law, legal culture, public opinion, freedom of speech.*

СМИ в гражданском обществе. Гражданское общество в современной России невозможно построить без опоры на разветвленную сеть социальных институтов и без участия самих граждан¹. Одним из таких институтов являются независимые СМИ.

На современном этапе развития российского общества проблема объективного информирования граждан о событиях, происходящих в мире, является наиболее острой. В XXI в. СМИ необходимо рассматривать не только как негласное дополнение к трем ветвям государственной власти, но и как самостоятельное образование, оказывающее как целенаправленное, так и спонтанное воздействие на формирование мнения граждан, их системы ценностей, гражданской позиции и форм поведения.

СМИ в гражданском обществе – та его неотъемлемая часть, которая является посредником между личностью и государством, функционирует как инструмент гласности, открытости и защиты прав и свобод граждан.

Развитие открытого информационного общества является важнейшей

¹ О проектах гражданского общества и возможностях их реализации в российском социуме см. работы Ю.М. Резника: *Резник Ю.М.* Гражданское общество в современной России: проекты и возможности их реализации // *Личность. Культура. Общество.* 2006. Т. 8. Спец. вып. 1 (33). – С. 80-89; *Резник Ю.М.* Гражданское общество как социокультурный проект современной России: возможности и парадоксы реализации // *Управленческое консультирование: Научно-практ. журнал.* 2006. № 1. – С. 55-73; *Резник Ю.М.* Возможно ли гражданское общество? Парадоксы и перспективы гражданственности в России // *Цивилизации народов Поволжья и Приуралья: Сбор. Научных трудов.* Т. IV. – Чебоксары, ЧГПУ, 2006. – С. 9-22; *Резник Ю.М.* Гражданское согласие как основа конструктивного взаимодействия субъектов в современном обществе // *Цивилизации.* Вып. 7. Диалог культур и цивилизаций. – М., ИВИ РАН, 2006; *Резник Ю.М.* Проекты гражданского общества в современной России: возможности и парадоксы реализации // *Социальные проблемы развития белорусского общества в условиях глобализации.* – Минск, 2006. – С. 26-38; *Резник Ю.М.* Гражданское общество в современной России: проекты и возможности их реализации // *Гражданское общество: теория и практика.* Ежегодник. 2007. Вып. 1. / Под ред. Г.Н. Григорьева и Ю.М. Резника. – Чебоксары: ЧГПУ, 2008. – С. 23-47; *Резник Ю.М.* Гражданское общество в системе ценностных ориентаций российского человека // *Дальний Восток: динамика ценностных ориентаций.* Материалы межд. Научно-практической конференции / Под ред. И.И. Докучаева. – Комсомольск-на-Амуре: КнаГТУ, 2008. – С. 115-130; *Резник Ю.М.* Человек гражданский: проблемы идентичности // *Вопросы социальной теории: Научный альманах.* 2010. Т. IV. Человек в поисках идентичности / Под ред. Ю.М. Резника и М.В. Тлостановой. – М.: Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010. – С. 305-325; *Резник Ю.М.* Гражданское общество: трансформация моделей существования (от рационализма к трансперсонализму) // *Личность. Культура. Общество.* 2012. Т. XIV. Вып. 1 (№№ 69-70). – С. 123-139; *Резник Ю.М.* В поисках новой гражданской общественности // *Известия Томского политехнического университета.* 2012. Т. 320. № 6. Экономика. Философия, социология и культурология. Исследования. – С. 106-112; *Резник Ю.М.* На пути к постгражданской общественности // *Управление мегаполисом.* 2012. № 3. – С. 35-47, и др.

составляющей в становлении демократических устоев внутри страны. А телевидение, радио и интернет – инструменты в формировании общественного мнения, которые помогают гражданам публично участвовать в открытом диалоге как между собой, так и с институтами власти.

Как известно, термин «открытое общество» впервые ввел в научный обиход английский философ Карл Поппер в своей работе «Открытое общество и его враги». Что интересно, Поппер не давал конкретного определения открытому обществу, но объяснение его отталкивается от полной противоположности описания общества закрытого. Такое общество отчетливо характеризуется периодом стагнации как в политической, экономической, социальной, так и в духовной жизни человека. И закрытость такого общества характеризуется не только и не сколько в отсутствии актуальной и независимой информации, а в невозможности в законодательной обусловленной мере вершить собственную волю.

Таким образом, исследование влияния средств массовой информации на общественное мнение имеет глубокие исторические корни. С давних времен и до наших дней роль информации в коммуникациях общества вызывает интерес у ученых, политиков и рядовых граждан.

В этой связи актуальной является задача расширения информационной среды, выполняющей задачи укрепления базовых основ гражданского общества, роста интеграционных процессов в политическом, социально-экономическом, а также культурном развитии государства. Так или иначе, следует понимать, что средства массовой информации по многим функциям обеспечивают политическую устойчивость и безопасность общества².

Средства массовой информации представляют собой характерные организации, созданные для публичной, открытой передачи при помощи специального технического инструментария различных сведений любым лицам. Это – достаточно самостоятельная система, «характеризующаяся множеством составляющих элементов: содержанием, свойствами, формами, методами и определенными уровнями организации»³.

В демократическом обществе важнейшая политико-социализационная задача СМИ – массовое внедрение ценностей, основанных на уважении закона и прав человека, обучение граждан мирно разрешать конф-

² См.: *Усманова Е.Ф.* Роль средств массовой информации в процессе формирования правовой культуры и гражданского общества // *Вопросы современной юриспруденции.* – 2015. – № 7-8 (48). – С. 73-76.

³ *Левченко А.Е.* Формы и методы воздействия СМИ на общественное сознание. – М.: ИНФА-М., 2000. – С. 67.

ликты, не ставя под сомнение общественный консенсус по основополагающим вопросам государственного устройства⁴.

Информационная, образовательная и социализационная деятельность позволяют СМИ выполнять функцию критики и контроля. Эту функцию в политической системе осуществляют не только масс-медиа, но и оппозиция, а также специализированные институты прокурорского, судебного и иного контроля. В демократическом обществе в осуществлении контрольной функции СМИ опираются как на общественное мнение, так и на закон. Они проводят собственные журналистские расследования, после публикации результатов, которых, порой создаются специальные парламентские комиссии, заводятся уголовные дела или принимаются важные политические решения⁵.

В советские годы наши граждане нашей страны были изолированы от мирового сообщества в сфере доступа к информации, коммуникационным потокам и даже свободному межличностному общению. Материалы в советских СМИ отбирались таким образом, чтобы у граждан не возникало сомнений в правильности действий кремлевского руководства.

Прошло двадцать пять лет с момента распада Советского Союза, но многие отголоски того времени до сих пор слышны в современных реалиях. Неудивительно также, что в словарном обиходе современного русского языка уже нашло свое устойчивое применение выражение «киселёвщина» — производное от фамилии «Киселев», которую носит небезызвестный российский журналист ВГТРК, отличающийся «однобоким» и пропагандистко-агрессивным стилем подачи информации.

В 2008 г. Д.А. Медведев обратился к Федеральному Собранию со словами, которые находят своё подтверждение и сегодня: «Между тем государственная бюрократия по-прежнему, как и 20 лет назад, руководствуется всё тем же недоверием к свободному человеку, к свободной деятельности. Эта логика подталкивает её к опасным выводам и к опасным действиям. Бюрократия берет под контроль средства массовой информации — чтобы не сказали, чего не так»⁶.

Независимые СМИ как условие демократизации общества. Информация является неиссякаемым источником власти, и её утечка может спро-

⁴ См.: Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://polbu.ru/pugachev_politology (обращение — 21.02.2016).

⁵ См.: Научно-информационный журнал «Вопросы управления» — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2011/03/4/> (обращение — 21.02.2016).

⁶ См.: Сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2008/11/05/1349_type63372type63374type63381type82634_208749.shtml (обращение — 21.02.2016).

воцировать зарождение собственного мнения о происходящем в стране в умах народных масс. Однако, право на информацию, свободу слова является естественным и неоспоримым правом человека, которое не даровано властью, хотя во многом и зависит от неё.

К сожалению, сегодня отечественное законодательство в сфере СМИ не отличается совершенством. Не редки ситуации сокрытия объективной информации должностными лицами. При этом формально им не вменяются какие-либо нарушения установленных правил помимо, пожалуй, правил морали и чести. Существуют мнения о том, что «возникшие при многих структурах пресс-центры, центры по общественным связям и другие подобные подразделения стали не посредниками взаимоотношений органов власти и средств массовой информации, а своеобразным барьером в таком общении, организационной структурой, призванной дозировать, процеживать, а иногда и исказить информацию, даже своеобразной цензурой»⁷. Информация часто становится инструментом манипулирования общественным мнением и настроением со стороны государства, что особенно остро проявляется в ходе избирательных кампаний.

Следует заметить, что процесс становления информационной демократии в нашей стране находится в зачаточном состоянии, и предстоит еще немало сделать для соответствия мировым стандартам. И, хотя законодательно независимые СМИ еще существуют на информационном пространстве нашей страны, их механизмы для реагирования на реальные проблемы граждан, озвучиваемые в интернет-пространстве и на свободных радиочастотах существенно ограничены. Таким образом, в настоящее время в России в ходе формирования гражданского общества и активной поддержки существующих процессов государством проблема СМИ и правового регулирования их деятельности стоит особенно остро.

Средства массовой информации выполняют огромную роль в процессе становления правового государства и формирования гражданской культуры. Исключительно в результате их компетентной и честной работы каждый участник общества сможет обрести навыки сотрудничества, общения, коммуникации и применять их в профессиональной среде. Это в свою очередь послужит совершенствованию российского общества и развитию гражданской активности личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левченко А.Е. Формы и методы воздействия СМИ на общественное сознание. – М.: ИНФА-М., 2000.

⁷ См.: Судебная палата по информационным спорам при Президенте РФ. – М., 1997.

2. Научно-информационный журнал «Вопросы управления» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vestnik.uara.ru/ru/issue/2011/03/4/> (обращение – 21.02.2016).
3. Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://polbu.ru/pugachev_politology/ (обращение – 21.02.2016).
4. Резник Ю.М. Гражданское общество в современной России: проекты и возможности их реализации // Личность. Культура. Общество. 2006. Т. 8. Спец. вып. 1 (33). – С. 80-89.
5. Резник Ю.М. Гражданское общество как социокультурный проект современной России: возможности и парадоксы реализации // Управленческое консультирование: Научно-практ. журнал. 2006. № 1. – С. 55-73.
6. Резник Ю.М. Возможно ли гражданское общество? Парадоксы и перспективы гражданственности в России // Цивилизации народов Поволжья и Приуралья: Сбор. Научных трудов. Т. IV. – Чебоксары, ЧГПУ, 2006. – С. 9-22.
7. Резник Ю.М. Проекты гражданского общества в современной России: возможности и парадоксы реализации // Социальные проблемы развития белорусского общества в условиях глобализации. – Минск, 2006. – С. 26-38.
8. Резник Ю.М. Гражданское общество в современной России: проекты и возможности их реализации // Гражданское общество: теория и практика. Ежегодник. 2007. Вып. 1. / Под ред. Г.Н. Григорьева и Ю.М. Резника. – Чебоксары: ЧГПУ, 2008. – С. 23-47.
9. Резник Ю.М. Гражданское общество: трансформация моделей существования (от рационализма к трансперсонализму) // Личность. Культура. Общество. 2012. Т. XIV. Вып. 1 (№№ 69-70). – С. 123-139.
10. Резник Ю.М. В поисках новой гражданской общественности // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 320. № 6. – С. 106-112.
11. Резник Ю.М. На пути к постгражданской общественности // Управление мегаполисом. 2012. № 3. – С. 35-47.
12. Сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2008/11/05/1349_type63372type63374type63381type82634_208749.shtml (обращение – 21.02.2016).
13. Судебная палата по информационным спорам при Президенте РФ. – М., 1997.
14. Усманова Е.Ф. Роль средств массовой информации в процессе формирования правовой культуры и гражданского общества // Вопросы современной юриспруденции. – 2015. – № 7-8 (48). – С. 73-76.

Раздел III. Переводы

ГАРОЛЬД ГАРФИНКЕЛЬ

УСЛОВИЯ УСПЕШНЫХ ЦЕРЕМОНИЙ ПРИНИЖЕНИЯ*¹

Аннотация: В статье рассматриваются общие структурные условия и коммуникативные тактики, лежащие в основе успешного понижения в статусе. Отмечается, что в этом процессе затрагивается тотальная идентичность понижаемого в статусе лица, и демонстрируется, что в ходе успешной церемонии унижения осуществляется полное реконституирование идентичности нарушителя и превращение его в «чужого», «аутсайдера».

Abstract: In the paper general structural conditions and communicative tactics laying at the basis of successful status degradation ceremonies are considered. It is noted that this process involves the total identity of a degraded person, and it is demonstrated that in the course of successful degradation ceremony complete reconstitution of perpetrator's identity is accomplished, with making a "stranger", or "outsider" of him.

Ключевые слова: церемонии понижения в статусе, тотальная идентичность, коммуникативная работа, тактики унижения.

Keywords: status degradation ceremonies, total identity, communicative work, degradation tactics.

От переводчика. Небольшая статья «Условия успешных церемоний понижения» (1956) — первая публикация Г. Гарфинкеля. Будущие очертания этнометодологии в ней еще только угадываются, но она интересна не только этим. В ней отражаются некоторые влияния, важные для Гарфинкеля на ран-

* Перевод выполнен по источнику: *Garfinkel H. Conditions of Successful Degradation Ceremonies // American Journal of Sociology. — 1956. — Vol. 61. — N 5. — P. 420-424.*

¹ Автор искренне благодарит Эрвинга Гоффмана (Национальный институт психического здоровья, Бетесда, шт. Мэриленд) и Шелдона Мессинджера, докторанта-стажера Совета по социально-научным исследованиям (Калифорнийский университет, Лос-Анджелес) за критические замечания и редакционные предложения.

нем этапе его работы, но позднее трудно прослеживаемые. Прежде всего это касается модели анализа коммуникативных процессов, разработанной Г. Бейтсоном; она используется во второй части статьи, а наиболее развернутую форму приобретает в описании структуры игр в статье «Понятие “доверия”: доверие как условие стабильных согласованных действий и его экспериментальное изучение» (1963). Кроме того, мы находим здесь ссылки на К. Бёрка, от моделей анализа которого, особенно от «перспективы несообразности» (или иронии), этнометодология позже подчеркнута отошла, по контрасту с подходом, разработанным Э. Гоффманом, у которого эта перспектива оказывается основополагающей. Статья о церемониях унижения (или принижения) очень близка к тематике гоффмановских исследований взаимодействия лицом-к-лицу и предполагает возможность движения как в сторону этнометодологии, так и в сторону гоффмановской социологической иронии. Наконец, в этой статье Гарфинкеля бросается в глаза эксплицитная отсылка к контексту социологии эмоций, следов которой мы позже в этнометодологии не обнаруживаем, разве что остаточные (в виде интереса к особым эмоциональным реакциям на нарушения рутинного протекания дел). Рассмотрение социально-структурного аспекта эмоций у Гарфинкеля нельзя назвать оригинальным. Примерно такие же модели структурного анализа эмоций мы можем найти, например, у таких социологов 1-й половины XX в., как Э. Вестермарк или Ч. Элвуд. Тем не менее — в свете почти полного ухода социологии эмоций в тень во 2-й половине XX в. — примечательно, что эта контекстная отсылка здесь есть.

Любая коммуникативная работа между лицами, посредством которой публичная идентичность актора преобразуется в нечто, рассматриваемое как низшее в локальной схеме социальных типов, будет называться «церемонией понижения в статусе». Наложение некоторых ограничений на это определение может повысить его полезность. Идентичности, о которых идет речь, должны быть «тотальными» идентичностями. То есть эти идентичности должны относиться к лицам как к «мотивационным», а не «поведенческим» типам², не к тому, совершения или делания чего можно ожидать от лица (в терминологии Парсонса³, к его «исполнению»), а к

² Эти термины заимствованы у Альфреда Шюца. См.: Schutz A. Common Sense and Scientific Interpretation of Human Action // Philosophy and Phenomenological Research. — 1953. — Vol. XIV. — N 1 (рус. перевод: Шюц А. Обыденная и научная интерпретация человеческого действия // Избранное: Мир, светящийся смыслом. — М.: РОССПЭН, 2004. — С. 7-50).

³ Parsons T., Shils E. Values, Motives, and Systems of Action // Parsons T., Shils E. (eds.) Toward a General Theory of Action. Cambridge: Harvard University Press, 1951 (рус. перевод: Парсонс Т., Шилз Э. Ценности, мотивы и системы действия // Парсонс Т. О структуре социального действия. — М.: Академический проект, 2000. — С. 458-562).

тому, что группа считает конечными «основаниями», или «резонами», для его исполнения⁴.

Основания, на которых участник достигает адекватного, с его точки зрения, понимания того, почему он или другой действовали именно так, как действовали, не трактуются им утилитарно. Скорее, решение о правильности вменения принимается участником в согласии с социально правомерными и институционально рекомендованными стандартами «предпочтения». В соотношении с этими стандартами он проводит решающие различия между видимостями и реальностью, истинным и ложным, тривиальным и важным, случайным и существенным, совпадением и причиной. Взятые вместе, эти основания, как и поведение, которое эти основания делают объяснимым как поведение другого лица, конституируют идентичность лица. Совокупно они конституируют другого как социальный объект. О лицах, идентифицируемых через конечные «резоны» их социально категоризированного и социально понимаемого поведения, мы будем далее говорить как о «тотально» идентифицированных. Разбираемые здесь церемонии принижения — это такие церемонии, которые связаны с изменениями тотальных идентичностей.

Предполагается, что только в полностью деморализованных обществах наблюдатель будет неспособен обнаружить такие церемонии, так как условия церемоний унижения отсутствуют только в случае тотальной аномии. Макс Шелер⁵ утверждал, что нет общества, которое не обеспечивало бы в самих чертах своей организации условий, достаточных для пробуждения стыда. Мы примем здесь в качестве аксиомы, что нет общества, социальная структура которого не создавала бы в своих рутинных чертах условий для принижения идентичности. Насколько универсальны для всех обществ, в силу самой их организованности, структурные условия стыда, настолько же универсальны для всех обществ и структурные условия статусного унижения. В этой рамке решающий вопрос состоит не в том, происходит ли и может ли происходить в любом данном обществе понижение в статусе. Вместо этого, он звучит так: какая программа коммуникативных тактик, при любом исходном состоянии организации общества, будет выполнять работу по понижению в статусе?

⁴ См. работы Кеннета Бёрка, в особенности: *Burke K. Permanence and Change*. Los Altos, Calif.: Hermes Publications, 1954; *A Grammar of Motives*. New York: Prentice-Hall, Inc., 1945 (избранные главы в рус. переводе см.: *Бёрк К. Грамматика мотивов // Социальные и гуманитарные науки*. Сер. 11. Социология. 2006. — № 2-4).

⁵ *Williams R.H. Scheler's Contributions to the Sociology of Affective Action, with Special Attention to the Problem of Shame // Philosophy and Phenomenological Research*. 1942. Vol. II. N 3. P. 348-358.

Прежде всего, нужно будет ответить, хотя бы предварительно, на два вопроса: *Что поведенческое мы имеем в виду, предлагая считать продуктом успешной работы по унижению измененную тотальную идентичность? И что надо помыслить, чтобы работа по понижению в статусе совершалась сама собой или принималась в качестве условий собственного успеха?*

I

Церемонии принижения находятся в ведении социологии морального негодования. Моральное негодование — социальный аффект. Грубо говоря, оно является частным случаем класса чувств, специфичного для более или менее организованных способов, развиваемых людьми по мере того, как они проживают свои жизни в компании друг друга. Стыд, чувство вины и скука — другие важные примеры таких аффектов.

Любой аффект имеет свою поведенческую парадигму. В случае стыда она обнаруживается в уходе и прикрытии той части тела, которая социально определяет публичный облик человека; в нашем обществе это, прежде всего, глаза и лицо. Парадигма стыда обнаруживается, кроме того, в выражениях, обозначающих выведение Я из публичного поля обзора, т.е. уход от взгляда и оценки публично идентифицированного другого: «Я готов был провалиться сквозь землю; я хотел убежать и спрятаться; я хотел, чтобы земля разверзлась и поглотила меня». Чувство вины находит свою парадигму в поведении, воплощающем самоотречение: отвращении, отказе от дальнейшего контакта с чем-то или уходе от чего-то, в физическом или символическом отторжении чужеродного тела, например, когда мы кашляем, вздыхаем, давимся, плюем, когда нас рвет и т.п.

Парадигмой морального негодования является *публичное* осуждение. Мы публично извергаем проклятья: «Призываю всех людей в свидетели, что он вовсе не такой, каким кажется, а человек иного и, *в сущности*⁶, низшего типа».

Социальные аффекты выполняют различные функции как для лица, так и для коллектива. Первоочередной функцией стыда для человека является оберегание эго от дальнейших ударов посредством полного выведения его из контакта с внешним миром. Для коллектива стыд служит «индивидуатором». Каждый в свое время переживает стыд.

Моральное негодование позволяет вызвать ритуальное разрушение осуждаемого лица. В отличие от стыда, не связывающего людей воедино,

⁶ Человек, от руки которого умер ближний, становится «убийцей». Человек, передающий информацию врагам, является реально, т.е. «в сущности», «в первую очередь», «всецело», «в конечном счете», «изначально», осведомителем (informer).

моральное негодование может укреплять групповую солидарность. На рынке и в политике церемонию унижения необходимо считать секулярной формой причащения. Структурно церемония унижения очень похожа на церемонии утверждения и повышения в должности. Как такая церемония может связать людей с коллективом, мы увидим, когда обратимся к условиям успешного осуждения. Сейчас же нас интересует смысл ритуального разрушения.

В утверждении о том, что моральное негодование вызывает ритуальное разрушение осуждаемого лица, «разрушение» следует понимать буквально. Трансформация идентичности — это разрушение одного социального объекта и конституирование другого. Эта трансформация не включает в себе такой замены одной идентичности другой, при которой термины старой слоняются где-то рядом как не замечаемые части новой сборки; так женщина, которую мы видим в витрине универмага, оказавшись манекеном, уже не несет с собой возможностей женщины. Нельзя сказать, что старый объект был тщательно проверен; скорее, он замещается другим. Тогда говорят: «*Ну вот, все вообще было иначе*».

Работа по осуждению вызывает переработку объективного характера, воспринимаемого другого: Другой человек становится в глазах его хулителей в буквальном смысле иным, *новым* человеком. Не то чтобы к старому «ядру» добавляются новые атрибуты. Он не изменяется, он реконструируется. Прежняя идентичность, в лучшем случае, получает акцент просто видимости. В социальной калькуляции репрезентаций реальности и ее проверки прежняя идентичность становится случайной, а «базовой реальностью» оказывается новая идентичность. То, чем он является сейчас, есть то, чем он, «в конечном счете», был всегда⁷.

Публичное осуждение вызывает такую трансформацию сущности, заменяя старую социально одобренную мотивационную схему именования и упорядочения исполнений осуждаемого другой схемой. В соотношении с этой новой социально одобренной мотивационной схемой как существенными основаниями, т.е. *первыми началами*, и должны теперь, согласно свидетелям, правильно и необходимо пониматься исполнения этого человека — прошлые, настоящие и будущие⁸. Благодаря интерпре-

⁷ В риторике осуждения обычно выделяются две темы: (1) ироническая связь между тем, чем осуждаемый казался раньше, и тем, чем он видится реально сейчас, когда в качестве стандарта принята новая мотивационная схема; и (2) перепроверка и переопределение корней осуждаемого. О социологической значимости связи между интересом к сущности и интересом к корням см., в особенности, у Кеннета Бёрка в «*Грамматике мотивов*».

⁸ Хотя такие конструкции, как «по существу то-то» или «в сущности своей то-то», были изгнаны из области научного дискурса, такие конструкции занимают видное и почетное

тативной работе, уважающей это правило, осуждаемое лицо становится в глазах свидетелей другим человеком.

II

Как можно произвести успешное осуждение?⁹

Чтобы быть успешным, осуждение должно переопределить ситуации тех, кто является свидетелем работы по осуждению. Обвинитель, обвиняемая сторона (назовем этого участника «виновным») и вещь, которая отрицается в лице виновного (назовем ее «событием»), должны быть трансформированы следующим образом¹⁰:

1. Как событие, так и виновный должны быть выведены из царства их повседневности и сделаны выходящими «за рамки обыденного».

2. Как событие, так и виновный должны быть помещены в схему предпочтений, проявляющую следующие свойства:

А. Предпочтения должны отдаваться не событию А перед событием В, а событию *tuna* А перед событием *tuna* В. Эта же типизация должна быть совершена в отношении виновного. Событие и виновный должны быть определены как частные случаи некоего единообразия и должны трактоваться как единообразие на протяжении всей работы по осуждению.

место в теориях мотивов, личностей и действия, используемых при работе с делами повседневной жизни. Можно привести доводы в оправдание гипотезы, что конструкции такого рода могут быть потеряны для «терминологии мотивов» группы лишь при условии, что будет подвешена релевантность социально санкционированных теорий практических проблем. Это может произойти, когда межличностные отношения тривиальны (например, во время игры) или, что интереснее, при острой деморализации системы деятельностей. В таких организационных состояниях частота статусного понижения низкая.

⁹ Поскольку статья короткая, неизбежен риск, что вследствие исключения некоторых соображений трактуемые темы могут показаться преувеличенными. Было бы желательно, например, принять во внимание множество препятствий, которые будут возникать на пути поклёпов, право на осуждение и неравномерное распределение этого права, а также способы, которыми обвинение, коль скоро оно выдвинуто, может перерастать в кровную заинтересованность и входить в контексты экономических и политических выгод. Кроме того, есть вопросы, группирующиеся вокруг подходящих арен осуждения. Так, в нашем обществе племенной совет скатился до второстепенной значимости; в кругу обывателей осуждение уступило место жалобе властям.

¹⁰ Это эффекты, на совершение которых должны быть ориентированы коммуникативные тактики обвинителя. Иначе говоря, в той мере, в какой тактики обвинителя осуществляют переупорядочение определений ситуации для свидетелей обвинительных исполнений, обвинителю будет удаваться произвести трансформацию публичной идентичности своей жертвы. Список условий этого принижающего эффекта представляет детерминанты этого эффекта. Рассматриваемые в схеме рационально преследуемого проекта, они являются адекватными средствами. Остается выбрать тактику, обеспечивающую их эффективность при осуществлении указанных эффектов.

Уникальное, никогда не повторяющееся качество события или виновного должно быть потеряно. Аналогичным образом, любой смысл случайности, совпадения, непредопределенности, шанса или мгновенного* проявления должен быть не просто минимизирован. В идеале, такие измерения должны быть немислимы; по меньшей мере, они должны быть сделаны ложными.

Б. Свидетели должны оценить характеристики типизированного лица и события, соотнеся этот тип с его диалектической противоположностью. В идеале, свидетели не должны быть способны помыслить черты осуждаемого лица без соотнесения с контрконцепцией, подобно тому, как профанность явления, желания или черты характера, например, проясняется референцией к ее противоположности, священному. Черты жестокого убийцы обратны чертам мирного гражданина. Признания «красного» могут быть прочтены как противоречащие всем смыслам патриотизма. Контрастов много, и любой агрегат свидетелей по эту сторону всеобъемлющей войны каждого против всех будет иметь в избытке подобные схемы для производства «знакового», «естественного», «правильного» упорядочения мотивов, качеств и других событий.

Из таких контрастов мы должны уяснить следующее. Чтобы осуждение возымело эффект, схема не должна давать свидетелю возможность выбирать предпочитаемое. Альтернативы должны быть такими, чтобы предпочитаемое совпадало с морально требуемым. Все должно быть устроено так, чтобы правильность, или обоснованность, его выбора поддерживалась тем фактом, что он его делает¹¹. Схема альтернатив должна быть такая, чтобы налагались ограничения на осуществление им «сознательного» выбора. Не преуспеет осуждение и в том случае, если свидетель свободен заглянуть дальше того факта, что он делает выбор, и искать доказательств того, что была выбрана правильная альтернатива, например, взяв в качестве критерия эмпирические последствия этого выбора. Альтернативы должны быть такими, чтобы он, «выбирая», принимал как само собой разумеющееся и без всяких мотивов для сомнения то, что невыбор чего-то может означать только предпочтение его противоположности.

3. Обвинитель должен так идентифицироваться со свидетелями, чтобы они во время осуждения рассматривали его не как частное лицо, а как лицо публично известное. Он не должен изображать себя действующим в соответствии со своим личным, уникальным опытом. Скорее, он должен

* В оригинале очевидная опечатка: *monetary* вместо *momentary*. — Прим. пер.

¹¹ Ср.: Bateson G., Ruesch J. Communication: The Social Matrix of Psychiatry. — New York: W.W. Norton & Co., 1951. — P. 212-227.

считаться действующим как публичная фигура, опирающаяся на общий и проверенный опыт. Он должен действовать как добросовестный участник племенных отношений, к которым свидетели себя причисляют. То, что он говорит, не должно рассматриваться как истинное для него одного, даже в том смысле, что оно могло бы считаться обвинителем и свидетелями чем-то таким, насчет чего они могли бы достичь согласия. Ни в коем случае нельзя прибегать к конвенции истинного-для-разумных-людей, разве что в сугубо ироничном смысле. То, что говорит обвинитель, должно рассматриваться свидетелями как истинное на основаниях социально используемой метафизики, благодаря которой свидетели полагают, что они и обвинитель по существу схожи¹².

4. Обвинитель должен сделать доступным для взора и бросающимся в глаза достоинство надличностных ценностей племени, и его слова осуждения должны произноситься от их имени.

5. Обвинитель должен сделать так, чтобы он был наделен правом говорить от имени этих высших ценностей. Успех осуждения будет сорван, если обвинитель в обоснование своего полномочия обвинять ссылается на личные интересы, которые он, возможно, приобрел в силу того, что ему или кому-то другому было причинено зло. Скорее, он должен использовать это зло, которое он претерпел как племенной член, для обретения полномочия говорить от имени этих высших ценностей.

6. Обвинитель должен добиться, чтобы свидетели определили его так, что он оказался бы помещен ими в позицию столпа этих ценностей.

7. Не только обвинитель должен зафиксировать свою дистанцию от осуждаемого лица, но и свидетелей надо заставить ощутить их дистанцию от него.

8. Наконец, осуждаемое лицо должно быть ритуально отделено от места в легитимном порядке, т.е. должно быть определено как находящееся в месте, противоположном ему. Оно должно быть помещено «вовне», должно быть сделано «чуждым».

Таковы условия, которые должны быть выполнены для успешного осуждения. Если они отсутствуют, осуждение не удастся. Какова бы ни была ситуация, когда входит обвинитель, ему, чтобы успешно понизить в статусе другого человека, необходимо ввести в ситуацию эти черты¹³.

¹² Для добросовестных членов это не основания, на которых мы согласны друг с другом, а основания, на которых мы *схожи*, слеплены из одного теста, имеем одно происхождение.

¹³ Никакие из проблем возможных коммуникативных или организационных условий их эффективности здесь систематически не обсуждались. Но проблема коммуникативной тактики в церемониях принижения вырисовывается в свете систематически связанных концепций. Эти концепции можно перечислить в следующих утверждениях:

Не все церемонии принижения осуществляются в соответствии с публично предписанными и публично одобренными мерами. Ссоры, которые нацелены на оскорбление оппонента посредством личной инвективы, могут достигать принижения в ограниченном масштабе. В эту форму причащения одновременно включаются сравнительно немногие лица, мало кто извлекает из нее пользу, а факт участия не дает свидетелю такого определения другого, которое выходило бы в своей стандартизации за пределы конкретной группы или сцены его проявления.

Механизмы достижения принижения варьируют в своих особенностях и эффективности в зависимости от организации и работы системы действия, в которой они проявляются. В нашем обществе арена принижения, продукт которой, переопределенное лицо, пользуется широчайшей переносимостью из одних групп в другие, рационализована, по крайней мере в той части, которая касается институциональных мер его осуществления. Суд и его служащие имеют что-то вроде законной монополии на такие церемонии, и там они стали профессиональной рутинной. Этому можно противопоставить принижение, предпринимаемое в качестве непосредственного родственного или племенного обязательства и осуществляемое теми, кто, в отличие от наших профессиональных униженителей в судах, приобретают как право, так и обязательство заняться им

-
1. Определение ситуации свидетелями (для простоты будем использовать букву S) уже несет в себе временное ограничение.
 2. S в t_2 является функцией S в t_1 . Эта функция описывается как оператор, который трансформирует S в t_1 .
 3. Этот оператор мыслится как коммуникативная работа.
 4. Для успешного осуждения требуется, чтобы S в t_2 проявило специфические свойства. Они были уточнены выше.
 5. Задача обвинителя состоит в том, чтобы изменить S свидетелей так, чтобы эти S проявили указанные специфические свойства.
 6. Решение относительно «рациональности» тактик обвинителя, т.е. адекватности их как средств создания набора трансформаций, необходимого для того, чтобы произвести трансформацию идентичности, принимается в соответствии с правилом, что величина расхождения между задуманным и действительным эффектом коммуникативной работы детерминируется организационными и операциональными свойствами коммуникативной сети (социальной системы). Иначе говоря, вопрос состоит вовсе не в темпоральном источе ситуации, а всегда и только в том, как она изменяется во времени. Рекомендуется считать, что определение ситуации во время 2 является функцией определения во время 1, где эта функция состоит в коммуникативной работе, понимаемой как набор операций, благодаря которым измененная ситуация во время 1 оказывается ситуацией во время 2. В терминах стратегии, данная функция состоит в программе процедур, которой должен следовать обвинитель, чтобы произвести изменения состояния S_{t_1} в S_{t_2} . В этой статье S_{t_1} трактуется как не специфицированное состояние.

в случае, если сами они являются пострадавшими сторонами или родственниками пострадавших сторон.

Факторы, обуславливающие эффективность тактик принижения, даны в организации и операции системы действия, внутри которой принижение происходит. Например, правила временной привязки, которые обеспечивают серийные или взаимные «разговоры», прямо связаны с теми видами тактик, которые можно было бы всячески рекомендовать к использованию. Тактики, целесообразные для обвиняемого, могущего ответить на обвинение сразу, как только оно против него выдвигается, находятся в контрасте с теми, которые показаны человеку, вынужденному ожидать произнесения всего обвинения, прежде чем ответить. Контакт лицом-к-лицу — это иная ситуация, нежели та, в которой осуждение и ответ передаются по радио или через газету. Должно ли осуждение совершаться в рамках одного события или же осуществляться через последовательность «попыток», такие факторы, как территориальные распределения и движения лиц на сцене осуждения, число лиц, втянутых в дело в качестве обвиняемых, унизителей и свидетелей, статусные притязания соперников, распределения престижа и власти между участниками — все это должно оказывать влияние на исход.

Короче говоря, факторами, которые обуславливают успех работы по принижению, являются те факторы, на которые мы указываем, когда мыслим действия некоторого множества лиц как управляемые группой. Мы назвали лишь некоторые из самых очевидных структурных переменных, от которых можно ждать, что они будут предикторами характеристик коммуникативных тактик осуждения. Они говорят нам не только о том, как сконструировать эффективное осуждение, но и о том, как сделать осуждение бесполезным.

Пер. с англ. В.Г. Николаева

Contents (in Russian)	3
GUROV V.S. (<i>Ryazan</i>) To anniversary symposium: Address	5
REZNIK Yu.M. (<i>Moscow</i>) Human being in the universe of possibilities: A project approach (Introduction)	9

PART I. Problems of theory and methodology

HUMAN BEING AND HORIZONS OF POSSIBLE

GRECHKO P.K. (<i>Moscow</i>) Human being: Toward a problem of self-designing	25
PELIPENKO A.A. (<i>Moscow</i>) Toward a problem of constructing a spatiotemporal continuum in a myth	35
PEREPYOLKIN L.S. (<i>Moscow</i>) Anthropic principle and formation of human-scale future	51
REZNIK Yu.M. (<i>Moscow</i>) A possible in human being: From analysis towards project	63

SOCIETY AS A SPACE OF HUMAN POSSIBILITIES

GLUKHOVA O.Yu. (<i>Cheboksary</i>) The “fourth dimension” of social system: Toward a problem of human scale of global community	89
MIKHAYLOV I.F. (<i>Moscow</i>) Human choice as a social project: A “network” approach	107
OREKHOV A.M. (<i>Moscow</i>) Justice: Normative theory and projects of implementation	119
POPKOV V.V. (<i>Yekaterinburg</i>) Constructivism and plurality of economic theories ..	129
REZNIK T.E. (<i>Moscow</i>) Toward a problem of designing a national-oriented system of professional education: A sociohumanitarian approach	152
SCHERBINA V.V. (<i>Moscow</i>) Population-selection model of organization development	182

PART II. Reports

ONTOLOGY AND DESIGNING

ALEKHNOVICH A.S. (<i>Moscow</i>) Existential consciousness in a human being as a problem of philosophic analysis and designing	206
BEKAREV A.M. (<i>Nizhny Novgorod</i>) On ontology of possession	216
GLUKHOVA O.Yu. (<i>Cheboksary</i>) Plato, Aristotle and 21st-century person: On origins of categorical projecting	222
LUGOVYKH I.V. (<i>Moscow</i>) The problem of sense of human existence: An anthropocentric approach	228
SKORKIN O.A. (<i>Moscow</i>) Ontology in designing the systems of information technologies in education	236

DESIGNING IN CIVIL SOCIETY

KLINKOVSKAYA Yu.Ya. (<i>Ryazan</i>) Civil society as a factor in a democratization of the State	242
LISINA E.A. (<i>Ryazan</i>) The role of family in forming the civil competence of Russians	250
STEPANOV N.A. (<i>Ryazan</i>) Designing the system of value-orientations and strategies of schoolchildren as a line of professional activity of social care teacher ..	258
FATINA D.D. (<i>Ryazan</i>) The role of mass-media in forming the modern civil society	267

PART III. Translations

GARFINKEL H. Conditions of successful degradation ceremonies (<i>trans. V.G. Nikolaev</i>)	273
Contents (in English)	283

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ: НАУЧНЫЙ АЛЬМАНАХ. Том VIII. Вып. 1-2. 2015-2016. ЧЕЛОВЕК В МИРЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ: ОБРАЗЫ БУДУЩЕГО / Институт философии РАН, Научно-координационный совет по философским проблемам социальной теории; Под редакцией Ю.М. Резника. – М.: Издательство Независимого института гражданского общества, 2016. – 288 с.

Editorial board: Yu.M. Reznik (Moscow, IF RAS), V.G. Nikolaev (Moscow, NRU HSE), N.A. Stepanov (Ryazan, RSRTU).

ISSUES OF SOCIAL THEORY: ALMANAC. Vol. VIII. Issue 1-2. 2015-2016. THE HUMAN BEING IN THE UNIVERSE OF POSSIBILITIES: IMAGES OF FUTURE / Institute of Philosophy RAS, Scientific Coordinative Council on Philosophical Problems of Social Theory; Ed. by Yu.M. Reznik. – Moscow: Independent Institute of Civil Society Press, 2016. – 288 p.

The almanac is a theoretical appendix to journal «Personality. Culture. Society». It's also the edition of Scientific Coordinative Council on Philosophical Problems of Social Theory founded at the Institute of Philosophy of RAS. It publishes papers of famous home and foreign authors prepared exclusively for this almanac.

This volume contains the materials of the 10th Interdisciplinary Scholar Symposium «Social theory and problems of humanitarian education in post-Soviet space» (Ryazan, April 2016). It is devoted to problems of humanization of the world, in which a person discovers new possibilities for his/her existence.

Almanac is addressed to research workers, teachers, post-graduates and students in social and humanitarian specialties in higher education institutions, and also to specialists concerned with methodological problems of designing.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
 ПИ № ФС77-48892 от 12 марта 2012 г. Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Адрес редакции: 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Институт философии РАН. Научно-координационный совет по философским проблемам социальной теории.

Компьютерная верстка: М.В. Николаев

Сдано в набор: 15.02.2016. Подписано в печать: 15.03.2016. Формат 60/90 1/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. – 18. Тираж 500 экз.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
